

Владимир Устинов

ОБВИНЯЕТСЯ ТЕРРОРИЗМ

От издательства

Владимира Устинова — Генерального прокурора Российской Федерации, координатора деятельности руководителей федеральных правоохранительных органов по борьбе с преступностью, в том числе и с терроризмом, представлять широкой читательской аудитории было бы излишним. Биография этого человека хорошо известна. В юридических и общественных кругах его имя уже давно ассоциируется с решительной активной борьбой с внутренним и международным терроризмом, с экстремизмом в разных формах его проявления, с борьбой против незаконных вооруженных формирований на Северном Кавказе, с восстановлением порядка и безопасности в этом взрывном регионе России. Нынешний Генпрокурор страны — один из наиболее авторитетных знатоков нравов, обычаев, истории Северного Кавказа и населяющих его народов. И неслучайно он работал здесь в течение многих лет, до вступления на нынешний пост, был заместителем Генпрокурора РФ, курировавшим этот регион. Его выступления в различных средствах массовой информации России и за рубежом, интервью представителям информационных агентств, радио, телевидения, газет и журналов, придерживающихся порой полярных точек зрения и политической направленности, отличались особой твердостью позиции.

Именно эти качества Владимира Васильевича Устинова — юриста, теоретика и практика, высшего должностного лица Генпрокуратуры — и побудили издательство «Олма-Пресс» обратиться к Генеральному прокурору страны с просьбой написать книгу на одну из самых актуальных тем современности — о борьбе с терроризмом, представляющим особую опасность для судеб мира и всего человечества.

На наш взгляд, не только события 11 сентября 2002 года в Нью-Йорке послужили особым тревожным сигналом для поднятия всех сил прогрессивной международной общественности на борьбу с терроризмом, национальным и международным. Кошмару в Америке, как мы очень хорошо знаем, предшествовали кровавые события в Чечне, террористические акции бандитских вооруженных формирований в Дагестане и других районах России.

Владимир Устинов поддержал государственное обвинение по делу С. Радуева, и это участие Генпрокурора России в процессе, проходившем в столице Дагестана, стало не только важным юридическим актом, но и достойным прецедентом, событием в новейшей истории.

Издательство выражает искреннюю благодарность В. В. Устинову за предоставление рукописи, в которой своевременно отобразены все опасности террористических действий.

С терроризмом все страны мира должны бороться совместными силами. Таков лейтмотив книги Генерального прокурора России.

Глава первая

Терроризм — форма современного фашизма

Генуэзская репетиция нью-йоркского варианта трагедии

Когда в середине 2001 года в Генуе (Италия) встретились главы государств ведущих индустриальных стран — «Группы восьми» — в связи с саммитом были предприняты самые беспрецедентные меры безопасности по всему периметру исторического центра столицы Лигурии. И не только из-за опасения массовых беспорядков, которые обещали устроить так называемые «антиглобалисты». Существовала реальная угроза подвергнуться атаке — атаке террористов. Именно такое обещание публично дал Усама бен Ладен, еще раньше объявивший войну США. Один из запланированных вариантов исполнения угрозы заключался в том, чтобы направить на зал, где проходила встреча, гражданский самолет...

Как известно, в июне 2001 года беспорядки в Генуе были, но все обошлось с минимальными жертвами. Погиб один человек. Профессиональная ли работа спецслужб, отсутствие ли реальных возможностей для осуществления плана либо временная отсрочка исполнения угрозы тому была причиной? Неизвестно. Однако не прошло и трех месяцев, как страшный «заказ» был выполнен, причем в масштабах, превосходящих все самые худшие предположения и ожидания. События 11 сентября 2001 года потрясли мир. Террористы в очередной раз доказали, что представляют собой реальную угрозу, от которой не застрахована ни одна страна мира. Ни самое совершенное оружие, ни мощная экономика, ни внутренняя сплоченность общества не могут противостоять непредсказуемой по своей жестокости и бесчеловечности тактике террористов.

И еще взрывы 11 сентября доказали, что терроризм стал самостоятельной и глобальной политической и военной силой. Взращенный на противоречиях между странами, терроризм повернул свое оружие даже не против конкретного правительства, а против всей Западной цивилизации как таковой. Превращение терроризма в постоянно действующий и активно используемый фактор политической борьбы как на международной арене, так и внутри отдельных государств стало со второй половины XX века уже не просто опасной перспективой, а реальностью.

Террористические атаки сейчас нередко в прессе называют войной. И это — не преувеличение. Именно так США и их союзники по НАТО узаконили это определение и реализовали свое право ответа на агрессию. В соответствии со статьей 51 Устава ООН, мировое сообщество расценило как преступления действия Усамы бен Ладена и стоящей за ним Аль Каиды, а также давших им убежище на территории Афганистана руководителей движения «Талибан». Ответные удары, пришедшиеся на Афганистан, были направлены не против этой страны. США официально объявили войну не государству, а террористической организации. И это произошло впервые в истории человечества.

Эти события заставили всех по-новому взглянуть на проблемы борьбы с международным терроризмом и на межгосударственное сотрудничество в борьбе с терроризмом. Необходимость выработки согласованного ответа террористам со стороны мирового сообщества потребовала еще раз оценить всю совокупность имеющихся в распоряжении государств мер противодействия растущей угрозе международного терроризма, проанализировать специфику, эффективность и границы их применения. Для соответствующих целей резолюцией Совета Безопасности ООН № 1373 был создан специальный антитеррористический комитет.

Но проблемы контроля над международным терроризмом — это не только проблемы правоприменительной практики. Они неразрывно связаны с определением его основных характеристик, закономерностей возникновения и развития, разграничением с другими формами насилия и, в конечном счете, с проблемой дефиниции самого терроризма. Феномен терроризма имеет много аспектов. Это и проблема юридической квалификации, и определение социально-деструктивных функций, и политологический анализ, и социально-психологическая оценка его причин и следствий; это, наконец, и выявление исторических корней.

Последние события заставили более прагматично, осознавая, что следующей целью террористов может быть любая страна, подойти к этой сложнейшей проблеме, окончательно поставить терроризм вне закона. Однако это едва ли возможно без определения его положения в системе координат различных форм политической борьбы и идеологически мотивированного насилия.

Россия сразу после 1991 года столкнулась с проблемой правовой квалификации насильственных форм разрешения конфликтов. Наша страна, как никто другой, на собственном опыте испытала пагубность иллюзий в отношении истинных намерений террористов, лживость их лозунгов, которыми они прикрывают преступные по своей природе действия. Но кроме внутренних правовых и организационно-функциональных сложностей борьбы с терроризмом, премудрости которой ей пришлось постигать, что называется, с листа, России пришлось столкнуться с непониманием и осуждением ее действий со стороны ряда зарубежных стран, где все меры России представлялись как «негуманные в средствах, неадекватные угрозе и чрезмерные по интенсивности ответа». Конечно, в ходе первых лет развития конфликта в Чеченской Республике федеральными властями были допущены ошибки. Они стоили человеческих жизней с обеих сторон, приводили к росту недоверия со стороны части местного населения. Сегодня, оглядываясь назад, мы понимаем, что во многом ошибки происходили от слабого знания местных условий, специфики терроризма и мер противодействия ему. Кроме того, ряд ошибок был намеренно спровоцирован противной стороной, действия которой управлялись внешними и внутригосударственными идейными вдохновителями и спонсорами, более искушенными в терроризме и экстремизме как формах политической борьбы. Сейчас, по прошествии уже десяти лет с момента начала конфликта на территории Чечни, когда многие страны вынуждены обратиться к переоценке размеров и характера террористической угрозы, возможностей и потребностей ответа на нее со стороны отдельных государств и всего мирового сообщества, необходимо определить с точки зрения международного права насильственные вооруженные действия в Северо-Кавказском регионе и прежде всего в Чеченской Республике. Объективная правовая оценка данных событий настоятельно необходима как в интересах скорейшей стабилизации политической ситуации в регионе, так и для завершения работы над созданием государственной стратегии контроля над терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом. В этих же целях разумно и создание соответствующей эффективной законодательной и институциональной базы.

Это особенно актуально в свете терактов в различных районах мира. Они подтвердили, что терроризм действительно превратился в многоаспектный, в высокой степени опасный и долговременный фактор развития современного общества. Терроризм оказывает серьезное дестабилизирующее воздействие, ставит под угрозу сами условия прогрессивного развития всего человечества. К этому мнению пришли как ученые — юристы, историки, так и практики, политики.

В исследованиях разных аспектов терроризма подчеркивается его многогранная природа, что затрудняет выработку на международном уровне единого определения самого феномена терроризма. Отдельные исследователи пытаются акцентировать внимание на том обстоятельстве, что следует четко разграничить такие понятия, как «насилие», «экстремизм», «война» и «терроризм». Существующая размытость границ и расширительное толкование терроризма негативно влияет на согласованную оценку тех или иных насильственных актов, а следовательно, и на сотрудничество государств в деле пресечения терроризма.

Как социально-политическое явление терроризм (в том числе международный) — одна из форм насильственной политической борьбы, которая нарушает основные принципы и нормы международного права и международной морали. По совокупности организационно-тактических характеристик терроризм — это насилие, носящее системный, наступательный и массовый характер, использующее тактику непредсказуемых атак с целью нагнетания страха и отличающееся бивалентностью объекта воздействия, различными способами действий.

В силу присущего международному терроризму характера повышенной общественной опасности террористические акты причисляют и к международным преступлениям уголовного характера. Заведомая нелегитимность насилия, характерного для терроризма, ставит его вне рамок правомерных средств политической борьбы, и никакие ссылки «на политическую природу» данного насилия не могут служить ему оправданием.

В современной международной практике борьбы с терроризмом наблюдается очевидная диспропорция возможностей. Государству практически отказано в праве защищать себя. Группы или организации, ведущие насильственную борьбу, оказываются в неоправданно выгодном положении. Формы ответа этим группам со стороны собственно государства резко ограничены как международным, так и внутренним правом. Что же касается лиц, осуществляющих насилие, то для них таких международных юридических ограничений не существует вообще, по крайней мере, для террористов. Вместе с тем, уже сейчас современное международное право позволяет достаточно эффективно контролировать действия государства и государств, которые прямо или косвенно

могли стать причиной всплесков насилия, воздействовать на такие действия или же предпринимать ответные (превентивные или карательные) меры в отношении государств, не соблюдающих общепризнанные международно-правовые принципы. Таким образом, международное сообщество выступает арбитром, но только по отношению к государству, которое в случае избыточного (прежде всего, с точки зрения международного гуманитарного права и прав человека) ответа на действия террористов может быть подвергнуто международному воздействию и принуждено в своих действиях придерживаться установленных норм и стандартов.

Для отражения большой опасности международного терроризма существует ряд международно-правовых и национальных мер. Их может и вправе использовать государство для защиты себя и своих граждан. Одновременно применение государством специальных полномочий, если оно не желает само опуститься до уровня террористов, должно ограничиваться определенными рамками. Прежде всего жесткие ограничения должны существовать в отношении интенсивности и направленности применяемой силы, что особенно важно для эффективного обеспечения прав гражданского населения местностей, где проводятся контртеррористические вооруженные действия. Главное требование к применению силы либеральным государством — это доктрина использования минимальной силы.

По отношению к террористическим методам ведения борьбы международное право позволяет официально признать движения или организации национально-освободительными. В этом случае на национальном и международном уровне должна быть выработана согласованная позиция. И другое: если организация относится по критериям к разряду террористических, то механизм объявления ее таковой (с соблюдением надлежащих принципов судебной защиты против возможного административного произвола) должен быть открытым, а применение в отношении таких организаций санкций предусмотрено международным правом и моралью.

Сравнительный анализ партизанской войны и терроризма позволяет сделать вывод, что, пока соблюдаются законы войны и правила вооруженных конфликтов, действия противостоящей правительству стороны должны расцениваться как партизанская война. Как только нарушение этих правил становится стратегией, выражающейся в систематических атаках на невинные жертвы и наращивании страха, — это терроризм, и оцениваться он должен «по шкале военных преступлений» (а по классификации международного права — как преступление международного характера). Граница при этом проходит по одному признаку — признание или нет законов войны. Если лица, оказывающие вооруженное сопротивление властям, признают такие законы и следуют им, тогда они заслуживают обращения как с политическими противниками. Если они отрицают их, то и обращение с ними должно быть как с военными преступниками: никаких политических переговоров, иначе как с позиций уголовного кодекса. Их объединения незаконны и запрещаются, а любая помощь таким организациям или лицам (пусть и не направленная на совершение конкретного преступления) признается пособничеством в преступлении.

Суть международного терроризма усматривается в наличии и действиях трех взаимосвязанных факторов: установление определенных (возможно, частично обоснованных и оправданных) властных устремлений у отдельных лиц, группы лиц или организаций, когда данные устремления вступают в конфликт с интересами существования и самосохранения государства; экстремистская идеология отдельного лица, группы лиц или организации в сочетании с отрицанием всяких норм морали и права, препятствующих реализации соответствующих устремлений; сознательный выбор террористического насилия для массовой пропаганды своих намерений и в качестве наиболее эффективного оружия в борьбе за власть с оппонентом — государством.

В наиболее обобщенном виде подходы к контролю над международным терроризмом предлагается разграничить по функциональному признаку на превентивный (предупреждение актов терроризма), регулятивный (устранение или смягчение проблем политическими и правовыми методами) и репрессивный (сдерживание преступности, пресечение преступлений и наказание преступников). Такая классификация в целом отражает различные стороны сложной природы терроризма: уголовно-репрессивная ориентирована на специфику борьбы с терроризмом как с преступлением; функционально-репрессивная направлена на военную составляющую терроризма; политико-экономическая — на сущность терроризма как явления социально-политической жизни, форму политической борьбы. И наконец, превентивные меры (в широком смысле) направлены на предупреждение всех проявлений терроризма.

Анализ ответов государства на терроризм демонстрирует тенденцию к асимметрии в международных оценках контртеррористических стратегии и тактики различных государств.

Некоторые оценки порой тяготеют к субъективности в зависимости от политической конъюнктуры. Примером этому может стать международная реакция на действия Великобритании в Северной Ирландии; Израиля на оккупированных землях Ливана, Сирии и Иордании; наконец, израильско-палестинский конфликт; акции США в Никарагуа, Сальвадоре, контртеррористические операции в Колумбии, Сомали и России в Чеченской Республике...

Итак, мы в рамках сравнительно-правового рассмотрения региональных аспектов контртеррористической деятельности государства пытаемся исследовать проблемы специфики терроризма как формы политического, физического и морального насилия, применения тактики вооруженной борьбы.

Хотелось бы еще раз обратить внимание читателя на то, что сама жизнь предлагает нам применять принципы разграничения различных форм политически мотивированного насилия — терроризма, войны и экстремизма, и на этой основе формулировать само понятие «терроризм». И это позиция не только юриста — прокурора, но и теоретическая отработка практического кредо.

Многоликий Янус

Как социальное явление терроризм многолик и многопланов. Он включает в себя такие основные элементы, как экстремистская террористическая идеология; комплекс организационных структур для осуществления терроризма в тех или иных его формах; практика террористических действий, то есть собственно террористическая деятельность. Недифференцированный подход к этим отдельным граням терроризма стал во многом причиной различия в оценке его сущности, причин и целесообразных методов противодействия терроризму.

Я во многом согласен с ученым-юристом К. Дж. Робертсоном, который считает терроризм формой незаконного и причиняющего вред действия, действия, политически мотивированного, содержащего требования, лишь косвенно связанные с непосредственным преступлением; действия, ставящего цель посеять страх; действия, использующего самые необычные методы, такие как современные бомбы, оружие; и, наконец, включающего участие целых государств.

Часто определения терроризма имеют идеологическую окраску. Всестороннее определение «терроризма» и установление его отличий от «партизанской войны», «политического насилия» и другого соответственного поведения весьма проблематично. И прежде всего не по причинам концептуальным и техническим. До сих пор в мире насчитывается более сотни различных определений терроризма, а унифицированной оценки данного явления, а также единого подхода к ответам на него, к сожалению, пока не выработано.

Общеизвестное заявление о том, что «террорист для одного — борец за свободу для другого», стало не только клише, но также одним из наиболее труднопреодолимых препятствий в борьбе с терроризмом. Казалось бы, вопрос дефиниции и концептуализации в большей степени академический, чем практический. Вместе с тем опыт России на Северном Кавказе в очередной раз подтвердил, что когда имеешь дело с различными насильственными формами разрешения конфликтов, когда от оценки явления в качестве террористических действий, партизанской борьбы, массовых проявлений экстремизма либо национально-освободительного движения зависит определение совокупности средств для разрешения конкретной конфликтной ситуации, — тогда смысл определения терминов пересекает границы теоретических рассуждений, становится основным препятствием в координации действий международного сообщества.

Не случайно некоторые зарубежные исследователи терроризма рассматривают терроризм как особую разновидность социального конфликта. Как отмечал по этому поводу Иона Александер, директор Института по изучению международного терроризма, «терроризм — это канал, по которому идет недовольство и нетерпение маргинальных слоев. Террористические средства и методы закрепляют, «рестабилизируют» существующую социальную структуру». Однако подобное определение мало способствует пониманию сущности терроризма.

Как насилие среди малых групп предлагает рассматривать терроризм другой авторитетный ученый — Пол Уилкинсон. Для него терроризм — это явление, существующее среди других насильственных действий, — отдельных диверсий или нападений на собственность, изолированных попыток убийства; это борьба политических организаций и междоусобные схватки, политический терроризм, локальные или мелкомасштабные партизанские операции; это международный или транснациональный терроризм, партизанские рейды в зарубежные страны и др. При разрастании конфликта до уровня массовых выступлений, по этой логике, политическому терроризму соответствует «государственный террор и репрессии», а «международному или транснациональному терроризму» — локальная война. Таким образом, хотя данное определение и отражает существенные сходные черты между различными формами насилия, но оно не устанавливает отличительные черты терроризма (в данном случае — по отношению к террору и различным формам военных конфликтов).

Причина не совсем удачной классификации лежит в попытке жестко увязать понятия «террор» и «терроризм» с понятием «революция» и «революционные идеи». По Уилкинсону, типология терроризма подразделяется на «революционный» (направленный на политическую революцию), «полуреволюционный» (имеющий политическую мотивацию иную, чем революция) и «репрессивный» (направленный на ограничение определенных групп, лиц или форм их поведения, которые кажутся нежелательными в данный момент тем или иным слоям или кругам общества).

Подобный подход к оценке терроризма с точки зрения революционных процессов не несет что-то исключительно новое. Похожая точка зрения оказала решающее влияние на результаты специального исследования проблемы международного терроризма, подготовленного Секретариатом ООН еще в 1972 году. Понятие «терроризм», сообщалось в нем, возникло в конце XVIII века, то есть его зарождение относится к периоду Великой французской революции.

Для определения наиболее значимых характеристик терроризма отправной точкой может стать положение, согласно которому не всякое насилие — это терроризм, но любой терроризм — это всегда насилие. Физическое или психическое.

Главная особенность терроризма как формы политического насилия заключается в намеренном игнорировании норм права и морали.

Уточним эту мысль: как социально-политическое явление терроризм представляет собой одну из форм насильственной политической борьбы, характеризующуюся крайним нигилизмом и цинизмом по отношению к нормам морали и права.

При «отграничении» терроризма от других традиционных форм политической борьбы наиболее верной представляется позиция, в соответствии с которой «терроризм — это стратегия, когда при помощи использования насилия делается попытка произвести определенный ошеломляющий эффект на группу населения. При обращении к государственной классификации терроризм — это стратегия одного из четырех «идеальных типов» стратегий, посредством которых группа, находящаяся не у власти, может вызвать насильственные социальные изменения. Другие три — это государственный переворот, восстание и партизанская война». Так по крайней мере считает исследователь проблемы терроризма Р. Таккра.

Вместе с тем, рассмотрение терроризма только как общественно-политического явления не может иметь полноценного значения для понимания его сущности, а также выработки путей борьбы — практического противодействия терроризму. Именно приоритетность содержательной перед функциональной составляющей терроризма привела к излишней идеологизации его оценок и определений, размыванию границ между собственно терроризмом и другими формами политически мотивированного насилия. По мнению ряда специалистов и ученых, на нынешнем повороте истории целесообразно рассматривать терроризм как «орудие политики или политическую тактику определенных кругов или отдельных физических и юридических лиц».

Особенность терроризма для его нынешних приверженцев состоит в том, что его можно приспособить к любым условиям, использовать для достижения самых различных целей — как политических, экономических, так и религиозных или же либеральных. Его можно сравнить с костюмом, который с изменением погодных условий можно сдать в ломбард и снова извлечь оттуда в случае надобности, заплатив незначительную цену. Впрочем, не важно вообще, какой ценой будет достигнута поставленная террористами цель: одной ли человеческой жизнью или же

сотнями жизней, как это было в Генуе и как было в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. Счет ведется от единицы до многих тысяч...

В зависимости от обстановки терроризм как насилие может носить системный, наступательный и массовый характер, использовать тактику непредсказуемых атак. Этим он оказывает дестабилизирующее воздействие как на отдельных лиц, так и на все общество в целом. Никто не может чувствовать себя в безопасности. Сначала тревога перед неизвестностью сегодня и завтра, затем нагнетание страха («страх — это конечная цель, а не побочный продукт терроризма». Тревога и страх, с точки зрения психологов, — разные понятия). Сам же терроризм в таком контексте становится «способом управления социумом посредством превентивного устрашения» и отличается объектами воздействия, целями и способами действий.

Промежуточная или непосредственная цель — жертвы конкретного акта, а конечная или основная цель — удар по органам власти и широким слоям населения, по общественному мнению в целом. Это так называемый «коллективный акт». Его цель — дестабилизация положения правительства, деморализация или создание панических настроений в обществе в целом. При этом террористы направляют свои действия одновременно на несколько объектов: специфические тактические, как правило, объявленные террористами, а также преследуются более широкие стратегические цели, которые могут подразумеваться с учетом выбора тактики и целей террористов. Эта двойственность задач диктуется секретностью организации, анонимностью конкретных исполнителей (которые знают ограниченное число лиц и общаются, используя свой, понятный только им язык псевдонимов), наличием закрытой организационной структуры, общественной изоляцией субъектов террористической деятельности, конспиративным образом действий. Все это необходимо для обеспечения успеха подготовки и осуществления конкретных террористических акций и самого существования террористических структур. При всем этом они одновременно желают придать публичность совершенным актам. (Так, многие террористы берут на себя ответственность за совершение терактов, в которых даже не принимали участия ни с какой стороны.) Самореклама за «чужой счет». Нет худа без добра, любил повторять итальянский террорист Моретти — один из идеологов «красных бригад».

В международной печати часто некоторые политики и ученые по тем или иным причинам не желают как бы «обидеть» лиц, причастных к противоправному насилию, предпочитают именовать их не открыто «террористами», а «экстремистами». Сами же террористы называют себя «партизанами», «бойцами», «воинами», ибо эти слова в общественном мнении чаще всего окрашены положительно.

В словаре русского языка Ожегова экстремизм определяется как «приверженность к крайним мерам и взглядам (обычно в политике)». В соответствии с Кратким политическим словарем, «экстремизм — это приверженность к крайним взглядам и мерам, в политическом смысле означает стремление решать проблемы, достигать поставленных целей с применением самых радикальных методов, включая все виды насилия и террора».

Согласно официальной точке зрения Российской академии наук, политический экстремизм предполагает пропаганду и использование насилия и других радикальных средств для достижения любых политических целей, не обязательно националистического характера. Политический экстремизм может иметь разную идеологическую направленность, проявляться в сферах национальных отношений, религиозных вероучений, межпартийной или внутривнутрипартийной борьбы, внешней и внутренней политике.

Конкретно под экстремизмом понимают агрессивное поведение (настрой) личности, наиболее существенными внешними проявлениями которого служат нетерпимость к мнению оппонента, ориентированному на общепринятые в обществе нормы; склонность к крайним (силовым) вариантам решения проблемы; непринятие консенсуса как ценного, делового инструмента в каждодневной деятельности; и, наконец, непринятие прав личности и ее самооценности. Таким образом, как социально-политическое явление экстремизм представляет собой одну из форм политической борьбы. Ее характеризуют отрицание сложившихся государственных, общественных институтов и структур, стремление подорвать стабильность, уничтожить сложившийся порядок для достижения собственных властных устремлений. В своих действиях экстремисты могут использовать различные методы: от ненасильственных, таких, как пропаганда (лозунги, призывы, выступления в прессе и на собраниях), массовые выступления и забастовки, до разной степени легитимности насильственных действий (организованные беспорядки, забастовки, гражданское неповиновение, террористические акты, методы партизанской войны и т. п.).

Действия экстремистов характеризуют крайняя агрессивность и нежелание идти на компромиссы. За примерами, как говорится, ходить далеко не следует: израильско-палестинский конфликт, Чечня, Афганистан и т. д.

Первым достаточно удачным примером международного закрепления определения «экстремизм» (и отграничения его от «терроризма») стала Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15.06.2001 года. В ней «экстремизм» расценивается как «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в этих целях незаконных вооруженных формирований или участие в них».

В национальном законодательстве России выработан и Государственной Думой 27.06.2002 г. принят Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности». Вместе с тем в утвержденной Указом Президента РФ от 10. 01. 2000 года Концепции национальной безопасности Российской Федерации особо подчеркивалось, что во внутривнутриполитической сфере России приоритеты состоят в «сохранении стабильности конституционного строя, институтов государственной власти, в обеспечении гражданского мира и национального согласия, территориальной целостности, единства правового пространства, правопорядка и в завершении процесса становления демократического общества, а также в нейтрализации причин и условий, способствующих возникновению политического и религиозного экстремизма, этносепаратизма и их последствий, — социальных межэтнических и религиозных конфликтов».

В этой связи интересны научные позиции ученых-правоведов В. И. Замковой и М. З. Ильчикова. Они выделяют «парные» варианты террора: революционный и контрреволюционный, субверсивный (подрывной) и репрессивный, физический и духовный, «селективный» и «слепой», а также «провокационный» и «превентивный», военный и криминальный.

Кроме того, существуют следующие виды терроризма: политический, уголовный, националистический, воздушный, международный, идеологический, этнический, религиозный, индивидуальный, государственный, националистический, военный, корыстный, криминальный и идеалистический, терроризм из семейных соображений. Особо выделяется государственный терроризм; ультраправый, неофашистский; ультралевый, а также сепаратистский терроризм. Ученые Г. М. Миньковский и В. П. Ревин, ссылаясь на международно-правовые документы и зарубежные нормативные акты, предлагают классифицировать терроризм как «государственный терроризм (организуемый или поддерживаемый одним государством против другого), международный, системный, внутригосударственный, религиозный, точечный. Можно привести и такие разновидности, как терроризм в форме мятежа (захвата территории), массовых беспорядков, диверсий, захвата заложников».

Французский исследователь терроризма Лоран Диспо в книге «Машина террора» предлагал выделять оппозиционный правый терроризм, государственный левый, государственный правый, оппозиционный левый. Кроме того, он включал в эту схему еще одну разновидность терроризма — национально-освободительные движения. Ему вторят те юристы, кто подразделяет терроризм на социально-политический (он, в свою очередь, делится на правую и левую ветви), этнополитический терроризм, религиозный терроризм (разновидность которого — клерикально-фундаменталистский терроризм) и, наконец, сепаратистский терроризм, который может иметь национальный или религиозный характер или быть одновременно и национальным, и религиозным. (С этим мы сталкивались и сталкиваемся на окраинах и даже в центре России.)

Как видно, существующее обилие классификаций отличается тем, что часто в одном ряду оказываются несопоставимые понятия. А в силу многообразия природы терроризма по различным основаниям можно выделить огромное количество его разновидностей. Однако во многом это обилие отражает не специфические черты терроризма как социально-политического явления или же только ему присущие криминологические особенности, а общие опознавательные знаки для многих других явлений общественной жизни.

На мой взгляд, классификаторы допускают определенную ошибку. Они недостаточно отграничивают терроризм как форму насильственного разрешения конфликта от других форм насилия, в том числе легитимных.

Согласно П. Уилкинсону, существует три политически мотивированных типа терроризма: репрессивный, полуреволюционный, революционный, а также терроризм без специфической цели — побочный продукт частого насилия и так называемый «спазм»-терроризм или серия атак относительно низкой интенсивности и короткой продолжительности, но достаточно сильно дестабилизирующих общественное сознание и мир.

Пытаясь упорядочить существующие сложные классификации по общим критериям, предлагалось разделять терроризм по видам на международный и внутренний; по типам — на социальный, националистический, религиозный, «левый» или «правый»; по формам — на заговорщический, политический, уголовный, информационный, психологический, захват заложников и т. п. При этом террористические группы и организации разграничивались по преследуемым ими целям на социально-политические, национально-освободительные, сепаратистские и религиозные. Однако, по моему мнению, многие из перечисленных категорий либо дублируют классификацию экстремизма, либо фиксируют одну из неотъемлемых черт всех проявлений терроризма (любой терроризм по своей природе воздействует на психологию, превращается в форму политической борьбы, а по криминологической составляющей расценивается как преступление. Во всем этом мы убедимся, рассматривая положение в Чечне и, в частности, анализируя ход и приговор махачкалинского процесса).

* * *

Понимание явления «терроризм» именно как «традиционного преступления», обладающего лишь специфическими криминологическими особенностями, исключительно важно прежде всего для целей эффективного сотрудничества по вопросам уголовного правосудия. В частности, выделение терроризма и преступлений террористической направленности в группу «политических» преступлений (в силу идеологической составляющей терроризма как явления общественно-политической жизни) заведомо создает препятствия в таких вопросах, как выдача, а также взаимная правовая помощь по уголовным делам.

Как было заявлено в процессе работы над Конвенцией Организации Американских Государств по борьбе с терроризмом, «терроризм — это акты, которые сами по себе могут быть классическими формами преступления (убийство, поджог, использование взрывчатки), но отличаются от классических уголовных актов тем, что они осуществляются с умыслом вызвать панику, беспорядок и террор в организованном обществе, для того чтобы разрушить социальную дисциплину, парализовать силы общественного отпора, повысить боль и страдания сообщества».

Именно по причине присущего им характера повышенной общественной опасности террористические акты не могут считаться политическими преступлениями. Заведомая нелегитимность насилия ставит терроризм вне рамок правомерных средств политической борьбы и в силу этого никакие ссылки на политическую природу данного насилия не могут служить ему оправданием.

Когда сообщество становится арбитром

Международное сообщество порой начинает выступать в качестве арбитра, но только по отношению к государству. Насилие, выходящее за установленные международным правом нормы поведения и стандарты разрешения социальных конфликтов, считается преступлением и заслуживает жесткой реакции со стороны государства. Само государство в случае избыточного (прежде всего, с точки зрения международного гуманитарного права и прав человека) ответа на действия террористов может быть подвергнуто международному воздействию и вынуждено в своих действиях придерживаться установленных стандартов. Что за заколдованный круг?

Здесь грани особенно хрупки и могут быть нарушены. Но в этом-то и проявляется государственная мудрость: чувствовать грань, не переходить границ. Но всегда ли это возможно?

Впрочем, в последнее время все чаще признается нечеткость границ и частичное нивелирование различий между международным и внутренним терроризмом, который выходит за рамки национальных территорий осуществления уголовного преследования. По мнению Комитета ООН по контролю над наркотиками и предупреждению преступности, невозможно рассматривать международный терроризм в совершенной изоляции от внутреннего терроризма, который считается внутренним делом суверенных государств. Нововведения в глобальных коммуникациях предоставили некоторым локальным группам намного большие возможности, даже так называемую международную репутацию. В то же время международно, открыто действующие террористические группы используют быстрые межгосударственные перевозки, чтобы нанести удар, а затем быстро ретироваться, бежать и скрыться в заранее подготовленных убежищах. Преступники-террористы из одной страны часто используют другие государства как тихие гавани или места сбора средств. Иногда они получают подготовку за границей, используют зарубежные страны как «подиум» для постановки действий по сценарию — «террористический акт» или как стартовую площадку для их операций где-либо еще. Жертвы актов внутреннего терроризма — зачастую иностранные бизнесмены, дипломаты или туристы, а также простые мирные граждане.

Попытки дать определение понятия «международный терроризм» предпринимались на VIII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1990 году. Так, в докладе Генерального секретаря ООН говорилось: «Международный терроризм можно охарактеризовать как террористические акты, при совершении которых исполнители (или исполнитель), планируя свои действия, получают руководящие указания, приезжают из других стран, спасаются бегством или ищут убежища, получают помощь в любой форме не в той стране или странах, в которых совершаются эти действия». С этим трудно не согласиться, но суммируя различные подходы к определению «международный терроризм», можно говорить о двух широких определениях международного терроризма — «актах терроризма с международными составляющими последствий, насилием за пределами принятых норм дипломатии и войны. Международный терроризм может быть определен как акт или кампания насилия, проводимая за пределами признанных правил, норм и процедур международной дипломатии и войны. В более узком смысле он может «относиться к актам, которые специально определены и объявлены незаконными международными соглашениями; или, наконец, он может относиться к совокупности различных определений, предлагаемых правительствами различных стран».

Поскольку именно в международных формах терроризма наиболее отчетливо прослеживается сходство его с такими категориями, как «война» и «агрессия», на их примере легче попытаться разобраться в принципах разграничения этих понятий, а также беспристрастно оценить возможные правомерные и эффективные варианты ответов.

В современных условиях все больший акцент делается на терроризме не как на форме политической борьбы, а как «на низкозатратном и высокопродуктивном методе» достижения разных целей. Каковы признаки и особенности именно современного терроризма? В нынешних условиях терроризм уже не только преследует свои традиционные цели (путем шантажа оказать давление на правительство, посеять страх среди населения, реализовать какие-либо политические цели и т. д.), но и превращается в способ ведения боевых действий: одно из противоборствующих государств, заблаговременно создав на территории противника подпольную террористическую сеть, в удобный момент задействует ее с целью парализовать, дестабилизировать внутреннюю ситуацию в стране — видимом противнике.

Войны без государств

Глобализация террористических проявлений стала важнейшей новой характеристикой терроризма. С утверждением принципа запрещения агрессивной войны идеологи и практики силового решения проблем вынуждены искать другие методы и средства борьбы. Одним из таких активно используемых некоторыми государствами методов стал международный терроризм. Американский социолог Брайан Дженкинз «вывел формулу», что мы движемся к эре «войн без государств», ведущихся революционерами или наемниками. Многие западные теоретики рассматривают международный терроризм вообще как простое продолжение

внутригосударственного терроризма, его выход за рамки отдельного государства. В 80-е годы XX века появилась тенденция подразумевать под терроризмом особый метод ведения тайных военных действий, так называемую «суррогатную войну».

Характерными чертами метода нетрадиционных войн стали наличие «государств-спонсоров», которые действуют тайно и отрицают свою ответственность за акты терроризма; вовлечение специалистов разведки, спецслужб, вербующих и финансирующих банды наемников, часто под дипломатическим прикрытием; доступ к новейшему оружию, с большей убойной силой и прицельной точностью; предоставление убежища и защиты после выполнения миссии; использование тактики неожиданности; предоставление суперресурсов; сильное психологическое воздействие на жертвы в других странах. Очевидно, что самым эффективным в данных условиях становится использование террористических методов.

Обращение государств в той или иной форме к подобным мерам принято квалифицировать как государственный терроризм. Существует два подхода к проблеме отличий «государственного терроризма» и «терроризма, поддерживаемого государством». В соответствии с первым они отождествляются. Сторонники второго предпочитают разграничивать эти понятия.

Под «международным терроризмом» понимаются все акты применения насилия или угрозы его применения, затрагивающие интересы двух и более государств. Они выражаются в виде преступлений против безопасности международной гражданской авиации, против лиц, пользующихся международной защитой, и иных действий, признанных международным сообществом формами международного терроризма. К преступлениям террористической направленности, поддерживаемым государством, относятся акты насилия, организованные или осуществляемые при поддержке государства, или если государство оказывает террористическим организациям финансовую, военную, материально-техническую и иную помощь.

Для выработки согласованных международных санкций более значимой представляется классификация государств по уровню участия их в террористической деятельности. По предложению директора Международного полицейского института по борьбе с терроризмом Б. Ганора, государства подразделяются на поддерживающие терроризм (предоставляющие террористическим организациям финансовую помощь, идеологическую поддержку, военную или практическую помощь); планирующие терроризм (инициирующие, направляющие и осуществляющие террористическую деятельность через группы, не входящие в их собственные государственные институты) и осуществляющие террористические действия (совершающие террористические акты через собственные официальные ведомства — сотрудников сил безопасности, разведслужб или непосредственных агентов).

Особый случай, когда государства намеренно, но без объявления войны, подвергают ударам гражданское население в других странах для достижения собственных политических целей. Такой государственный терроризм более правомерно рассматривать как внешнеполитическую проблему, поскольку уголовная санкция как категория национального права неприменима к государству. На этом основании некоторые исследователи настаивают вообще на некорректности самого понятия «государственный терроризм». Однако в разряде социально-политических явлений такое определение выглядит совершенно закономерным и точным. Противоправность государственного терроризма именно как инструмента внешней политики закреплена в принятой на 39-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюции 39/159 «О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах». В этой резолюции государственный терроризм характеризуется как действия, направленные на насильственное изменение или подрыв общественно-политического строя суверенных государств, дестабилизацию и свержение их законных правительств, а также на поддержку терроризма. Как отмечалось в Меморандуме о развитии международного права, принятом на 44-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1989 году, политика государственного терроризма проявляется в агрессии, необъявленных войнах и других открыто противоправных действиях против неугодных стран и народов.

Но если доказан факт агрессии, то путем сравнительного анализа несложно очертить возможный круг легитимных ответных мер. С учетом террористических актов 11 сентября 2001 года, приравненных властями США к агрессии со стороны движения «Талибан», соответственно становятся законными и практические ответные меры возмездия — удары по базам террористов и талибов.

Государственный терроризм — как и агрессия — результат преступной политики. Как метод агрессию принято относить к традиционным формам ведения войны, а терроризм (в том числе и с участием иностранного государства) — к нетрадиционным.

Доктрина международного права дооктябрьского периода не только легализовала право государств на войну, но и считала войну неотъемлемым правом всякого суверенного государства. Современные международно-правовые нормы не признают войну ни как средство разрешения споров между государствами, ни как орудие национальной политики. Устав ООН гласит: ООН преследует цели поддержания международного мира и безопасности и должна принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира. Организация Объединенных Наций в соответствии с принципами справедливости и международного права обязана мирными средствами улаживать и разрешать все международные споры или ситуации, которые могут привести к нарушению мира (п. 1 ст. 1). Все члены ООН, согласно Уставу, должны разрешать свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир, безопасность и справедливость (п. 3 ст. 2), воздерживаться в международных отношениях от угрозы силой или ее применения (п. 4 ст. 2). Именно поэтому международное право рассматривает как правомерные только войны в защиту отечества от нападения извне, включая национально-освободительные войны, то есть войны демократические, справедливые по своему существу.

«Суверенное государство, приняв на себя в силу заключенного международного договора какие-либо обязательства и ограничения, от этого не теряет своего суверенитета. В интересах международного сотрудничества необходимо в известных случаях ограничивать в какой-то мере государственный суверенитет на началах взаимности». Таким образом, в настоящее время нельзя говорить о ничем не ограниченном суверенитете, что и получило официальное закрепление в статье 51 Устава ООН, а также в Хартии ООН.

Именно на основании данных положений США посчитали правомочным в ответ на террористические акты 11 сентября 2001 года, приравненные к вооруженной атаке, нанести удары по базам террористов на территории суверенного Афганистана. Так, Вашингтон, прибегнув к статье 51, *de facto* приравнял акт международного терроризма (даже не включающего государственный элемент) к войне, объявил действия террористов 11 сентября 2001 года актом агрессии и, таким образом, воспользовался своим правом на самозащиту с привлечением к репрессиям своих союзников и партнеров.

Но если акт международного терроризма приравнен к агрессивной (международной) войне, то столь же правомерно попытаться провести параллель между внутренним терроризмом и различными видами локальных войн или вооруженных конфликтов.

Борьба внутри одного государства, гражданская война не может рассматриваться как агрессия. Зато вмешательство одного государства во внутренние конфликты, в гражданскую войну, происходящую в другом государстве, с полным основанием квалифицируется как агрессия.

Именно отношение к террористическим методам ведения борьбы определяет возможность официального признания движения или организации как национально-освободительных. Но если террористические акты становятся частью тактики — именно не эксцессом отдельных исполнителей и не разовым ситуативным решением, а системой, стратегическим выбором, признаваемым и допустимым руководством, то возможно официальное признание движения (организации) террористической, а деятельности ее запрещенной.

Данный подход позволяет четко разграничить отношение к борьбе с терроризмом и функции национально-освободительных движений. Как показывает история, нередко та или иная группа лиц, являющаяся частью освободительного движения, преднамеренно относилась к разряду террористических организаций, хотя цели и средства ее деятельности и тем более всего движения соответствовали нормам и принципам международного права.

В то же время нельзя не признавать, что ряд национально-освободительных движений, основываясь на международно признанном праве наций на самоопределение, во второй половине прошлого века открыто обратились к тактике терроризма.

В то же время некоторые нации, не обладающие достаточными средствами для ведения полномасштабной современной войны, считают более подходящим воспользоваться теми возможностями, которые предоставляет им терроризм как метод нетрадиционной («суррогатной») войны. А уже само только название вооруженного конфликта как «национально-освободительного» дает благовидное прикрытие для действий на вражеской территории как с точки зрения морального обоснования, так и исходя из «принципа правосубъектности». Ярким примером стали захват и нахождение палестинских террористов в святом для каждого христианина месте — в церкви Рождества Христова в апреле-мае 2002 года.

Не станем отрицать, что многие войны XX века приобрели террористический характер. Это, в частности, нашло выражение в увеличении жертв и страданий среди мирного населения. Причем одной из целей такого способа ведения войн явно террористического толка стало морально подавить противника, подорвать его дух, сломить волю к сопротивлению.

Терроризм — особый вид войны

К используемым террористами способам организации военных формирований относятся вербовка профессиональных военных (наемников) и применение тактических военных приемов при столкновениях с полицией или армией. Прежде всего различные террористические формирования овладевают методами партизанской борьбы. В ответ заметим, что в будущем характер ведения противопартизанских и противоповстанческих действий станет все более приобретать антитеррористическую направленность, в которой не содержится традиционных правил и определенных национальных границ.

Основываясь на обнародованных Госдепартаментом и министерством юстиции США данных, можно сказать, что бен Ладен использовал членов Аль-Каиды, а также завербованных ею террористов для фактического начала открытой войны, давно объявленной им США. Теперь в этом мало кто сомневается.

Наконец, очевидная интернационализация террористических группировок, выражающаяся во взаимной помощи друг другу при подготовке боевиков, в приобретении оружия, создании смешанных отрядов, получении финансовой поддержки и в координации действий при осуществлении террористических акций, дала основание говорить о терроризме как «конфликте малой интенсивности» — своего рода особом виде войны.

Гипотетически логично идти еще дальше и характеризовать терроризм как «войну XX–XXI веков». Египетский политолог М. Саид-Ахмед отмечал: «Террористическое развитие, достигшее непредвиденных уровней в военной области, привело к тому, что война в классическом смысле слова стала невозможна, если не абсурдна. Поскольку абсурдность войны не означает окончание конфликта, борьба теперь грозит принять другие формы. Терроризм может рассматриваться как продолжение войны, а не только как проведение враждебной политики «другими средствами»».

Однако вряд ли можно поставить полный знак равенства между наказанием за развязывание войны и наказанием за терроризм. Уравнивание в отношении локальных конфликтов может привести к оправданию любого самого жесткого ответа государства, при том, что силы сторон заведомо не равны. Кроме того, ответ государства может затронуть широкие слои гражданского населения, часть которого симпатизирует террористам в силу своих политических взглядов, религиозных убеждений или просто родственных связей, но и относится отнюдь не негативно к «обиженному» государству. Поэтому необходимо провести четкие, зримые границы между войной и терроризмом как формами насильственных конфликтов.

Будучи разными формами идеологически мотивированного насилия, имеющего целью прямо или косвенно воздействовать на власть, терроризм и война обычно разграничиваются по степени интенсивности и масштабности насилия, но эти признаки внешние и, как показали последние события XX–XXI веков, весьма условные. Анализ некоторых определений терроризма дает

представление о проблемах, существующих в вопросе разграничения его с различными формами войны. С точки зрения тактики войну определяют как «конфронтацию между двумя и более автономными группами, которая вызывает санкционированные организованные, растянутые по времени военные действия. В эти действия вовлечена вся группа или, в большинстве случаев, ее часть, в целях улучшения своего материального, территориального, социального, политического или психологического состояния, или, в целом, реализуя шансы на выживание». Или более кратко, как формулирует К. Клаузевиц: «война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю».

Однако эта дефиниция по многим показателям с одинаковым успехом может быть применена и к террористической деятельности.

Если воспользоваться тезисом К. Клаузевица о том, что война, как и терроризм, — продолжение политики другими средствами, то определяя терроризм с точки зрения его криминологической сущности, можно попытаться обозначить его достаточно «свежей» формулой: «терроризм — это умышленное уничтожение, повреждение, захват какого-либо объекта, включая физических лиц, либо иные насильственные действия в отношении них или угроза совершения таких действий, сопровождаются одновременным выдвижением политических, экономических или других социально значимых требований». Фактически аналогичной характеристикой могут быть обозначены и военные действия, с той лишь разницей, что приведенная формула призвана характеризовать терроризм в качестве нелегитимного насилия, война же (без учета ее мотивации) традиционно считается высшей опасной формой легитимного насилия. Вместе с тем террористическое насилие не равнозначно военному. Все эти концепции и формулировки нам неоднократно понадобятся для понимания всех разных аспектов терроризма на Северном Кавказе, в Афганистане, в Старом и Новом Свете.

В Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15.06.2001 года под терроризмом понимается «деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, а также нанести значительный ущерб какому-либо материальному объекту, равно как организация, планирование такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения». (Сохраняю не только суть, но и всю витиеватость формулировки.)

В политологическом словаре терроризм характеризуется как «метод политической борьбы, который состоит в систематическом применении ничем не ограниченного, не связанного с военными действиями насилия, преследующего цель устрашения и подавления политических и других противников». Терроризм включает совершение убийств политических деятелей, служащих государственных ведомств и рядовых граждан, организацию взрывов, нападений на банки, склады оружия, угон самолетов и т. д. Террористы рассчитывают, главным образом, на психологический эффект своих действий, а не на военно-стратегическую победу. У военных стратегов и стратегов терроризма — разные цели-задачи, хотя методы могут часто быть общими. А методы для них «оправдывают действия».

Но если на межгосударственном уровне существует определенный консенсус в том, например, какие акты считать прямой агрессией, а какие — международным терроризмом, то в ситуации с внутренним терроризмом по отношению к внутреннему вооруженному конфликту дело обстоит гораздо сложнее.

Отсутствуют правила, определяющие, что запрещено и что позволено в нетрадиционной войне. Часто одинаковые санкции применяются государством в отношении террористов и партизан, которые знают, что наказание им будет одинаковым, но при этом они также осознают, что зачастую террористическая деятельность связана с меньшим риском и меньшими затратами, чем партизанская борьба с соблюдением всех законов и обычаев ведения войны, но, как правило, гораздо более эффективна по своим последствиям. В таком положении партизаны часто прибегают к тактике террористов.

В этом случае задача заключается в том, чтобы предоставить партизанам альтернативу: установить критерии разграничения правил ведения партизанской борьбы и терроризма, определить, что становится легитимным (с точки зрения международных стандартов), а что нет. Тем самым будет необходимо создание единого «шаблона», по которому следовало бы оценивать действия участников всех вооруженных конфликтов.

Первоначально термин «партизанская война» использовался для описания военных операций, осуществлявшихся нерегулярными войсками в тылу вражеской армии или местными жителями против оккупационных сил. Партизанская война — это длительная изнуряющая война, с прогрессирующим ростом насилия, с размытыми границами, подвижной линией соприкосновения, делающая акцент на человеческий фактор. В ходе войны партизаны становятся регулярными военными вплоть до победы или поражения одной из сторон. Не случайно во многих странах сейчас террористы предпочитают называть себя партизанами, тем самым претендуя на видимую легитимность собственных действий. Значительную роль в поэтизации образа партизан сыграла литература. Достаточно вспомнить «Хаджи Мурата» Льва Толстого, «По ком звонит колокол» Эрнеста Хемингуэя или «Шуаны» Оноре де Бальзака, чтобы понять причины достаточно привычного и вполне лояльного восприятия общественностью самого понятия «партизанская война».

Но события последних десятилетий XX столетия внесли свои коррективы в традиционную оценку действий партизан. Термин «партизанская война» стал применяться без разбора ко многим видам революционных войн и террористических актов (захват самолетов, похищение людей). Игнорируется то, что и партизанская борьба, и террористическая деятельность, как способы организации и проведения военных операций, заведомо более слабым противником (по численности, снаряжению и т. п.) в отношении объективно значительно более сильного (государства) противоборца, — всего лишь тактика и пропагандистский метод.

Можно сделать вывод, что, пока соблюдаются законы войны и правила вооруженных конфликтов — действия противостоящей правительству стороны должны расцениваться как партизанская война. Как только прекращается война и нарушение правил становится стратегией (невинные жертвы, культивирование страха) — это терроризм. И оцениваться он должен не по шкале опасных военных преступлений, а по классификации международного права — как преступление международного характера.

Терроризм — это намеренное использование насилия (или угрозы насилия) в отношении преимущественно невоенных целей для психологического воздействия на гражданское население и достижения таким путем политических целей. Партизанская же борьба должна рассматриваться как использование насилия (или угроза такового) в отношении военных объектов в целях оказания воздействия на вооруженные силы, службы безопасности и органы государственной власти и решения таким путем военно-политических задач. Разграничение осуществляется как по объектам, так и целям воздействия.

У истоков терроризма

В Федеральном законе «О борьбе с терроризмом» говорится, что выявление и устранение причин и условий, способствующих осуществлению террористической деятельности, — одна из важнейших целей борьбы с терроризмом в Российской Федерации.

В мировой науке существует два основных подхода к природе происхождения терроризма. Биологический подход связывает это явление с некоей «насильственной» сущностью человека, естественным стремлением людей угрожать интересам других и использовать любые доступные средства для достижения своих целей. Социальный подход (преобладающий) характеризуется большим разнообразием оценок механизма влияния тех или иных факторов на терроризм, исходит из определяющего значения социальных процессов его возникновения.

В террологии (назовем так новую науку о терроре) известны две наиболее основательные теории социальных причин возникновения и существования терроризма. Это так называемая «теория красной сети» и «теория общества вседозволенности». В соответствии с первой, основная роль в поддержании терроризма принадлежит внешним покровителям (когда-то, например, социалистическим государствам); согласно второй — существованию терроризма способствует сам характер демократических режимов — «общества вседозволенности».

Обе эти теории подвергались закономерной критике. И на мой взгляд, достаточно верной и обоснованной. Одна — потому что при всей важности внешнего фактора он не был доминирующим. Другая — по той причине, что терроризм возможен в любом неэффективно управляемом обществе — как в демократическом, так и в тоталитарном. Но несомненная доля правды заключается в том, что действиям террористов зачастую способствуют демократические гарантии в области прав человека, прежде всего, касающиеся свободы слова, свободы собраний, неприкосновенности частной жизни, а также отмена смертной казни во многих странах. Террористы, с одной стороны, злоупотребляют гарантиями и правами, а с другой — провоцируют правительство на ограничение данных свобод в ответ на террористические акты. Тем самым вызывается недовольство населения и увеличивается социальная база, опора террористов. В выигрыше оказываются вновь правонарушители.

Кроме того, террористы и поддерживающие их лица активно обращаются к внутригосударственным и даже международным механизмам воздействия на государства. Цель: обеспечить для себя всю полноту возможных правовых гарантий — без каких бы то ни было ответных шагов со своей стороны (хотя бы по соблюдению прав ни в чем не повинных жертв).

В закрытом тоталитарном обществе действия террористов значительно затруднены. Однако вывод, что только тоталитарная власть, жесткие меры могут спасти общество от чумы терроризма не только слишком упрощен, но и опасен. Произвольное лишение основной массы граждан всех гражданских свобод было бы еще более страшной катастрофой. Но есть ли выход? Эффективно действующие институты демократии способны если не полностью искоренить терроризм, который как и любой вид преступности — неизменный спутник человечества, то свести его последствия к минимуму и вообще существенно ограничить его влияние на жизнь общества.

В качестве коренных причин международного терроризма Специальный комитет по международному терроризму 1979 года указал «неоколониализм, расизм, политику агрессии, иностранную оккупацию и их последствия: несправедливость, неравенство, порабощение, угнетение и эксплуатацию». В указанных случаях, на мой взгляд, все-таки происходит подмена понятий: перечисляемый комплекс социальных противоречий действительно служит основой и первопричиной всех конфликтов социального характера. Однако он не учитывает специфики самого терроризма и не отвечает на вопрос: почему именно такую форму насилия принимает недовольство теми или иными условиями жизни? Есть над чем поразмыслить.

Наиболее точно, думается, отношение причинного комплекса к терроризму определено в Федеральном законе «О борьбе с терроризмом». В нем, в частности, говорится о «причинах и условиях, способствующих осуществлению террористической деятельности» (курсив мой. — В. У.)

Совокупность факторов, которые благоприятствуют возникновению и развитию в обществе конфликтогенной ситуации, разрешаемой, в том числе, террористическим способом, можно представить по следующей схеме: глубокий экономический кризис; хроническая политическая нестабильность; общий структурный упадок государства и его институтов; разрушение исторических, культурных, нравственных, гуманистических ценностей; рост национализма, национальной нетерпимости, религиозного экстремизма и сепаратистских настроений; слабость государственного аппарата и, прежде всего, коррумпированность чиновников; низкий профессионализм спецслужб; падение авторитета власти, закона, веры в ее способность обеспечить безопасность граждан; существование значительного нелегального рынка оружия и относительная легкость его приобретения; проявление интересов других государств, ряда зарубежных террористических, религиозных, национал-радикальных и других организаций; крупные сдвиги в социальной структуре, приведшие к маргинализации многих социальных групп; снижение жизненного уровня, состояние психологического дискомфорта, тревоги и безысходности, испытываемое значительной частью населения; обостренное чувство социальной неустroенности, незащищенности у значительных контингентов граждан; рост социальной агрессивности; ожесточенная борьба за власть политических партий либо общественных объединений,

преследующих политические цели, либо отдельных групп, лидеры которых преследуют узкоэгоистические или корыстные цели.

Надеюсь, я не утомил читателя столь долгим перечислением, которое можно еще продолжить. Но это необходимо для того, чтобы развеять некоторые иллюзии, ибо только анализируя совокупность указанных причин, можно, например, оспорить мнение Пола Уилкинсона, в соответствии с которым наиболее честным и практическим было бы «признание недостатка адекватной общей научной теории необходимости и достаточных условий для политического насилия».

Что касается истории вопроса об истинных истоках терроризма, то я никого не удивлю, если скажу, что терроризм возник давно и всегда применялся как орудие определенных сил в целях захвата, удержания и утверждения власти, в борьбе против ее иностранных или отечественных властных структур.

Если не рассматривать как первопричину внешний фактор (зарубежное вмешательство), поскольку его принято оценивать в зависимости от обстоятельств как «суррогатную войну», косвенную или прямую агрессию, именно волевая установка на получение или увеличение власти (влияния), устранение факторов, мешающих личным политическим амбициям лиц (в сочетании с трезвой оценкой недостаточности законных возможностей или необходимых материальных и людских ресурсов, чтобы легально достигнуть этой цели), становится причиной выбора террористического метода действия. Определяющая роль этой причины подчеркнута в Концепции национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 17. 12. 1997 года, где нарастание угрозы терроризма связывалось с масштабным, зачастую конфликтным переделом собственности; с обострением борьбы за власть, исходя из групповых, политико-идеологических и этно-националистических интересов.

Если признать первичность для возникновения насилия теории лишений и обездоленности, толкающих на насилие такого рода, как террористическое (постоянно культивирующее в обществе состояние страха), пришлось бы частично оправдать эти действия — ведь чем больше лишения, тем сильнее соблазн объяснить насилие состоянием аффекта в результате неправомерных действий (или бездействия) власти.

Проведем некоторое сравнение: хотя социально-экономические факторы, включая бедность, безработицу и низкий уровень образования — могут помочь в объяснении аспектов поддержки терроризма в Северной Ирландии и Италии, но они не могут оправдать акты терроризма в Западной Германии, Голландии, где типичным представителем террориста является неженатый мужчина 22–24 лет, имеющий хотя бы неполное университетское образование, часто гуманитарное, отпрыск семей среднего и высшего класса, чьи террористические наклонности стали итогом разочарования, смешанного с анархическими или нигилистскими взглядами. Точно так же вряд ли можно объяснить исторической предрасположенностью, характером конфессиональной принадлежности или этнокультурными причинами всплески насилия в традиционно считавшихся умеренными и толерантными обществах Японии или Нидерландов. Иная база терроризма в Италии, Испании, Франции. А убийство правого политического лидера в Голландии в мае 2002 года? Разве это говорит в пользу толерантности обеспеченного «среднего класса»?

В силу специфичности используемой формы насилия терроризм нуждается в определенной среде для своего существования. Прежде всего, учитывая установку на публичность и зрелищность результатов своих действий, терроризму необходима широкая аудитория, доступ к которой ему с готовностью и услужливостью предоставляют средства массовой информации, и не только на Западе. В обществе, где отсутствуют соответствующие профессиональные кодексы поведения или законодательное регулирование этических и правовых рамок при освещении террористических актов, требований и заявлений террористов. Через СМИ, как известно, уголовники получают неограниченные возможности воздействия на общественное мнение и власть, для проведения отдельных информационных атак. А в результате они приобретают реальный шанс на успех в информационной войне, представляющей собой часть агрессивной стратегии терроризма.

Претензии на признание законности собственных действий требуют от террористов прибегнуть к поиску и выбору собственного электората — политических союзников, сторонников и

сочувствующих. Нельзя не признать: если бы террористы не были лишены какой-либо социальной опоры, их боевые ячейки при тех потерях, которые они несут, давно бы распались или были бы уничтожены властью. В реальности же оказывается, что они получают возможность восполнять свои опасные ряды и продолжают бесчинствовать. Учитывая особый цинизм действий террористов и жестокость применяемого насилия (либо насилия, которым они угрожают), в данной ситуации на сторону террористов может привести лишь наличие в обществе глубокого кризиса как социально-политического, экономического, так и морального, кризиса, расколовшего общество и маргинализировавшего отдельные его слои, изменившего нравственные ценности и в результате подорвавшего доверие к законной власти.

Обездоленные страдальцы или обыкновенные преступники?

Иногда толчок террористическим действиям дает чувство безысходности, которое ощутил человек или некое меньшинство, психологический дискомфорт и другие факторы, побуждающие индивидуума оценивать свое положение по меньшей мере как драматическое. А меньшинством может быть национальное, как, скажем, баски, корсиканцы, бретонцы, ирландцы, или меньшинство, объединяющееся по каким-то политическим или религиозным убеждениям. В этих случаях мотивация не щедра на разнообразие: «наш народ, наша культура, наш язык, наша вера» — все это на грани исчезновения, а нашим доводам никто не внимлет. Поэтому якобы остается одно — язык насилия, язык свинца, язык смерти. «Жирная точка» террора на фасаде и фундаменте общества.

Терроризм вполне автономно может действовать в достаточно стабильных пространствах, при малой поддержке населения (пример — организация баскских сепаратистов ЭТА в Испании, «Революционная Красная Армия» в Японии, «Новые красные бригады» в Италии и т. д.).

Но только именно наличие масштабной идеи, способной объединить вокруг террористов значительные слои населения (например, националистической), придает столь желанную для многих террористов «видимость законности». Причем последняя не является чем-то абстрактным, объектом из мира идей. Она имеет вполне материальный смысл, особенно учитывая глобализацию жизни. Видимость легитимности может не ввести в заблуждение власти и население непосредственно одной страны, ставшей объектом атаки террористов, но она может придать террористам ореол борцов за «идею», за правое дело, за счастье и освобождение своего народа, что необходимо для позитивной и другой лояльной презентации себя за рубежом. А это связано с возможностью вести пропаганду с территории других стран, собирать там необходимые финансовые средства, вербовать наемников, в конце концов — даже получать политическое убежище. Поэтому террористу, если конфликт и не существует либо находится в стадии зародыша, необходимо его раздуть, спровоцировать, интерпретировать, разрекламировать. Набор средств для этого весьма широк: провокации, информационная война, дискредитация действующей власти методами систематического «сброса компромата», прямые диверсии и т. п. В реализации этих мер, с учетом интернационализации локальных конфликтов, значительную роль играют зарубежные источники информации и поддержки.

И наконец, для существования терроризма жизненно важны еще два фактора. Во-первых, наличие пробелов в системе безопасности государства. Они могут быть связаны с несовершенством правовой базы и отсутствием единой контртеррористической политики, неэффективными системами финансового, пограничного, миграционного, таможенного, налогового и иного контроля, плохой работой правоохранительных органов и органов разведки, нежеланием или неспособностью власти разрешить или снять конфликтную ситуацию на стадии ее возникновения.

Во-вторых, относительная доступность боевого потенциала, выбор людских ресурсов, вербовка наемников, профессиональных убийц и военных специалистов, приобретение обычного оружия и новейших типов вооружений, возможности создания секретных тренировочных лагерей.

Но вернемся к проблеме экономических лишений и отчаяния в обществе как первопричины многих насильственных актов. Уровень организации современных террористов позволяет говорить о том, что лица, стоящие во главе преступных организаций и определяющие цели, время и массовость участия в следующих атаках, — отнюдь не обездоленные страдальцы. Примером чего может служить Усама бен Ладен, лидеры «красных бригад» в Италии, главари чеченских бандформирований Шамиль Басаев, Хаттаб и др.

Весьма показательны и приемы, с помощью которых террористы регулярно демонстрируют и воспроизводят свои финансовые ресурсы. В основе их желаний использование именно террористической стратегии и тактики воздействия на власть. Дело не в непосредственной конфликтной ситуации, а в стремлении террористов реализовать свои притязания на власть методом, наиболее эффективным с точки зрения соотношения затрат и результата. И я согласен с тем доводом, что коренную причину терроризма составляют три взаимосвязанных фактора: наличие определенных (возможно, частично оправданных и обоснованных) властных устремлений у отдельных лиц, группы лиц или организаций, когда данные устремления вступают в конфликт с интересами существования и самосохранения государства; экстремистская идеология данного лица, группы лиц или организации в сочетании с отрицанием всяких норм морали и права, препятствующих реализации соответствующих устремлений; сознательный выбор метода террористического насилия для массовой пропаганды своих устремлений и как наиболее эффективного оружия в борьбе за власть с постоянным оппонентом — государством. (Желательно как можно более расшатанным.)

Маргинальные, региональные аспекты

Не считаю, что перечисление всех вышеизложенных факторов и причин возникновения терроризма было исчерпывающим, но главными мотивами острых межнациональных конфликтов в России 80-х — 90-х годов XX века в частности стали: искажение национальной политики советского государства в годы сталинизма, незаконные репрессии против целых народов (немцы, чеченцы, ингуши, крымские татары и т. д., всего же было репрессировано 13 народов); неразвитость социальной сферы; несвоевременное реагирование центральной власти на обострение ситуации в различных районах страны, постоянное запаздывание с принятием необходимых мер; активное участие в разжигании межнациональных конфликтов мафиозных группировок; изменения в социальном статусе народа; проявление и широкое культивирование местного (этнического) национализма, густо замешанного на религии, в его крайне агрессивных проявлениях: шовинизме, сионизме, русофобии и т. д.

Общая ситуация в России в начале 90-х характеризовалась нарастанием тенденции к разрешению возникших противоречий и конфликтов силовым способом, усилением социальных противоречий в сочетании с почти полным отсутствием в России традиции гражданского общества и опыта мирного разрешения социальных конфликтов; богатым наследием националистического экстремизма, кризисом в армии и правоохранительных органах. И как следствие этих процессов — общее ухудшение криминогенной ситуации, развитие института наемничества и доступность оружия, а также массовый приток на территорию России мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья. По времени это совпало с обострением межнациональных отношений внутри страны. Нельзя сбрасывать со счетов и «прозрачность» границ с республиками бывшего СССР. Это способствовало наплыву незаконных мигрантов, их свободному перемещению. А пропаганда насилия в СМИ, имеющая исторические корни в богатом наследии националистического экстремизма, содействовала общему падению правовой культуры населения. Налицо был системный кризис государственной власти.

Анализ основных причин и условий развития терроризма в Чеченской Республике позволил прежде всего обозначить реальные предпосылки для начала борьбы за передел сфер влияния и властных полномочий. В ситуации с Чеченской Республикой ведущую роль в материализации властных устремлений некоторых чеченских лидеров сыграла объективная утрата Центром — Россией после распада СССР — влияния и рычагов воздействия на ряд регионов, в частности, на Грозный.

Чеченский конфликт в его нынешнем состоянии, по мнению Председателя Государственной Думы РФ Геннадия Селезнева, — «ярчайший пример разнузданного сепаратизма, уходящий корнями «во времена после 1985 года», когда страна превратилась в «этакий политический Клондайк», где «дети лейтенанта Шмидта и другие самозванцы» стали ходить косяками. Там действовало правило: все, что плохо лежит, надо быстрее прибрать к рукам и застолбить...

Основополагающую роль в формировании конфликтной ситуации в Чечне сыграло не только противостояние власти по вертикали «центр-регион», но и борьба за власть внутри чеченского общества. Причем эта «другая» борьба во многом носила криминальный оттенок как по используемым методам, так и по составу непосредственных участников.

«Определяющая доля власти находилась под контролем невайнахского населения. В большинстве своем невайнахская номенклатура проводила определенную кадровую и миграционную политику. В связи с этим наблюдалось стремление представителей вайнахского народа, особенно его интеллигенции, мусульманских проповедников к «социальному реваншу». В то же время общим явлением в стране конца 80-х — начала 90-х годов XX века стало усиление влияния лидеров организованной преступности на развитие и обострение процессов противоборства. Нередко объективные наблюдатели отмечали необычайно тесное и глубокое взаимопроникновение чисто уголовного и политического экстремизма. «Героизация» уголовных авторитетов, бандитов и террористов в средстве массовой информации; открытый выход криминальных лидеров на политическую арену, их легализация и обретение ими вида респектабельности; концептуальная, организационная, законодательная неурегулированность многих вопросов» сыграли значительную роль в том, что захват власти в Чечне по сути криминальными авторитетами получил поддержку части чеченского общества. Неоднократно за прошедшие годы правоохранительные органы предупреждали о насаждении, протаскивании организованной преступностью своих представителей в органы исполнительной и законодательной власти в различных регионах страны. И то, что произошло в 90-х годах XX века в Чечне, — классический пример попытки утверждения криминального режима. Именно криминальные группы, в том числе структуры организованной преступности, были использованы для захвата собственности и власти. В результате возник «авторитарный мафиозный клановый режим». «По своей социальной природе это была власть маргинальной квази-элиты, национальная по форме и духу, но антисоциальная, преступная по сути»².

Возможным это стало из-за слабости институтов, обеспечивавших безопасность Российского государства и суверенность его власти над всей территорией Российской Федерации. Эта слабость выражалась как в несовершенстве действовавшего законодательства (Федеральный закон «О борьбе с терроризмом» был принят только в 1998 году), так и в ослаблении вертикали власти (что было обусловлено в том числе и эффектом «падающего домино» — от разрушения СССР до «парада» суверенитетов собственно в России); обескровливании и дискредитации федеральных силовых ведомств и их слабой координации (только ФСБ России в течение последнего десятилетия XX века реформировалась шесть раз); отсутствии четкой стратегической линии по противодействию сепаратизму, экстремизму и терроризму, и наконец, — общей концепции национальной безопасности России.

С другой стороны, слабость контрольных механизмов (финансовых, пограничных, таможенных и т. п.) в целом по России и тем более в Чечне благоприятствовала использованию территории республики в качестве гигантского «окна в криминальный интернационал». Незаконный сбыт нефтепродуктов, отмывание нефтедолларов, денег от хищений фальшивых авизо, похищения людей, торговля оружием, — все эти незаконные операции стали доступны в условиях захвата власти в республике, сулили баснословные прибыли. И не только сулили...

В республике развернулась война за власть — в том числе криминальными методами. Именно как попытку официального объявления войны федеральному Центру можно расценить действия ОКЧН («Общенационального конгресса чеченского народа»), который 9 октября 1992 года в ответ на принятие Президиумом Верховного Совета РСФСР Постановления «О политической ситуации в Чечено-Ингушской Республике» объявил мобилизацию всех лиц мужского пола от 15 до 55 лет, привел в боевую готовность национальную гвардию, принял постановление с призывом к вооруженному захвату власти в республике вплоть до военной конфронтации с Центром, расценил постановление Президиума ВС РСФСР как вмешательство во внутренние дела Чечни.

К тому времени уже полным ходом шла военизация чеченского общества, захватывалось оружие, принадлежавшее воинским частям, дислоцированным на территории Чечни.

Продолжала обостряться и внутривластная обстановка в Чеченской Республике. Осенью 1994 года на ее территории произошли вооруженные конфликты между враждующими группировками, грозившие перерасти в гражданскую войну. Все свидетельствует о том, что насилие, вылившееся в терроризм, брало начало во властных устремлениях определенных группировок. Я делаю этот экскурс в историю и теорию, чтобы лучше понять, что же произошло и происходит в Чечне.

У меня своя логика сравнений и параллелей. Чечня и Ирландия — своеобразные точки отсчета хода исторического потока, психологических размышлений.

Если обратиться к ситуации в Северной Ирландии, необходимо немного подробнее остановиться на предыстории политического конфликта, с которым связывала свои действия ИРА, — Ирландская республиканская армия (а сейчас и многочисленные ее преемницы — Временная ИРА, Последовательная ИРА и т. п.).

Исторически сложилось так, что до разделения Ирландии на два государства — Северную Ирландию и Ирландское Свободное Государство (с 1949 г. — Ирландская Республика), юнионисты — сторонники единого с Великобританией государства — были сконцентрированы в северо-восточной части острова. Призывы к автономии, которые исходили от южной, националистической части Ирландии, сильно тревожили юнионистов, желавших сохранить существующее политическое устройство.

Ирландское восстание 1916 года в Дублине и последующая казнь его лидеров привели к войне за независимость между националистами, с одной стороны, полицией и армией — с другой. Британское правительство попыталось смягчить ситуацию введением в 1920 году Акта о Правительстве Ирландии.

По условиям этого закона должны были быть созданы два парламента в Ирландии: один для управления шестью графствами, составляющими ныне Северную Ирландию, другой — для контроля над остальной частью острова (в общей сложности 26 графствами). Но вскоре требования автономии переросли в требования независимости. По англо-ирландскому договору в 1921 году Ирландии была предоставлена независимость, однако с условием, что Северная Ирландия не войдет в независимую Ирландию, а парламент Северной Ирландии не примет участия в выборах. На основе этого решения и было сформировано государство Северная Ирландия.

Во время его создания из шести графств два были с четким юнионистским большинством, два имели небольшое юнионистское большинство и оставшиеся два — небольшое националистическое большинство. Это гарантировало Северной Ирландии общий перевес юнионистов. Но с разделением Ирландии не было согласно националистическое меньшинство. Оно и добилось того, чтобы существование Северной Ирландии стало тревожным в связи с достигнутым политическим решением, едва ли не принуждением, и, по меньшей мере, не на основе консенсуса.

Северо-ирландский конфликт исключителен для Западной Европы еще и потому, что он — классический случай терроризма этнического меньшинства: Временная ИРА, крошечное меньшинство католического меньшинства в Северной Ирландии, пытается «освободить» территорию, на которой большинство отказывается от «освобождения».

ИРА проводит свою кампанию скачкообразного насилия в Ирландии в течение более 60 лет. Но ее мнение о себе как о «легитимной Республике» и ее вера в то, что дублинское правительство (не говоря уже о британском правлении в Северной Ирландии) являются «великим узурпаторством», резко отличают ее от других групп, ведущих в Европе подрывную деятельность, таких как ЭТА, «красные бригады», ни одна из которых не может заявить о некоей родословной, претендующей на то, что они верные хранители национальной чести, достоинства, единства.

Немного похожие претензии с момента захвата власти заявляли и лидеры чеченских боевиков. Однако, несомненно, при отдельных пробелах и натяжках в законодательстве и правоприменительной практике Соединенного Королевства общий контроль над ситуацией в Северной Ирландии все же принадлежал Лондону, что позволяло большей частью пресекать милитаризацию общества (несмотря на относительную прозрачность для боевиков границ с

Ирландской Республикой). Потоки оружия не были столь массовыми, да и поддержка местного населения не могла сравниться с ситуацией в Чечне. Одна из причин этого — демографический фактор.

В Чечено-Ингушской Республике на момент прихода к власти Д. Дудаева соотношение этнических чеченцев и других национальностей было приблизительно 60 % к 40 % (из которых 24 % — русские, 13 % — ингуши). В результате произвольного раздела республики демографический состав был искусственно изменен в пользу чеченцев, а оставшееся русскоязычное население начало «выдавливаться» из Чечни, следствием чего стал искусственно созданный значительный перевес чеченского населения даже в районах, традиционно заселенных русскоязычным населением.

В то же время сейчас приблизительно 60 % из полутораmillionного населения Северной Ирландии — протестанты. Оставшиеся 40 % — католики. К протестантам, из-за их лояльности к Британской короне и их поддержки политического союза между Северной Ирландией и Великобританией, обращаются как к «лоялистам» и «юнионистам». Аналогично католики, в соответствии с их желанием единой Ирландской Республики, известны как «националисты» и «республиканцы». Это четкое разделение между религиозными группами способствует вере в то, что конфликт только религиозный. Но подобные выводы — упрощенческие и вводящие в заблуждение, поскольку они не учитывают тот факт, что географическое, культурное, экономическое, этническое и политическое деления между двумя группами развиваются параллельно религиозному расколу североирландского общества.

Аналогичным образом — религиозным и национальным основанием пытались мотивировать причины конфликта чеченские лидеры. Тем самым конфликту придавалась видимая легитимность, а его истинная цель затуманивалась.

Религиозные основания для чеченского терроризма являются одновременно и мотивацией действий, и фактором легитимации крайней степени насилия (борьба за веру против «неверных», мол, оправдывает все) и одновременно обстоятельством, интернационализирующим данный конфликт, поскольку его необходимо рассматривать в контексте общих согласованных действий исламских экстремистов по всему миру. Многие нынешние лидеры Северокавказских республик апеллируют к наследию прошлого и выступают за полную легализацию традиционных социальных институтов, таких как полигиния, шариатские суды, советы старейшин и кровная месть.

Всплеск терроризма в регионе насилия, особенно в жесточайших формах, многие рассматривают (и, видимо, не ошибаются) в контексте конфликта культур: западной и восточной (основанной на исламе). Упорное насаждение исламских традиций и шариата лидерами Чечни протекало именно в подобном русле. Исламский фактор как проявление религиозного сознания стал важным рычагом конфликта в Чечне. Особенно сильное влияние оказывали в Чечне зарубежные исламские организации, стремящиеся к тому, чтобы постоянно поддерживать высокий уровень напряженности, провоцировать эксцессы противостояния мусульманских народов Северного Кавказа центральным властям России. Конфессиональным же элементам этнополитических конфликтов должного внимания до недавней поры не уделялось ни в СССР, ни в России. (Регулярной и основательной критике подвергался только исламский фундаментализм.)

В Чечне (как и в некоторых других мусульманских странах или странах с преобладанием мусульманского населения) под влиянием внешнего фактора произошла радикализация религиозных взглядов, получили развитие экстремистские религиозные течения. В частности, как известно, ряд террористических актов был совершен приверженцами ваххабитского течения в исламе.

Ваххабизму присущ крайний фанатизм в вопросах веры и экстремизм в борьбе с противниками. Важное место в нем отводится идее джихада, толкуемого не только как борьба с язычниками и разными иноверцами, но и с «людьми Писания» (христианами и иудеями), а также и с мусульманами, «отступившими» от принципов раннего ислама.

Учение ал-Ваххаба было знаменем борьбы за политическое объединение Аравии родом аль-Саудов. Позднее оно стало официальной идеологией государства аль-Саудов. В настоящее время ваххабизм продолжает оставаться основой официальной идеологии Саудовской Аравии.

Как известно, в Чечне ислам утвердился только в XVIII–XIX веках, вобрав в себя многие архаические обычаи и традиции. В XIX веке на Северном Кавказе широкое распространение получил мюридизм, выступавший за создание исламского государства. Сохранил силу и бытовое ислам, тесно переплетенный с национальными традициями и нормами поведения, поэтому не многие поборники ислама в Чечне могут прочесть хотя бы несколько строк из Корана. У большей части населения достаточно смутные понятия об исламе как о «вере предков».

Распространение в Чечне (и вообще на Северном Кавказе) идей ваххабизма связано с расширением геополитических притязаний ряда зарубежных мусульманских лидеров. В конце 1980 — начале 1990-х годов, когда приверженцы ислама получили возможность учиться за рубежом, они отправились главным образом в Саудовскую Аравию. Там они получили помощь и поддержку, прежде всего материальную, а также прониклись идеями ваххабизма. Официальное мусульманское духовенство Чечни (как и других Северокавказских республик) выступало против распространения этих идей. Проповедь ваххабизма была запрещена в середине 1990-х годов, а проповедники из Саудовской Аравии были высланы.

Наряду с борьбой за веру другим важным доводом легитимности действий чеченских экстремистов и террористов традиционно представляется восстановление исторической справедливости в связи с репрессиями сталинского режима в отношении чеченского народа во время Второй мировой войны. Это основание связано с тем, что в период сталинских репрессий чеченский народ подвергся массовой депортации, исправление пагубных последствий которой оказалось недостаточно эффективным. Государственная власть сначала СССР, а затем России не сумела правильно оценить ситуацию, предвидеть и предотвратить назревавшие в республике события, переориентировать их движущие силы. Федеральные органы власти Российской Федерации ослабили правозащитную деятельность в Чеченской Республике, не обеспечили охрану государственных складов оружия на ее территории, в течение нескольких лет проявляли пассивность в решении проблем взаимоотношений с этой республикой как субъектом Российской Федерации.

Для разжигания ненависти были реанимированы старые обиды, превалирующим стало проведение антирусской политики. Немалую роль в этом сыграли чеченские и прочеченские СМИ, некоторые представители которых не только последовательно проводили информационную войну, но и выполняли посреднические функции при закупке оружия, координировали подготовку и осуществление террористических актов на территории России.

Я против аналогий, но и чужой опыт может быть полезным. Анализируя ход почти двадцатилетнего развития североирландского конфликта, ученый-юрист П. Уилкинсон отметил как характерную черту деятельности североирландских террористических организаций их неоправданные претензии на легитимность: «Можно наблюдать смелые усилия мирного движения против полностью трудно управляемой и ужасной подоплеки нынешней ситуации в провинции. Пока кампания за мир привлекала все большую поддержку, особенно среди церквей, террористические убийства продолжались, достигнув пика. Неприятный факт, но новые стрелки и взрыватели бомб идут вперед. Фанатичные люди, преданные насилию и разрушению, появляются вновь для продвижения террористической кампании. В идеологии мракобесия Временная ИРА видит себя ведущей антиколониальную войну за «национальное освобождение» против мерзкого британского угнетения, легко игнорируя тот факт, что протестанты, составляющие 2/3 населения Северной Ирландии, твердо против объединенной Ирландии при любых условиях. Вот здесь-то террористам и нужна «легитимность»».

Но вернемся на нашу землю. Приходится констатировать, что еще в недавнем прошлом казалось, что российское общество обладало устойчивым иммунитетом к терроризму, однако в настоящее время баланс сил явно нарушен. Объясняется это тем, что терроризм, будучи по своей сути сложным социально-политическим явлением, аккумулирует в себе социальные противоречия, достигшие в нашем обществе уровня конфликта. Российское государство подошло в своем развитии к критической черте. Так, по количеству насильственных акций с использованием огнестрельного оружия, разного рода взрывных или зажигательных устройств или угроз их применения, захватов заложников, транспортных средств и вооружения, попыток ядерного шантажа и угроз применения компонентов химического и биологического оружия Россия имеет самые реальные шансы превзойти уровень подобного рода террористических акций и выйти на первое место в мире. При этом российское общество и власть оказались и морально, и физически не в состоянии обуздать хлынувшие на них террористическую пропаганду и насилие, с трудом контролировали, а кое-где, в частности в Чечне, не контролировали ситуацию вообще.

Интернационализация преступлений

Одним из негативных последствий глобализации стала интернационализация террористической деятельности. Современные средства глобальных коммуникаций значительно облегчили связь между террористами, дали им возможность координировать действия для достижения большего эффекта. Даже сугубо внутренний терроризм получал посредством глобальной информационной сети мгновенный отклик во всех уголках земного шара и, чем больший резонанс приобретали акты терроризма, тем сильнее стимулировал, подталкивал он на совершение новых преступлений многие террористические группировки. Ибо они воспринимали возникавшую «шумиху» амбициозно, как усиление значения их деятельности и дополнительную основу для удовлетворения выдвигаемых ими требований... Именно в этом одна из причин заявлений многих террористических групп о взятии на себя ответственности за совершение терактов.

Как показывает практика, между многими террористическими организациями в мире существует прочная взаимная связь либо имеются разовые контакты. Такие террористические организации, как испанская ЭТА, французское «Прямое действие», итальянские «красные бригады» и «Новые красные бригады», японская «Революционная Красная Армия», германская «Фракция Красной Армии», ряд палестинских организаций и другие оказывают друг другу помощь путем предоставления документов прикрытия, обмена информацией, организации тренировочных лагерей и мест укрытия террористов после совершения противоправных акций, содействия в вербовке наемников, направления в распоряжение другой организации своих военных инструкторов, боевиков и иных участников террористической деятельности.

Первые сведения о международных связях террористических групп, их взаимной поддержке оружием и информацией появились еще в начале 1972 года. Тогда в прессу просочились сообщения о том, что террористы из США (American Weathermen) и Турции (Turkey's Dev Genc), ИРА и партизаны-сандинисты из Никарагуа пытались проводить совместные летние тренировки на базе палестинских лагерей в Иордании. В то же время, по данным газеты «Irish Times», небольшие группы боевиков ИРА проходили инструктаж по использованию взрывчатки и по технике ведения партизанской войны в Ливане.

В 1979 году миланская газета «Коррьере делла сера» опубликовала отчет, из которого следовало, что боевики ИРА проходили подготовку в лагере «возле местечка Себха» в Ливии. В 1980 году НАТО заявила, что 44 члена ИРА в 1979 году стажировались в палестинских лагерях в Ливане и Южном Йемене.

Последние десятилетия прошлого века были также отмечены не только усилением взаимной помощи террористических организаций друг другу, но и прямой координацией преступной деятельности, проведением совместных террористических акций, использованием боевиков из одних стран на территории других государств.

Наиболее прочные контакты были установлены между ИРА и ЭТА. Был определен один «почерк» при совершении убийства премьер-министра Испании адмирала Луиса Карреро Бланки в декабре 1973 года и британского посла в Дублине Кристофера Еворт-Бигза тремя годами позже. Это подтвердило высказывавшиеся испанской полицией подозрения о существовании секретного пакта между ИРА и ЭТА.

Доказан факт проведения в августе 1985 года совместной акции французской террористической организации «Прямое действие» и германской «Фракции Красной Армии» (RAF) на территории военной базы, расположенной неподалеку от Франкфурта-на-Майне. Ими при помощи дистанционно управляемой мины был взорван автомобиль, начиненный взрывчаткой. Чтобы проникнуть на территорию базы, террористы за два дня до взрыва убили американского солдата и завладели его удостоверением. При участии тех же террористических организаций 9 июля 1986 года неподалеку от Мюнхена был убит влиятельный предприниматель Карл Хайнц

Бекурт. Кроме того, «Фракция» помогла «Аксон директ» в январе 1985 года в организации убийства в Сент-Клу ведущего инженера из группы генерала Рене Одрана.

Известны также совместные акции палестинцев и японской «Революционной Красной Армии» в 1972–1983 годах по захвату заложников и обстрелу аэропорта в Тель-Авиве.

После вывода советских войск из Афганистана развилась практика «международного сотрудничества» между террористическими организациями, базирующимися на территории Афганистана, и различными группами террористов на постсоветском пространстве.

В недавно уничтоженных лагерях Хаттаба в Чечне проходили подготовку террористы и наемники из многих стран мира. Именно «выпускники» его лагерей причастны к взрывам жилых домов в Москве и других городах России.

«Питомцы Афгана» — те, кто ранее сражался против советских войск на территории Афганистана, активно включились в борьбу незаконных вооруженных формирований на территории Чечни и осуществление терроризма в России. Их «знания», приобретенные в войнах в Афганистане и Таджикистане, оказали немалую помощь чеченским боевикам.

Чечня фактически превратилась в полигон международного терроризма. Здесь боевики испытывали оружие, формы и методы борьбы с органами власти, схемы управления силами и финансирования. Попросту говоря, готовились будущие террористы из многих стран для совершения акций в любом регионе мира. В одном из перехваченных разговоров «спонсор» Хаттаба прямо инструктировал: «Готовь кадры. Они нам понадобятся на будущее, когда уйдут в другие страны».

Но если раньше террористические организации сотрудничали лишь по одному признаку — общей принадлежности к так называемому криминальному интернационалу, вне зависимости от взглядов, национальной или религиозной принадлежности, то теперь консолидация вышла на более высокий и опасный уровень: исламские экстремисты из различных стран объединяются в единый фронт для осуществления террористических акций против единого врага — всего немусульманского мира и прежде всего против Запада. Или в другой интерпретации — против индустриально развитого Севера. Эта стратегия была опробована в совместных действиях в Косово, Израиле, Чечне, а также в ходе сентябрьских событий в США.

Наличие общих баз подготовки террористов, сходство в тактике проведения терактов, — все это наводит на мысль о существовании своего рода «террористического интернационала», о консолидации части зарубежных мусульманских экстремистских группировок под эгидой так называемого «мирового фронта «джихада» (МФД). Инициатором создания такого объединения выступил Усама бен Ладен еще в феврале 1998 года в Пешаваре.

В планы лидеров МФД среди прочих входило проведение активной террористической деятельности на территориях центрально-азиатских государств СНГ и Северном Кавказе России. Под их патронажем на территориях Афганистана и Пакистана функционировали лагеря подготовки исламских боевиков, среди которых отмечалось присутствие большого количества граждан государств СНГ и лиц из числа представителей северокавказских национальностей России. Факты свидетельствуют, что прошедшие подготовку в лагерях Хаттаба боевики причастны к терактам в г. Ташкенте в феврале 1999 года, к террористической деятельности в Чечне, Ингушетии, Дагестане, повинны в организации взрывов в Махачкале, Москве, Волгодонске, Каспийске.

По данным Генеральной прокуратуры России, вахабитам на территории Российской Федерации и незаконным вооруженным формированиям Чечни оказывают поддержку более 60 исламских организаций экстремистского толка из 30 стран дальнего зарубежья (в первую очередь, из Саудовской Аравии, Пакистана, Афганистана, Турции, Иордании) и государств — участников СНГ, также Грузии, Азербайджана, Узбекистана, Таджикистана, более чем 100 иностранных фирм и банковских групп.

Как показало вторжение бандформирований Ш. Басаева и Хаттаба в Дагестан, исламские экстремисты намерены были распространить свое влияние на весь российский Северный Кавказ и мусульманские республики РФ — Татарстан и Башкортостан. Их цель — отторгнуть эти регионы от России. Это — одна «черная стрела».

Но есть и другая: лидеры чеченских боевиков неоднократно демонстрировали свою готовность включиться в террористическую борьбу под знаменем ислама на территории других государств. В частности, в октябре 2000 года ими было заявлено о намерении направить своих сторонников для участия в «палестинской борьбе». Это дало бы им возможность представить борьбу в Чечне как часть исламистской глобальной борьбы против сговора США и Израиля или «евреев и западной культуры». Тем самым боевики пытались получить поддержку в мусульманских странах, которые до сих пор демонстрировали безразличие к чеченской борьбе. Также эти связи придали бы чеченской борьбе ореол интернационализма, привлекая к ней и генерируя повышенный интерес мировой общественности.

Серьезно осложняет проблему борьбы с терроризмом в Чечне постоянное пополнение рядов боевиков за счет иностранных наемников из Пакистана, Саудовской Аравии, Йемена, Иордании, Египта, Афганистана и других государств Ближнего и Среднего Востока, а также из стран СНГ. Попытки таких групп получить поддержку фиксировались посольствами России и ряда стран СНГ в Пакистане, Турции, некоторых государствах Ближнего Востока.

На ноябрьской встрече (1999 г.) в Бишкеке представителей стран — участниц Договора по коллективной безопасности и Республики Узбекистан представителем Совета Безопасности России было заявлено, что события в Киргизии, на Северном Кавказе, в Армении, Афганистане, Таджикистане, Косово — звенья одной цепи. Он подчеркнул, что эти звенья сплетены по месту и времени, координируются и управляются из одного или нескольких центров, финансируются из «ваххабитского интернационала» Усамы бен Ладена.

В мире немало террористических организаций, действующих под флагом радикального исламизма. Обычно к наиболее ярким примерам таких организаций относят «Хезболла», «Хамас», созданные как исламские движения сопротивления на Ближнем Востоке, «Исламский фронт спасения», существующий в Алжире с 1989 года, базирующийся в Египте «Исламский джихад», известный убийством А. Садата в 1981 году, «Вооруженную исламскую группу» и др.

Фундаменталисты не оставляют намерений установить шариатские порядки и в некоторых европейских странах. Так, значительная часть мусульманского населения Франции выступает за создание в этой стране даже (!) мусульманской территории. Во многих европейских странах лидеры исламских экстремистов чувствуют себя весьма свободно. В Великобритании, например, находятся лидеры самых радикальных исламских организаций, до недавнего времени открыто занимавшиеся пропагандой антироссийских взглядов чеченских полевых командиров, а также вербовкой наемников как для движения «Талибан» и террористических организаций, возглавляемых Усамой бен Ладеном, так и для чеченских бандформирований, готовящих осуществление терактов на территории России.

В странах Запада экстремистские группировки существуют также в среде некоторых этнических общин, традиционно исповедующих ислам. Однако они выступают не под религиозными лозунгами. К их числу, в частности, относятся курдские группировки, цель которых — создание курдского государства. В Швейцарии курдские манифестанты в знак протеста против ареста турецкими властями их лидера Абдуллы Оджалана захватили представительство ООН и в течение нескольких дней держали в качестве заложников его сотрудников. Более того, по данным МИД Турции, на территории двух стран НАТО — Германии и Греции — находятся базы вербовки, а в Германии есть и другой тренировочный лагерь боевиков ПКК (Курдской рабочей партии), до недавнего времени осуществлявших от 50 до 60 % всех терактов на территории Турции.

Но наибольшую опасность для всего мира в последнее время представляет угроза терроризма, исходящая с территории Афганистана. Причем эта угроза безопасности не только России, странам Центральной Азии — бывшим республикам СССР, но и государствам Западной Европы, Северной Америки, а учитывая угрозы ядерных, химических и биологических атак, — и всему миру.

Помимо связей внутри террористического сообщества значительную роль играет еще один международный аспект: получение с территории «третьих» стран различными способами финансовой, политической, технической и иной поддержки. Большая часть оружия ИРА производилась в семи западноевропейских странах, на долю которых приходится четверть производства всех мировых вооружений.

Финансовая поддержка североирландским террористам, а также поставки оружия в Северную Ирландию обеспечивались канадскими и американскими ирландцами. В США и Канаде существовала целая сеть Комитета Помощи Северной Ирландии (NORAID) и Ирландского республиканского клуба. В 1972 году, например, было заявлено о получении NORAID финансовых пожертвований на сумму в 40 тыс. американских долларов. Ежегодная сумма сборов в конце 60-х — начале 70-х годов оценивалась приблизительно в размере от 500 тыс. до 650 тыс. долларов. К концу 70-х — началу 80-х годов официальные суммы сборов значительно сократились — в среднем до 150–250 тыс. долларов. В то же время в частных беседах сотрудники NORAID заявляли, что действительная сумма собранных для Северной Ирландии средств значительно больше — например, за 1975 год она превысила 4 млн долларов США при официально заявленной 135 тыс. долларов. Ныне в Америке живут пять ирландцев на каждого ирландца в Ирландии. Это — иммигранты, которые до последнего времени оказывали финансовую помощь ИРА, в том числе для закупки оружия.

Следует отметить, что и финансирование террористов и бандформирований, действующих в Чечне и Центрально-Азиатском регионе, в существенной мере осуществляется извне. Наибольшая финансовая помощь экстремистам поступает из Саудовской Аравии, а также из ряда стран Ближнего и Среднего Востока. Большинство крупных террористических актов, совершаемых в мире исламскими фанатиками, по данным ЦРУ и ФБР, финансируется Усамой бен Ладеном.

В 2001 году на совещаниях в г. Карачи (Пакистан) и г. Кандагаре (Афганистан) представители движения «Талибан», У. бен Ладена, спецслужб Пакистана, Саудовской Аравии, Кувейта и Омана подтвердили готовность продолжить оказание финансовой и иной помощи «борцам за торжество идей радикального ислама» в Центральной Азии. Ими также выработан план действий по проведению радикальными исламистами широкомасштабных боевых операций в Центрально-Азиатском регионе. Это еще раз возвращает нас к проблеме государственного терроризма.

«Акты насилия, организованные или осуществляемые при поддержке государства, или если государство оказывает террористическим организациям финансовую, военную, материально-техническую и иную помощь», расцениваются как поддержка государством преступлений террористической направленности.

В Концепции национальной безопасности РФ к числу угроз в международной сфере относятся попытки «других государств противодействовать укреплению России как одного из центров влияния в многополярном мире, помешать реализации национальных интересов и ослабить ее позиции в Европе, на Ближнем Востоке, в Закавказье, Центральной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе... Международным терроризмом развязана открытая кампания в целях дестабилизации ситуации в России».

В последние годы усилилась деятельность спецслужб ряда зарубежных стран по созданию условий для дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в странах СНГ. Они поддерживают сепаратистов, содействуют проникновению террористов, экстремистски настроенных исламских фундаменталистов, особенно ваххабитов, в регионы своих интересов.

Из сообщений прессы известно, что только в 1992 году Иран выделил на поддержку радикальных исламистских движений 186 млн долларов, суданские фундаменталисты получили от Тегерана не менее 50 млн долларов, ливанская «Хезболла» — 48 млн, а Исламский фронт спасения в Алжире — 20 млн долларов...

Но и западные страны (как ранее СССР в отношении ряда развивающихся стран) использовали возможность поддержки террористических организаций, исходя из собственных геополитических интересов. Президент США Рейган в свое время собрался оказать военную помощь в размере 100 млн долларов никарагуанским контрастам на том основании, что правительство Никарагуа связано с производством наркотиков.

По некоторым данным, не без участия некоторых чужеземных спецслужб в Европе — Франции, Италии, Испании, Дании и других странах — была создана секретная организация «Гладио» — «Меч», в задачи которой входило осуществление диверсионно-тактических актов на территории этих государств, если там придут к власти красные. В мае 1995 года в Риме был арестован итальянский гражданин, который в середине 70-х годов был связным между ЦРУ и террористическими организациями Италии. «Гладиаторов» в Италии насчитывалось более 600, главный центр их подготовки находился на Сардинии. Сейчас «Гладио» — это уже история подготовки террористов-профессионалов в Западной Европе.

Существуют цифры, которые настораживают, особенно если речь идет об основной тенденции терроризма — о росте его деструктивного потенциала. За последние десять лет в Северной Америке было совершено 76 терактов, убиты и ранены 1213 человек. Но лишь два теракта 11 сентября 2001 года принесли около четырех тысяч смертей.

Количественный рост террористических акций с многочисленными жертвами и значительными материальными потерями, циничность и жестокость их исполнения характеризуют и действия террористов в современной России, примером чего стали взрывы домов в Волгодонске, Буйнакске, Москве. Такая тенденция в значительной степени связана как с ростом численности террористических групп и террористов-одиночек, так и с увеличением общей массы обычных и совершенствованием новых вооружений (химического, биологического и ядерного оружия), облегчением доступа к оружию в связи с многочисленными локальными конфликтами в мире и общей политической нестабильностью в ряде регионов.

Так, на территориях государств СНГ после развала СССР остались без работы многие ученые и специалисты, работавшие в военно-промышленном комплексе. Они способны создать химическое, биологическое и даже ядерное оружие. Но за их деятельностью фактически утрачен всякий надлежащий контроль. А такое оружие, попав в руки фанатично настроенных экстремистов, террористов и бандитов, может нанести огромный ущерб безопасности любого государства. И это не американские фильмы-боевики на экране.

Тенденции и перспективы развития терроризма целесообразно рассматривать в тесной связи с компонентами, составляющими это сложное явление, прежде всего, исходя из его идеологии, организационной структуры, а также из криминологических характеристик.

Кроме того, можно выделить ряд политических тенденций терроризма. Некоторые из них уже упоминались. Это: использование отдельными государствами некоторых террористических группировок в качестве орудия достижения своих геополитических целей; попытки лидеров отдельных террористических организаций придать своей деятельности характер национально-освободительной борьбы; использование террористами, а иногда и искусственное разжигание межнациональных противоречий, экстремизма и сепаратизма; распространение в качестве идеологической базы религиозного экстремизма (что особенно наглядно проявляется в экстремистских течениях на основе фундаментализма).

Серьезная угроза национальной безопасности и территориальной целостности государств СНГ исходит и в ближайшей перспективе будет исходить от радикальных международных исламских организаций, пытающихся укрепить свои позиции в регионах компактного проживания мусульман в Российской Федерации, а также в Азербайджане, Таджикистане, Узбекистане и Кыргызстане.

В организационном плане важной развивающейся характеристикой является усложнение структуры террористической организации, ее внешних связей. «Современные террористические организации — это иногда целые концерны с внутренним разделением труда, с мастерскими, складами, убежищами, типографиями, госпиталями, лабораториями, коммерческими предприятиями. Их «персонал» нередко состоит из идеологов и практиков, руководителей и исполнителей, специалистов по убийствам, диверсиям, угону автомашин, изготовлению фальшивых документов; ответственных за разведку, финансы, связь с прессой, профессиональных подпольщиков, получающих регулярное содержание, и лиц, ведущих легальный образ жизни, внедренных в различные сферы деятельности государственного аппарата, промышленного и финансового мира».

Террористы сегодня — это уже не только и не столько фанатики-революционеры, боевики-одиночки, угонщики самолетов и убийцы-камикадзе. Современные террористы — это

представители, члены мощных структур с соответствующим оснащением и финансово-экономическими возможностями. Терроризм превратился в весьма прибыльный бизнес глобального масштаба с развитым «рынком труда» и приложения капиталов, со своими правилами и моралью, не совместимыми ни с какими общечеловеческими и демократическими принципами и ценностями.

В докладе Национальной комиссии США по борьбе с терроризмом, представленном в июле 2000 года, указывалось, что ряд наиболее опасных групп приобрели черты, которых еще 10–20 лет назад не было: их финансовые и материально-технические связи простираются через границы, менее зависят от государств-спонсоров и труднее поддаются разрушению при помощи экономических санкций; они используют широко доступные технологии для быстрого и безопасного общения; достижение их целей связано со все большим числом человеческих жертв и материальных разрушений.

Нередко не только структурное сходство построения организованной преступности и террористических организаций, но и устойчивые связи между ними, взаимовыгодное использование возможностей друг друга способствуют организованной преступности террористов в достижении целей по оказанию давления на власти, для изменения антикриминальной политики и для получения необходимых финансовых средств. Это характерно, прежде всего, для связей с наркобизнесом. Наглядным примером стало использование средств от реализации наркотиков из Афганистана на финансирование террористических акций в Чечне.

Развитие современных технологий, особенно в сфере вооружений и коммуникаций, привело к тому, что, обладая необходимыми финансовыми средствами, даже численно небольшая группа террористов способна нанести серьезный удар по государству и его гражданам. Маленькая банда экстремистов или непримиримых, которые всегда существуют, может обладать все большей потенциальной силой. Вопрос лишь в необходимых финансах, которые в настоящее время получают по самым различным каналам, а также в различных формах поддержки иными террористическими группами или организациями, а также государствами. Настоящий этап развития терроризма отмечен процессами развития сотрудничества между террористическими структурами, как правило, близкими или одинаковыми по своим идейно-политическим позициям и финансовым возможностям.

Наряду с совершенствованием криминологических характеристик терроризма, важную особенность современного терроризма составляет отчетливый рост его военной составляющей. Примеры Афганистана, Таджикистана, Косово, Чечни, некоторых стран Ближнего Востока и стоящих за ними мощных покровителей и доноров показывают, что сегодня терроризм может вести диверсионно-террористические войны, участвовать в масштабных вооруженных конфликтах.

Криминологический анализ факторов, способствующих развитию терроризма, позволяет сделать вывод о прогрессирующем развитии следующих видов терроризма: элитарного — посягательство на должностных лиц органов государственной власти, владельцев (руководителей) банков, компаний и т. п.; функционального — покушение на сотрудников правоохранительных органов, ведущих специалистов фирм и др.; промышленного — нападение на социально-значимые предприятия, а также предприятия, вырабатывающие (хранящие) отравляющие и иные химические вещества; транспортного — уничтожение нефтегазопроводов, взрывы на железных дорогах и др.

Развитие таких форм современного терроризма расценивается как терроризм психологический, технологический и информационный, а все вместе — это «терроризм XXI века».

В соответствии с Договором о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом, под технологическим терроризмом понимается использование или угроза использования ядерного, радиологического, химического или бактериологического (биологического) оружия или его компонентов, патогенных микроорганизмов, радиоактивных и других вредных для здоровья людей веществ, включая захват, выведение из строя и разрушение ядерных, химических или иных объектов повышенной технологической и экологической опасности, систем жизнеобеспечения городов и иных населенных пунктов, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, оказания воздействия на принятие решений органами власти, для достижения политических, корыстных или любых иных целей, а также попытка совершения одного из вышеперечисленных преступлений в тех же целях,

осуществление руководства, финансирование или участие в качестве подстрекателя, сообщника или пособника лица, которое совершает или пытается совершить такое преступление.

В течение последних двадцати-тридцати лет технологический терроризм занял по степени реальной опасности лидирующие позиции. Выделяют две основные его характеристики: потенциальное применение террористами и террористическими группировками средств массового поражения и уничтожения (химического, ядерного, бактериологического оружия), а также акты терроризма, направленные против важнейших объектов промышленности, энергетики (атомные электростанции), коммуникаций (газо- и нефтепроводы, железные дороги, метрополитен и т. п.). Совершенные там диверсии по своей разрушительной силе способны повлечь непредсказуемые катастрофические последствия.

В ближайшие два-три года есть угроза, что мы можем стать свидетелями рождения нового вида терроризма: диверсии будут осуществляться не с помощью взрывных устройств, а путем вывода из строя крупнейших информационных систем через всемирную компьютерную сеть Интернет. Жертвами станут в первую очередь государственные организации и крупные коммерческие структуры, научные бюро и частные лица.

Интернет предоставляет террористам исключительные возможности. Он служит для них и источником получения (легко и без привлечения лишнего внимания) практически любых необходимых сведений: от предложений потенциальных поставщиков оружия и необходимых технических средств до инструкций о создании бомб. С его помощью можно перевести необходимые финансовые средства или получить их, собирая пожертвования либо взламывая банки, можно вербовать наемников и осуществлять пропаганду и, наконец, посредством глобальной сети возможно быстро и малыми затратами нарушить нормальное функционирование любого объекта гражданской или военной инфраструктуры. И все это при исключительно высоком уровне защищенности от вмешательства государства в потоки соответствующей информации, а следовательно, при сохранении основной характеристики и условия террористической деятельности — ее секретности.

Французский криминолог Жак Кауфман выпустил книгу, в которой он отметил связь терроризма и научно-технического прогресса: «Во все времена враги использовали в борьбе между собой перевороты и диверсии. Но то, что стало новым в наши дни, — это исключительное поле действия, предоставляемое новым террористам научным прогрессом и развитием нашего общества, все более и более зависимо от своей экономической инфраструктуры. Заводы сегодня, атомные электростанции завтра представляют настолько уязвимые цели, что их разрушение затронет весь сектор национальной экономики».

С помощью компьютерных систем можно нанести гораздо больший урон, чем взрывом бомбы в какой-либо коммерческой структуре. При этом компьютерные диверсии имеют несколько преимуществ: снижаются шансы пострадавшего на восстановление ущерба. Теракт получает более широкий общественный резонанс. Поймать конкретного исполнителя очень трудно, для выполнения же диверсий привлекаются профессиональные программисты — взломщики компьютерных систем. Не исключен и шантаж потенциальных жертв угрозой компьютерной диверсии.

Примером подобного развития сценария может стать информация газеты «Санди Бизнес», по данным которой в феврале 1999 года хакерам удалось «захватить» один из четырех военных спутников связи Великобритании, и они шантажировали оборонное ведомство, вымогая деньги. «Такое могло случиться только в кошмарном сне, — признал один из высокопоставленных чиновников британских спецслужб, которые вместе со Скотланд-Ярдом выявляли «взломщиков» системы национальной безопасности. — Если бы Великобританию хотели подвергнуть ядерной атаке, то агрессор начал бы прежде всего с военной спутниковой системы связи. Результат мог бы стать самым разрушительным».

Новейшие технологии предоставили террористам изобилие новых вооружений и потенциальных объектов атак, но вместе с тем они повысили и способность самого государства к нанесению ответного удара. «Решающий элемент последних успехов антитеррористических спецподразделений — их возросшее использование множества нового совершенного технологического оборудования, разработанного специально для использования против

террористов. Это неоднократно обеспечивало критический минимум для победы в столкновении с террористами»¹.

Ни одно контртеррористическое подразделение не может выжить без своевременной и точной информации и разведывательных данных о противнике. Современные компьютерные технологии предоставляют возможность сбора и анализа неограниченного числа информации относительно террористических организаций, их членов и характеристик.

Особую опасность для общества представляет опасность завладения террористами ядерными технологиями, которые могут вывести террористов на качественно более высокий и крайне опасный потенциальный уровень. Если «терроризм традиционно воспринимался как оружие слабых, то сейчас некоторые из слабых стали потенциально сильными». И эта опасная «сила» — в намерениях террористов завладеть ядерным оружием, а также создать реальность угрозы возможного использования террористами оружия массового уничтожения. В России такие намерения пока не увенчались успехом. Однако чеченские террористы, в частности Ш. Басаев, запугивали наличием у них ядерного и бактериологического оружия, угрожали использовать его против мирного населения, а также совершить диверсии на атомных электростанциях. С. Радуев утверждал, что тоже располагал несколькими ядерными боеголовками. «К сожалению, — как он заявил, — их было практически невозможно применить в наших условиях».

Существует ли панацея от терроризма?

Наш ответ терроризму

К одним из первых террористических актов относят действия древнееврейских отрядов сопротивления «шилот сикари» против римлян. В их задачу входило создание паники среди римлян. Об эффективности этих действий свидетельствовал тот факт, что древнееврейские отряды выстояли против легионеров более семидесяти лет, а на их вооружении были только нож, меч и... методы террора — поджоги, убийства.

До сегодняшнего дня государства так и не нашли кардинального средства для ликвидации терроризма. В то же время опасность терроризма возрастает с каждым годом.

Конечно, террористы могут сами ограничивать насилие. Это зависит в той или иной степени от форм и размеров поддержки спонсоров, от толерантности некоторых правительств. Они понимают, что «слишком много насилия может спровоцировать жесткую реакцию и большее международное сотрудничество против террористов».

Но акты «Аум сенрике», действия подконтрольных бен Ладену террористических организаций (а в России — угрозы Басаева и Радуева применить средства массового поражения против населения в ряде городов России) полностью развеивают иллюзии вокруг того, что у террористов могут проявиться «сдерживающие инстинкты» или вообще восторжествует здравый смысл.

Подтверждаются худшие предсказания о том, что «государства, независимо от того, демократические они или тоталитарные, не будут иметь иммунитета в будущем от нападений террористов». Поэтому особую важность приобретает выработка продуманного и эффективного согласованного ответа терроризму.

Целевую основу действий по борьбе с терроризмом, ориентируясь на Федеральный закон «О борьбе с терроризмом», составляют «защита личности, общества и государства от терроризма; предупреждение, выявление, пресечение террористической деятельности и минимизация ее последствий, выявление и устранение причин и условий, способствующих осуществлению террористической деятельности». Однако недостаток указанных подходов кроется в том, что они слишком обобщенно говорят о государственной стратегии по борьбе с терроризмом на стадии его

подготовки и проведения операций. А это значит — покушения на суверенитет и безопасность государства.

Детальный комплекс мер по противодействию терроризму стратегически должен включать противодействие — идеологическое, информационное, организационное, формированию у граждан террористических намерений и настроений; укрепление в обществе устойчивого мнения о недопустимости террористических методов протеста, но и абсолютной невозможности каких-либо уступок террористам или соглашений с ними; противодействие — правовое, информационное, административное и оперативное — возникновению террористических (экстремистских) групп и организаций; недопущение приобретения лицами, вынашивающими террористические намерения, оружия и иных средств осуществления преступных действий; предупреждение террористических действий; пресечение — оперативное, боевое, уголовно-правовое — террористических действий на стадии их реализации.

Данный перечень задач безусловно нуждается в совершенствовании. Построенный по функциональному признаку, он включает ряд разнопорядковых по степени обобщенности действий (недопущение приобретения оружия входит в превентивную функцию соответствующих государственных органов, информационное противодействие формированию террористических групп уже предполагает создание определенного негативного общественного мнения).

Более последователен в организации по единому признаку — задачам и сферам деятельности — был VIII Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. На форуме была определена программа по контролю над террористическим насилием, включающая в числе основных направлений совершенствование международного сотрудничества в области борьбы с терроризмом, активизацию просвещения и расширение подготовки сотрудников правоохранительных органов; разработку программ общего правового просвещения и расширения осведомленности общественности (с привлечением СМИ); обеспечение эффективного контроля над оружием, боеприпасами и взрывчатыми веществами и другими опасными материалами; эффективную защиту свидетелей террористических актов, судей и других участников уголовного правосудия по делам о террористических актах; разработку руководящих принципов для СМИ применительно к освещению актов терроризма.

В качестве инструментов контртеррористической политики государства предлагалось рассматривать контртеррористические меры. Фактически же это более детализированный набор целей и задач по совершенствованию уже имеющихся функциональных и правовых институтов. А именно: скоординированная разведка и планирование непредвиденных ситуаций; улучшенная технология слежки для установления металлов и взрывчатых веществ; более жесткие таможенные процедуры; повышение безопасности посольств и аэропортов; улучшение конструкции самолетов — отделение кабины пилотов от пассажиров; двусторонние и многосторонние соглашения об экстрадиции; прямое давление на страны — убежища террористов; совершенствование секретных антитеррористических подразделений для борьбы с партизанами; стимулирование поддержки другими странами действий против терроризма.

Для пресечения, а также предупреждения, для сдерживания терроризма основной метод государства — сила закона. Впрочем, закону в правовом обществе должны подчиняться и все остальные методы контроля терроризма — и политико-экономический, и превентивный, и тем более репрессивно-функциональный. В последнем случае это тем более актуально, что репрессия, наказание остается основной силой государства и функцией соответствующих его институтов. Но в обычной жизни (не связанной с широкомасштабной кампанией насилия, требующей адекватно жестких мер) общественность «озабочена не тем, как и почему правительства решают бороться с терроризмом при помощи силы, но больше теми усилиями, которые они предпринимают для улучшения процедур по обеспечению уголовного преследования подозреваемых в терроризме».

Репрессивно-правовой метод заключается в том, что законодательная и правоприменительная функции, направленные на правовое регулирование определенных общественных отношений, служат не только целям наказания преступников, но и восстановления нарушенных прав граждан и интересов государства, индивидуализируют степень ответственности каждого в зависимости от конкретных обстоятельств. Одновременно система санкций регламентирует поведение лиц, вовлеченных в террористическую деятельность (они вынуждаются в той или иной степени действовать в рамках системы), а также значительно затрудняет само функционирование

террористов. Их действия становятся более предсказуемыми, контролируемыми, значительно увеличиваются затраты и риск проведения терактов.

Эти санкции могут включать ограничения стандартного набора прав и свобод граждан и соответственного расширения полномочий компетентных государственных органов, установление жестких стандартов для финансовой, политической или идеологической деятельности различных организаций, криминализацию определенных видов поведения (например, участие в террористической организации, сбор средств для ее нужд и т. д.), перевод функции доказывания на подозреваемое лицо. Это может насторожить многих либералов, но без таких действий пока никак нельзя.

Кроме того, «в контексте внутренней репрессии» некоторые юристы усматривают «более специфические способы, такие как сдерживающий эффект смертного приговора (включая публичные повешения и обезглавливания, использовавшиеся на Ближнем Востоке для уничтожения террористов); эффективное законодательство по контролю за огнестрельным оружием, сокращающее доступ террористов к оружию; эффективность более жестких иммиграционных и визовых требований для ограничения и контроля движения террористов через границы и т. д.

Механизмы разведки

Наибольшую озабоченность у правозащитников, как правило, вызывает введение любых специальных полномочий для борьбы с терроризмом. Есть элемент, существенно важный для законодательства о специальных полномочиях во время любой длительной террористической кампании, — это принятие адекватных мер по защите общественного порядка. Когда вопрос касается пределов вторжения в частную жизнь (при проведении оперативно-розыскных мероприятий по конкретному уголовному делу или сборе иной оперативной разведывательной информации), возникает страх перед возможностью тотального контроля со стороны государства за частной жизнью отдельного человека, особенно учитывая грандиозные возможности, предоставляемые в данном отношении государству современными технологиями: кодовой информацией, идентификационными номерами, отслеживанием любой подозрительной информации при помощи провайдерских служб, камерами слежения. Возникает дилемма: с одной стороны, органы безопасности должны находить террористические организации и арестовывать преступников; с другой — существует соблазн покрыть всю страну сетью слежения, напоминающую «1984» Джорджа Оруэлла.

Ключевым моментом для понимания страхов перед внутренней разведкой является отсутствие грани между восприятием разведки в интересах предварительного следствия и разведки как помощи для формирования политики. Информация, полученная в ходе разведки, может послужить основой или подтверждением проводимому следствию. Но в разведывательной работе судебное слушание часто служит симптомом провала — раскрытием агента, действующего против врага, или неудачной манипуляции информацией о враждебной группе.

Теоретически разведка имеет собственные цели и значима вне зависимости от того, привлечен ли кто-либо к уголовной ответственности за совершенный теракт или нет. Но не всегда эта аксиома воспринимается общественностью, политиками. Нередко общество в поисках виноватых в случившемся, в целях «контроля» за законностью и эффективностью действий разведки, а чаще для получения наглядных результатов ее работы требует публичных отчетов, что не только отвлекает значительные силы, но и может грозить утечкой информации. Тем самым нарушается один из главных принципов действия разведки — режим секретности и конфиденциальности.

Только при наличии в обществе консенсуса относительно важности разведывательных функций отдельно от правоприменительных функций для борьбы с терроризмом возможно предусмотреть, чтобы правительство изучало размеры, интенсивность и эффективность методов по борьбе с угрозой, не привлекая к этому службы осуществления уголовного преследования. Так,

например, считает юрист К. Дж. Робертсон, и его мысли в юридических кругах расцениваются как передовые.

Перед жестокой опасностью, которую несет с собой терроризм, существует ряд крайних правовых мер. Их может использовать государство для защиты себя и своих граждан. По замечанию Пола Уилкинсона, «обсуждая специальные полномочия, любой либерал будет говорить о них с сильным отвращением и неохотой. Известный афоризм Эктона можно отнести и к специальным полномочиям: «Все власти порочны, и специальная власть — особенно порочна...» Слишком много случаев приходит на ум амбициозных политиков во всем мире, кто использовал такие меры для своих собственных целей или кто желал поступить так. Во многом из-за этих злоупотреблений и реальной опасности периодического возникновения диктаторства либералы правы, настаивая на том, что специальные полномочия могут использоваться лишь в случаях, если есть фундаментальная угроза политической или экономической системе». Но такую угрозу при желании можно найти всегда.

Достаточно вспомнить приводимое Нейл Левинстон высказывание гватемальского бизнесмена о том, что «ты больше не либерален после того, как тебя попытались убить террористы». Не случайно после похищения и убийства Альдо Моро, несмотря на негодующие протесты либералов, 76,9 % из проголосовавших на итальянском референдуме 2 июня 1978 года высказались в поддержку закона от 1975 года, который давал полиции неограниченные полномочия по применению огнестрельного оружия. В результате возможности итальянской полиции по борьбе с терроризмом были еще более расширены. Итальянское правительство даже рассматривало вероятность восстановления смертной казни (что так и не было сделано) за некоторые преступления террористической направленности. Это было бы актом в качестве дополнительной контртеррористической меры.

Шок от терроризма в Мюнхене побудил немцев к оказанию воздействия на своих законодателей в целях ревизии конституции для расширения полномочий федерального центра в борьбе с терроризмом, а также другими преступлениями, включающими международный аспект.

Сентябрьские события в Нью-Йорке привели к тому, что подавляющее большинство населения США поддержало намерения президента и парламента ввести значительные ограничения гражданских свобод.

Хотя, конечно, возможно, такие дополнительные полномочия и неприятны, но их использование — наименьшее зло по сравнению с тотальным коллапсом демократии, который может случиться в противном случае. Чрезвычайные меры должны быть конкретно сформулированы и законодательно закреплены, опубликованы так широко, как только возможно, и исполнялись бы беспристрастно и пунктуально гражданами и государством.

Возникает и проблема взаимоотношений между правоприменительными агентствами и службами безопасности. Существуют три ключевых вопроса: взаимоотношения между полицейскими институтами и службой безопасности; степень, до которой уголовное преследование и суд решают основные задачи службы безопасности, и, наконец, допустимость доказательств, полученных тайными методами.

Так, в США у ЦРУ нет правоприменительных функций, а также функций по обеспечению внутренней безопасности. Центральное разведуправление обеспечивает сбор разведывательной информации в отношении внешних угроз. В то же время ФБР выполняет функции уголовного преследования, но и ведет сбор разведанных. Иное дело в Великобритании, где служба безопасности — не правоприменительное ведомство, в чем заключается ее преимущество, поскольку она предназначена всецело для сбора разведывательной информации.

Методы, которые используются разведкой для сбора информации, не обязательно могут быть правомерно применены в случае борьбы с преступностью. Большинство гражданских свобод возникли как защита против способности государства причинять вред отдельному лицу посредством ли выемки предметов, заключения под стражу или лишения привилегий. Когда наказание не подразумевается или не служит основной целью, человек меньше нуждается в защите, и службы безопасности находятся под меньшими ограничениями. В этом случае основную защитную роль выполняет суд, расценивающий доказательства, полученные с нарушением закона, как недопустимые.

Гораздо эффективнее для расследования, осуждения и наказания террористов оказались специальные полномочия на арест без предварительного ордера с пролонгацией периода, на который подозреваемый мог задерживаться для допроса (например, в Великобритании, США, Франции), и расширение полицейских полномочий на обыск (в Германии, Италии, Франции, США и др.). Германия, как и ряд других европейских стран (например, Бельгия, Дания, Италия и Нидерланды), ввела ограничения в отношении адвокатов защиты, злоупотребляющих своими правами.

Для стимулирования сотрудничества с органами следствия и судом разрабатывались специальные поощрительные меры. Среди них — снижение сроков наказания (Франция, Италия) или полное освобождение от уголовного преследования (система «стукачества» в Северной Ирландии, которая вызвала неоднозначную оценку как специалистов, так и населения). В целях борьбы с терроризмом вводились и специальные материальные нормы. В частности, в Германии ревизию подвергся уголовный кодекс, в результате чего были установлены различные штрафы и максимальный срок тюремного заключения в 32 года за ложное сообщение о закладке мин, публикацию инструкций по производству бомб и террористической тактике, уголовные санкции для авторов статей, очевидно поддерживающих серьезные преступления, и ораторов, выступающих от имени террористов и других лиц, совершивших серьезное насилие. Хотя социал-демократы и свободные демократы заявили, что новые законодательные меры ограничивают конституционно гарантированные свободы, консервативные христианские демократы заняли решительную позицию, утверждая, что модифицированный кодекс все еще недостаточно жесток.

Наличие эшелонированной системы террора как метода организации и тактики террористов предполагает высокую степень секретности действий как всей организации, так и отдельных ее членов, четкую специализацию внутри группы при одновременном условии, что действия каждого обеспечивают ее существование как единого организма.

Живучесть и сила наиболее известных террористических групп состоит в том, что знаменателем, базисом контроля и самоконтроля в них служит вознаграждение (материальное, моральное, идейное), принуждение (вплоть до морального и физического уничтожения), легитимация (признание за руководителями группы террористической операции «узаконенных» бесконтрольных прав на отдачу распоряжений, приказов и т. п.), экспертиза (воздействие на подчиненных знаниями, опытом, авторитетом) и референтность (способность влиять примером — идентифицировать личности).

Квалификация в качестве преступных не только действий отдельного лица, но и всей организации позволяет более эффективно бороться с терроризмом, как с национальным, так и с международным. Такое определение мешает попыткам террористических организаций получить публичную легитимность и значительно сокращает поддержку в обществе, в разных слоях населения.

Поэтому задача властей не только получить согласие общества на применение жесткой стратегии в правовом регулировании борьбы с терроризмом, но и продемонстрировать реальными результатами эффективность применения на практике такой стратегии, а также обеспечить общество реальными механизмами защиты в отношении любого отклонения властей от установленных правил.

С террористами можно разговаривать лишь с жестких позиций закона, и иного языка они не понимают.

Вред, связанный с любой уступкой или сделкой, которая может предоставить террористам некоторые ощутимые преимущества, состоит в том, что террористы создадут прецедент и установят модель для подражания для других преступных групп.

В большинстве же государств стратегия борьбы с терроризмом заключается в сочетании политических и социальных методов устранения собственно причин насильственного конфликта, со снятием напряжения в определенных слоях населения. При этом правительство использует применение силы против террористов, в том числе за пределами собственных границ, поскольку считает: сильное и эффективное государство не должно оставить безнаказанным (физически или в смысле уголовно-правовых санкций) ни один случай террористического насилия над своими гражданами и ни одну попытку — внутреннюю или внешнюю — нарушения собственного

суверенитета. Проблема силового ответа связана для государства с рядом серьезных проблем. Прежде всего, это адекватность применяемых государством силовых ресурсов и возникающая в связи с этим опасность для гражданского населения.

Многие специалисты склонны трактовать сам факт начала военных операций против вооруженных формирований террористической организации как некоторую легитимизацию последней, поскольку с ней начинают говорить, пусть языком силы, но как бы на равных. С таким же успехом можно сказать, что ведение политических переговоров с представителями политического крыла террористической организации становится признанием ее полноправным и законным субъектом общественной жизни страны. Предоставление террористам одинаковых со всеми гражданами правовых гарантий (как и применение в отношении них стандартных форм уголовного процесса) в таком контексте выглядит «узакониванием» террористов, сведением оценки их действий к чисто криминологической, без учета остальных аспектов последствий терроризма.

Но в том-то и дело, что террористы сами заведомо ставят себя за пределы «системы». Они изначально объявляют себя выше законных рамок, и проведение адекватно жестких мер в отношении них должно рассматриваться именно как стратегия государства в исключительных обстоятельствах, определяемых интенсивностью конфликта и опасностью угрозы со стороны террористов, направленных на принуждение террористов вернуться в установленные законом и моралью рамки поведения.

Причем, несомненно, ключевое слово в этом определении — адекватность. Если государство на основании проверенных и убедительных сведений, анализа и прогнозов считает, что опасность для демократического существования его институтов, нормальной жизнедеятельности населения определенных территорий со стороны терроризма реальна и значительна (что выражается в серьезности заявляемых террористической организацией преступных намерениях, ущербе, причиняемом жизни и здоровью людей, несанкционированном ограничении и даже прекращении основополагающих конституционных прав граждан, попытках провокации международного вооруженного конфликта и т. п.), оно не только вправе, но и должно применить весь арсенал имеющихся в его распоряжении средств для предотвращения и ликвидации такой угрозы.

По общему мнению экспертов, применение вооруженной силы и сопутствующее ему, как правило, ограничение или приостановление гражданских свобод, оправданно в случае интенсивного вооруженного конфликта. Так, «в странах, где имеются... гражданские свободы, их приостановление перед лицом терроризма необходимо, если правительство хочет выжить, и неумение действовать беспощадно могло бы неизбежно привести к дальнейшему нарушению закона». Это — мнение Энтони Бертон. Что можно ему возразить? Он скорее всего прав. Но продолжим рассуждения.

Террористы уязвимы, но не так, как нации. У них нет ответственности за безопасность гражданского населения и вследствие этого они менее уязвимы с точки зрения возмездия. Однако если правительство начинает военные действия против террористической группы, то, как правило, это становится причиной международного осуждения. Такое государство может быть обвинено в агрессии со всеми последующими международными санкциями. Еще сложнее обстоит дело в отношении военных операций внутри государства — любое несоразмерное применение силы международное сообщество, а также внутренняя оппозиция склонны расценивать как нарушение основных принципов международного права, норм международного гуманитарного права и прав человека. Причем существующая для отдельного лица презумпция невиновности не действует в отношении государства. Достаточно поверхностных обвинений со стороны террористов и поддерживающих их структур (внутри страны и за ее пределами) в злоупотреблении государством силой, чтобы эти утверждения послужили основанием для требований немедленно прекратить вооруженные методы борьбы с терроризмом и разрешить конфликт путем переговоров. Сколько раз это проявлялось в связи с чеченскими событиями!

Созданная система дипломатии и законов войны имеет в данном случае тенденцию к асимметрии. В невыгодном положении оказывается государство не потому, что оно нарушает закон (это делают террористы), а просто потому, что оно государство. А с демагогией, политической равным образом, бороться не просто. Причем международные оценки действий государства зачастую субъективны — в зависимости от политической конъюнктуры.

Конечно, нельзя отрицать, что всегда остается соблазн для вооруженных сил демократического государства действовать за рамками закона. Прежде всего, когда идет борьба с террористами. Обычно такие действия оправдываются тем, что обычные, предусмотренные законом гарантии для граждан не рассчитаны на экстраординарный случай с террористами. Кроме того, террористы, сами заявляющие о своей экслегитимности (или надлегитимности) и непризнании действующего законодательства как части системы, против которой они борются, если быть последовательными, всегда должны рассматриваться как лица вне закона.

Однако если свободное общество не имеет реальных и надежных возможностей разведки, которые могли бы быть использованы для пресечения мятежа до того, как он станет реальной угрозой, задействование армии, вне зависимости от тяжести последствий, — это единственный выбор, который остается.

Традиционные общевойсковые методы ведения военных действий в отношении террористов часто бывают малоэффективны. Войска и военные методы в обычном понимании порой бесполезны в действиях против террористов, поскольку в силу большого разрушительного потенциала современные вооружения и тактика не всегда применимы в местах, где в основном находится гражданское население. С другой стороны, не готовое к партизанским методам ведения войны большинство армейских подразделений становится лишь удобной мишенью для террористов — исключительно выгодной для организации контрпропаганды в отношении антитеррористической политики государства. Террористы даже устроили взрыв в Каспийске во время парада в честь Дня Победы 9 мая 2002 года. Трудно представить более кощунственный и циничный акт...

Контртерроризм требует хорошо подготовленных «командос», действующих маленькими разрозненными группами; мастерски владеющих электроникой, средствами связи, взрывным делом, стрельбой, устранением противника, маскировкой, методами бесшумных убийств и знакомых с террористической тактикой и особыми правилами поведения. Только включившись в игру и сделав из террористов-охотников террористов-мишеней или тех, за кем охотятся, правительства могут перехватить инициативу и начать эффективно разрешать террористический кризис.

Вместе с тем, применение государством силы, если оно не желает само опуститься до уровня террористов, должно ограничиваться определенными рамками. Если службы государства «попирают закон с претензией на его защиту, это может разрушить чистоту, авторитетность и публичное уважение к закону, т. е. к основам конституционной демократии».

Авиация, артиллерия и иные силы, обладающие повышенным разрушительным потенциалом, — крайние меры. Они могут и в определенных ситуациях необходимы для подавления активного вооруженного сопротивления террористических формирований, ликвидации тренировочных баз и мест постоянной дислокации террористов. Но такие удары в местностях, где рядом расположены гражданские населенные пункты, должны быть ограничены точечным наведением, чтобы по возможности исключить какой-либо ущерб некомбатантам — гражданским лицам.

Многие проблемы возникают при применении военной силы в случае международного терроризма, когда субъектами конфликта становятся не только государство — объект и предмет атаки террористов — и сами террористы, но и другое суверенное государство. Защищая собственный суверенитет, государство, атакующее террористов на чужой территории, само посягает на чей-то суверенитет. Тем самым легитимность уже его действий подвергается двойному сомнению: не только с позиции адекватности применения вооруженной силы, но и с точки зрения нарушения самим государством одного из основополагающих принципов международного права — нерушимости границ, суверенитета соседей.

Осознание того обстоятельства, что в большинстве случаев уступки террористам только поощряют новые акты терроризма, а также неоднократные неудачи ООН в выработке определения международного терроризма, в создании эффективных механизмов противодействия терроризму побуждают отдельные государства прибегать к односторонним военным действиям против терроризма. Они полагают, что «если невозможно заставить террористов ответить перед законом, тогда они должны отвечать перед оружием», это пытаются оправдать тем, что «как не является преступлением убийство врага в военное время, так не должно расцениваться как

преступление или морально предосудительное действие, когда нация, действуя в соответствии со своими обязательствами защищать своих граждан от зла, ищет террористов и уничтожает их за пределами своих границ, карает всех тех, кто совершил или планирует совершить зверства на его территории или против его граждан». Оценки восприятия таких действий, понятно, неоднозначны. Некоторые прямо расценивают их как проявление политики государственного терроризма.

А вот как выглядит, например, содержание Директивы Совета национальной безопасности США № 138 от 3 апреля 1984 года по «борьбе с международным терроризмом». В документе определен порядок подготовки и нанесения упреждающих и репрессивных ударов по террористам во всех районах мира, создание в этих целях отрядов специального назначения, ведения широкой разведывательной деятельности, открытых и тайных акций с применением оружия на территории других стран для защиты интересов США.

Еще до взрыва американских посольств в Кении и Танзании, подготовки других крупных терактов против США и Великобритании, в конце 1995 года Б. Клинтон подписал совершенно секретный приказ, одобренный комитетом по разведке в конгрессе. Этот документ разрешал ЦРУ начать проведение операции с целью ликвидации сети террористических ячеек, а также их руководителей и спонсоров. А после получения данных о подготовке нападений на американские посольства в Восточной Африке американцы нанесли превентивные удары по саудовской фармакологической фабрике, где, по их информации, бен Ладен готовился к производству нервно-паралитического газа. Бомбово-ракетные удары были нанесены и по базам афганских талибов, где, возможно, находился бен Ладен. А сама высадка десанта, открытые боевые действия понадобились Вашингтону для разгрома талибов, смены власти в Кабуле.

Не оценивая напрямую как государственный терроризм осуществление военных акций против террористов на территории другого государства, некоторые политики все-таки считают такие действия нарушением норм действующего международного гуманитарного права, поскольку они влекут массовые потери не только среди террористов, но и среди гражданского населения. А это чревато усугублением конфликта на многие годы вперед. Так, примечательна оценка американского посла Ч. В. Йоста контртеррористических действий Израиля после известных событий в Мюнхене в 1972 года: «Можем ли мы справедливо исключить из определения понятия «терроризм» карательные рейды Израиля против палестинских лагерей в Ливане и Сирии, во время которых, несомненно, убито много совершенно невинных людей и которые помогли создать новое поколение террористов среди их родственников и друзей?» Только случай прямой или косвенной агрессии оправдывает возможность ответных мер в отношении другого государства, и статья 51 Хартии ООН — единственный легитимный канал, по которому «должно пройти каждое государство, если хочет, чтобы использование им силы приобрело легальный для международного сообщества характер».

Репрессивные меры были предприняты США в октябре 2001 года в связи с терактами в Нью-Йорке. Впервые США прибегли к помощи статьи 5 Договора НАТО не столько для получения физической помощи, сколько ради моральной поддержки и одобрения своих действий. С той же целью Белый дом заручился поддержкой России и других стран, чьи региональные интересы могли быть затронуты такой вооруженной атакой. Однако ряд стран (прежде всего арабских) не одобрил вооруженные атаки против населенных пунктов Афганистана, в результате которых погибли не только террористы, но и многие мирные жители. Объективная юридическая и политическая оценка операции США в Афганистане (которая первоначально носила название «Разящее правосудие») вряд ли скоро будет дана, если вообще какая-либо объективность в этом случае возможна. Ведь проблема точного определения концепции самой вооруженной атаки и допустимости использования вооруженной силы против боевых операций, иных, чем акты агрессии, до сих пор не решена.

Определив свою позицию как неучастие в военной составляющей контртеррористической операции на территории другого государства, особенно в случае, если это не связано с просьбой о такой помощи, Россия совместно со своими союзниками по СНГ вырабатывала свой вариант коллективного ответа на угрозы терроризма.

С военной точки зрения, террористические акции следует рассматривать как особую форму диверсионных операций, осуществляемых негосударственными нелегальными или глубоко законспирированными государственными организациями преимущественно против невоенных объектов и гражданского населения. Следует учитывать, что такие организации включают в свой состав боевые специальные группы, призванные решать политические или экономические

проблемы террористическими методами. «Опыт последних лет, полученный государствами Содружества в деле совместного противостояния международному терроризму, вынуждает нас выработать более системные подходы в этой области. Прежде всего, в плане достаточно масштабных предупредительных мер, которые бы исключили внезапные вторжения бандформирований на территории стран СНГ». Так считает, например, А. Н. Булыгин, начальник юридической службы Штаба по координации военного сотрудничества государств — участников СНГ. С этим мнением согласен и я как председатель Координационного совещания руководителей.

Впервые масштабные действия государств — участников СНГ по борьбе с терроризмом были отработаны в 1999 году в ходе совместного командно-штабного учения «Южный щит Содружества-99». Его условной задачей было уничтожение бандформирований террористов, проникших на территорию Ошской области Кыргызской Республики и Ферганской области Республики Узбекистан с сопредельных территорий или образовавшихся внутри этих государств. Проведенные оперативные мероприятия подтвердили правильность линии согласованного жесткого и решительного отпора международным террористам, которые не признают никаких границ. В этом контексте также было принято решение о формировании Коллективных сил быстрого развертывания (КСБР) в Центрально-Азиатском регионе, которым, в качестве приоритетной, поставлена задача борьбы с международным терроризмом и экстремизмом.

Как свидетельствуют уроки двух чеченских кампаний, масштабные контртеррористические операции продуктивны лишь на определенном этапе. В дальнейшем они становятся несоразмерно дороги как в смысле людских ресурсов, так и материальных затрат с обеих сторон (то есть, и для федерального Центра, и для населения Чеченской Республики).

Войсковые операции — вынужденный, но не самый лучший и короткий способ борьбы с терроризмом. Но достаточно эффективны так называемые «точечные удары» с захватом или ликвидацией лидеров террористического движения. Определенного успеха в этом направлении добились Израиль, Турция и ряд других стран.

Люди в свободных обществах в течение долгого времени требовали, чтобы вооруженные силы были ограничены концепцией «применения минимальной силы в отношении городских конфликтов». Они расценивали вмешательство вооруженных сил как крайнее средство, используемое лишь в случае, если полиция и национальная гвардия, направившие все свои возможные силы для подавления беспорядков, исчерпали ресурсы и не справились с этой задачей. Демократические государства должны тщательно рассматривать развитие и использование специально подготовленных подразделений, как полиции, так и армии, для обуздания развертывающихся террористических действий, особенно так называемых глобалистов в больших городах.

Элитные специализированные подразделения армии и полиции, применяющие военную тактику, адекватную тактике террористов, используются для спасения заложников и осады террористов, для проведения акций физического устранения лидеров террористических организаций и способны достаточно эффективно разрешать ситуации ограниченного насильственного конфликта. Антитеррористические контрмеры во многом аналогичны тем, которые требуются для борьбы с другими серьезными насильственными преступлениями. Но специфика самого явления терроризма ставит перед государством особые задачи, требует высокой степени специальных знаний и опыта в сочетании с психологическими, тактическими, техническими и разведывательными ресурсами, находящимися за пределами компетенций нормальных следственных подразделений. По этой причине во многих странах созданы специальные антитеррористические подразделения. Такие подразделения действуют, например, во Франции, Бельгии, Швейцарии, Дании, Италии, Индонезии, Австрии, Норвегии и др.

В ФРГ они были сформированы после инцидента во время Олимпийских игр 1972 года в Мюнхене. Правительство ФРГ организовало военизированное антитеррористическое подразделение ГСГ-9 (Grenzschutzgruppe-9 — специальное подразделение погранохраны ФРГ по освобождению заложников и борьбе с терроризмом), насчитывающее в своем составе 180 бойцов. Эта группа не отчитывается перед традиционными военными или полицейскими командными структурами. Указания ей дает непосредственно государственный премьер-министр и специальная команда министерского уровня по кризисному управлению. Задача группы — нанесение ответного удара террористам там и тогда, когда правительство или граждане Германии подвергаются

опасности. Для этого группе предоставлено самое совершенное антитеррористическое снаряжение и оружие.

Поучителен опыт Франции в контртеррористических операциях. В армии борьбой с терроризмом занимается жандармерия. Ее статус представляет интерес тем, что, с одной стороны, это составная часть вооруженных сил страны, а с другой — полицейское формирование, оперативно подчиненное МВД и минобщ. Его сотрудники занимаются «гражданской» сферой — предупреждением, пресечением и раскрытием преступлений, а по поручению судебных органов и участвуют в их расследовании. Таким образом, законность его действий подвергается тройному контролю.

Непосредственно для противодействия террористам еще в 1973 году, сразу после событий в Мюнхене, было создано специальное подразделение — Группа вмешательства национальной жандармерии.

В исключительных случаях, например при угрозе взрывов в местах скопления людей, активно используются армейские части, оснащенные бронетехникой. Их задача — главным образом патрулирование для поддержания общественного порядка, пресечение проявлений паники, оказание психологического давления на террористов.

Израильский опыт борьбы с терроризмом представляется ценным не только с чисто технической точки зрения, но прежде всего в плане исключительной последовательности в проведении бескомпромиссной, жесткой линии в отношении экстремистов, исключаяющей помимо прочего и их уход от ответственности. Так в конечном итоге были уничтожены все террористы — участники мюнхенской трагедии (хотя в том случае правительство в определенной степени само уподоблялось террористам).

В Великобритании подразделение из 900 сотрудников Специального Воздушного Полка (SAS) сдерживает террористов в Северной Ирландии. В США вопросами проведения контртеррористических операций занимаются как армейские, так и полицейские спецподразделения.

Подразделение по освобождению заложников, аналогичное германскому и израильскому, было создано в 1977 году в США под кодовым названием «Проект голубой свет». Его цель — проведение операций против групп, совершающих террористические акции за пределами США. Подразделение состояло из 200 человек. Его ядро — «зеленые береты» из спецназа армии США. Совместно с «Голубым светом» действует 8-я эскадрилья специальных операций ВВС США.

Еще одна команда — «Проект Дельта». Прежде она осуществляла глубокие рейды во Вьетнаме во время войны в Юго-Восточной Азии. Она связана как с эскадрильей специальных операций, так и с подразделением «Голубой свет». Часто «Голубой свет» именуют «командой Дельта» в связи со схожестью их миссий.

Как известно, ранее в КГБ СССР подобные операции возлагались на группу «Альфа», которая достаточно эффективно справлялась со своими задачами. Однако после событий, связанных с многократными реформированиями органов безопасности, отряд перестал существовать, прежние традиции утрачены, высококлассные специалисты были вынуждены уйти. Только ряд неудачных операций российских спецслужб (Кизляр, Буденновск, Первомайское) заставил российское руководство признать необходимость восстановления прежнего профессионального уровня специальных подразделений. Важным результатом «ренессанса» спецназа стали последние успешные операции по освобождению заложников на Северном Кавказе, захват и ликвидация лидеров чеченских бандформирований.

Конечно, операции так называемых «командос» не являются панацеей от терроризма. В лучшем случае — они прекрасный ответный удар. Главное его правильно и вовремя предпринять и направить.

Репрессии могут быть обоюдоострым мечом. До тех пор, пока они основываются на точном исполнении закона, их применение благоразумно. В противном случае это может дать противоположный эффект.

«Ни сделки — ни согласия»

Риторический вопрос: как быть, если, например, террористам удалось захватить атомную электростанцию и они угрожают ее взрывом? На такой вопрос лучше не отвечать. Ну, а если?...

У государства, приверженного тактике «никаких уступок», один выбор: применение политики использования силы — прямой атаки, вызов снайперов или употребление химических препаратов, техника осады для разрешения кризиса.

Сторонники политики «ни сделки — ни согласия» говорят, что капитуляция перед требованиями террористов повысит их надежды на успех и только приведет к все большим и большим постоянно растущим требованиям. Как известно, аппетит приходит во время еды.

По словам Пола Уилкинсона, «согласие подмывает власть государства», поскольку «ничто так быстро не разрушает авторитет и власть конституционного правительства, как очевидная готовность иметь дело и заключать сделку с теми, кто открыто нарушает конституцию». Таким образом, правительства не должны смешивать террористические «краткосрочные тактические требования с их стратегическими целями», поскольку по последним не может быть переговоров.

Аналогичной позиции придерживается и бывший госсекретарь США Г. Киссинджер: «Если у террористических групп сложится впечатление, что они могут принудить США к переговорам и принятию их требований, мы можем спасти жизни в одном месте ценой риска заплатить сотнями жизней где-либо еще». Такое уже случалось неоднократно.

Именно поэтому контртеррористическая политика США ориентирована, в основном, на репрессивные и превентивные (разведывательные) меры контроля за терроризмом. Как указано в докладе Национальной комиссии США по борьбе с терроризмом, с 1980-х годов контртеррористическая политика Вашингтона базировалась на четырех столпах: никаких уступок террористам и никаких переговоров с ними; поставить террористов перед правосудием за их преступления; изолировать и применить давление на государства, спонсирующие терроризм.

Все больше признавая в последнее время право государств на силовой ответ терроризму, мировое сообщество в своем большинстве придерживается позиции о необходимости использования мер, направленных на устранение причин насилия, причин терроризма. Следует не сбрасывать со счетов, что кроме силовых методов в борьбе с терроризмом могут дать важный эффект меры экономического и правового воздействия, так сказать, социальная коррекция. Кроме того, особенно необходима высокая психологическая культура и профессиональная компетентность всех лиц, призванных контролировать социальные процессы.

Сами силовые структуры — спецслужбы, армия, полицейские и иные правоохранительные ведомства — не в состоянии решить такую сложную проблему, как терроризм. Причина в том, что террористические проявления возникают из тех общественных отношений, на которые силовые структуры активно влиять не могут (экономика, политика, социальные и международные отношения и т. п.). Здесь эффективной может стать общегосударственная программа (а в рамках СНГ — и межгосударственная), включающая не только оперативные, специальные, военные способы борьбы, но и меры политические, идеологические, социальные, экономические, воспитательные, пропагандистские и т. д.

И хотя США отрицают возможность политического и иного диалога с террористами, в целях избежания последствий использования вооруженных сил для подавления внутренних беспорядков даже они разработали и применяют так называемую политику градуализма — постепенного проведения социальных преобразований и реформ как единственной альтернативы власти перед лицом возможных беспорядков и мятежа.

Сторонники преимущественно политического подхода к урегулированию проблем, связанных с терроризмом, полагают, что насилие — очевидный симптом экономических лишений, а агрессия — закономерное последствие времени нужды и лишений. Отсюда рекомендация: сесть за стол переговоров с террористами, учесть все (или в существенной части) их требования. Это якобы снимет напряженность и решит все проблемы, искоренит терроризм. Иллюзорность данного подхода подтверждена как неудачей Хасавюртовских соглашений (1996 г.) по Чечне, так и опытом урегулирования конфликтов в Северной Ирландии и на Ближнем Востоке.

Для России в настоящее время в системе факторов, обеспечивающих нормализацию положения в обществе, одним из основных считают этноконфессиональную стабильность. Под ней понимается способность таких специфических социальных систем, как этнос и конфессия, изменяться без разрушения их структур. Когда они продолжают функционировать, сохраняя свою качественную специфику, динамическую устойчивость и идентичность, поддерживая равновесие как внутри себя, так и в окружающей социальной среде. Поэтому пристальное внимание различные ветви власти уделяют предупреждению политического экстремизма, особенно религиозного и национального. Немалую роль в создании соответствующих правовых механизмов играет изучение позитивного опыта других стран.

Учитывая международную природу терроризма, государства в дополнение к внутренним мерам политического характера выработали также ряд подходов международного характера. На уровне ООН различные санкции (на основании статьи 41 Хартии ООН — в целях сохранения мира и безопасности) в отношении государств вправе вводить Совет Безопасности. Это полномочие было, в частности, реализовано при введении санкций против Ливии как государства, укрывавшего террористов, взорвавших самолет.

Однако все больше террористических групп не опирается (как на основную) на поддержку государств-спонсоров. Поэтому потребовались изменения в подходе к санкциям. Результатом стал пример с введением санкций в отношении не государства, а движения «Талибан». Санкции приняты в связи с использованием районов Афганистана, контролируемых афганской группировкой, известной под названием «Талибан», которая именовала себя также Исламским Эмиратом Афганистан, предоставляла убежища террористам и для их подготовки, и для планирования террористических актов.

В соответствии с предварительным проектом, подготовленным США и Россией, предусматривалось введение санкций в отношении движения «Талибан», согласно которым все страны должны отказаться от продажи талибам любых видов вооружений, а также оказания какой-либо военной помощи. Проект резолюции включал требование закрыть в течение 30 дней на контролируемой талибами территории все тренировочные лагеря террористов, прекратить распространение наркотиков, а также выдать Усаму бен Ладена.

Однако в окончательный текст вошли лишь требование о выполнении резолюции 1267 (1999) «о выдаче Усамы бен Ладена компетентным властям страны, где против него был вынесен обвинительный акт, или компетентным властям страны, из которой он будет передан в такую страну, или компетентным властям страны, где он будет арестован и предан суду; о прекращении предоставления убежища международным террористам и их организациям, о предании обвиняемых террористов суду».

Международные организации и отдельные страны выработали целый комплекс различных методов воздействия на страны, поддерживающие терроризм. Среди них: предупреждение, осуждение, культурный, дипломатический или экономический бойкот, юридические и карательные (насильственные) меры.

Финансовые эмбарго

Среди мер экономического характера, направленных на борьбу с терроризмом, несомненно, ведущую роль призваны сыграть различные санкции как на уровне государств, так и в целом мирового сообщества. Регулирование финансово-денежных аспектов терроризма может включать запрещение сбора денег (и перевода денег от потенциальных представительских организаций — организаций прикрытия) для террористических групп; бойкотирование и введение санкций в отношении государств-спонсоров террористов; назначение финансовых вознаграждений за информацию, ведущую к аресту террористов. Когда достижение консенсуса на международном уровне относительно той или иной страны или террористической организации невозможно, странам приходится опираться на собственные силы.

Значительный интерес в этой связи представляет опыт США, где в дополнение к антитеррористическому законодательству Конгресс США принял так называемый Закон Д'Амато (по имени автора — сенатора-республиканца Альфонсо Д'Амато). Согласно этому закону налагаются санкции на компанию, инвестирующую более 40 млн. долларов США в год в нефтяную, газовую и нефтехимическую промышленность Ирана или Ливии (определенных как страны-спонсоры терроризма). Закон определяет также перечень санкций против стран, которые, по мнению правящих кругов США, помогают террористам или поощряют их.

Действовавший в США Закон о поддержании международной безопасности (публичный закон 95–92 от 4 августа 1977 г.) предписывал президенту, если только тот не сочтет, что интересы национальной безопасности требуют обратного, прекратить все поставки, кредиты и гарантии «любому правительству, которое, предоставляя убежище от правосудия, помогает любому лицу или группе лиц, совершившим акт международного терроризма, или поощряет их».

Таким образом, по мнению ряда ученых, в США создана и действует юридическая база для проведения под предлогом борьбы с терроризмом политики давления по отношению к государствам, их официальным представителям, руководству авиа- и морских транспортных компаний, бизнесменам и другим иностранцам, которые, по мнению США, поддерживают международный терроризм. Образующие эту базу правовые акты находятся в явном противоречии с принципами современного международного права, а практика их применения свидетельствует о попытках правящих кругов США диктовать свою волю другим народам, решать вопросы борьбы с международным терроризмом не политическими методами, а с помощью принуждения и диктата.

С категоричностью такого вывода можно согласиться лишь отчасти — в том, что подобная практика нарушает отдельные нормы международного права. По этой причине ряд стран (Франция, ФРГ, Австралия) выступили с критикой Закона Д'Амато, как нарушающего принципы международного торгового права. В то же время министр иностранных дел Ирана заявил, что санкции не окажут существенного влияния на экономику его страны, однако Иран обжалует и обжаловал законность действий США в Международном суде в Гааге.

Важным элементом экономического воздействия на террористические организации стали отслеживание и пресечение всех финансовых операций, устранение источников финансирования и иной поддержки. Поэтому одним из средств в борьбе с терроризмом является замораживание банковских счетов организаций, подозреваемых в связях с террористами. Так, в США еще до взрывов 11 сентября 2001 года были арестованы банковские счета исламских организаций, предположительно связанных с террористами. Более 60 счетов были заморожены в банках Италии. Однако, учитывая взаимосвязь и глобальный характер мировой финансовой сети, лишь согласованные действия могут привести к пресечению финансовых потоков, питающих терроризм. Попытка принятия таких шагов была предпринята Резолюцией Совета Безопасности ООН № 1333, согласно которой страны обязались заморозить счета террористической организации Аль-Каида, а также Резолюцией № 1373, обязывающей государства предпринять все возможные меры по пресечению любых источников финансирования и иной поддержки террористов.

Несомненно, политические, экономические и другие меры исключительно разнообразны и при своевременном их применении приносят существенный эффект. Поэтому возможности и перспективы их использования тщательно изучаются и стали составной частью государственной антитеррористической политики, основанной на признании принципа: терроризм обычно находит

для себя почву там, где появляются геополитические пустоты, где пылают «горячие точки», где ослаблена власть, где растворяются или вообще исчезают государственные и международные механизмы политического и правового регулирования развития общества, разрешения возникающих при этом противоречий и конфликтов.

Нужна ли и какой должна быть разведка

«Разведслужба — это организация, призванная собирать тайными методами секреты тех, кто имеет возможность и намерение причинить ущерб интересам, целям и ценностям всего государства». Так формулирует К. Дж. Робертсон цели разведки. Отсутствие или неэффективность работы разведслужбы, чрезмерное ограничение ее работы бюрократическими барьерами в целях действительной или мнимой защиты демократических принципов могут дорого стоить как всему государству, так и его отдельным гражданам.

В Италии после Второй мировой войны полицейская разведывательная сеть была ликвидирована из-за опасений использования ее последователями фашизма. В результате к началу акций «красных бригад» итальянская криминальная полиция оказалась разоруженной, была не готова к проведению контртеррористических операций как из-за постоянного соперничества между различными правоохранительными органами Италии, так и в связи с недостатком материала и тактической информации о различных террористических группах. (А правоохранительных служб в ту пору в Италии, напомню, была целая «чертова дюжина», и все, мягко говоря, проспали.)

Разведка может быть использована для борьбы с терроризмом следующим образом: для установления участников террористической деятельности, лиц и объектов, потенциально подвергающихся опасности атак; для выявления методов, приемов и средств террористической деятельности; маршрутов поставок, убежищ и источников поставок оружия, финансирования; просчитывания потенциально конфликтных ситуаций, секретных связей между террористическими организациями, группами или отдельными лицами; сбора сведений о террористических (и экстремистских) организациях и их лидерах, наемниках и лагерях их подготовки, структурах и лицах, оказывающих поддержку террористам, незаконных вооруженных формирований, использующих методы террористической деятельности, об их структуре, членах, целях и задачах.

Результатом такой деятельности могут быть: определение состояния и прогнозирование динамики и тенденций развития терроризма, экстремизма, социальных конфликтов малой интенсивности и подготовка рекомендаций политикам в сфере определения потенциальных и реальных угроз, определения приоритетов в сфере обеспечения государственной безопасности, выделения необходимых для борьбы с терроризмом людских и материальных ресурсов; создание базы собранной информации в целях определения форм и методов для решения конкретных кризисных ситуаций; планирование скрытых контратак (операций под прикрытием) в целях срыва террористических атак, полного или частичного разрушения, в том числе саморазрушения террористической организации, пропаганды и контрпропаганды; предупреждение и срыв непосредственной атаки; проведение мероприятий по ликвидации террористов, источников их финансового и материального обеспечения, баз, тренировочных лагерей, мест лечения и отдыха террористов; разрушение связей между террористическими группами.

Кроме того, разведывательная информация «может быть выборочно передана в пользу союзников или для разоблачения враждебных властей», служить «предметом обмена с другими службами, для того чтобы обогатить доступный всем им фонд». Однако разведка только тогда может выполнять указанные задачи, когда имеет необходимые возможности, полномочия, организацию, опыт, кадры и ресурсы; когда ей не мешают избыточные бюрократические барьеры; перед ней поставлены четкие задачи и определены приоритеты; когда в обществе имеется определенное согласие относительно методов деятельности и определенная степень автономности в действиях.

Разведке часто передаются «на общее решение» такие задачи, как «остановить терроризм» или «собрать всю информацию о терроризме». Подобные задачи безусловно не дают руководства к действию как в смысле приоритетов сбора, так и восприятия позиции политического руководства в отношении определенных террористических угроз, но они определяют направление работы.

При этом нельзя не разграничивать разведывательные функции и функции получения доказательств для осуществления уголовного преследования. При организации деятельности по сбору разведывательной информации важно помнить: «что может быть приемлемо для правоприменительного ведомства, может не подойти для разведывательного агентства, эффективная разведка требует создания полной картины до того, как бомба взорвется и террористы все уйдут в подполье». Как отмечал Ричард Кларк — координатор в администрации Б. Клинтона по противодействию терроризму — «после насильственных актов аресты исключительно трудны». Это необходимо учитывать. Ценность разведки не просто в получении необходимых разведывательных данных, а именно в надлежащем их анализе и применении на практике для стратегических или тактических целей.

Конечная задача разведки — трансформация полученной информации в исторически и логически обоснованные выводы, так, чтобы другие службы и властные структуры могли ее использовать для предотвращения угроз.

Недостатки в качестве разведывательной информации по терроризму и ее анализе, а также в существующей системе обмена ею между ведомствами послужили причиной создания в сентябре 2001 года президентом США новой структуры — Агентства по внутренней безопасности. В него вошли около 40 федеральных ведомств, имеющих отношение к борьбе с терроризмом.

Отличие оперативной работы в рамках расследования конкретных преступлений от собственно разведывательной деятельности государства в том и заключается, что добротная разведывательная работа требует информации не только о криминальной деятельности группы, а также сведений, касающихся различных аспектов ее организации, идеологии, связей и т. п. Большая часть такой информации может быть получена и из легальных источников. Но это — тоже разведка.

Жажда «паблисити»

«Терроризм силен не числом и умением, а общественным мнением». Эта мысль принадлежит Яну Шрайберу — английскому философу, который с 1976 года работает в криминальном центре в Гарварде. Одна из целей террористов — утоление жажды «паблисити», расширение размеров аудитории, увеличение числа зрителей. Без них террористы в буквальном смысле погибают.

Основная ставка террористов делается на прессу, которая в погоне за сенсацией и прибылью распространяет сообщения обо всех деталях террористического акта, делает общим достоянием лозунги, документы, воззвания террористов. Роль прессы для террористов настолько велика, что без нее, по мнению ряда исследователей, он быстро сошел бы со сцены и умер бы в забвении. С другой стороны, «терроризм для прессы — источник информации». Жан Сервье писал по этому поводу: «Наиболее извращенная и очень эффективная форма терроризма — это интеллектуальный терроризм со своими утверждениями, своим благословением философии государства или, за неимением таковой, точки зрения интеллигенции, представляемой как единственный авторитет в обществе, обреченном на невежество». Эта характеристика терроризма отчетливо проявилась в России во время пропагандистской кампании чеченских экстремистов в ходе конфликта с федеральным Центром и террористических акций Басаева и Радуева.

Пропаганда и терроризм идентичны в той степени, в какой они стремятся воздействовать на массовую аудиторию выгодным для себя способом. Терроризм, как провозглашали анархисты XIX века, — пропаганда действием и кровью. В более поздней формулировке — это публичный театр,

амфитеатр зрелищ... На самом деле террор — своеобразная разновидность пропаганды. Задачи террористов могут быть различными, но в общем их можно сформулировать как перенесение на других собственной вины; ощущение неуязвимости; фиктивные доводы в свое оправдание; дискредитация армии, полиции, наконец, всей власти.

Пропаганда — функция вспомогательная по отношению к конкретным актам терроризма, но она же становится основной по отношению к сущности терроризма, его внешним выражением как социально-политического явления. Однако в силу опосредованной связи с терактом, введение каких-либо ограничений в отношении такой информации исключительно трудно, особенно когда речь идет о пропаганде террористических организаций других государств, что стало привычной практикой с учетом глобализации средств коммуникаций.

В ходе пресс-конференции президентов США и России в ноябре 2001 года Джордж Буш в ответ на вопрос журналистов, не являются ли нарушениями принципа свободы слова ограничения на трансляцию любых заявлений Усамы бен Ладена, Аль-Каиды и лидеров движения «Талибан», сказал, что пропаганда, каковой являются соответствующие заявления, не может рассматриваться как законное распространение информации. Обоснованность подобных действий может быть подтверждена международной нормой о запрете всякой пропаганды войны, выступлений в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющих собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию.

В то же время известно, что некоторые западные страны были далеко не столь категоричны в отношении, например, заявлений чеченских террористов. Так, в январе 2001 года генерал-полковник ВС РФ В. Манилов обнаружил список из 12 веб-сайтов, которые, как утверждалось, поддерживают чеченских боевиков. На самом деле таких сайтов гораздо больше — от одной до двух сотен. И почти все они базируются на серверах в США, почти все хорошо структурированы и компактно организованы. Так, чтобы легко было перемещаться с одного сайта на другой.

Коль скоро ограничения, особенно в отношении базирующихся за рубежом электронных средств массовой информации, проблематичны, государству остается единственный выход — контрпропаганда, которую необходимо рассматривать именно как форму превентивной контртеррористической деятельности.

В вопросах контроля за оборотом оружия и пресечением незаконной миграции (в том числе наемников) также основную роль призваны сыграть международные документы, которые разрабатываются и совершенствуются.

Взаимосвязь различных аспектов борьбы с терроризмом с основными принципами международного права, в числе которых принципы уважения прав человека; равноправия и самоопределения наций и народов и другие, неоднократно подчеркивавшиеся международным сообществом, наиболее наглядно отражена в преамбуле Конвенции Организации Американских Государств (ОАГ) по борьбе с терроризмом. В документе указано, что «соблюдение норм международного права, полное уважение прав человека и основных свобод, уважение суверенитета государств, соблюдение принципа невмешательства и неукоснительное соблюдение прав и обязанностей государств, воплощенных в Уставе ОАГ, образуют глобальную основу для предотвращения и ликвидации терроризма и борьбы с ним». Такое же требование содержится и в Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1994 года, ссылающейся на Декларацию о принципах международного права, Декларацию об укреплении международной безопасности, «Определение агрессии», Декларацию об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях, Венскую Декларацию и Программу действий, принятые Всемирной конференцией по правам человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах и др.

Только основанная на законе — на нормах внутреннего законодательства и на общепризнанных принципах и нормах международного права, действующих международных договорах, — контртеррористическая деятельность государств может рассматриваться в качестве адекватного ответа угрозе терроризма. И это — истина.

Проблему правомерности действий государства в ситуации ответа на терроризм обычно связывают с той повышенной степенью общественной опасности, которую заключает в себе терроризм как для отдельных лиц, чьи интересы затрагивает конкретный террористический акт, так и для общества в целом. По мнению Генеральной Ассамблеи ООН, «акты, методы и практика терроризма представляют собой грубое пренебрежение целями и принципами Организации Объединенных Наций, что может угрожать международному миру и безопасности, ставить под угрозу дружественные отношения между государствами, препятствовать международному сотрудничеству и вести к подрыву прав человека, основных свобод и демократических основ общества».

Нарушением террористами основополагающего права — права на жизнь — часто оправдываются самые жесткие и недемократичные ответные или превентивные меры. Именно для ограничения произвола со стороны государства и поддержания действительного баланса прав граждан и суверенных прав государств международное сообщество выработало целый комплекс международно-правовых норм, регулирующих стандарты в области поведения как государств, так и, в некоторых случаях, групп населения, выступающих против властей соответствующих государств.

Напомню слова Бенджамина Франклина: «Те, кто уступил неотъемлемые свободы для того, чтобы получить немного временной безопасности, не заслуживают ни свободы, ни безопасности». Это и противоречие, и не противоречие ранее сказанному. Еще с древних времен признавались право и обязанность государств использовать все возможные средства для защиты общества от преступных посягательств.

Пережившая эпоху маккартизма и скандал Уотергейта Америка более чем когда-либо настороженно относилась к любым ограничениям свобод граждан даже перед лицом угрозы терроризма. Эти ограничения считались более губительными для демократии, чем последствия терроризма. И это на фоне и по причине того, что долгое время США полагали маловероятной интенсивную атаку против себя даже со стороны иностранных террористов, и тем более — американских.

«Террористические атаки против Америки, — писал уже известный нам К. Дж. Робертсон, — пугают нечто большим, чем трагическая потеря отдельных жизней. Некоторые террористы надеются спровоцировать ответ, который подрывает нашу конституционную систему правления. Таким образом, лидеры США должны найти подходящий баланс, принять контртеррористическую политику и эффективную и в то же время отвечающую демократическим традициям, которые составляют основу силы и престижа Америки».

Ряд российских ученых, правозащитников и журналистов с начала чеченских кампаний били тревогу о том, что, мол, реакция федеральных властей на события в Чечне — худший из ударов по молодой российской демократии. Такие опасения отчасти были оправданны в связи с законодательной неурегулированностью вопроса о порядке, пределах и сроках ограничения свобод в условиях борьбы с терроризмом. Как известно, Федеральный закон «О борьбе с терроризмом» был принят лишь в 1998 году, Закон РФ «О чрезвычайном положении» (1991) был недостаточным для регулирования ситуации, новый — Федеральный закон «О чрезвычайном положении» принят лишь 30 мая 2001 года, законопроект о военном положении пролеживал в Государственной Думе. Между тем, согласно Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ), именно официально зафиксированная ситуация военного или чрезвычайного положения могла служить оправданием приостановления большинства соответствующих прав и свобод.

Статья 15 ЕКПЧ «Отступления от обязательств во время войны или иного чрезвычайного положения» гласит: «Во время войны или иного чрезвычайного положения, угрожающего жизни нации, любая Высокая Договаривающаяся Сторона может принимать меры в отступление от своих обязательств по настоящей Конвенции только в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств, при том, что такие меры не являются несовместимыми с ее другими обязательствами по международному праву».

Ирландская Республика дважды воспользовалась своим правом отступления в связи с применением Акта о чрезвычайных полномочиях. Но никаких оговорок не допускается только по Протоколу № 6, связанному с отменой смертной казни.

К сожалению, Россией никакие оговорки относительно права отступления по статье 15 сделаны не были. Это в настоящее время позволяет некоторым представителям Совета Европы трактовать введение в ходе контртеррористической операции федеральных сил по восстановлению конституционного порядка на территории Чечни ряда ограничений прав и свобод граждан (комендантский час и т. п.) как нарушающих Конвенцию. Хорошие мысли часто приходят с опозданием...

Пример жесткой законодательной позиции по ограничению возможностей превращения террористами прессы в свою трибуну продемонстрировало правительство Ирландии, запретившее трансляции интервью с представителями запрещенных организаций. «Временная Шинн Фейн» стала протестовать против такого ограничения. Было заявлено, что организация является легальной политической партией (хотя и незарегистрированной), с 26 избранными от нее членами местных советов по всей Ирландской Республике, и, следовательно, имеет законное право на время в эфире. На это министр, доктор Конон Крюиз О'Брайен, наложивший запрет, ответил, что не считает «Временную Шинн Фейн» легитимной политической партией, а рассматривает ее как «агентство общественных связей банды убийц». И делайте свои выводы.

Попытки вводить ограничения на освещение хода событий на территории Чеченской Республики предпринимались и в России. Так, Постановлением Правительства РФ от 9 декабря 1994 года № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Временному информационному центру при Роскомпечати было предписано немедленно лишать аккредитации журналистов, работающих в зоне вооруженного конфликта, за передачу недостоверной информации, пропаганду национальной или религиозной неприязни.

Впрочем, данное Постановление было признано неконституционным. В частности, Конституционный суд РФ постановил, что «в соответствии с частью пятой статьи 48 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года «О средствах массовой информации» журналист может быть лишен аккредитации, если им или редакцией нарушены установленные правила аккредитации либо распространены не соответствующие действительности сведения, порочащие честь и достоинство организации, аккредитовавшей журналиста, что подтверждено вступившим в законную силу решением суда. Таким образом, абзац второй пункта 6 рассматриваемого Постановления вводил новые основания и порядок лишения журналистов аккредитации, не предусмотренные законом. Это противоречило статье 29 (части 4 и 5), закреплявшей право на свободу информации, статье 46, гарантировавшей судебную защиту прав и свобод, а также статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации».

Возможности ограничения свободы слова в условиях контртеррористической операции предусматриваются статьей 15 Федерального закона «О борьбе с терроризмом». В частности, ею вводится запрет на распространение информации, раскрывающей специальные технические приемы и тактику проведения контртеррористической операции, способной затруднить проведение контртеррористической операции и создать угрозу жизни и здоровью людей, оказавшихся в зоне проведения контртеррористической операции или находящихся за пределами указанной зоны; служащей пропаганде или оправданию терроризма и экстремизма; о сотрудниках специальных подразделений, членах оперативного штаба по управлению контртеррористической операцией при ее проведении, а также о лицах, оказывающих содействие в проведении указанной операции.

При этом следует особо подчеркнуть, что целым рядом государств — Австрией, Бельгией, Канадой, США, а также Советом Европы были приняты общие принципы поддержания СМИ общественно-моральных норм. Причем большинство организаций, связанных с потоками новостей, добровольно согласились с руководящими принципами. Компиляция их основных положений может быть представлена следующим образом.

Освещение новостей должно быть ограничено фактами. Слухи и спекуляции не должны сообщаться. Должны прилагаться любые усилия, чтобы избежать сенсационной подачи событий,

особое внимание должно уделяться тому, чтобы избегать использования оскорбительной фразеологии.

Прямой эфир должен учитывать, что часто предоставляет террористам нередактируемую платформу. Это не исключает репортажей с места событий, если только они не даются в прямом эфире.

Не должно даваться никакой информации, которая могла бы помочь террористам в совершении их преступлений, например, раскрытие позиций спецподразделений, правоохранительных органов. То же и в отношении информации, которая повысила бы коллективное беспокойство террористов или усилила бы напряженность проблемной ситуации — например, прибытие спецгруппы по освобождению заложников не должно транслироваться.

Должен соблюдаться баланс между заявлениями террористов и их очевидной пропагандой с одной стороны, информацией и интервью — с другой.

Избегать романтизации террористов и их борьбы; не описывать их действия с симпатией.

Законы и обычаи войны

Международное гуманитарное право, примыкая к «праву прав человека», остается самостоятельной отраслью, регулирует поведение субъектов (как правило, государств) в особой ситуации, связанной с военным конфликтом, а следовательно, с регламентацией военных действий таким образом, чтобы смягчить их жестокость и обеспечить гуманное отношение к воюющим, раненым, больным, военнопленным, а также мирному гражданскому населению. Центральной идеей, коренящейся в международном гуманитарном праве, служит гуманизм, уважение достоинства человеческой личности. В этом важном аспекте гуманитарное право и «право прав человека» оказываются взаимосвязанными, дополняющими друг друга. Различаясь по объекту правового регулирования, они близки друг другу по общим целям и общему «субъекту».

Как уже отмечалось, террористы часто выдают себя за «повстанцев», «партизан», «борцов за свободу», чем затрудняют объективную оценку совершаемых ими преступных действий. Прикрываясь всем комплексом политических и гражданских прав, террористы вторгаются в нормальную жизнь не только государства, в котором живут, но и мирового сообщества в целом. Поскольку акты терроризма обычно рассматриваются именно как атаки против невоенных целей, часто считается, что к террористам не применимы нормы международного гуманитарного права. Однако отдельные движения, претендующие на звание национально-освободительных и ведущие вооруженную борьбу с правительством, а также некоторые партизанские объединения используют террористическую тактику для достижения своих целей. Поэтому необходимо определить новые этические нормы ведения войны в современную эпоху широкого распространения терроризма. Тем более, если учесть применение террористами наемников в вооруженных конфликтах.

Если использовать латинские термины, можно сказать пришло время *jus ad bellum* (законы объявления войны) и *jus in bello* (законы ведения войны). Правовое регулирование в этих вопросах так же необходимо, как моральная сдержанность на всех стадиях конфликта. Ныне лишь два положения международного гуманитарного права говорят о запрете терроризма как метода ведения войны.

Во-первых, пункт 2 статьи 51 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года (далее — Протокола I) запрещает «акты насилия или угрозы насилием, имеющие основной целью терроризировать гражданское население». Ключевыми словами здесь являются «основной целью», поскольку именно они устанавливают, что «такие действия не обязательно должны быть направлены против гражданских лиц. Важно наличие намерения

терроризировать гражданское население. Так что даже угрозы применить насилие, имеющие целью терроризировать население, запрещены.

Во-вторых, статья 33 IV Женевской конвенции о защите гражданских лиц во время войны — единственной среди Женевских конвенций 1949 года, где непосредственно используется термин «терроризм», — содержит положение, общее для территории сторон в конфликте и для оккупированных территорий, запрещающее «всякие меры запугивания или террора». Данное положение дополняет общее правило, согласно которому воюющие стороны должны гуманно обращаться с гражданским населением стороны противника, находящимся в их власти (статья 27). Таким образом, никакие акты террора не могут быть оправданы. Женевские конвенции 1949 года и Дополнительные протоколы 1977 года, да и международное публичное право в целом обращены к государствам. Двойственность положения государства заключается в том, что оно не только должно не допускать применения своими силовыми структурами террористической тактики, но еще и защищать гражданское население от терактов, совершаемых противной стороной.

Законы ведения войны (если рассматривать случай интенсивного вооруженного конфликта террористической направленности) накладывают на государство ряд ограничений, прежде всего в части определения пределов применения силы. С точки зрения прав человека, основным ограничителем применения силы (помимо запретов на применение пыток и бесчеловечного обращения) в ситуации вооруженного конфликта служит пункт 2 статьи 2 ЕКПЧ, согласно которому не рассматривается в качестве нарушения Конвенции лишение жизни, если только оно «является результатом применения силы, не более чем абсолютно необходимой: для защиты любого лица от противоправного насилия; для осуществления законного ареста или предотвращения побега лица, задержанного на законных основаниях; в случае действий, предусмотренных законом, для подавления бунта или мятежа».

Таким образом, принцип, действующий при осуществлении государством своей компетенции при применении одного из указанных трех исключений, заключается в том, что возможное применение силы должно быть «абсолютно необходимым».

Сами же террористы и их сторонники часто называют свои действия «справедливой тактикой войны против тиранического режима». Будучи захваченными, они обычно настаивают на том, чтобы с ними обращались не как с простыми уголовниками, а как с военнопленными. Они оправдывают свои действия тем, что выполняли приказы военачальников (последним примером таких доводов служат показания на махачкалинском процессе Салмана Радуева и его сообщников. Но об этом позже).

Террористы, участвующие в конфликте, нередко ссылаются также на то, что их насилие в основном направлено не против гражданского населения, а против вооруженных сил и сотрудников спецслужб. Зуб, мол, за зуб.

Но если обратиться к событиям на территории Северного Кавказа (в Чечне, Дагестане, Ставропольском крае), то там действия чеченских экстремистов и боевиков отличала крайняя, ничем не оправданная жестокость в отношении пленных и заложников. Как отмечали западные исследователи, «нет сомнения в массовой наркомании и широком распространении среди боевиков психических заболеваний, выражающихся в садизме, стремлении не просто убивать, а сначала истязать пленных, заниматься членовредительством и при этом стремиться к саморекламе, вплоть до запечатления их расправы с пленными на видеопленках. Вместе с тем, очевидна их трусость: неожиданно убить, взорвать и сразу же (если нет их явного количественного превосходства) стремительно скрыться», замести следы...

Нарушение законов войны чеченскими боевиками отмечалось не только по отношению к вооруженным силам противника, но и к гражданскому населению. Так, С. Радуев и террористы, совершившие вместе с ним нападение на Кизляр и Первомайское, использовали заложников в качестве «живого щита», выставляли их в окна больницы и автобусов. Такая же тактика применялась при организации обороны Д. Дудаевым Грозного в декабре 1995 года. В качестве «живого щита» боевиками использовались жители Грозного. По свидетельствам очевидцев, русских мирных жителей поставили перед чеченскими боевиками и приказали продвигаться в направлении позиций российских войск. Тех, кто отказывался подчиниться, расстреливали. В случаях, когда боевикам нужно было удержать рубеж, мирным жителям перебивали сухожилия, чтобы они не могли сдвинуться с места. Сколько страшных было примеров...

Доводы насчет того, что стороны в случае противостояния террористов и государства неравны, а следовательно, в борьбе все средства хороши, очевидно, придуманы террористами только в свое оправдание. Ни религиозные догмы, которыми они прикрываются, ни обычаи войны (в том числе проверенные долгой историей), ни современное гуманитарное право не дают террористам права исключать себя из субъектов соответствующих обязательств.

Теперь о терроризме, идеологически основывающемся на исламском религиозном экстремизме. Мусульманское учение не одобряет кровопролитие и войну. Если же возникает война, согласно шариату, армия и воины должны соблюдать следующие устои-правила: «Не убивать детей, женщин, стариков, пленных, не уничтожать посевы и пастбища, источники воды, которые являются хранилищем общественного и личного блага». Боевики нарушили все эти устои. И отсюда напрашивается вывод: они — не воины, они — террористы.

Кто они, наемники-террористы?

Важной частью террористической деятельности, к которой непосредственно относятся нормы права вооруженных конфликтов или законы ведения войны, — это использование террористами в борьбе с правительством наемников, а также их вербовка и обучение.

Устав ООН категорически запрещает наемничество и гласит, что «каждое государство обязано воздерживаться от организации иррегулярных сил или вооруженных банд, в том числе наемников, для вторжения на территорию другого государства». Статья 47 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных конфликтов, определяет, что «наемником является любое лицо, которое специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте; фактически принимает непосредственное участие в военных действиях, руководствуясь главным образом желанием получить личную выгоду, и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам того же ранга и функций, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны; не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте; не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил».

Положения Конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 года (пункт 2 статьи 1) уточняют термин «наемник» и закрепляют определение, что наемник — это лицо, которое в любой другой ситуации специально завербовано на месте или за границей для участия в совместных насильственных действиях, направленных на свержение правительства или иной подрыв конституционного порядка или подрыв территориальной целостности государства.

Таким образом, под термином «наемник» подразумеваются не только лица, специально завербованные для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте, и непосредственно участвующие в нем, но и те, кто специально завербован для участия в разовых или неоднократных специальных насильственных действиях. Речь идет о подрывных акциях, направленных на свержение законного правительства, изменение (ослабление) государства. Такие противоправные деяния не связаны с непосредственным участием в вооруженном конфликте, однако представляют серьезную угрозу для стабильности и безопасности государства. В этом смысле действия наемников тесно связаны с международной террористической деятельностью.

Учитывая проблемы с определением правосубъектности в рамках права вооруженных конфликтов, важно отметить особую направленность Конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников.

Как известно, значительное число участников незаконных вооруженных формирований на территории Чечни, а также организаторов и непосредственных исполнителей террористических актов по всей России — это наемники. В результате десятилетнего противостояния с федеральным Центром, правового беспредела и культа насилия Чечня превратилась в базу международного терроризма. На ее территории создана агентурная сеть иностранных разведслужб, орудуя террористы, наемники из зарубежных стран. Их деятельность финансируется антироссийскими зарубежными центрами. Отряд известного арабского террориста Хаттаба состоял из сотни наемников. Под его началом в Чечне организованы и действовали ваххабитские центры по подготовке боевиков и террористов. Через границу с Азербайджаном, Грузией прибывали не только наемники, но и шел поток оружия, наркотиков, валюты. А западные СМИ не вскрывали это. Вот это и есть второе дно пропаганды, сокрытие рычагов наемничества.

Националистический экстремизм и сепаратизм

Различные аспекты терроризма тесно связаны с проблемами в сфере межнациональных отношений, ущемления национальной гордости, недостатка прав у этнических меньшинств. Все это может послужить причиной серьезного насильственного конфликта, в том числе проводимого террористическими методами.

Этот вывод подтвердили итоги Всемирной конференции по борьбе против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости, — форума, прошедшего 31 августа — 7 сентября 2001 года в г. Дурбане (Южная Африка). «Попытки навязать монокультуру в многоэтнических условиях, — говорилось в материалах конференции, — часто осуществляются за счет прав национальных меньшинств. Чтобы избежать маргинализации, меньшинства часто активизируют усилия, направленные на сохранение и защиту своей самобытности. Ужесточение противоположных сил — ассимиляции, с одной стороны, и сохранения индивидуальности меньшинства, с другой, — может привести к большей нетерпимости и, в худшем случае, к вооруженному конфликту на этнической почве».

При противостоянии властей и террористов нередки нарушения международного права. Эти действия принято квалифицировать как дискриминацию по национальному признаку и даже геноцид, который представляет собой террор в отношении национально-этнической, расовой или религиозной группы, предполагает использование террористических методов, что сближает его с составом ст. 205 УК, указывает также на связь геноцида с убийством по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести (ст. 105 ч. 2, п. «м»).

Терроризм и геноцид — соподчиненные понятия. К ним присоединяется также понятие «экоцид». Думается, это совершенно самостоятельные составы преступления, хотя, несомненно, геноцид можно рассматривать в целом как стратегию террористов, направленную на то, чтобы запугать определенную часть населения путем применения насилия в отношении конкретной этнической группы. Однако иногда грань между разновидностями терроризма провести действительно трудно, особенно в ситуации апокалиптически настроенных террористических групп, которые физически истребляют свои жертвы не просто в интересах достижения какой-либо политической цели, а представляя всех, кто не на их стороне, своими врагами, подлежащими уничтожению.

Блез Паскаль приводил такую притчу: «За что ты меня убиваешь? — Как за что? Друг, да ведь ты живешь на том берегу реки! Живи ты на этом, я и впрямь совершил бы неправо дело, злодейство, если бы тебя убил. Но ты живешь по ту сторону, значит, дело мое правое, и я совершил подвиг!» Такой образ мышления — «кто не с нами, тот против нас», а, следовательно, должен умереть, — отчетливо проявился в действиях террористов, действующих под знаменем джихада — войны «против неверных».

Как подтвердил опыт существования самопровозглашенной Чеченской Республики, «национальный диктат, по определению Р. Абдулатипова, — наихудший, наиболее дикий и

бесчеловечный». Он ведет к установлению этнократического режима, который неминуемо порождает межнациональные конфликты.

Провозглашая в своем законодательстве приоритет общечеловеческих ценностей, чеченцы, пользуясь фактическим преимуществом титульной нации, на самом деле практически вынудили русскоязычное население покинуть территорию республики (что зачастую сопровождалось насилием и разграблением имущества уезжающих). Заявляя о праве Чечни на самоопределение, руководители самопровозглашенной республики мотивировали это как восстановление исторической справедливости, как борьбу против ущемлений их национального достоинства и прав федеральным Центром, и не обращали внимания на то, что в России уже была создана и продолжала развиваться база цивилизованного регулирования отношений между различными национальностями. Прежде всего, это определено Конституцией РФ. Статья 69 говорит о гарантиях прав этнических меньшинств в соответствии с всемирно признанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.

В России терроризм, экстремизм осуждены в государственном плане. С 1 декабря 1998 года в Российской Федерации вступила в действие Европейская рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (1995 г.). Она обозначила стандарты и приоритеты для российской политики, законодательной и правоприменительной практики. В то же время Конвенция не устанавливала безусловного приоритета прав национальностей в любых ситуациях. Основные ограничения, предусмотренные Конвенцией, сводятся к тому, что ничто в ней не может быть истолковано, как «подразумевающее какое-либо право любого лица заниматься какой-либо деятельностью или совершать какие-либо действия, противоречащие основополагающим принципам международного права, особенно принципам суверенного равенства, территориальной целостности и политической независимости государств» (статья 21), либо как «ограничивающее или ущемляющее какие-либо права человека и основные свободы, которые могут быть признаны в соответствии с законодательством любой Договаривающейся Стороны или любого другого Договора, участником которого является данная Сторона» (статья 22).

Положения Конвенции, а также ряда других международных нормативных актов, в числе которых Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Конвенция СНГ об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, послужили ориентирами и в процессе работы над Концепцией государственной национальной политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 15 июня 1996 года № 909.

Однако как подчеркивалось в Послании Президента Федеральному собранию в 1999 году, «проблема завершения формирования правовой основы для адекватного регулирования вопросов межнациональных отношений тормозится тем обстоятельством, что пока не принят соответствующий федеральный закон, все еще велика вероятность появления в субъектах Российской Федерации норм законодательства, ущемляющих права отдельных народов и этнических групп и ведущих к обострению межнациональных конфликтов. Это прежде всего касается урегулирования проблем с представителями казачества в республиках Российской Федерации, а также с выходцами из государств Закавказья и Средней Азии на юге России».

Директор Института европейской политики Лувенского католического университета в Бельгии К. Малфлит как-то отметила, что действующее международное право признает принцип самоопределения народов. Но в то же время оно ограничивает это другим соперничающим с ним принципом территориальной целостности и государственного единства, при условии, что то или иное государство уважает равенство в правах и право на самоопределение народов, живущих в данном государстве. «Согласно действующим международным нормам, отделение может быть осуществлено лишь в том случае, если соответствующее меньшинство не получило достаточно широкую возможность внутреннего самоопределения. Это внутреннее самоопределение может быть решено соответствующим правительством и особенно местным референдумом».

В соответствии с Концепцией государственной национальной политики реализация прав и свобод граждан, связанных с их национальной принадлежностью, может осуществляться на основе многовариантных форм национально-культурного самоопределения, примером чего должна стать национально-культурная автономия, позволяющая гражданам Российской Федерации, принадлежащим к различным национальным общностям, в частности малочисленным,

разрозненно расселенным народам, национальным меньшинствам, решать вопросы сохранения и развития самобытности, традиций, языка, культуры, образования. Таким образом, достижение международных стандартов в области прав человека, касающихся национальных меньшинств, возможно в рамках предусматриваемого Концепцией национально-культурного самоопределения.

Однако ряд европейских политиков настойчиво предлагает в качестве самого эффективного выхода из чеченского конфликта проведение референдума, результат которого, с учетом насильственных изменений последнего десятилетия в национально-демографической структуре чеченского общества, предугадать несложно. По крайней мере, гораздо легче, чем дальнейшее развитие событий. Возможность решения проблемы на референдуме в последние годы в мире опробована лишь в одной конфликтной ситуации — в провинции Квебек (Канада). Там подготовка к референдуму потребовала значительного времени и пропагандистских усилий со стороны юнионистов, а сам опрос стал возможным после легитимного прихода к власти в провинции партии националистов. В других регионах мира, а также собственно в Европе, этот опыт развития не получил.

«Международное сообщество, — признала К. Малфлит, — подходит к данной проблеме скорее двусмысленно, поскольку оно дорожит государственным суверенитетом, принципом территориальной целостности и принципом невмешательства во внутригосударственные конфликты, подчеркивая в то же время право народов на самоопределение».

Принцип признания права народов на самоопределение нередко противопоставлялся принципу территориальной целостности государств. В этой связи следует заметить, что в Уставе ООН отсутствует понятие «территориальная целостность». В нем речь идет о «территориальной неприкосновенности».

Термин «территориальная целостность государств» вошел в обиход международных отношений с принятием Генеральной Ассамблеей ООН в 1970 году резолюции 2625 (XXV), содержащей Декларацию «О принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества в соответствии с Уставом ООН». Подтвердив провозглашенное Уставом ООН равноправие и право народов на самоопределение, другие, изложенные в названных международных документах принципы, Декларация провозгласила: «Ничто... не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов, имеющих правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории».

В борьбе за суверенитет стороны зачастую используют нелегитимные методы, которые дают основания квалифицировать соответствующую деятельность как сепаратизм. С точки зрения социально-политической сущности, «сепаратизм — это требование суверенитета и независимости для этнически обозначенной территории. Это требование направлено против государственной власти страны проживания». В российском законодательстве нет определения сепаратизма, что затрудняет пресечение его в рамках правового поля. Вместе с тем, ориентиром для выработки и закрепления в российских нормативно-правовых актах определения «сепаратизм» может стать Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15.06.2001 года. Под «сепаратизмом» в ней понимается деяние, направленное на нарушение территориальной целостности государства, в том числе на отделение от него части территории, или дезинтеграцию государства, совершаемое насильственным путем, а равно планирование и подготовка такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему».

Практика показывает, что хаос и кровопролитие — это результат действий государственно-бюрократических структур и лидеров национально-политических движений, противоречащих нормам международного права, подрывающих возможности демократического развития. Локальные конфликты на этнической основе стали непосредственной угрозой миру; их источник — не право народов на самоопределение, а попытки неправовой реализации этого права, силовое противодействие его осуществлению.

Фактически провозглашенный дудаевским режимом суверенитет Чечни и ее выход из состава Российской Федерации не основывались на свободном волеизъявлении всех граждан республики,

были реализованы без учета интересов других народов, населявших в 1991 году Чечено-Ингушскую АССР, прежде всего русского и ингушского населения, составлявших значительную (около 40 %) часть населения.

В постановлении Конституционного суда Российской Федерации от 13 марта 1992 года по делу о проверке конституционности Декларации о государственном суверенитете и ряда законодательных актов Республики Татарстан о проведении референдума отмечалось, что право на самоопределение народа предполагает наличие у субъекта Федерации права на постановку вопроса о своем государственно-правовом статусе. Конституционный суд определил, что при реализации любого права, в том числе и права на самоопределение, необходимы признание и уважение прав других народов, в противном случае «будет иметь место не осуществление права, а злоупотребление правом... Не отрицая права народа на самоопределение, осуществляемого посредством законного волеизъявления, следует исходить из того, что международное право требует при этом соблюдения принципа территориальной целостности и прав человека». Эти выводы Суда нашли также подтверждение в его постановлении от 31 июля 1995 года по делу о проверке конституционности ряда правовых актов, принятых в связи с урегулированием вооруженного конфликта в Чеченской Республике.

При вступлении России в Совет Европы подчеркивалась необходимость приведения законодательства субъектов Федерации в соответствие в федеральным и, в частности, с Конституцией РФ. Действительно, как показали проведенные в 2000–2001 годы проверки соответствия правовой базы субъектов Федерации федеральной базе, очевидны были существенные расхождения между ними, причем многие тем или иным образом служили благоприятной почвой для развития экстремизма, сепаратизма и терроризма. Всего органами прокуратуры Российской Федерации по состоянию на октябрь 2001 года оспорено в связи с несоответствием федеральному законодательству 5840 правовых актов государственной власти субъектов РФ и 12 771 правовой акт органов местного самоуправления субъектов РФ. В субъектах Южного и Приволжского федерального округа выявлено соответственно 732 и 1591 нормативный акт, не соответствовавшие требованиям федерального законодательства. Из республик по числу нарушений лидировало законодательство Башкортостана (239) и Татарстана (227), а по Южному федеральному округу — Кабардино-Балкарской Республики (103).

О взаимосвязи несоблюдения основ федерального законодательства с ростом экстремизма и терроризма свидетельствует такой факт: в нарушение действующего налогового законодательства значительная часть средств, подлежащих отчислению в федеральный бюджет, оставалась в некоторых субъектах. Часть из этих денег шла на поддержку религиозных учреждений, причем контроль обоснованности таких расходов не осуществлялся. Как оказалось впоследствии, в одном из таких дотируемых на государственные средства духовных учреждений на основе пропаганды ваххабизма были подготовлены лица, уехавшие впоследствии в Чечню и Дагестан «осуществлять джихад», а точнее — террористическую деятельность, участвовать в незаконных вооруженных формированиях.

В настоящее время значительная часть нормативно-правовых актов приведена в соответствие с федеральной базой, однако несмотря на принимаемые органами прокуратуры меры, число незаконных правовых актов, не приведенных в соответствие с федеральными законами, все еще остается значительным. (В Башкортостане — 89, Татарстане — 47, Кабардино-Балкарской Республике — 31 и т. д.)

Основные законы некоторых субъектов Федерации до сих пор содержат установленные в судебном порядке отступления от основополагающих норм Конституции России и федерального законодательства, а именно: положения о неприкосновенности территорий субъекта, о суверенитете республик (Республики Башкортостан, Татарстан), о верховенстве законов субъекта (Республика Башкортостан), а также незаконные положения, устанавливающие статус судей (Республики Татарстан и Хакасия), требования к кандидату в президенты республики о владении государственными языками (Республика Татарстан) и т. д.

Одной из причин издания незаконных правовых актов представляется по-прежнему пренебрежительное отношение органов государственной власти субъектов Федерации к принципам федерализма, разграничения предметов ведения и единства правового, экономического пространства.

Многочисленные нарушения допускаются и из-за неправильного толкования положений Конституции Российской Федерации и федерального законодательства, а также из-за пробелов и коллизий в федеральном законодательстве.

Тенденции последнего времени свидетельствуют о расширении демократии в ряде стран и регионов и в то же время выражаются в международной и внутренней дестабилизации на почве действительных или провоцируемых (в том числе извне) конфликтов. Утверждение демократии внутри общества не всегда ведет к демократическим принципам общения между странами, народами и народностями. Когда в начале нового тысячелетия народы, обладая самыми совершенными техническими знаниями, созданными на международном уровне универсальными инструментами цивилизованного права и политики, решают споры между собой самыми кровавыми и бесчеловечными способами, ради достижения своих групповых интересов не останавливаясь перед использованием таких варварских методов «убеждения», как терроризм, геноцид и др., они сами подрывают веками создававшиеся основы демократии и сам фундаментальный принцип прав человека — ценность каждой отдельной личности, ее жизни, ее диаспоры, наконец.

Терроризм не имеет национальных признаков и границ. Все нации и государства равны перед угрозой террористической атаки. На границе тысячелетий мир оказался перед выбором: либо страны отставят в сторону политические разногласия, обиды и объединят свои усилия в борьбе с терроризмом, либо многие века цивилизации будут перечеркнуты преступными устремлениями и амбициями террористов, мир вернется к варварским, бесчеловечным отношениям, построенным на пренебрежении жизнью и достоинством отдельной личности в угоду праву силы и жестокости.

За прошедшие четыре десятилетия под эгидой ООН, других международных, а также региональных организаций было сделано немало для создания правовых и функциональных инструментов пресечения терроризма. Однако, как показало время, они недостаточны или неполны для адекватного ответа на все угрозы терроризма. Таким образом, сегодня перед международным сообществом встала задача кардинально пересмотреть рамки и методы взаимодействия государств с тем, чтобы каждое отдельное государство и весь мир могли избежать опасности разрушения террористами.

Среди областей сотрудничества, которые часто выделяют исследователи в качестве приоритетных, — это ресурсы международного суда; разработка международных договоров и приспособление законов войны к актам международного терроризма; и применение экономических санкций против тех стран, которые скрывают акты терроризма, хотя, как было признано, это может быть и неосуществимо. Но все эти направления действий могут принести пользу лишь в том случае, если оценка действий террористов не будет увязываться с заявленными ими политическими мотивами, а ко всем террористам будет применен единый стандарт, определена преступная природа их действий. Что, впрочем, ни в коей мере не уменьшает важности решения правительствами политических проблем, послуживших политической основой террористических акций.

В принятых на VIII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями Мерах по борьбе с международным терроризмом указано: «На международном, региональном и двустороннем уровнях следует разработать эффективные меры для налаживания международного сотрудничества по предупреждению террористического насилия. В числе таких мер в области сотрудничества между правоохранительными, следственными и судебными органами: «расширение интеграции и сотрудничества между различными правоохранительными и судебными учреждениями с уделением должного внимания уважению основных прав человека; определение направлений сотрудничества между

государствами в уголовно-правовых вопросах на всех уровнях системы обеспечения соблюдения законов и уголовного правосудия».

Как перекрыть мировые финансовые потоки, направляемые на поддержку террористов?

Главный миф нашей эпохи заключается в том, что террористы якобы бедны, голодны и лишены человеческих желаний. Но современный терроризм, как правило, — это большой бизнес. Однако об этом раньше специально умалчивалось.

Казалось бы, не стремясь к финансовой выгоде как к конечной цели, международные террористические группы, тем не менее, нуждаются в деньгах для привлечения новых сторонников, обеспечения поддержки на местах и за границей. Некоторым иностранным террористическим организациям нужны деньги для ведения социальных кампаний с целью привлечения на свою сторону сочувствующих и придания своим организациям в СМИ видимости защиты интересов широких слоев населения. Из собранных средств могут субсидироваться строительство школ и больниц, оказание финансовой адресной помощи и т. п. Основная цель всех этих действий — привлечение в свои ряды новых сторонников. Значительные средства тратятся также на организацию вербовки, боевую подготовку собственных ударных отрядов и наемников, на создание современной материально-технической базы (компьютерное обеспечение, связь, транспорт и современное оружие). На подготовку и проведение конкретных терактов, как правило, требуются незначительные средства. В том и заключается проблема: выявление истинных целей спонсирующей и спонсируемой сторон часто особенно затруднено.

Сбор средств ведется террористической организацией часто под благовидными предлогами и, как правило, через третьи организации. И хотя доказать факт расходования средств на уже совершенный или готовящийся теракт (то есть финансирование как формы соучастия в конкретном преступлении) исключительно затруднено в связи с секретным характером соответствующих финансовых операций, однако оно представляется возможным с помощью имеющегося в наличии в любом уголовно-процессуальном законодательстве набора процессуальных действий, а также в рамках стандартных форм взаимной правовой помощи по уголовным делам. Но в случае терроризма задача, как признано сейчас во всем мире, не сводится исключительно к выявлению и пресечению отдельных террористических преступлений. Она стоит гораздо шире — пресечь саму террористическую деятельность, а важную роль в ее существовании играет финансовая основа, дающая возможность терроризму, его людским и материальным ресурсам воспроизводиться и наращивать силу.

В этой связи потребовалось развитие новых форм правового сотрудничества. Результатом поиска таких форм стало создание и принятие Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма.

Согласно статье 8 этой Конвенции, каждое государство принимает в соответствии с принципами своего внутреннего права необходимые меры для того, чтобы определить, обнаружить, заблокировать или арестовать любые средства, используемые или выделенные для совершения преступлений, а также полученные в результате таких преступлений. (Эти средства могут быть конфискованы.)

Специфика борьбы с финансированием, и это большей частью отражено в Конвенции, включает сложную взаимосвязь разведывательных и правоприменительных аспектов. Они затрагивают такую уязвимую область, как банковская тайна, связанную как с экономической безопасностью целых государств, так и с правом собственности, коммерческими и личными интересами отдельных граждан. В этом и заключается трудность соответствующей деятельности как внутри государства, так и на международном уровне.

Непосредственная работа по выработке единых подходов и стандартов в вопросах пресечения финансовых потоков, питающих терроризм, началась в середине 90-х годов прошлого века. У ее истоков был ряд международных организаций, таких как «восьмерка», Евросоюз и Организация Американских Государств. Еще Итоговым документом Совещания министров «восьмерки» по борьбе с терроризмом (Париж, 30 июля 1996 г.) государствам было рекомендовано принять меры по борьбе с финансированием террористической деятельности. Какие это меры? Они включают предотвращение и пресечение использования внутригосударственных средств финансирования террористов и террористических организаций. Финансирование может быть как прямым, так и

косвенным; проходить через организации, которые ставят благотворительные, социальные и культурные цели или заявляют о таких целях, или те, что непосредственно вовлечены в незаконную деятельность: нелегальный оборот оружия, наркотиков, а также занимались вымогательством. Эти внутригосударственные средства могут включать мониторинг и контроль за денежными переводами и процедурой раскрытия банковской тайны; интенсификацию обмена информацией в отношении международного движения финансовых средств, направляемых из одной страны или получаемых в другой стране, предназначенных для лиц, организаций или групп, подозреваемых в том, что они осуществляют или поддерживают террористические операции. Особое внимание уделяется целесообразности принятия мер регулирующего характера для предотвращения переводов денежных средств, в отношении которых есть подозрения, что они предназначены террористическим организациям. При этом не создается препятствий для свободы движения законных, чистых капиталов.

Международное сообщество признало угрозу со стороны финансирования терроризма и предприняло шаги для противодействия этому. Европейский союз спонсировал конференцию по этой теме в Люксембурге в 1997 году и семинар в 1998 году в Вене.

Лондонской конференцией по терроризму (7–8 декабря 1998 г.) были сформулированы принципы государств «Группы восьми», подчеркнуто намерение «сотрудничать еще теснее при расследовании, сборе разведывательной информации, обмене данными, отслеживании средств, используемых в террористических целях».

В 1999 году Организация Американских Государств провела в Аргентине Вторую Межамериканскую конференцию по терроризму. Выводы этой конференции были приведены в Декларации, принятой в Мар-дель-Плата, и позже утверждены ОАГ. Среди выработанных Конференцией предложений по противодействию терроризму содержались рекомендации государствам ОАГ, направленные на сдерживание финансирования терроризма.

В целях создания руководящих принципов по борьбе с финансированием терроризма предложено применить 40 Рекомендаций ФАТФ (Международной комиссии по борьбе с отмыванием денег) к проблеме борьбы с финансированием террористической деятельности. На деле это пока свелось к копированию рекомендаций с заменой фраз «отмывание доходов, полученных преступным путем» на «финансирование терроризма».

На состоявшемся 29–30 октября 2001 года в Вашингтоне внеочередном пленарном заседании ФАТФ был расширен мандат комиссии на вопросы борьбы с финансированием терроризма, выработаны восемь рекомендаций, среди которых принятие немедленных мер по ратификации и имплементации соответствующих документов ООН; борьба с криминальным финансированием терроризма, террористических актов и террористических организаций; замораживание и конфискация террористических банковских активов; сообщение о всех финансовых переводах, осуществляемых подозреваемыми в связях с террористами, и т. д.

Многие террористические организации часто прибегали к чисто криминальным способам «самофинансирования». Для этого они использовали грабежи (например, в Северной Ирландии, США); похищения с целью выкупа (Чечня); торговлю наркотиками (Перу, Афганистан (Аль-Каида)); а также вымогательство, мошенничество в финансовой сфере — аферы с пособиями, со сбором налогов, страхованием, кредитными картами; с подделкой документов и выпуском фальшивых денег; контрабанду товаров и сырья.

Однако терроризм тем и отличается от иных видов преступной деятельности, что на свое воспроизводство он использует не только (а в большинстве стран и не столько) криминальные источники. По сравнению с финансовыми расследованиями дел наркоторговцев, финансовая деятельность террористических организаций распутывается более сложно. Как правило, ее участники внешне живут скромно, получают средства с виду от невинных вкладчиков в различных законных гуманитарных, социальных и политических целях и используют только часть этих средств для собственно террористической деятельности.

Диапазон источников финансирования террористической деятельности исключительно широк. Это и получение доходов от различных законно действующих коммерческих предприятий, принадлежащих как непосредственно участникам террористических групп, так и симпатизирующим им деловым людям (некоторые из наиболее востребованных террористами видов коммерческой

деятельности: строительство, банковское дело, торговля лесом, нефтью, энергоресурсами, потребительскими товарами, ресторанный бизнес, казино, игровые аппараты, хлебопекарни и т. д.); пожертвования через социальные и религиозные организации. С начала 90-х годов террористические группы в значительной части опираются на пожертвования и финансовую помощь своих единомышленников — неправительственных организаций из стран Запада и государств Персидского залива; на спонсорскую помощь отдельных государств.

Для передачи террористам необходимых финансов легального происхождения используется множество способов, в частности перевозка наличных средств специальными курьерами; перевод через банки и использование иных финансовых учреждений (в данном случае операции часто оформляются на подставных лиц, религиозные и политические организации.); перевод через так называемые исламские банки, действующие на основании мусульманского права (с 70-х годов прошлого века широко распространенные по всей Азии и Ближнему Востоку, а теперь и по всему миру); обмен наличности через обменные бюро — уровень их контроля значительно ниже, чем в банках. Это позволяет в странах, где традиционно распространены сделки с наличными, безопасно обналичивать деньги, необходимые для нужд террористов; использование услуг так называемых подпольных банкиров, которые значительно распространены в Южной Азии и на Ближнем Востоке. Система строится на доверии и уверенности в том, что средства, переданные определенному провайдеру услуг или торговцу, будут выплачены с его счета получателю, указанному инициатором перевода.

Таким образом, проследить движение финансовых потоков исключительно трудно. Ключевое значение в выявлении и пресечении финансовых операций, осуществляемых в поддержку террористической деятельности, имеет установление конечного адресата — террористической организации или группы. В то же время отдельные страны руководствуются в борьбе с финансированием терроризма своими «списками» запрещенных на их территории организаций, не признавая (или делая это с большой неохотой) аналогичные списки и репрессивные решения компетентных органов других стран. А это — сильный тормоз, практически не действующий в офшорных зонах.

Инициатива России в 2000 году о налаживании обмена информацией в рамках «восьмерки» о лагерях подготовки террористов на территории Афганистана в целях формирования общего списка подобных лагерей стала важным шагом на пути принятия мер по прекращению деятельности террористов, что соответствовало решениям, принятым министрами иностранных дел «восьмерки» на их встрече в Миядзаки.

Практика взаимодействия государств в сфере борьбы с финансированием терроризма еще раз подтверждает мысль, что нет альтернативы международному сотрудничеству в борьбе с терроризмом. Терроризм — международная проблема, и контртеррористическая деятельность — также вопрос международного значения.

Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма стала первым международным документом, подписанным уже многими странами, документом, который касается не просто отдельных видов террористической деятельности, а обращен в целом к явлению терроризма и к такой важной его составляющей, как обеспечение финансовой основы. Инициатива создания этой конвенции способствовала принятию решения о выработке единой конвенции по вопросам терроризма.

Учреждение Конвенции ООН по борьбе с бомбовым терроризмом (1997), Международной конвенции по борьбе с финансированием терроризма (1999), а также работа над проектами Конвенции ООН по ядерному терроризму и Всеобщей конвенции по борьбе с терроризмом в очередной раз продемонстрировали приоритетность для ООН данной области международного сотрудничества, а также подтвердили общее мнение о многогранности проявлений терроризма и борьбы с ним.

В рамках ООН международное сообщество выработало 12 конвенций и протоколов о сотрудничестве государств в целях пресечения и расследования актов терроризма. И это уже довольно широкая база для взаимодействия государств по различным аспектам осуществления правосудия по многим уголовным делам.

Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (16.12.1970) (статья 10), Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (23.09.1971) (статья 11), оговаривают, что договаривающиеся государства-участники оказывают друг другу наиболее полную правовую помощь.

Международной конвенцией о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (14.12.1973) (статья 10), Европейской конвенцией о пресечении терроризма (27.01.1977) (статья 8), Международной конвенцией о борьбе с захватом заложников (17.12.1979) (статья 11), Международной конвенцией о физической защите ядерного материала (3.03.1980) (статья 13), Международной конвенцией о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (10.03.1988) (статья 12), Международной конвенцией о борьбе с бомбовым терроризмом (12.01.1998) (статья 10), Международной конвенцией о борьбе с финансированием терроризма (статья 12) предусматривается, что государства-участники оказывают друг другу наиболее полную помощь в связи с уголовно-процессуальными действиями.

Кроме того, Монреальской конвенцией 1971 года оговаривается (статья 12), что любое договаривающееся государство, имеющее основания полагать, что будет совершено одно из преступлений в сфере действия Конвенции, предоставляет в соответствии со своим национальным законодательством любую имеющуюся у него информацию тем государствам, в юрисдикцию которых, по его мнению, входит или может войти данное преступление.

Признавая растущую опасность терроризма, Генеральная Ассамблея ООН основала в 1999 году Отделение по предупреждению терроризма, которое начало свою работу в апреле того же года и является подразделением Отделения ООН по контролю над наркотиками и предупреждению преступности, сотрудничает с Управлением по правовым вопросам Секретариата ООН, которое выполняет функции координационного центра по правовым вопросам, связанным с терроризмом.

Главное направление деятельности Отделения — исследования, техническое сотрудничество, а также оказание содействия активизации международного сотрудничества в предупреждении терроризма.

Выработанные международным сообществом соглашения по вопросам сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом создают достаточно прочную правовую базу для осуществления государством расследования преступлений террористической направленности, входящих в его юрисдикцию, а также для уголовного преследования террористов. Но наряду с эффективными внутригосударственными репрессивными механизмами должны существовать и наднациональные структуры и процедуры привлечения террористов к ответственности в случае, если акты терроризма затрагивают интересы нескольких стран. Особенно важным данный компонент борьбы с терроризмом становится в тех случаях, когда национальные меры предупреждения и пресечения терроризма неэффективны, а выдаче преступников другому государству мешают различные политические или правовые препятствия.

Наибольшее число сторонников международного судебного органа, преследующего террористов, говорит о создании международного уголовного суда (трибунала).

За это, в частности, высказываются французский ученый Ф. Козентини, англичанин Дж. Брайерли, американец Д. Левит, румын В. Пелла и др.

Международный уголовный суд, полагал Джордж Сливовски, смог бы представлять собой наиболее важное и значительное достижение международного права. Он смог бы преодолеть трудности, созданные некоторыми странами, предоставившими убежище террористам, преследуемым якобы по политическим мотивам.

За создание факультативного международного суда для преследования лиц — исполнителей террористического акта выступали наши юристы Н. В. Жданов и И. И. Карпец. По мнению правоведа Ю. А. Решетова, для суда над индивидами, виновными в совершении международных преступлений (группы лиц), возможно как совершенствование деятельности национальных судебных органов (судебное разбирательство должно носить международный характер), так и создание международных судебных органов. И, таким образом, ликвидированы международно-правовые препятствия для создания суда или судов на международной основе.

Противники же идеи международного уголовного суда считали учреждение международного уголовного суда делом «сомнительным и даже утопическим». Например, Дж. Марфи полагал, что принятие широкой конвенции по всем формам терроризма и учреждение международного уголовного суда в современной мировой атмосфере враждебности, подозрительности и напряженности необходимо рассматривать как задачу долговременную по своему характеру и ведущую к достижению единства мнений.

Но жизнь идет вперед. В документах VIII Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (1990) отмечалось: «Мир очень изменился, на смену гегемонии нескольких государств пришел суверенитет всех стран в условиях полного равенства государств. В результате потребность в правовом порядке обусловила необходимость в институционализации отношений между суверенными и независимыми странами во всех сферах, включая и область уголовного права. Создание международного уголовного суда и кодификации международного уголовного права — шаги в направлении единого поля функционирующего международного правового порядка».

По мнению ряда видных ученых, настала пора обдумать в практическом плане вопрос о создании международного уголовного суда (возможно, под эгидой ООН) или идентичного органа по типу Нюрнбергского или Токийского трибуналов... В его компетенцию могли бы входить преследования и наказания лиц, непосредственно виновных в совершении международных преступлений в соответствии с конвенциями о борьбе с апартеидом, геноцидом, пиратством и т. д., виновных в нарушении норм, которые будут установлены в Кодексе преступлений против мира и безопасности человечества, разрабатываемом в Комиссии международного права.

С момента принятия в 1998 году Статута международного уголовного суда (Римский статут) споры о возможности и целесообразности расследования им также и актов международного терроризма стали менее острыми. Эксперты, вырабатывавшие Римский статут, посчитали тогда возможным ограничить юрисдикцию следующими преступлениями: геноцидом, агрессией, военными преступлениями и уголовными преступлениями.

Разработчики кодекса преступлений против мира и безопасности рассматривали акты терроризма в рамках военных преступлений (относили его к деяниям, совершенным в нарушение международного гуманитарного права, применимого в случае вооруженного конфликта немеждународного характера). Такая квалификация подчеркивает особую общественную опасность актов терроризма, подтверждает связь и сходство терроризма с военными действиями, но, тем не менее, не отражает в должной мере криминологических особенностей терроризма. Как пояснила Комиссия международного права ООН, представившая 51-й сессии Генеральной Ассамблеи доклад о проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, «невозможно составить исчерпывающий перечень бесчеловечных деяний, которые могли бы представлять собой преступления против человечества».

К числу несомненных достижений человечества следует отнести, прежде всего, успешное создание и деятельность Нюрнбергского и Токийского трибуналов, рассмотревших дела по существу и осудивших главных военных преступников Второй мировой войны. Нюрнберг и Токио были частью процесса, отражающего медленное и трудное движение человечества к более гуманной цивилизации. И судебный процесс в Махачкале над Радуевым и его сообщниками я бы рассматривал как продолжение дела Нюрнберга и Токио в наших условиях.

Устав Нюрнбергского трибунала был построен на началах, обеспечивающих суверенные права и равенство государств — организаторов суда, справедливое наказание главных военных преступников.

Предъявив руководителям гитлеровского рейха обвинение в преступлениях против человечности, Устав Нюрнбергского трибунала облек в правовые нормы принципы, которые еще до начала работы трибунала стали общепризнанной основой международной законности и справедливости в сфере международных отношений.

После Нюрнберга и Токио прошло много лет. Были созданы еще два международных трибунала — по бывшей Югославии и для Руанды. Первая фаза войны на территории бывшей Югославии в 1990-е годы стала поводом для учреждения на основании резолюции Совета Безопасности ООН № 827 от 25.05.93 года Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года. Характер этих деяний был оценен ООН как преступления против человечества в соответствии с Уставом Нюрнбергского трибунала.

Теперь о проблемах уголовного преследования международных террористов применительно к ситуации на Северном Кавказе. В конце 1999 года Министерство юстиции России на основании объективных данных, свидетельствующих об использовании чеченскими террористами наемников, нарушении ряда общепризнанных международно-правовых норм (в их числе Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и Европейская конвенция о запрете пыток и других жестоких и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания), предложило, «поскольку международное гуманитарное право применительно к ситуации в Чечне не располагает механизмом, устанавливающим международную ответственность для лиц, виновных в совершенных там уголовных преступлениях», для решения «вопроса о привлечении к ответственности Басаева, Хаттаба и других» создать «специализированный международный трибунал по примеру трибуналов по Югославии и Руанде». Для этого, так как трибунал создается согласно резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, необходимо было соответствующее официальное обращение Российской Федерации.

Генеральная прокуратура России в этой связи отметила, что специализированные международные трибуналы учреждаются Советом Безопасности ООН на основании норм Главы VII Устава Организации Объединенных Наций и являются действием Совета Безопасности в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии.

По своей юридической природе учреждение международных трибуналов — принудительная мера, применяемая извне к суверенному государству независимо от волеизъявления на этот счет государства. Между тем Чеченская Республика не представляет собой суверенного государства, а является субъектом Российской Федерации. А сам факт инициативного обращения Российской Федерации в Совет Безопасности с просьбой об учреждении соответствующего трибунала означал бы признание того, что страна не может своими силами контролировать ситуацию и восстановить правопорядок на конкретной части российской территории.

Учитывая изложенные и иные обстоятельства, Генеральная прокуратура России высказала мнение об отсутствии оснований учреждения международного трибунала по Чеченской Республике.

Однако такая позиция вовсе не исключала возможности рассмотрения альтернативных вариантов участия специализированного международного судебного органа в уголовном преследовании чеченских террористов в случае их причастности к террористической деятельности на территории России или в отношении других государств. Оценка действий террористов и участников бандформирований на территории Чечни в рамках стандартов, установленных статутом Международного уголовного суда, может быть исключительно полезна для целей опровержения доводов защиты, а также для доказывания повышенной общественной опасности преступлений, совершенных боевиками.

Систематические нападения в Чечне на гражданских лиц нечеченской национальности, выражавшиеся в убийствах, насильственном перемещении и исчезновении, — серьезные нарушения Женевских конвенций от 12 августа 1949 года (умышленные убийства, пытки и бесчеловечное обращение, умышленное причинение страданий или телесных повреждений, ущерба здоровью, взятие заложников), другие нарушения законов и обычаев, применимых в вооруженных конфликтах немеждународного характера в установленных рамках международного

права (посягательство на жизнь и личность, в частности убийство в любой форме, причинение увечий, жестокое обращение и пытки; посягательство на человеческое достоинство, в частности оскорбительное и унижающее обращение, взятие заложников, вероломное убийство или ранение комбатанта неприятеля), все эти признаки составов преступлений характеризовали зверства террористов и бандитов в Чечне и на Северном Кавказе в целом.

Чеченским бандитам, прежде всего их руководителям, с полным основанием могут быть предъявлены обвинения по всем группам преступлений, зафиксированных в Уставе Нюрнбергского трибунала, а также на основе других международных актов, ибо терроризм — это крайняя жестокость в отношении военнопленных и заложников, пытки, убийства и похищения людей.

Очень часто преступники в свое оправдание выдвигают тезис — «на войне как на войне, а я всего лишь добросовестно выполнял приказ» (так заявлял, пытаясь убедить следствие и суд Салман Радуев). Не случайно в Мерах по борьбе с терроризмом, принятых VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, особо подчеркивалось, «что такие аргументы, как подчинение приказам сверху, действия в интересах государства и другие иммунитеты, предоставленные в оправдание совершения преступления, не должны применяться в отношении лиц, нарушивших международные конвенции, запрещающие акты террористического насилия».

С того момента, как перестала существовать как таковая армия самопровозглашенной Чеченской Республики, а федеральным силам стали противостоять разрозненные бандформирования, подразделения иностранных наемников и группы террористов, говорить о наличии даже признаков вооруженного конфликта немеждународного характера едва ли правомерно. Мы имеем дело лишь с конкретными преступными акциями против действующих на территории Чечни представителей федеральной и республиканской власти, а также против органов местного самоуправления и гражданского населения республики.

Для оценки событий в Чеченской Республике в течение последних десяти лет мне представляется, что очень важна официальная позиция Международного уголовного трибунала по Руанде, установившего, что военные преступления в ходе немеждународных вооруженных конфликтов могут совершаться как военнослужащими, так и гражданскими лицами. Установлено, что на примере Токийского процесса гражданские лица могут привлекаться к ответственности за нарушения международного гуманитарного права. Хирота, бывший министр иностранных дел Японии, был осужден в Токио за преступления, совершенные в ходе резни в Нанкине... Другие процессы, проходившие после Второй мировой войны, недвусмысленно говорят о том, что гражданские лица, в тех случаях, когда они связаны с одной из сторон в конфликте, несут персональную уголовную ответственность за военные преступления. О привлечении гражданских лиц к ответственности за нарушения права войны говорит документ Женевских конвенций и дополнительные протоколы, а именно: необходимость защиты жертв войны от жестокостей. Эта позиция проявляется при оценке действий представителей власти самопровозглашенной Чеченской Республики во время правового беспредела, характеризовавшего внутреннюю ситуацию в Чечне, дерзких угроз в адрес России, террористических актов на территории разных субъектов Федерации.

С точки зрения международного уголовного права, действия чеченских боевиков, запятнавших себя кровью заложников и военнопленных, а также действия лиц, стоявших за непосредственными исполнителями, можно квалифицировать как пытки. Состав преступления «пытки» в условиях вооруженного конфликта включает следующие элементы: причинение посредством действия или бездействия сильной боли или страдания, как физических, так и психических; при этом действие или бездействие должно быть умышленным; его цель должна заключаться в получении сведений или признания, в наказании, запугивании, унижении, принуждении жертвы или третьего лица к чему-либо или в проведении дискриминации на любом основании жертвы или третьего лица; действия должны быть связаны с вооруженным конфликтом; по меньшей мере, одно из лиц, участвующих в осуществлении пыток, должно быть государственным служащим или, во всяком

случае, действовать не в личном качестве, то есть выступать в качестве представителя государственного органа или любого другого образования, обладающего властью.

Согласно международному праву и стандартам международного уголовного суда, лидерам самопровозглашенной Чеченской Республики и руководителям незаконных вооруженных формирований, по чьим приказам (либо с чьего молчаливого согласия) осуществлялись массовые захваты заложников в Кизляре или Первомайском, эти действия могут быть вменены в вину как военные преступления.

Запрет взятия заложников содержится в общей статье 3 Женевских конвенций и повторяется в статье 4(2)(с) Второго Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, в статье, касающейся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера, от 8 июня 1977 года.

Несомненно, исключительно важно и необходимо в будущем станет решение о расширении компетенции Международного уголовного суда по различным преступлениям террористической направленности.

В пользу такого решения говорит и то обстоятельство, что в результате терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне пострадали граждане многих стран, в том числе и России. И эти государства так же, как и США, обладают юрисдикцией в отношении совершенных преступлений. Более того, причастность Усамы бен Ладена и членов Аль-Каиды к террористической деятельности не ограничивается границами США или Афганистана (убийство Ахмадшаха Масуда). Бен Ладен причастен к организации и финансовой поддержке многих терактов на территории Ближнего Востока. Установлена и прямая связь между террористической деятельностью подконтрольных бен Ладену террористических организаций с чеченскими террористами и наемниками на территории Чечни.

В 1999 году бен Ладен финансировал проникновение боевиков, вступление арабских и афганских моджахедов в чеченские бандформирования, проникшие на территорию Дагестана. В июле 1999 года, по некоторым данным, было отмечено появление бен Ладена на территории Чечни в полевом лагере «Сайд ибн Абу Вакас», контролируемом Хаттабом.

По словам официального представителя ЦРУ в интервью журналу «Тайм», взрывчатые устройства, обнаруженные спецслужбами в России, того же происхождения, что применялись ранее боевиками бен Ладена в других странах. Тот же представитель сообщил: имеются сведения, указывающие на то, что на территории Чечни действует сеть тренировочных лагерей, где исламских террористов обучают подрывному делу иностранцы, присланные лично бен Ладеном.

«Мы передали американцам химический состав вещества, которое применялось террористами в Москве, Буйнакске и Волгодонске, — заявлял начальник ЦОС ФСБ. — Оказалось, что подобное вещество уже имелось в руках американских спецслужб и его след ведет к бен Ладену».

Одиозная тень, связь бен Ладена с США берет начало еще со времен афганской войны. Вначале США активно поддерживали бен Ладена в борьбе против Советской Армии, затем, в благодарность за прежние заслуги, в Вашингтоне упорно закрывали глаза на его криминальные интересы в России (в том числе поддержку чеченских террористов) и, наконец, приобрели в его лице главного врага, каковым его уже давно считает и Россия в связи со спонсируемой им кампанией терроризма.

Отношение бен Ладена к американцам трансформировалось и приобрело характер фанатической ненависти. Следствием этой ненависти стали дерзкие террористические акты, осуществленные, по утверждению США, боевиками подконтрольных бен Ладену исламских группировок: нападение на американских военнослужащих в Сомали и Йемене; взрыв в Международном торговом центре в Нью-Йорке; теракты против американских объектов в Саудовской Аравии; подготовка покушения на президента Б. Клинтона во время его визита на Филиппины в 1995 году; взрывы у зданий посольств США в Кении и Танзании в августе 1998 года.

Экстремистские устремления бен Ладена и его террористические планы простираются на обширные территории, посягают на интересы и безопасность многих государств, близлежащих к Афганистану и Пакистану.

Аль-Каида имеет многочисленные филиалы в различных странах, опирающиеся на местные исламские общины. И это не единственная организация, которую возглавляет бен Ладен. После разрыва отношений с администрацией США он основал организацию под названием «Международный исламский фронт» (иногда представляется также как «Всемирный исламский фронт борьбы с иудеями и христианами»). Цель организации — провозглашение «объединенного исламского государства», установление в мире «нового исламского порядка», основанного на верховенстве духовной власти и шариатского права. Средством для утверждения новой власти признавалась вооруженная борьба, прежде всего террористические акты. Организация, что очевидно из ее названия, призвана также вести «священную войну» против евреев и «крестоносцев» — то есть христиан.

Если бы Усама бен Ладен предстал перед специально созданным международным трибуналом, это не только позволило бы объективно оценить всю совокупность актов его террористической деятельности, направленной против многих государств, но и, по примеру Нюрнбергского, Токийского и других международных трибуналов, продемонстрировало бы действительную решимость лишить террористов убежищ в любом конце света и определять сущность терроризма вне политической конъюнктуры — исключительно по его преступным действиям и их последствиям.

Терроризм — это вызов обществу. Экстремисты рассчитывают использовать демократические свободы с целью разрушения демократии. Но в современной истории не было случая, чтобы европейская или американская демократия была бы разрушена террористической группой и заменена протеррористическим режимом. Но даже в такой ситуации ясно, что длительный и интенсивный терроризм может пагубно сказаться на судьбе демократических правительств и обществ. Об этом, например, говорит история «красных бригад» в Италии, судьба итальянского премьера, христианского демократа Альдо Моро, судьба политиков и экономистов, погибших в Риме и Болонье в 1999–2002 годы. Вот только одно совсем «свежее» злодеяние.

Болонья. На месте преступления полиция нашла труп 51-летнего Марко Бьяджи. Три пули были выпущены в упор, в затылок. Это произошло в 20 часов 19 марта 2002 года. Когда Бьяджи собирался вытащить из кармана ключ от входа в подъезд, раздались выстрелы. Орудие убийства — пистолет Макарова чехословацкого производства — оставлен на месте преступления. Пока это единственная улика, но без отпечатков пальцев. На следующее утро в редакции газет и полицейские отделения Болоньи поступило сообщение, что ответственность за совершенное убийство берет на себя боевая группа «Новых красных бригад».

Марко Бьяджи — экономист по профессии, советник министра труда в правительстве Сильвио Берлускони, обозреватель миланской газеты «Иль Соле 24 Оре», один из авторов программы реформирования рынка труда в Италии, составитель манифеста в поддержку либерализации увольнений служащих, за отмену ограничительной 18-й статьи Трудового кодекса, оказался далеко не случайной жертвой. Нет, убийство произошло не по причине какой-то лютой мести за то, что способный человек, придерживавшийся когда-то левых взглядов, переметнулся в стан правых. В данном случае произошел «спекулятивный эпатаж», когда террористы как бы желали показать, что их расправа над Бьяджи — это их «путь», как бы параллельный с массовым профсоюзным движением, только методы самовыражения иные, более радикальные, бескомпромиссные — наказание пульей...

Всего три года отделяют это преступление в Болонье от предыдущего аналогичного кровавого акта «красных бригад» в Риме 20 мая 1999 года. Тогда в 8 часов 20 минут утра был убит 51-летний юрист, советник министерства труда (тогда правительство было не правое, а напротив, левоцентристское) Массимо Д'Антоня. Ответственность за убийство взяли на себя бойцы «красных бригад». Задержаниям и допросам подверглись 120 подозреваемых, но всех отпустили за неимением улик или недоказуемостью состава преступления.

Из Америки по каналам Интерпола, ФБР и ЦРУ пришли сведения, что в Италии готовятся теракты, возможны вылазки «красных бригад» на Пасху и национальный итальянский праздник 25 апреля 2002 года. На католическую Пасху — 31 марта, можно сказать, «пронесло» — все прошло

без эксцессов, спокойно. Но 25 апреля? Ожидались беспорядки в четырех городах — культурных центрах Италии: в Милане, Венеции, Флоренции, Вероне. Сюда были стянуты значительные дополнительные силы полиции, финансовой гвардии, карабинеров, тайных агентов, армейских подразделений, вплоть до авиации и бронетехники.

Не излишне ли все эти чрезвычайные меры безопасности и не по воробьям ли вообще огонь?

События 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке подстегнули активность террористов всех кланов. Посудите сами, что происходило в Европе за прошедшие полгода: в Риме возникала угроза отравления городского водопровода цианидом калия, затем обнаружили подкоп под здание американского посольства, а сколько поступало сигналов о закладке мин и взрывчатки на вокзалах, железных и автодорогах, в школах, в местах массового скопления людей, вплоть до площади Святого Петра перед Ватиканом. А что означают одни только угрозы взорвать парижскую Эйфелеву и Пизанскую башни в Италии — шедевры мирового искусства, и многое другое? А взрыв рядом с флорентийским музеем Уффици?

В условиях непрекращающегося и все нарастающего израильско-палестинского конфликта экстремистские террористические организации официально своих позиций не высказывали, но традиционно оказывали поддержку исламистам, фундаменталистам, различным движениям, ведущим антиимпериалистическую и антиамериканскую борьбу. Другими словами — на политической стороне Организации освобождения Палестины. Пока нет документальных свидетельств, что «красные бригады» участвовали в организации взрывов во Франции в синагогах Марселя, Лиона, Тулузы, устраивали массовые беспорядки в Турине, Риме, но подозрения об активизации действий «красных бригад» существуют.

Потеряв социальную опору, руководители и идеологи бригадистов планировали редкие, но громкие целенаправленные вылазки. Они не могут одновременно совершать четко отработанные теракты сразу в нескольких больших городах Италии. Но жертвами становятся политики и деятели, так сказать, среднего звена, то есть те, кто не имеет официальной государственной охраны, не обладает правом ношения огнестрельного оружия и может стать легкой добычей террористов.

Есть и другой характерный момент в действиях «красных бригад». После каждого покушения бригады распространяют документы, в которых объявляют себя ответственными за совершения терактов, излагают свои цели и задачи в надежде привлечь к себе не только внимание общественности, но и рассчитывая почерпнуть новые силы в среде деклассированных элементов, умственно «продвинутой молодежи», которая еще, увы, не излечилась от гангстерской романтики, от «препотенции» оружия, диктата свинца при различных политических и других разборках. Но желающих оказаться в рядах стрелков — членов «красных бригад» насчитывается все меньше и меньше. По сведениям полиции, их ныне не более двух-трех десятков активных бойцов. А в 60-80-х годах бригадистов были сотни, а вместе с теми, кто их поддерживал, прикрывал, оказывал материальную и моральную помощь, содержал явки, склады с оружием и разными припасами, снабжал транспортом, предоставлял ценную информацию по конкретным вопросам, было до 25 тыс. человек. Из этого видно, как сузилось поле деятельности и подпитки «красных бригад». Обрезаны и международные контакты бригадистов, которые поддерживали связь с коллегами во Франции, проникали в стены университетов и других учебных заведений, контактировали с баскскими террористами, прощупывали почву в Ольстере, совершали поездки в Никарагуа, кооперировались с наркоторговцами из Колумбии и разными псевдореволюционными группами в Латинской Америке, Африке и Азии. Ныне таких возможностей у «красных бригад» больше нет.

Часто задают вопрос: были ли спецорганы стран Варшавского Договора связаны с «красными бригадами», оказывали ли они террористам реальную помощь? В частности, более конкретно: проходили ли члены «красных бригад» подготовку и учебу в Восточной Европе, в Китае, в Советском Союзе? Бывший полковник КГБ «архивариус» Митрохин, вывезший на Запад «мешки» с секретными документами Лубянки, многие из которых теперь и гроша ломаного не стоят, в свое время утверждал, что «красные бригады» на Востоке Европы замыкались на связях в Чехословакии, откуда, мол, и стрелковое оружие у бригадистов чешского производства.

Были сведения о том, что «красными бригадами» интересовались в ГДР, Польше, Болгарии. Разрабатывалась версия связи «красных бригад» с турецкими «серыми волками», в частности с Али Агджой, покушавшимся 13 мая 1981 года на жизнь Папы Римского Иоанна Павла II на

площади Святого Петра в Риме. Позже Папа Римский и бывший итальянский премьер-министр Джулио Андреотти скажут, что ни в деле о покушении на понтифика, ни в связях с «красными бригадами» ни СССР, ни его КГБ не были замешаны ни с какой стороны.

Вспоминается громкий скандал, который разразился в Италии в связи с интервью, которое дал газете «Коррьере делла сера» один советский генерал, бывший резидентом политической разведки в Риме в 70-х годах. «В Италии было только три важных агента КГБ и один в Ватикане, — заявил он тогда. — С «красными бригадами» и их лазутчиками КГБ дела не имел». «Красные бригады», их роль, сила и значение в Италии получили должную оценку на Лубянке. «Мнение» было подготовлено и доложено по инстанциям в ЦК, на Старую площадь. Общий вывод был следующим: никаких контактов с «красными бригадами», с сеятелями террора и массовых беспорядков...

Если в других странах Восточной Европы в спецслужбах считали иначе, то это было их делом, не связанным с Москвой, и СССР никакой ответственности за контакты с «красными бригадами» не нес. Впрочем, и сами тактические и стратегические цели «красных бригад» никогда не разделялись Москвой, расценивались как абсурдные, нереальные, подрывные, террористические.

Выстрелами, самопожертвованиями напоказ бойцы BR («красных бригад») надеялись заполучить симпатии народных масс. Добились обратного: породили ненависть, страх, всеобщее осуждение. В этих условиях BR пошли по самому опасному пути — усилению террора, нагнетанию политики публичных расправ.

Пик деятельности «красных бригад» приходился на 1977–1981 годы, когда террористов возглавлял некто Марио Моретти. (Он умер в 2001 году.)

С 1980 года раскаявшиеся террористы начали давать сенсационные показания. Это позволило полиции арестовать многих террористов. Первым «раскающимся» был П. Печи, занимавший высокое место в иерархии BR. После освобождения в 1982 году американского генерала Доузера за несколько недель были схвачены 300 террористов. Были разгромлены туринская, миланская, римская, венецианская «колонны». К 1983 году арестованы 1000 террористов. С 1982 по 1986 годы состоялось пять судебных процессов, на которых приговоры получили десятки террористов, 32 из них были осуждены на пожизненное заключение.

К 1985 году на свободе находились не более 300 террористов. Из них активно действующих — около 100. В 1986 году произошло 20 террористических актов и одно убийство — это был самый спокойный год после 1969 года. 1989 год стал последним, когда «красные бригады» представляли какую-либо реальную опасность.

Но при этом встал вопрос, как «красные бригады» поддерживают связь с заключенными в тюрьмах, где содержатся еще около десятка бригадистов, осужденных на пожизненное заключение?

...Или бригадистов гораздо больше, чем мы думаем?

А сколько боевиков у басков, палестинцев, курдов, наконец, в Афганистане и Чечне? Точного ответа нет.

Несмотря на неоднократные призывы различных политиков дать оценку событиям в Чечне, за время, прошедшее с 1990 года, официальная точка зрения по данному вопросу так и не сформулирована. Если не считать, конечно, отдельных фраз, разбросанных в различных постановлениях, указах и иных актах законодательной, исполнительной и судебной власти. С одной стороны, такую ситуацию можно объяснить тем, что до восстановления нормальной жизни в республике невозможно действительно объективно, с учетом мнения всех сторон конфликта как внутри Чечни, так и за ее пределами, составить цельную картину происшедшего. С другой, даже

сейчас существует огромный спектр самых противоположных оценок вооруженного конфликта в Чечне.

Так, по мнению Института анализа и управления конфликтами, в Чечне имел место «политически легитимный конфликт», который в мировой практике оценивается как «мятеж» или «восстание». Некоторые официальные источники расценили происшедшее как государственный переворот, поскольку было установлено, что в 1991 году в бывшей Чечено-Ингушской Республике в результате действий ряда экстремистских группировок конституционные органы были отстранены от власти.

Вывод об утрате федеральным Центром властных полномочий на территории субъекта Федерации в ходе насильственных действий со стороны экстремистски настроенных местных политиков сделал Конституционный суд. В планировании и координации акций террористов прослеживался очевидный интерес отдельных зарубежных стран. То есть речь шла о фактическом государственном перевороте на территории Чеченской Республики, поэтому Конституционный суд и расценил как правомерные ответные шаги российской исполнительной власти: «В 1991–1994 годах на территории Чеченской Республики, являющейся субъектом Российской Федерации, сложилась экстраординарная ситуация — отрицалось действие Конституции Российской Федерации и федеральных законов, была разрушена система законных органов власти, созданы регулярные незаконные вооруженные формирования, оснащенные новейшей военной техникой, имели место массовые нарушения прав и свобод граждан», говорилось в Постановлении Конституционного суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 года № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 года № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 года № 1833 «Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации».

Итак, большинство исследователей и наблюдателей склонны были считать все происшедшее как локальный конфликт. Причем, такой точки зрения придерживались представители обеих сторон. Отличия заключались лишь в оценочных характеристиках этих действий сторон.

Некоторые называли случившееся войной ради политических целей, то есть в классическом понимании войны Клаузевицем (как продолжения политики другими средствами). Однако они подчеркивали, что средства эти не традиционные или конвенционные, а уголовные: «В Чечне идет длительная война Центра страны с хорошо организованными и экипированными экстремистскими группировками, подлинными бандформированиями, преступными по своим методам и средствам достижения сепаратистских целей. Действия чеченских боевиков относятся к уголовно-правовым деяниям, и только исходя из их уголовно-правовой оценки они могут быть рассмотрены, причем решение по ним правомочен выносить только суд»¹.

Сложность чеченских событий, их пограничное состояние между широкомасштабным терроризмом и локальным вооруженным конфликтом немеждународного характера, осуществляемым преступными по всем общепризнанным меркам методами, заключалась в том, что в террористических актах на Северном Кавказе принимали участие большие группы людей. Очень часто теракты проводились в ходе широкомасштабных боевых действий. Теснейшим образом переплелись между собой политический и криминальный терроризм, дополняя и поддерживая друг друга. Таким образом, терроризм на Северном Кавказе, в частности в Чечне, получил государственный статус, террористические акты на первом этапе здесь совершались открыто, практически безнаказанно для их участников. О непосредственно террористической направленности конфликта говорило и то, что в Чечне использовались все виды террористической деятельности — угоны наземного и воздушного транспорта, захваты заложников, убийства и похищения людей с целью выкупа, взрывы жилых домов, государственных и общественных строений, транспортных средств и т. д. Общей отличительной особенностью террористических актов были редкая дерзость их исполнителей, крайняя жестокость, вероломство, беспощадность по отношению к жертвам, кровная месть.

Тем не менее, разброс мнений в сознании общественности в отношении того, как характеризовать ситуацию в чеченском конфликте с правовой и политической точек зрения, был достаточно велик. И неудивительно. Мы живем в эпоху острых разногласий и противоречивых мыслей.

По мнению Пола Уилкинсона, для правильной оценки террористического движения необходимо учитывать ряд основных критериев, таких как: природа террористического движения, идеология, стратегические цели, тактические цели, размеры и социальная база терроризма, оружие, финансовые ресурсы боевиков, дисциплина, техническая и организационная компетенция, внутренние и внешние союзники.

Как мы оценивали ситуацию, сложившуюся в Чечне, а также каков был ответ на этот вопрос федерального Центра? К началу 90-х годов XX века в республике существовало два потенциальных конфликтогенных очага, связанных с противоречиями как внутри чеченского общества, так и между Центром и регионом.

Немного истории, небольшой экскурс в недалекое прошлое.

Осенью 1991 года был разогнан законно избранный Верховный совет республики. Проведенные 27 октября 1991 года новые выборы в высший орган государственной власти и выборы президента республики были признаны незаконными (2 ноября 1991 года на пятом Съезде народных депутатов РСФСР), а принятые ими акты — не подлежащими исполнению. Оценка этих событий как антиконституционных и имеющих тяжелые последствия была дана седьмым Съездом народных депутатов Российской Федерации 10 декабря 1992 года в Обращении к народу, органам власти и управления Чеченской Республики, в других документах федеральных властей. Решения Съезда подтверждены Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 23 декабря 1994 года, в Заявлении в связи с резолюцией о положении в Чеченской Республике, принятой Европейским парламентом.

В дальнейшем внутривнутриполитическая обстановка в Чеченской Республике продолжала обостряться. Осенью 1994 года на ее территории между враждовавшими группировками произошли вооруженные конфликты, грозившие перерасти в гражданскую войну. Незаконное с точки зрения действовавшего российского законодательства самопровозглашение суверенитета ЧРИ и избрание ее президентом Д. Дудаева оспаривалось как федеральным Центром, так и частью местной политической общественности.

25 мая 1995 года парламент Чечни, назначенное им правительство, муфтият ЧР в обращении к гражданам Чечни призвали «встать на защиту конституции, восстановить в республике законную власть». Как указывалось в обращении, «в республике установлен по существу незаконный авторитарный режим, приведший к небывалой в истории чеченского народа конфронтации одной части населения с другой». 28 мая 1995 года Конституционный суд Чечни вынес решение о признании действий Д. Дудаева преступными, совершенными с целью незаконного захвата власти, лишения парламента полномочий, создания неконституционного правительства.

Руководство самопровозглашенной Чеченской Республики пыталось убедить мир в своей легитимности, а также в том, что контролировало ситуацию в республике, владело всей полнотой власти, а значит, и несло ответственность за все происходившее здесь, и с ним, в качестве полноправного субъекта международного права, можно было якобы вести любые переговоры как с цивилизованным и равным партнером.

«С 1991 года в республике действовало распоряжение об особом контроле за преступлениями, совершенными против представителей русскоязычного населения», — утверждал Д. Дудаев. Он отмечал, что в республике якобы не было зарегистрировано преступлений против русских на межнациональной основе.

Но многочисленные факты свидетельствовали об обратном. В результате действий режима Дудаева по «выдавливанию» нечеченского населения, начиная с 1991 года, стал увеличиваться поток эмигрантов из Чеченской Республики. Только в период до 1995 года в различные регионы России переехали 250 тысяч человек, более 80 % из них — русские. Однако шел отток населения и других, «нечеченских» национальностей — армян, украинцев, татар, евреев.

Широко известны факты коллективных обращений к Президенту России жителей ряда поселков Наурского, Сунженского и Шелковского районов. В них сообщалось о частых случаях ограблений, угонов автомобилей и скота, изнасилований и избиений русских и русскоязычных граждан. В результате чего за два года русское население казачьей станицы Ассиновской Сунженского района уменьшилось в три раза — с 7200 до 2400 человек.

О различных насильственных преступных действиях, совершенных на национальной почве, говорили сообщения из районов Чечни, традиционно заселенных казаками: многие семьи подверглись разбойным нападениям, избиениям, люди гибли от рук преступников или исчезали в неизвестном направлении. Каков мог быть на это ответ?

«Демократия» в Чечне начиналась с того, что Дудаев открыл двери тюрем для тысячи уголовников, а еще полторы тысячи стеклось «под флаги президента» со всей России. Республика превратилась в уголовный отстойник. Власти совместно с криминальными элементами образовали единый преступный синдикат, пользовавшийся абсолютной безнаказанностью в своей незаконной деятельности.

Превысили мировые аналоги масштабы похищения денежных средств с использованием фальшивых кредитовых авизо и чеков «Россия» (на сумму от 600 млн до 4 млрд. долларов США). Аферы с фальшивыми авизо стали возможны из-за несовершенства системы безналичного денежного обращения, а также отсутствия реального контроля за финансовыми потоками в республике. По сведениям ГУЭП МВД, почти половина (42 %) преступлений с фиктивными платежными документами, зафиксированными по всей России, происходила при непосредственном участии жителей Чечни. По различным оценкам, большинство фальшивых банкнот, находившихся в обороте в то время в России, были чеченского происхождения. Дудаевский «экономический порядок» характеризовался отсутствием на территории Чеченской Республики государственных механизмов финансового, налогового, таможенного контроля. И это при фактически открытых границах с другими субъектами Российской Федерации и с зарубежными государствами, при отсутствии в республике реально действующих правоохранительных органов, при неконтролируемом распространении на территории Чеченской Республики и далеко за ее пределами большого количества оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, наркотиков, фальшивых денежных знаков, контрабанды.

Преступления чинились повсеместно. Подвергались разграблению железнодорожные поезда, следовавшие по территории «независимой республики». Всего за период с 1992–1994 годов на территории Чечни было совершено 1354 нападения на подвижные составы, зафиксировано около 70 разбойных нападений на пассажирские поезда. Налетчики применяли огнестрельное оружие, были многочисленные человеческие жертвы. В период правления Д. Дудаева в результате нападений на поезда на Грозненском отделении Северо-Кавказской железной дороги только за 1993–1994 годы был нанесен ущерб в 4 млн долларов США.

По фактам бандитизма на железнодорожном транспорте в органы внутренних дел Чеченской Республики Северо-Кавказским ГУВДТ для расследования было направлено 600 уголовных дел. Однако ни одно из них к производству принято не было, все дела возвращены в ГУВДТ. Это было прямое пособничество бандитизму со стороны органов власти Чечни.

Банды грабили не только проходившие по территории Чечни поезда. Их преступные устремления простирались и за пределы республики. Награбленное личное и государственное имущество из соседних с Чечней регионов вывозилось автомобильными фурами, скот угонялся целыми стадами.

Однако подлинным бичом для соседей стали массовые похищения людей ради получения выкупа, который превратился в важнейшее средство накопления финансов для обеспечения терроризма. Эта преступная практика охватила все сопредельные регионы вокруг Чечни. В Дагестане, Кабардино-Балкарии, Ингушетии, Северной Осетии, Ставропольском крае количество тяжких преступлений с корыстной целью постоянно возрастало. По данным российского МВД, в 1995 году были похищены и уведены в Чечню 272 человека, в 1997-м — 1140 человек, в 1998 году

— 1415 человек. «Стоимость» заложника, как сообщала пресса, составляла от 10 тыс. до 4 млн долларов.

С одной стороны, эти масштабные криминальные акции корыстной направленности нанесли серьезнейший удар по экономике России, а с другой — создали мощную финансовую базу для террористической деятельности и формирования в республике хорошо оснащенных боевых подразделений — незаконных вооруженных формирований с привлечением наемников-иностранцев.

Основные источники получения финансов: средства, выделяемые на нужды республики, в том числе на выплату пособий, пенсий, компенсаций, а также на восстановление экономики Чечни из федерального бюджета; деньги от представителей чеченской диаспоры в различных городах России; выкуп за похищенных людей (на сумму от 200 до 300 млн долларов США); поступления от незаконной добычи и транспортировки каспийской нефти, приносившие Чечне от 500–600 млн до нескольких миллиардов долларов ежегодно; финансовые пожертвования зарубежных государственных и частных спонсоров, помощь различных мусульманских неправительственных организаций; доходы от наркобизнеса, других видов преступной деятельности.

При детальном рассмотрении способов получения таких средств очевидно, что ни о каком «новом экономическом чуде» в Чечне речь идти не могла. Подавляющее большинство средств имело криминальное происхождение, причем в значительной части было связано с насилием над людьми.

Если судить с точки зрения международного права, действия чеченских властей можно было расценить как косвенную (в виде отдельных террористических актов) и прямую экономическую агрессию. Правовой анализ показал, что в отношениях между Россией и ее частью — Чечней в начальной стадии происходил внутригосударственный политический конфликт, нелегитимный по средствам и методам его проведения, конфликт, переросший в стадии ответа федеральных властей в вооруженные действия немеждународного характера.

Как отметил Конституционный суд Российской Федерации, оценивая законность решений и действий федерального Центра в конфликте с чеченскими властями, «государственная целостность — одна из основ конституционного строя Российской Федерации». Она составляет важное условие равного правового статуса всех граждан независимо от места их проживания, одну из гарантий их конституционных прав и свобод. Конституционная цель сохранения целостности Российского государства согласуется с общепризнанными международными нормами о праве народа на самоопределение... С учетом этого федеральными властями (Президентом, Правительством, Федеральным Собранием) неоднократно предпринимались попытки преодолеть возникший в Чеченской Республике кризис. Однако они не привели к мирному политическому решению.

Дальнейшее развитие конфликта представляло реальную и непосредственную опасность не только внутригосударственной стабильности и правопорядку, но и миру, международной безопасности. Действия руководителей Чечни поставили под угрозу добрососедские отношения России с другими государствами региона из-за вероятной опасности переноса военного пожара с территории ЧР, являющейся по нормам международного права территорией Российской Федерации.

В Обращении первого Президента РФ Бориса Ельцина к гражданам России от 31 марта 1996 года подчеркивалось, что в планы Дудаева входило создание «кавказской республики», охватывающей не только южные регионы России, но и Грузию, Азербайджан, Армению. Это признавал сам Дудаев в книге, вышедшей в 1993 году. Другие чеченские лидеры также не отрицали своих агрессивных намерений, что проявилось в вооруженном нападении на Дагестан.

Но выявилось и другое. А именно: агрессивные планы ряда зарубежных стран, которые пытались подорвать позиции России, реализовать свои намерения руками чеченских экстремистов. Они поощряли терроризм, предоставляли финансы, оружие, людей. Как указывалось в Постановлении Государственной Думы «О ситуации в Республике Дагестан, первоочередных мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и борьбе с терроризмом» № 4293-II ГД от 15.09.1999 г.: «Все отчетливее проявляются захватнические цели определенных сил в мире, которые, прикрываясь знаменем воинствующего

панисламизма и используя его приверженцев, силой оружия пытаются отторгнуть от России Прикаспийский регион».

Наемники в подразделениях Хаттаба до последнего времени получали огромные деньги. При этом зарубежными спонсорами были определены четкие расценки за каждый вид «работы»: установку фугаса, расстрел машины с российскими военнослужащими, взрывы жилых домов и т. п., а также определена система отчетности — видеозаписи с результатами терактов, расправ с военнопленными или заложниками.

Перед первой чеченской кампанией в ЧР шел настоящий разгул беззакония: из республики были вытеснены остатки федеральной армии, базировавшейся на ее территории; боевики отбирали у солдат личное оружие и тяжелое вооружение, захватывали склады. Начали создаваться «свои» государственные структуры и воинские формирования; люди перестали получать социальные пособия и пенсии; школы переоборудовались под казармы, военные училища; в разных российских городах появились беженцы из Чечни (или, как принято сейчас их называть, вынужденные переселенцы). Особенно резко увеличилось хищение оружия.

Конечно, учитывая количество похищенного оружия в начале 90-х, сейчас можно сделать вывод, что работа правоохранительных органов по выявлению и пресечению преступлений была на низком уровне. Но правоохранительная система не существует автономно, независимо от других частей общества. При общей слабости власти, недостаточности финансирования как армии, так и правоохранительных органов, в условиях общего правового упадка, при отсутствии четкой государственной политики по вопросам обороны и безопасности, правоохранительная система оказалась не готовой ни с правовой, ни с чисто функциональной точек зрения к оперативным превентивным и карательным мерам для контроля над сложившейся ситуацией.

Таким образом, к началу первой операции по восстановлению конституционного порядка «армия Дудаева» по численности и вооружению была сравнима с хорошо оснащенной воинской группировкой. На вооружении у дудаевских боевиков было более 100 танков марки Т-62 и Т-72, около 150 орудий и минометов, 260 самолетов, способных вести боевые действия, и несколько боевых вертолетов, около 100 зенитно-пулеметных установок, 18 реактивных установок залпового огня «Град», около 60 тыс. единиц стрелкового оружия.

Оценки численности «армии Дудаева» варьировались от 6 до 30 тыс. боевиков. (Я склонен к последней цифре.)

В качестве основного противника Дудаев рассматривал Российскую Федерацию. В своем указе от 8 ноября 1991 года он прямо говорил: «Обращаюсь ко всем мусульманам, проживающим в Москве, с призывом превратить Москву в зону бедствия во имя нашей общей свободы от куфра (безбожия, неверия)». Города Москва и Санкт-Петербург были объявлены особыми зонами.

В сентябре 1994 года Дудаевым был подписан приказ приготовить к 20 сентября 1994 года необходимые документы по плану «Лассо», в частности график «распределения стратегических объектов противника для ударов штурмовой авиации ЧРИ» с указанием носителей вооружения, средств поражения и исполнителей боевых задач. Были назначены и командиры боевых экипажей. Цель атак — Россия. Таким образом, в период до первой чеченской кампании стало очевидно, что сам конституционный строй России находился в опасности. Ему угрожало разрастание по всему Северному Кавказу локального вооруженного конфликта, граничившего часто со скрытой агрессией других государств. Промедление с ответными действиями со стороны федерального правительства ставило под угрозу не только жизни граждан России, но и само существование Российского государства. Опасность распространения терроризма и экстремизма на соседние регионы требовала незамедлительного принятия ответных мер. Иначе насильственный конфликт, мотивированный национальными или религиозными разногласиями, мог бы захлестнуть весь регион, а затем и республики Поволжья.

В такой обстановке, согласно нормам международного права, Россия имела полное право защитить и отстоять свой суверенитет и исполнить «обязанность всеми законными средствами поддерживать или восстанавливать правопорядок в государстве, защищать национальное единство и территориальную целостность государства». Наряду с защитой внутригосударственных прав и обязанностей российские власти выполняли также свои международные обязательства по борьбе с терроризмом. Чечня стала не только базой международного терроризма, но и ее

руководство превратилось в проводника политики государственного терроризма. Президент России Б. Н. Ельцин так оценил сложившуюся ситуацию в Обращении к гражданам России от 31 марта 1996 года: «Дудаев (и его режим) начал терроризировать народ. Промышленность остановилась, нефтедобыча остановилась, пенсии три года не выплачивались, заработная плата не выплачивается, и так далее. Там просто стал регион криминального сосредоточения. И этот криминальный путь завел в тупик народ Чечни. Но он был выгоден мощным структурам организованной преступности, которые, по сути дела, превратили этот регион в криминальную зону всей России. Здесь отмывались деньги, которые тоже шли со всей России, прокладывались маршруты транспортировки наркотиков и оружия. Это было выгодно целому ряду влиятельных кругов за рубежом России. Богатые нефтегазовые ресурсы Прикаспия, транспортные и трубопроводные коммуникации всегда были для них лакомым куском. Вывести такого мощного конкурента, как Россия, из строя, создать долговременные очаги напряженности на юге России — вот о чем мечтают те, кого не устраивает экономическое развитие Северного Кавказа в рамках Российской Федерации».

Таким образом, в республике сошлись интересы чеченских экстремистов (а также криминалитета) с шовинистическими устремлениями ряда зарубежных политиков. И наиболее эффективным путем достижения общей цели — ослабления России и отторжения от нее ряда южных территорий — стал широкомасштабный терроризм.

19 февраля 1995 года Д. Дудаев официально заявил «о переносе войны в российские города». В том же году 14 июня чеченские боевики численностью около 100 человек под руководством Ш. Басаева провели захват заложников в Буденновске. Захвачены телефонный узел, здания местной администрации и горбольницы, в которых удерживались 1000 заложников, разгромлена часть зданий.

15 декабря 1995 года террористами, не согласными с выбором президентом ЧР Д. Завгаева, захвачен ряд административных зданий в Урус-Мартане.

9 января 1996 года более чем 400 боевиков под командованием С. Радуева вошли в дагестанский город Кизляр, захватили больницу и удерживали в ней заложников.

16 января 1996 года боевиками захвачены в заложники 29 ставропольских монтажников на Грозненской ТЭЦ-2 и в этот же день произведен захват парома «Аврасия» террористами «Внуки Шамиля имама» во главе с М. Токджаном, воевавшим в батальоне с Ш. Басаевым.

15–18 января 1996 года — противостояние федеральных сил и групп Радуева продолжено в дагестанском селе Первомайское. В планы Дудаева входил также захват Астрахани, Прохладного и Моздока. Но обо всем этом далее со всеми подробностями.

26 января 1996 года последовал призыв представителя Д. Дудаева в Дагестане к началу боевых действий против российских войск: «Вставай, Дагестан, на газават»...

И это только отдельные, самые крупные акции. Стали почти будничными случаи похищения людей, казни военнопленных, разбойные нападения как в Чечне, так и за ее пределами. Звеньями в цепи единой преступной политики выглядели терроризирование общественности сначала в регионе, а затем и по всей стране. Лидеры чеченских боевиков заявляли, что их действия — это только часть войны против всей России.

Чеченские бандформирования продемонстрировали всему миру свою беспримерную жестокость. В Нью-Йорке правозащитная организация «Хьюман райтс уотч» привела подробный список преступлений исламских боевиков, жертвами которых становились как пленные российские солдаты, так и мирные жители. По мнению экспертов «Хьюман райтс уотч», использование мирного населения в качестве «живого щита» стало с некоторых пор излюбленной тактикой исламистов. Приобрели массовый характер надругательства боевиков над трупами российских военных, отрезание ушей и рук, выкалывание глаз у мертвых и живых военнопленных, отсечение голов (в том числе у мирных граждан западных стран, приехавших в Чечню с гуманитарными целями), надругательства над женщинами. Все эти злодеяния были нацелены на то, чтобы сеять страх и панику среди русскоязычного населения в самой Чечне и приграничных регионах, а через СМИ оказывать давление на руководство федерального Центра.

Действия руководителей дудаевского режима квалифицированы как соучастие в преступной деятельности в составе террористической организации, каковой фактически стал так называемый «Общенациональный конгресс чеченского народа» (ОКЧН).

Поддержку террористов и координацию террористических действий со стороны руководства прямо или косвенно подтверждали сами лидеры Ичкерии. Так, в заявлении Государственного комитета обороны ЧРИ от 04.08.96 сказано: «Руководство Чеченской Республики официально заявляет, что оно уже не в первый раз предупреждено Военно-политической организацией «Чеченская Армия Свободы», «Национальное возмездие» и некоторыми другими чеченскими группами о намерениях начать ответные действия на продолжающееся уничтожение чеченского народа с развертыванием широкомасштабных диверсионных актов на всей территории России и других регионах проживания российских граждан». Кроме республик Северного Кавказа Дудаев ставил задачу распространить тактику терроризма в глубь России. Задолго до ввода российских войск в республику и вообще каких-либо активных действий федерального Центра в связи с ситуацией в Чечне генерал утверждал, что «это будет война без правил», и на своей территории он воевать не собирался.

Пытаясь подвести идеологическую основу под террористические методы борьбы с российскими властями, чеченские лидеры обосновывали легитимность своих действий по отторжению части территории России (включаящей Чечню, а также иные субъекты Федерации) и уничтожению населения России «преступной природой самого Российского государства, его внешней и внутренней политики». Тем самым разжигалась межнациональная рознь и ненависть, оправдывались любые действия по борьбе с «империей зла» — Россией. Распространение такой идеологии было признано пропагандой войны и насилия, преследуемой в уголовном порядке, а вторжение незаконных вооруженных формирований из Чеченской Республики на территорию Республики Дагестан стало особо опасной формой терроризма с участием иностранных граждан, направленной на отторжение Республики Дагестан от Российской Федерации.

Ответные действия руководства России с точки зрения международного опыта проведения контртеррористических операций считаются легитимными. Неоднократно предпринимались попытки переговоров, но они неизменно срывались чеченской стороной из-за ее нежелания обсуждать две ключевые позиции: разграничение полномочий между федеральным Центром и субъектом Федерации, каковым была ЧР, а также о разоружении незаконных вооруженных формирований. В такой ситуации мирное решение исключалось. Это подтверждал опыт всех стран, где проходили аналогичные локальные конфликты террористической направленности: в Северной Ирландии, Израиле, Индии, на Филиппинах и т. д.

До начала первой контртеррористической операции в Чечне в конце ноября — декабре 1994 года был предпринят ряд мер правового характера с целью урегулировать ситуацию с учетом эскалации внутричеченского конфликта.

30 ноября 1994 года Президент России подписал Указ № 2137с «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», которым было одобрено применение вооруженных сил. Сами войска были введены лишь через две недели, на основании Указа Президента РФ «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта» (незамедлительно в Грозный с трех направлений двинулась боевая техника и личный состав подразделений Вооруженных Сил и Министерства внутренних дел России. С 16 декабря 1994 года на территорию ЧР были введены российские федеральные войска).

Однако непоследовательность в действиях при осуществлении контртеррористической операции, стратегические провалы, и прежде всего проигрыш в информационной войне, попытка решить любой ценой конфликт «по-мирному», забывая о том, что террорист — не воин, не честный политик, и никакие соглашения с ним невозможны, — привели к неудаче первой контртеррористической операции. Мировой опыт отказа от любых уступок террористам, к сожалению, Россия проигнорировала в угоду сиюминутной политической конъюнктуре, что вылилось несколько лет спустя еще большими затратами людских и финансовых ресурсов.

Непосредственно после Хасавюртовских соглашений в обращении Народного Собрания Чеченской Республики на имя Генерального прокурора Российской Федерации от 6.08.1996 года

указывалось: «В результате заключения названного соглашения в г. Грозном деятельность законных органов власти Чеченской Республики проходит в чрезвычайно сложных условиях. Город отдан на полное разграбление незаконным формированиям и мародерам, идет массовое уничтожение мирного населения в т.ч. по политическим причинам. Большое число людей похищается с целью выкупа. По составленным спискам идет активное выявление и расправа с работниками органов государственной власти, десятки которых убиты на месте. В числе расстрелянных заместители Главы администрации г. Грозного Таштамиров Л.-А., Хамастханов А. Самосуд творят так называемые «шариатские суды»».

Генеральной прокуратурой Российской Федерации в письме на имя Председателя Правительства Российской Федерации от 17.09.1996 года по результатам изучения документов по урегулированию ситуации в Чечне был сделан вывод, что как по форме, так и по содержанию эти акты не представляют собой схему урегулирования вооруженного конфликта, самостоятельного правового значения иметь не могут. Однако из-за непродуманности и неопределенности отдельных положений эти документы могут быть использованы и уже используются для неконституционного переустройства системы органов власти и управления в Чеченской Республике. Провозглашенный принцип самоопределения народа сформулирован в отрыве от конституционного положения о целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации. Принципы формирования законодательства Чеченской Республики определены без учета требований статьи 4 Конституции России о верховенстве на всей территории Российской Федерации Конституции Российской Федерации и федеральных законов.

Постановлением Совета Федерации ФС РФ «О ситуации в Чеченской Республике» от 8.10.1996 года документы, подписанные 31 августа 1996 года в городе Хасавюрте, признаны свидетельствующими о «готовности сторон разрешать конфликт мирным путем», однако «не имеющими государственно-правового значения».

Со своей стороны Государственная Дума в Постановлении «О ситуации в Республике Дагестан, первоочередных мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и борьбе с терроризмом» № 4293-II ГД от 15.09.1999 года указала: «Огромный ущерб обеспечению национальной безопасности Российской Федерации нанесла политика властей по отношению к Чеченской Республике в результате подписания Хасавюртовских соглашений, основные положения которых преднамеренно не выполнялись чеченской стороной с момента их подписания. Тем самым были созданы выгодные условия для наращивания сил и подготовки незаконных вооруженных формирований к вторжению на территорию Республики Дагестан и распространению террора по всей территории России».

События в Чечне, связанные со зверским убийством трех англичан и новозеландца, дерзкое похищение (5 марта 1998 г.) милицейского генерала Шпигуна лишни раз подтвердили тот факт, что Масхадов не контролирует ситуацию в ЧРИ. Закон «Об оружии», принятый парламентом ЧРИ в ноябре 1997 года и вступивший в силу 25 февраля 1998 года, повис в воздухе и не выполнялся. Все указы президента республики, изданные после гудермесских событий, о разоружении незаконных формирований, о выдворении с территории Чечни наемников, известных террористов, остались на бумаге. Ш. Басаев, С. Радиев, А. Бараев, Хаттаб и многие другие полевые командиры демонстрировали свое пренебрежение к указам и постановлениям высших органов власти. Разоружение незаконных вооруженных группировок оказалось задачей, по всей видимости, непосильной для правительства Масхадова. Урус-Мартан стал самостоятельной ваххабитской вотчиной внутри ЧРИ, и Масхадов ничего с этим поделать не мог. Более того, накопив достаточно сил, ваххабиты во главе с Басаевым и Хаттабом объявили «джихад» на территории Дагестана. А президент Чечни не отмежевался от их действий. Исламский экстремизм прижился в регионе. Де-факто названная независимой Чечня была превращена в опорный пункт ваххабитов, и ситуация обещала только ухудшаться.

Федеральный закон «О борьбе с терроризмом» указывал, что «при проведении контртеррористической операции в целях сохранения жизни и здоровья людей, материальных ценностей, а также изучения возможности пресечения террористической акции без применения силы допускается ведение переговоров с террористами». Однако в «качестве условия прекращения ими террористической акции не должны рассматриваться вопросы о выдаче террористам каких бы то ни было лиц, передаче им оружия и иных средств и предметов, применение которых может создать угрозу жизни и здоровью людей», а также не обсуждается и вопрос о выполнении политических требований террористов.

Ведение переговоров с террористами не может служить основанием или условием их освобождения от ответственности за совершенные преступления. Таким образом, ведение переговоров иных, чем переговоры о прекращении огня и сдаче оружия, с террористами быть не может.

Такие положения отвечали законодательным стандартам большинства западных стран, в том числе европейских. Требовать же от России в очередной раз идти в одностороннем порядке на уступки — ценой человеческих жизней, окончательной утраты населением Чечни веры в возможности и желание федерального Центра восстановить нормальную жизнедеятельность в республике, остановить правовой беспредел и терроризм, — не только не гуманно, но и аморально.

«Российская Федерация ведет антитеррористическую операцию, освобождая территорию Чеченской Республики от незаконных вооруженных формирований, — говорилось в Постановлении Государственной Думы России от 17 ноября 1999 года. — Однако некоторые политические силы при поддержке определенных кругов за пределами России прилагают усилия для того, чтобы остановить данную операцию, инициировать переговоры Правительства Российской Федерации с Правительством Чеченской Республики». Ставилась цель сохранить террористические бандформирования на территории Чеченской Республики, дать им передышку, что еще более осложнит ситуацию на Северном Кавказе и приведет к разрастанию международных конфликтов. И это понимали в Москве.

Полностью обоснованной с правовой (в том числе с международно-правовой) и оправданной с моральной точек зрения стала позиция руководства Российского государства, заявившего о решимости «покончить с терроризмом и преступностью в Чеченской Республике не только силовыми методами, но и путем диалога с политическими силами как в самой Чеченской Республике, так и за ее пределами».

Эта позиция наполнилась конкретным содержанием в сформулированных Президентом Российской Федерации В. В. Путиным принципах переговоров: в частности, Президент предложил «всем участникам незаконных вооруженных формирований и тем, кто называет себя политическими деятелями, немедленно прекратить все контакты с международными террористами и их организациями, в течение 72 часов выйти на официальных представителей федеральных органов власти для обсуждения следующих вопросов: порядок разоружения незаконных вооруженных формирований и групп, порядок их включения в мирную жизнь в Чечне. От имени федеральных властей для осуществления этих контактов назначался Виктор Казанцев — полномочный представитель Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе, куда входит Чечня». Таким образом, четко сформулированы две базовых позиции России: Чечня — субъект Федерации, следовательно, ни о каких переговорах «двух субъектов международного права» речь идти не может, а с террористами и бандитами переговоры невозможны в принципе.

Черные стрелы

Исламский экстремизм движется с Ближнего Востока через Центральную Азию на Северный Кавказ

Исламский фундаментализм — это и политика, и религия. Таким образом, он имеет двойственную природу. Анализировать его только как движение, имеющее политическую природу, было бы ошибкой, поскольку фундаментализм одновременно и религия. Поэтому, оценивая природу социальных конфликтов, на почве которых существует и развивается терроризм, особенно терроризм, основанный на различных интерпретациях ислама, или, как его часто неверно называют, исламский терроризм, следует понять религиозный фактор как существенную детерминанту социально-политических процессов в исламских обществах.

Исламские и мусульманские экстремистские движения особенно развились в последние три десятилетия как следствие распространения мнения о некоей глобальной культурной войне против арабского и мусульманского мира, против их религии, культуры и образа жизни. Концепции, которые питают такие настроения, воспринимаются на Западе как терроризм и политическое насилие. В исламском же мире они расцениваются как исламский религиозный долг. Такие концепции включают «джихад» («священная война»), «такфир» (опровержение), «истишхад» (мученичество, включая суицид) и «шахид» (страдание). Центральное понятие, общее для большинства исламистских движений и групп, проповедующих терроризм и политическое насилие, оправдывающее их и создающее благоприятную для них атмосферу, — это так называемое «нахождение в осаде», которое призывает к самозащите. Для последователей этой концепции конфронтация оправдывает использование любых средств. Особенно если эти средства обладают религиозной легитимностью.

Многие исламистские и исламские движения и группы преуспели в убеждении людей в исламском мире, что именно они представляют и передают подлинную интерпретацию ислама. Более того, большинство из этих групп развивало мысль о необходимости возвращения к фундаментальным истокам ислама.

Значительная часть исламских движений и групп, возникших особенно после 1960-х годов, были основаны на ортодоксальном исламе. Они побуждали своих последователей к симпатии и поддержке движений и групп, якобы являвшихся защитниками слабых слоев общества. Во многих случаях в такой пропаганде использовались элементы социального, культурного и экономического протеста. Это придавало видимость противостояния глобальным врагам: США, Израилю, западной «еретической» культуре «крестоносцев».

Многие такие группы пытались представить свои действия как конфликт цивилизаций или как борьбу «ислама против Запада». Однако сам по себе официальный ислам таких догм не содержит и ссылки на него как на идеологию террористов неправомерны. Это неоднократно служило поводом как для восточных, так и для западных политиков подчеркнуть, что нет такого понятия, как исламский терроризм. Можно говорить об исламском экстремизме или исламском радикализме в той мере, в какой любой религии присущи экстремистские и радикалистские течения.

По этой причине многие исследователи в отношении террористов и террористических групп, действующих под прикрытием исламских лозунгов, предпочитают использовать термин «исламисты», или «исламистские террористические группы».

Термин «исламист» часто используется исламскими радикальными группами и исследователями исламского возрождения для того, чтобы подчеркнуть различия между ортодоксальными исламскими группами и движениями, исповедующими традиционный ислам, и радикальными или фундаменталистскими группами. Употребление этого термина объясняется также заявлениями многих мусульман и мусульманских организаций о том, что феномен подобных групп радикалов и экстремистов не представляет истинного ислама, а является следствием ложной интерпретации религии, ересью, поскольку сам ислам не может использоваться для террористической деятельности в силу его миролюбивых основ.

Вспоминаются слова председателя Центрального духовного управления мусульман России и стран СНГ Талгата Таджуддина: «К великому сожалению, разжигание национальной и религиозной нетерпимости становится распространенным явлением сегодняшней действительности. Террористы, извращая в своих низменных интересах Коран, пытаются бросить тень на святую веру мусульман». Потому он убежден, что джихад против русских, объявленный чеченскими террористами-фанатиками и их бандитской верхушкой, не может вестись против собственного государства. Джихад объявляется только высшим духовенством в целях защиты страны от иностранного нашествия. «И помогайте друг другу в добре и благости, но не сотрудничайте во зле и вражде», — так гласит сура 5 аят 3 Корана.

Неуважение к религиозным ценностям самого ислама не раз демонстрировали чеченские боевики. 18 октября 1999 года на перевал в районе сел Первомайское и Кежа-Юрт (Терский хребет) поднялся местный муфтий. Он обратился к боевикам с просьбой подумать и не воевать. Его избили, затем перерезали горло, а его спутников расстреляли. Вот вам и весь «джихад»...

До тех пор пока исламский фундаментализм и радикализм имеют поддержку среди населения — все равно, в качестве идеологии или в форме организаций и движений, — их воздействие на значительную часть мусульманского мира придает им вид легитимности для ведения войны, воспринимаемой как война между Западом и исламским миром. Корни этого феномена лежат порой в неспособности широких слоев населения этих стран принять технологические, культурные или экономические аспекты западной модернизации. Это спровоцировало тенденцию клеймить светские режимы и призывать к возвращению к славному прошлому и истокам ислама, что и стало основой своеобразного мессианства, дало надежду на «лучшую жизнь».

В последнее десятилетие стало все очевиднее распространение исламистского террористического влияния с Ближнего Востока на другие регионы — прежде всего на Центральную и Южную Азию. Существуют различные объяснения этого явления: распад СССР, начало переговорного процесса между Израилем и Палестиной, подъем национальных и националистических чувств в Южной Европе и на Балканах, многое другое и разное.

Все это послужило причиной смещения центра исламистской террористической деятельности с Ближнего Востока на Балканы — в Боснию, Албанию и Косово; на Кавказ — в Чечню и Дагестан; и в Азию — в Узбекистан, Кашмир, Афганистан и даже на Филиппины. Волна исламистского терроризма докатилась даже до Западного Китая, где она представлена уйгурскими националистами и исламистами.

Этот сдвиг — часть другого процесса: глобализации исламистской борьбы. Наиболее яркими свидетельствами этого процесса стали феномен «Афганских последователей» (или «афганских арабов» — арабов, воевавших с советскими войсками в Афганистане, а затем включившихся в вооруженную борьбу сепаратистов на пространстве бывшего СССР) и «распространение исламистского суицидального терроризма как религиозно легитимного образа действия — от Ливана и Израиля до Турции и — в последнее время — до Чечни и Кашмира».

Основные тенденции, связанные с расширением исламистского терроризма в последнее десятилетие, выразились в консолидации сил «Фронта джихад» вокруг организации Аль-Каида в Афганистане. Кроме того, несколько небольших групп исламистов присоединились к ней в целях получения финансовой помощи, возможностей подготовки и тренировки в лагерях в Афганистане.

В последнее время значительно увеличилось количество вылазок исламистских террористов по всему миру, вырос сбор средств для исламистских организаций и движений. Причем часто невозможно отделить средства, собираемые для социальных нужд, от тех, что предназначены для финансовой подпитки терроризма. Одновременно возросла поддержка мусульманскими правительствами различных исламистских групп и проектов в целях контроля над ними или по крайней мере оказания влияния на них.

Но есть и другой момент: обозначилось сотрудничество между мусульманскими правительствами в борьбе с терроризмом. Это ответная реакция со стороны заинтересованных государств.

Первостепенную роль в глобализации действий исламистов до последнего времени играла Аль-Каида. Как показал процесс над террористами, взорвавшими Всемирный Торговый Центр в Нью-Йорке в 1993 году, Аль-Каида служила прикрытием, была организацией-зонтиком, под которым объединился широкий круг исламистских групп, включая «Хэзболла» (Ливан), «Исламский Джихад» (Египет), «Вооруженную Исламскую группу» (Алжир), а также множество иракцев, суданцев, пакистанцев, афганцев и иорданцев. Каждое из звеньев этой группы обладало возможностью независимого осуществления вербовки и операций. Деятельность группы координировалась через «Совет Шуры» Аль-Каиды — своего рода «совет директоров», который включал представителей многих групп, встречавшихся на регулярной основе в Афганистане для обсуждения планов предлагаемых операций.

Судебный процесс продемонстрировал также, что Аль-Каида — это не организация, управляемая одним человеком, а «глобальный исламистский «Интернет» с выходами и местами доступа по всему миру».

Очевидно и то, что у нее широкие возможности вербовки по всем континентам, особенно в среде эмигрантов, что уже стало предметом пристального внимания правоохранительных органов многих стран.

В последние годы усилиями бен Ладена, стоящего во главе Аль-Каиды, вновь ожили поселения «военно-трудовых коммун» на территории Пакистана. Их главная задача — подготовка «исламских сил быстрого реагирования», способных в любой момент провести террористическую акцию в любой точке света, на которую укажет бен Ладен. Сейчас в этих тренировочных лагерях сосредоточены исламисты из Судана, Египта, Саудовской Аравии, Алжира и Афганистана. Бывали там и чеченские полевые командиры со своими боевиками.

В 1980-е годы бен Ладен построил на территории Судана три лагеря для военной и специальной подготовки исламистов различных национальностей. Он взял на себя расходы по содержанию этих лагерей. К 1995 году в стране уже было более 20 военно-тренировочных лагерей подобного типа. В качестве инструкторов использовались опытные боевики из числа «афганских арабов».

Сам бен Ладен часто посещал тренировочные лагеря, встречался с новобранцами, которые приезжали из Египта, Йемена, Бахрейна, Саудовской Аравии, Таджикистана, Турции, Чечни и Пакистана. В лагерях их обучали, как ставить мины, пользоваться всеми видами стрелкового оружия, минометами, артиллерийскими орудиями и реактивными установками.

Однако лишь в последние годы (после того, как стало ясно, что именно Аль-Каида стоит за рядом терактов против США) возникло повышенное международное внимание к фигуре Усамы бен Ладена как к «террористу номер 1».

События последнего времени свидетельствовали, что стала очевидной отрицаемая ранее реальность: ныне мы имеем дело не с отдельно взятой личностью, террористической группировкой или даже мощной организацией — террористы из различных стран объединились для того, чтобы терроризировать даже не отдельное правительство, а весь мир.

Так идея «исламистского интернационала» обрела плоть. Это подтвердили доказательства, полученные в Европе после взрывов в Нью-Йорке и Вашингтоне.

В сферу интересов этого «интернационала» вошла и Чечня. Вмешательство исламистов — один из важнейших факторов, усиливших эскалацию конфликта в республике. Об этом не раз заявляло руководство России. Оно обращало внимание мирового сообщества на то, что действия международных террористов на территории Чечни — это звенья в той же цепи исламского экстремизма и фундаментализма, рост влияния которых так пугает Запад. Выступая в Берлине 15 июня 2000 года, Президент России Владимир Путин заявил, что «интернационал террористов, финансируемых из-за границы, использует Чечню как плацдарм для атак на Россию». Он обратился к Европе с просьбой о «моральной поддержке» в борьбе с террористами на Кавказе. Еще недавно такие заявления воспринимались бы как преувеличение, желание оправдать жесткие силовые действия в отношении сепаратистов. Теперь наступают новые времена.

Россия раньше других на собственном опыте осознала, что серьезная угроза национальной безопасности и территориальной целостности исходит от международных радикальных исламистских и националистических террористических группировок, пытающихся укрепить свои позиции в регионах компактного проживания мусульман. Наиболее активно действуют зарубежные экстремистские организации, преследующие панисламистские и пантюркистские цели.

Одной из отличительных особенностей политического терроризма на Северном Кавказе является присутствие «в нем идеологии и практики исламского «зеленого интернационализма», в своей деятельности сделавшего ставку на террор и насилие. Так, ими с помощью ссылок на религиозные источники обосновывалась правомерность казней военнопленных, обмена их на мусульман, включая осужденных, а также расчленения тел солдат — для устрашения, терроризирования всего населения России.

С циничностью и самодовольством террористы на одном из своих сайтов в Интернете заявляли: «Во время войны в Чечне мы обменяли головы 14 российских солдат на тела трех наших братьев. Мы не видим в этом ничего неправильного. Ничего такого, что могло бы согласно Корану быть незаконным».

Нужны ли комментарии? Вряд ли. Мы имеем дело с террористами на Северном Кавказе. Это в массе своей головорезы-сепаратисты, сумевшие сколотить на щедрое финансирование извне крупные и хорошо вооруженные бандформирования, пролившие потоки крови ради своих авантюристических сепаратистских планов. И они должны ответить перед Законом.

В настоящее время Россия — участница многих международных и региональных соглашений по борьбе с терроризмом, почти всех действующих конвенций и протоколов ООН. Перечислим главные из них. Европейская конвенция о пресечении терроризма (1977 г.) и Договор о сотрудничестве государств — участников СНГ в борьбе с терроризмом (1999 г.). Конвенции: О преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (1963 г.); О борьбе с незаконным захватом воздушных судов (1970 г.); О борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (1971 г.) (включая Дополнительный протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию (1988 г.); О предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (1973 г.); О борьбе с захватом заложников (1979 г.); О физической защите ядерного материала (1980 г.); О борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (1988 г.); О маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения (1991 г.); О борьбе с бомбовым терроризмом (1997 г.); а также Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (1988 г.).

Организация Объединенных Наций проводит активную работу в рамках Антитеррористического комитета по выработке универсальной стратегии противодействия терроризму и комплексной программы международного сотрудничества в данной области. И Россия в этом важном деле — заинтересованная сторона и партнер. Обо всем этом должен быть информирован читатель, желающий разобраться в истоках, развитии и возможных путях выхода из чеченского конфликта.

Рычаги борьбы с терроризмом

Как говорил М. Салтыков-Щедрин, в России обилие дурных законов компенсируется необязательностью их исполнения. Иными словами, с уверенностью можно утверждать, что даже самые лучшие законы при неэффективности их исполнения бессильны в борьбе с терроризмом. Поэтому наряду с совершенствованием законодательной базы требуется также выделение государством надлежащих сил и средств для целенаправленного и постоянного контроля за соблюдением законодательства в сфере противодействия терроризму. Только продуманная, постоянно совершенствуемая система государственных институтов способна выполнить сложную задачу обеспечения безопасности в ситуации потенциальной угрозы терроризма.

Как указывалось в Федеральной целевой программе по усилению борьбы с преступностью на 1999–2000 годы, главная цель борьбы с терроризмом — создание и обеспечение эффективного функционирования единой государственной системы борьбы с терроризмом, позволяющей поддерживать высокую степень готовности правоохранительных органов и других заинтересованных министерств и ведомств по выявлению, предупреждению и пресечению фактов терроризма, а также ликвидации их последствий и своевременному раскрытию и расследованию указанных преступлений.

Российская система противодействия террористической деятельности сложилась за короткий срок — формально с 1998 года — после законодательного ее оформления, а на практике — на опыте неудач первой чеченской кампании, во многом обусловленных именно функциональным несовершенством контртеррористических мер. В то же время важно учитывать, что система эта развивающаяся и продолжает совершенствоваться. Две основные особенности, характеризующие этот процесс, — развитие новых функций (прежде всего — разведки) и улучшение координации деятельности различных структур системы.

Разрастание глобального фактора террористической деятельности, прежде всего в сфере ее финансового обеспечения, потребовало срочной адаптации к новым задачам — выявления и пресечения каналов такого финансирования — деятельности государственных субъектов, участвующих в борьбе с терроризмом. В отсутствие до последнего времени в России аналогов финансовой разведки, действующей во многих странах мира, функции выявления источников финансовой подпитки террористов исполняли в той или иной степени все субъекты, указанные в ст. 6 ФЗ «О борьбе с терроризмом». Однако основной груз оперативной работы ложился на ФСНП и ФСБ РФ.

В частности, в рамках комплекса организационных и оперативных мероприятий по выявлению и пресечению каналов финансирования незаконных вооруженных формирований (НВФ) в ЧР, в 2001 году была проанализирована информация о возможной причастности лиц и организаций к их финансированию. Регулярно проводились и проводятся оперативно-розыскные и проверочные мероприятия в отношении лиц, занимающихся финансово-хозяйственной деятельностью в кредитно-финансовой сфере и в отношении которых есть оперативные данные о контактах с представителями экстремистских и террористических формирований; сопоставляются данные о лицах, подозреваемых в причастности к террористическим и экстремистским формированиям, с данными государственного реестра налогоплательщиков.

Кроме того, ФСБ и ФСНП РФ во взаимодействии с СВР, МВД и ГТК России осуществляют целенаправленную работу по выявлению и пресечению незаконной деятельности на территории Российской Федерации представительств иностранных организаций и фирм, оказывающих финансовую помощь незаконным вооруженным формированиям и террористическим группам на территории Чеченской Республики.

Поскольку одним из источников такого финансирования в прошлые годы были хищения бюджетных средств, выделяемых на восстановление социальной сферы и экономики Чеченской Республики, сейчас, с одной стороны, совершенствуется система контроля за крупными бюджетными потоками в республике, а с другой — усилена оперативная деятельность, направленная на выявление, пресечение и раскрытие крупных хищений и злоупотреблений со стороны должностных лиц. В этих целях создана и действует Межведомственная рабочая группа по контролю за прохождением и целевым использованием финансовых средств и материально-технических ресурсов, направляемых в ЧР.

Во исполнение решения Координационного совещания руководителей правоохранительных органов РФ от 12 мая 2000 года, окончена работа над межведомственным Планом мероприятий по выявлению и перекрытию каналов финансирования экстремистских и террористических формирований.

В целях создания действенной системы контроля за целевым использованием бюджетных средств проработаны проекты Федерального закона «О государственном финансовом контроле» и совместного приказа Минфина, МВД и ФСБ России «О порядке взаимодействия подразделений КРУ Минфина России и правоохранительных органов».

Прежде в отсутствие национального органа финансовой разведки значительную работу по выявлению финансовых потоков, предположительно связанных с террористической деятельностью, проводила Федеральная служба налоговой полиции России.

С 2000 года при Главном оперативном управлении ФСНП России действует специализированное подразделение — так называемый отдел «Т», основными задачами которого являются: координация деятельности оперативных подразделений федеральных органов налоговой полиции по выявлению и пресечению налоговых и иных экономических преступлений, совершаемых юридическими и физическими лицами, причастными к финансированию

террористических и экстремистских формирований; выявление и перекрытие каналов финансирования незаконных вооруженных формирований Северо-Кавказского региона; выявление, предупреждение и пресечение налоговых и иных экономических преступлений, связанных с расходованием бюджетных средств, направленных на восстановление Чеченской Республики; организационное и информационно-аналитическое обеспечение деятельности оперативного штаба ФСНП России и оперативных подразделений территориальных органов налоговой полиции по комплексной обработке юридических и физических лиц, причастных к деятельности преступных сообществ, террористических и экстремистских формирований.

Кроме того, непосредственно в Северо-Кавказском регионе действует временная оперативная группа отдела, постоянно дислоцирующаяся в Пятигорске.

По состоянию на 1 января 2001 года в федеральных органах налоговой полиции на оперативном учете состояли 4244 юридических и физических лица, подозреваемых в связях с преступными сообществами, террористическими и экстремистскими организациями.

В результате мероприятий, проведенных в 2001 году органами налоговой полиции, получено 1834 сообщения в отношении юридических и физических лиц, причастных к деятельности исламских экстремистов и террористических формирований. В процессе реализации дел оперативного учета возбуждено 305 уголовных дел (в суд направлено 144). 370 оперативных материалов направлено для организации дальнейшей проверки в другие правоохранительные органы. Сумма причиненного правонарушителями ущерба по реализованным оперативным материалам составила 81,3 млн руб., реально возмещено 40,5 млн руб.

В целях профилактического воздействия на криминальные структуры, выявления и пресечения фактов незаконного оборота нефти и продуктов ее переработки и недопущения финансирования террористических формирований правоохранительными органами на территории Южного федерального округа в 2001 году проведено девять межрегиональных операций в сфере топливно-энергетического комплекса, оборота алкогольной продукции и внешнеэкономической деятельности. По их результатам выявлен причиненный государству ущерб на общую сумму 1248,7 млн. руб., возбуждено 431 уголовное дело. В процессе расследования государству возмещено 873,3 млн руб.

Вместе с тем, как уже отмечалось, непосредственно за соучастие в террористической деятельности в форме пособничества (путем предоставления финансовых средств для осуществления террористической деятельности) никто из руководителей или владельцев соответствующих фирм, а также частных лиц к уголовной ответственности не привлекался, что связано как с несовершенством действующего законодательства (прежде всего уголовного), так и с отсутствием методик оперативной разработки расследования соответствующих преступлений и специалистов, способных проводить эту работу.

1 ноября 2001 года Указом Президента РФ создан российский аналог финансовой разведки, федеральный орган исполнительной власти по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, — Комитет по финансовому мониторингу (КФМ России). Но его компетенция прямо не предусматривает осуществления деятельности по выявлению финансовых потоков, используемых для финансирования террористических организаций.

В последнее время общая практика выявления, пресечения и раскрытия финансовых операций, тем или иным образом связанных с преступной деятельностью, все чаще демонстрирует необходимость использования финансового контроля для предупреждения и расследования не только фактов легализации «грязных» денег, но также и финансирования терроризма, уклонения от налогообложения, различных финансовых мошенничеств и т. п.

Однако как свидетельствует практика российских правоохранительных органов, в большинстве случаев субъекты — юридические и физические лица, непосредственно осуществляющие финансирование террористов, — на учете в налоговых органах не состоят и получают наличную валюту из-за рубежа по различным финансовым каналам.

В этой связи на первый план выступают функции не только финансового мониторинга, но и оперативно-розыскной, а также разведывательной деятельности.

Поэтому упрощенческий подход к решению проблемы определения ведущего органа по вопросам борьбы с финансированием терроризма — наделение соответствующего органа функциями, ему не свойственными ни по структуре, ни по целям общей деятельности (фактически это означает ведение оперативно-розыскной и участие во внешней и внутренней разведывательной деятельности), чреват либо созданием налогового силового ведомства, дублирующего функции других, либо заведомо некомпетентной и неработоспособной структуры. Поэтому до законодательного урегулирования различных аспектов деятельности по борьбе с финансированием терроризма (ратификации Россией Международной Конвенции ООН по борьбе с финансированием терроризма 1999 г.) и внесения в связи с этим необходимых дополнений и изменений в действующее законодательство, принятия федерального закона «О государственном финансовом контроле» поспешность в определении компетентного ведомства по данным вопросам может негативно отразиться на общей эффективности борьбы с терроризмом.

Система координации контртеррористической деятельности в России складывалась достаточно долго — в течение последних десяти лет с момента принятия Закона РФ «О безопасности» — и совершенствуется до сих пор. Сейчас система включает различные уровни и направления координации.

Законодательная власть осуществляет координацию контртеррористической деятельности в рамках законотворческой деятельности как палат в целом, так и специализированных комитетов обеих палат (комитетов по безопасности). Такая координация реализуется в форме заслушивания отчетов руководителей федеральных ведомств по конкретным проблемам борьбы с терроризмом, направления депутатских запросов, работы над специальными постановлениями и заявлениями по вопросам противодействия терроризму, а также непосредственно над соответствующими законопроектами.

Учитывая опыт других стран, было бы целесообразно периодически создавать специальные совместные комиссии на уровне обеих палат, как это делается, например, конгрессом США (Национальная комиссия по терроризму). Эта комиссия анализирует и оценивает эффективность действующего законодательства, подзаконных актов и политических директив с точки зрения соответствия действительным угрозам и конкретным требованиям ситуации в стране, а также вырабатывает рекомендации по изменению контртеррористической политики государства. Соответствующие отчет и выводы, составляемые по результатам полугодовой работы с привлечением наиболее авторитетных национальных и зарубежных ученых и практиков, представляются президенту и конгрессу.

Федеральная исполнительная власть (в лице Президента и Правительства РФ) определяет общую стратегию по противодействию терроризму и устанавливает основные цели, методы и средства реализации стратегии посредством таких коллегиальных органов, как Совет Безопасности и Федеральная антитеррористическая комиссия.

Как указано в Законе РФ «О безопасности» (ст. 13), Совет Безопасности (далее — СБ) является конституционным органом, осуществляющим подготовку решений Президента РФ в области обеспечения безопасности.

Этим же законом, а также Указом Президента РФ «Об утверждении Положения о Совете Безопасности Российской Федерации» определены его основные задачи и задачи комиссий, входящих в него.

Их реализация применительно к сфере борьбы с терроризмом осуществляется в рамках различных комиссий, а также управлений аппарата СБ (в числе которых прежде всего управления государственной и общественной безопасности, проблем информационной, международной, военной безопасности, а также безопасности в Северо-Кавказском регионе). Функции комиссий сводятся большей частью к аналитическим, прогностическим и консультативным, а также к формулированию на основании полученной информации общих предложений стратегического характера. Комиссии также оценивают эффективность программ по обеспечению безопасности, вырабатывают рекомендации по совершенствованию функционирования системы обеспечения безопасности Российской Федерации, а также осуществляют общий контроль исполнения решений СБ.

Специализированной комиссии по противодействию терроризму не предусмотрено. Соответствующими проблемами в рамках своей компетенции занимаются межведомственные комиссии СБ по общественной безопасности, борьбе с преступностью и коррупцией, а также по конституционной безопасности. Исходя из их функций можно определить, что вопросы противодействия терроризму и экстремизму СБ относит к различным областям правового регулирования. Такое разделение во многом определяется спецификой этих социально-политических явлений. Поскольку конечным адресатом деятельности комиссий является СБ, который синтезирует в своих решениях результаты работы различных комиссий и комитетов по данной тематике, рассматриваемая специализация выглядит логичной и оправданной.

Второе направление координации борьбы с терроризмом — деятельность Федеральной антитеррористической комиссии, которая призвана обеспечить взаимодействие субъектов, осуществляющих борьбу с терроризмом, то есть субъектов, указанных в ФЗ «О борьбе с терроризмом». Как видно из названия комиссии, функции ее более адресные и связаны непосредственно с противодействием террористическим угрозам. Одновременно по сравнению с межведомственными комиссиями СБ круг ее участников более широк. Но при этом и деятельность ее осуществляется на более регулярной основе, в соответствии с утвержденным планом.

Однако по своим задачам Федеральная антитеррористическая комиссия и СБ частично дублируют друг друга. Если учесть их структурную независимость и то, что в Положении о Федеральной антитеррористической комиссии нет каких-либо ссылок на ее организационное и функциональное взаимоотношение с СБ, то налицо пробел в разграничении и уточнении компетенции в сфере борьбы с терроризмом.

Более последовательно решен вопрос соотношения в сфере противодействия экстремизму функций Межведомственной комиссии СБ по конституционной безопасности и Комиссии по противодействию политическому экстремизму при Президенте РФ.

Последняя — консультативный орган по аналогичным вопросам, что отражается, прежде всего, на ее составе и компетенции, характере принимаемых решений.

Третье направление — общая тактическая (в отличие от политической и стратегической) координация деятельности по борьбе с терроризмом, осуществляемая в соответствии с Законом о прокуратуре.

Такая координация осуществляется как в процессе расследования конкретных уголовных дел террористической направленности, так и в рамках надзорных функций прокуратуры — за исполнением правоохранительными органами уголовного и уголовно-процессуального законодательства в ходе предупреждения, выявления и пресечения террористической деятельности, а также за исполнением всеми исполнительными органами субъектов Федерации и органами местного самоуправления требований Федерального закона «О борьбе с терроризмом» и иных нормативных актов, регулирующих этот вопрос.

В ходе осуществления этих функций органами прокуратуры неоднократно указывалось на взаимосвязь между низкой раскрываемостью преступлений террористического характера и недостатком необходимой оперативной информации и обмена ею между заинтересованными ведомствами. Во многом по причине отсутствия единого статистического учета преступлений террористического характера затруднено ведение аналитической работы, изучение существующих проблем, отслеживание развивающихся процессов, а следовательно, и подготовка предложений по их блокированию.

И наконец, еще один уровень координации — разграничение полномочий и координация деятельности на уровне самих субъектов контртеррористической деятельности. Так, МВД и ФСБ России разработан приказ о разграничении компетенции органов Федеральной службы безопасности и органов внутренних дел Российской Федерации в сфере борьбы с терроризмом, которым определены объекты ответственности при проведении контртеррористических операций.

Как правило, многоаспектная система координации деятельности различных органов власти, участвующих в борьбе с терроризмом, повторяется и на региональном уровне.

Собственно региональная система ведомств, задействованных в сфере противодействия экстремизму и терроризму, была апробирована еще четыре года назад в Северо-Кавказском регионе, когда ряд федеральных ведомств создали здесь специальные региональные подразделения, чья компетенция распространялась на все субъекты Федерации, расположенные в регионе. Вспомним, что происходило это в условиях резкого обострения ситуации в регионе, особенно в Дагестане, а также кризиса доверия местного населения к республиканской власти.

В связи с этим силовые ведомства федерального уровня пришли к выводу о необходимости постоянного присутствия в регионе своих оперативных групп, управлений, представительств и штабов. И первой такой форпост на Северном Кавказе создала Генеральная прокуратура России, образовав специальное управление по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности и национальных отношениях на Северном Кавказе. Одновременно была создана специальная межведомственная следственно-оперативная бригада (ее возглавил заместитель министра внутренних дел).

Как показало время, деятельность таких региональных структур была эффективна.

Одна из наиболее положительно зарекомендовавших себя форм взаимодействия в раскрытии преступлений — совместные межведомственные следственно-оперативные группы и оперативные штабы. Такая работа проводилась по совершенным терактам в республиках Дагестан, Северная Осетия-Алания, Карачаево-Черкессия, Ставропольском крае, Ростовской и Волгоградской областях, Москве. В ходе нее за преступления террористической направленности из числа объявленных в розыск только в 2000 году задержан 31 человек. Продолжается розыск 93 преступников. В основном это лица, участвовавшие в нападении на Цумадинский, Новолакский и Карамахинский районы Дагестана. Все они объявлены в федеральный и международный розыск.

Говоря о координации борьбы с терроризмом применительно к Северо-Кавказскому региону, особо следует отметить влияние на нее военной составляющей контртеррористической операции.

Напомню, что еще Постановлением Правительства РФ от 9 декабря 1994 года «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа» была создана специальная военно-милицийская система органов, на которую возложены соответствующие задачи. Однако необходимо признать обоснованность претензий по поводу нечеткого разграничения компетенции и несогласованности действий субъектов контртеррористической деятельности, а также фактического отсутствия единой функциональной системы таких субъектов в ходе первой чеченской кампании. Учтя прежние ошибки, руководство страны в ходе текущей операции по защите конституционного строя и восстановлению законности на территории Чечни последовательно определило порядок координации действия субъектов данной операции.

В частности, Президентом России была четко обозначена позиция о поэтапном выводе войсковой группировки из Чечни и переносе акцента на специальные адресные операции.

Вместе с тем ни совершенствование правовой базы, призванной обеспечить контроль над терроризмом, ни специальная подготовка органов, ответственных за осуществление противодействия угрозам терроризму, не смогут создать полноценную систему защиты государства и общества от террористических проявлений, если только государством не будет определена приоритетность соответствующей деятельности и на эти цели не будут выделены надлежащие средства. Эффективная система противодействия угрозам терроризма очевидно несовместима с остаточным принципом ее финансирования, что важно учитывать при разработке любых, самых совершенных контртеррористических стратегий.

Глава вторая

Кизлярский «котел»

Судебный процесс в Махачкале — эпилог кровавых трагедий

В предыдущей главе я сознательно уделил особое место правовым политическим и практическим вопросам борьбы с терроризмом, дал юридические оценки феномену внутригосударственного и международного терроризма, всех его видов, аспектов и оттенков с тем, чтобы, анализируя все то, что произошло в Кизляре и Первомайском, смогло бы стать словно наглядной Белой книгой, на страницах которой вскрывались бы истоки чеченской трагедии, терроризма и экстремизма, вылившихся в чудовищные кровавые преступления против человечности, против как военнослужащих России, так и мирных жителей Дагестана. С. Радуев и его поделники понесли заслуженное наказание. Вердикт вынесен на махачкалинском судебном процессе.

Итак, обо всем подробно, поэтапно, документально. На основе материалов следствия и суда в Махачкале.

...«Процесс в Махачкале над Салманом Радуевым и его тремя сообщниками — «звездный» час Генерального прокурора Российской Федерации Владимира Устинова, важнейшее дело всей его жизни и вообще самый «громкий» судебный процесс начавшегося так бурно и беспокойно XXI века...»

К таким формулировкам и оценкам я уже успел привыкнуть и отвечаю, что вообще в жизни не склонен к преувеличениям, не приветствую и не разжигаю ничье тщеславие, тем более свое собственное, считаю это человеческое качество — тщеславие — большим недостатком, помню знаменитый совет из литературной классики: «хвалу и клевету приемли равнодушно» и переносу суть этого афоризма на многочисленные характеристики и оценки моей практической, профессиональной и научной деятельности. Но скрывать не стану: процессу в Махачкале я отдал много сил, энергии, времени и знаний. Точнее, ровно столько, сколько потребовалось для успешного и логичного завершения суда. Суда, закончившегося не просто обвинением и вынесением справедливого приговора подсудимым, о которых речь пойдет ниже, но и осуждением всего явления в российской и международной жизни — терроризма, ставшего зеркальным отражением и выражением фашизма в его современной форме, облике и значении, фашизма, таящего в себе угрозу для дела мира и безопасности на Земле.

Суд над опасными чеченскими террористами стал еще одним убедительным доказательством принципиальности и непримиримости России в борьбе с внутренним и международным терроризмом, носящим особо тяжкий характер и по количеству жертв, и по жестокости, и по общественной нетерпимости.

Дело Радуева — это не простое уголовное дело, здесь нужно как можно шире смотреть на проблему: весь мир, все российские граждане должны еще раз убедиться, что мы боролись, боремся и будем бороться с терроризмом в любых его формах и проявлениях не только силой оружия, силами автоматов, но главное — силой Закона. Именно поэтому я выступал, и знаю, что был прав, прося суд о максимальной открытости при проведении процесса. Речь шла о тысячах свидетелей, о тысячах потерпевших, о воздании памяти всем погибшим, о материальном, моральном и психологическом уроне, нанесенном народу нашей страны конкретными фигурантами из бандформирований, конкретными боевиками в конкретном эпизоде, на конкретной территории Российской Федерации. Таким образом, обвинялся криминал. В преступлениях, за которые несли ответ подсудимые, не было и нет никакой политики, как это тщетно пытались представить на суде Радуев, Атириев и К°, а также их сторонники в стране и за рубежом. На процессе юридически решался важный вопрос правовой оценки преступлений, совершенных в Кизляре, Первомайском, Пятигорске — повсюду на территории России, где предпринимали и предпринимают свои преступные вылазки террористы разных мастей и формаций. Наша стратегическая задача, а тактика заключалась в том, чтобы в ходе судебного расследования представить самые полные доказательства неопровержимой виновности подсудимых. Думаю, что поставленные задачи были выполнены.

...Я повторял и повторяю: в действиях Радуева и его банды никакой политики не было. Чем отличаются по своей сути действия Радуева от того теракта, который совершил 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, в США, Усама бен Ладен? Ничем! Это «обыкновенный» фашизм современности. В одной из его жесточайших варварских форм проявления. Каким бы «борцом» — «благородным и милосердным» — ни желал бы себя представить сам Салман Радуев — террорист № 2, солидаризировавшийся с террористом № 1 — бен Ладеном в условиях Чечни, России, на мировой арене, его подлинный облик убийцы, экстремиста, разжигавшего национальную рознь, вскрыт.

И если даже на одном поле этой новой непримиримой схватки с врагами России меня кто-то из журналистов неожиданно сравнил с Михаилом Илларионовичем Кутузовым, то я это воспринимаю с гордостью и офицерской честью. Для меня процесс в Махачкале — словно выстрел в «десятку».

До начала процесса бытовали разные мнения о возможной продолжительности суда. Одни склонялись к точке зрения, что процесс обязательно затянется, если будут заслушаны все свидетели (их более трех тысяч) и тысячи потерпевших. Другие вообще желали любыми способами сорвать подготовку и ход процесса в Махачкале. Вышло так, как планировалось: первое заседание суда состоялось 15 ноября 2001 года, а последнее — 25 декабря 2001 года, когда председательствовавший судья Б. М. Унжолов от имени Российской Федерации зачитал приговор подсудимым. Замечу, что перед началом процесса (дело состояло из 129 томов) даже судья Унжолов предсказывал, что суд продлится не менее двух месяцев. А как подметил московский корреспондент итальянской газеты «Коррьере делла сера», заседания шли столь уверенно, что весь процесс, следуя, будто локомотив по верному пути, уложился почти точно к Рождеству Христову (католическому). Участники заседаний работали без выходных, предоставляя время для отдыха лишь обвиняемым.

Без накладок и протоколно-юридических проблем прошли дни подготовительной части процесса. Все поступившие ходатайства со стороны защиты обвиняемых были неукоснительно рассмотрены, выдержаны все требования процессуального закона. В частности, были дополнительно допущены два защитника обвиняемых. Со стороны обвинения никаких ходатайств заявлено не было.

Конечно, не все потерпевшие смогли принять участие в суде. Подавляющее большинство из них — более двух тысяч — сделали письменные заявления о том, что не придут на процесс, поскольку для многих из них — это мучительное напоминание о страшном, о пережитом; это, возможно, новая психологическая травма и боль. С точки зрения закона, такое неучастие в процессе вполне допустимо. Буду откровенным: была и другая причина. Многие не пришли на заседания из-за того, что желали услышать от суда лишь один вариант приговора — смертная казнь за все совершенные преступления. Но они сознавали, что в связи с мораторием на применение смертной казни на территории Российской Федерации такого даже гипотетического предложения прокурор внести не мог.

В речи на процессе я подчеркнул, что дагестанский народ уже вынес свой приговор Радуеву и другим бандитам, и этот приговор однозначный — он не совместим с жизнью этих людей.

Вместе с тем сила Закона российского позволила и мне, и суду вынести лишь один приговор — пожизненное заключение. И здесь не надо, как говорится, осуждать или не осуждать нас — ни меня, ни суд. Мы действовали, действуем и будем действовать строго в рамках Закона. Если мы будем выходить за рамки Закона, тогда мы уподобимся Радуеву и ему подобным. А нам и всем правоохранительным органам удалось посадить на скамью подсудимых столь махровых террористов. Главный вывод таков: сколько веревочке ни виться, все равно будет конец. И это должно быть предостережением другим террористам, руководителям бандформирований. Конец у них будет тяжелый.

Хочу сразу выделить и другое: обозначилась важная позитивная тенденция, она четко проявилась на суде. Террористам не удалось ничего сделать, чтобы разделить русских и дагестанцев. Этого они не добились ни во время кизлярских событий, ни на суде, ни после

процесса, ни теперь, когда в Чечне шаг за шагом, пока еще медленно, но уже целенаправленно и ощутимо, стабилизируется и нормализуется жизнь. Но еще так многое предстоит сделать. Впрочем, вся жизнь — впереди... Но пока о том, что достигнуто.

Очень важный камень юридической практики и судопроизводства в отношении террористов Радуева и К° был заложен на процессе в Махачкале. Большие разногласия в печати и в юридических кругах возникли из-за того, стоило ли Генеральному прокурору России самолично поддерживать обвинение по делу Салмана Радуева и К°. Сорок лет Генеральные прокуроры СССР и России не занимали место за столом обвинения. Эта роль отводилась только рядовым прокурорским работникам. И вот по делу террориста № 2 обвинение поддерживал прокурор № 1. Считаю, что такое решение было вполне обоснованным, сделано точно и своевременно. И не следовало ставить «противовесы». Считаю правомерным сравнить нынешнюю обстановку в России и мире с временами после Второй мировой войны, эпохой Нюрнбергского и Токийского процессов, с временем суда над Пауэрсом в 1961 году.

Думается, все логично и закономерно, учитывая современное положение и приоритеты в борьбе за интересы России.

Участие в судебном процессе в Махачкале обвинителя № 1 — это веление времени, требование целой эпохи. Это было действительно необходимо. И не потому, что задумывался некий спектакль, показательное шоу для российского и международного общественного мнения, а потому, что под обвинением находился один из самых известных террористов, чьи действия приобрели в свете последних событий, скажу без преувеличения, общепланетарный характер и самую широкую известность в мире до событий 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке.

Но была и другая немаловажная причина. Сорок лет назад был суд над военным преступником, летчиком-шпионом, совершившим свой полет в разгар «холодной войны», и гособвинителем выступал Роман Андреевич Руденко. Тогда Москве надо было действительно и показать свою военную силу, и продемонстрировать юридическую справедливость, умение отстаивать свой суверенитет и территориальную целостность. А здесь? В нынешнем случае обвинялся терроризм — варварский и циничный, приведший к гибели мирных жителей.

Казалось бы, сам факт пленения Салмана Радуева не вызвал особого резонанса в мире — арест как арест, не более. Можно было бы «посудачить» в прессе, да и то — не сенсационный повод. Но вот суд над террористом — как прямое следствие событий 11 сентября 2001 года в США и захвата кизлярской больницы, привлек всеобщее внимание, заставил мир посмотреть на события в Чечне несколько другим, более объективным и разумным взглядом. Четко обозначилась значимость общественных последствий криминальных преступлений банды Радуева, необходимость совершения правосудия с присущими ему процедурами и гарантиями. (Все по процессуальному протоколу и юридическому порядку.) В этих условиях роль государственного обвинителя высшего ранга приобретала особо важное, принципиальное значение. При этом следовало особо показать миру те стороны преступлений чеченских террористов, которые так упорно скрывала или сознательно переиначивала западная печать.

Повторю важное: наша страна одной из первых приняла на себя удар современного терроризма (и это первым зафиксировал и подчеркнул, выступая в Вашингтоне, Президент России Владимир Путин). Мы боролись с терроризмом, внутренним и международным, только своими силами. Сегодня образовалась широкая коалиция стран, готовая противостоять этой угрозе. Причем эта коалиция не ведет борьбу ни с одним государством и ни с одним народом. Для нее не существует никаких врагов, кроме террористов.

И эти позиции проявились во время предварительного следственного процесса, судебных заседаний в Махачкале, при подготовке и вынесении окончательного приговора. Конечно, мы очень тщательно готовились к процессу, понимали, какие ставки делали подсудимые и их сторонники далеко за пределами Чечни, Дагестана — России в целом. И мы пришли к процессу во всеоружии, твердо отдавая себе отчет в том, что требует от нас закон, время, Отечество, интересы международного мира. Мы юридически определили и место Радуева, расценивая его по «заслугам», — как закоренелого и оголтелого преступника, матерого опытного главаря бандформирований, одного из тех, кто под разными псевдонимами действует не только в Чечне, на Среднем и Ближнем Востоке, но и в Европе, Америке, в самых разных регионах мира. «Радуевы», как и «Дудаевы», «Басаевы», «Хаттабы» и К°, и «бен Ладены» становятся именем

нарицательным, превратились в криминальный террористический феномен, характеризующий конец XX — начало XXI века. Террор на Северном Кавказе и террористические вылазки Аль-Каиды в США, война в Афганистане, вооруженные шайки наркодельцов в Колумбии, бандитские операции на Филиппинах, в малайзийских водах, кровавые преступления «красных бригад» в Италии и т. д. — все это, в конечном счете, одна преступная связка. В десятках стран мира живут и действуют мини- и макроаналоги «генералов армии Дудаева», и успешно бороться с ними международное сообщество может только сообща, объединяя и координируя все свои усилия.

Кто такие террористы? Они внешне выглядят по-разному, уровень подготовки и культуры у них тоже может быть самый различный. Среди них и люди с примитивным начальным образованием и имеющие университетский диплом. Но это-то и еще опаснее, ибо криминальные отморозки уже не удовлетворяются применением простых методов уничтожения людей — стрелкового оружия, гранатометов и мощной взрывчатки, ныне они тянутся к технологическому — бактериальному, химическому и ядерному оружию. И для борьбы с таким терроризмом необходима выработка и принятие мировым сообществом всеобъемлющей концепции, программы единых действий правоохранительных, полицейских и судебных органов, таможенных, финансовых и специальных служб, вплоть до армейских подразделений, ВВС и ВМС, координации информационной политики, обмен банками данных (включая и раскрытие личных финансовых счетов) террористов и их поделщиков.

О Радуеве мы знали буквально все задолго до процесса. Салман Радуев родился 13 февраля 1967 года в Гудермесе. Там же учился в средней школе № 4, которую закончил с отличием. В марте 1985 года устроился работать штукатуром в строительную организацию местного Горторга. Отсюда он был призван в Советскую Армию. Служил водителем, рос по общественной линии, был секретарем комсомольской организации воинской части. После демобилизации в 1987 году был выдвинут на пост освобожденного секретаря комитета комсомола СПТУ № 24 Гудермеса. Вступил в КПСС, и в ноябре 1988 года стал инструктором обкома ВЛКСМ Чечено-Ингушской АССР, затем директором Гудермесского центра добровольного трудового объединения. Одновременно учился на заочном отделении Ростовского института народного хозяйства. Будущая специальность — планирование промышленности. После распада СССР и провозглашения так называемой независимости Чечни, пользуясь родственными связями (он был женат на племяннице генерала Дудаева), стал префектом Гудермеса.

Тогда же он создал отряд «Президентские береты», чьи «бойцы» занимались «наведением чистоты и порядка на железных дорогах» — точнее, «чистили», совершали грабежи пассажирских и товарных составов. Затем из числа наиболее доверенных «гвардейцев» он сформировал элитный батальон «Борз» («Волк»), который явился основой так называемой «армии генерала Дудаева». В ней сам Салман Радуев стал командующим и бригадным генералом. В этой должности и звании (впрочем, его еще называли и «полковником» при Дудаеве) Радуев совершил налет на Кизляр и село Первомайское и к своим «старым» регалиям добавил еще один «ранг»: он стал называться в России «террористом номер два». Федеральные власти объявили о его розыске, шесть раз сообщали о его гибели, сам он пережил несколько покушений, но оставался жив, хотя голова его и была «собрана по частям». В 1998 году Радуев ушел в оппозицию Масхадову, считая, что только он может нести знамя «независимой Чечни». (Чтобы у читателя не сложилось впечатления об «однобокости», об одностороннем прокурорском суждении, создании априори негативного облика «злодея-террориста», здесь и далее я буду приводить стенограммы и протоколы допросов Радуева, его ответы на предварительном следствии.) Начну с того, что и как он рассказывал о самом себе.

Протокол допроса обвиняемого

Город Москва 16 марта 2000 года

Следователь по особо важным делам Следственного управления ФСБ России подполковник юстиции Л. В. Баранов, с участием защитника — адвоката юридической консультации «Вердикт» гор. Москвы Нечепуренко Павла Яковлевича, в своем служебном кабинете, с соблюдением требований ст. ст. 17, 46, 150–152 УПК РСФСР произвел допрос обвиняемого

Радуева Салмана Бетыровича, 13 февраля 1967 года рождения, уроженца г. Гудермеса ЧИ АССР, чеченца, гражданина Российской Федерации, с высшим образованием, в 1992 году окончившего Гудермесский филиал Махачкалинского института управления бизнеса и права, по

специальности экономиста, «командующего Северо-Восточным фронтом вооруженных сил ЧРИ», женатого, имеющего на иждивении двух сыновей, проживающего по адресу: Чеченская Республика, г. Гудермес, ул. Пархоменко, дом 42, ранее не судимого.

Мне разъяснено, что согласно ч. 1 ст. 51 Конституции Российской Федерации никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников.

(Радуев С. Б.)

Русским языком владею в совершенстве, как устной, так и письменной речью. В услугах переводчика не нуждаюсь. Желая давать показания на русском языке.

(Радуев С. Б.)

Допрос начат в 11 часов 40 минут. Допрос окончен в 14 часов 30 минут.

Вопрос: Вам объявляется, что уголовное дело в отношении вас передано для дальнейшего расследования в Следственное управление ФСБ России и принято к производству следователем по особо важным делам Следственного управления ФСБ России подполковником юстиции Барановым Леонидом Васильевичем. Имеются ли у вас основания для отвода указанного следователя?

Ответ: Никаких оснований для отвода следователя по особо важным делам подполковника юстиции Баранова Леонида Васильевича у меня нет. Отвода я не заявляю.

Вопрос: Вам представляется приглашенный вашими родственниками для участия на предварительном следствии и судебном разбирательстве по настоящему уголовному делу в качестве вашего защитника адвокат юридической консультации «Вердикт» Нечепуренко Павел Яковлевич. Имеются ли у вас основания для отвода указанного выше защитника?

Ответ: Отвода защитнику Нечепуренко Павлу Яковлевичу я не заявляю, оснований для отвода у меня не имеется. Я согласен, чтобы он защищал мои интересы в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства по настоящему уголовному делу.

На поставленные следователем вопросы обвиняемый Радуев С.Б. показал следующее (эту информацию мы уже знаем, но приведем ее еще раз в версии, записанной следователем Барановым и заверенной самим Радуевым. — Авт.):

Родился я 13 февраля 1967 года в городе Гудермесе в семье рабочих. Отец — Радуев Бетыр, 1937 года рождения, работал начальником строительного участка Горторга г. Гудермеса. Мать — Радуева (Абуезидова) Умисат, 1940 года рождения, работала там же, где и отец. В настоящее время они на пенсии и проживают по адресу: город Гудермес, улица Пархоменко, дом 42. В нашей семье было 9 детей. У меня один брат — Сулейман, 1965 года рождения, и семеро сестер: Малика, 1961 года рождения; Яхита, 1963 года рождения; Йисита, 1969 года рождения; Айна, 1970 года рождения; Аминат, 1974 года рождения и две близняшки — Залила и Зульфия, 1978 года рождения. Яхита погибла в 1996 году во время артобстрела. Остальные мои братья и сестры в настоящее время живы и проживают со своими семьями.

С 1974 по 1984 годы я учился в средней школе № 4 города Гудермеса, после окончания которой поступил на работу в Гудермесский горторг, где работал строителем в бригаде своего отца. В период с 1985 по 1987 годы проходил срочную службу в артиллерийской бригаде (в/ч 22313), которая дислоцировалась в городе Лепель Витебской области. Уволился я с должности старшины роты материального обеспечения.

Во время срочной службы вступил в ряды Коммунистической партии Советского Союза. После увольнения занимался коммерческой деятельностью в фирме «БТ», которая экспортировала

цемент за границу, в основном в Болгарию. В 1988, находясь в Болгарии, окончил Высшую академическую школу менеджеров в городе Варна.

В 1989 году вернулся домой и продолжал работать в упомянутой выше фирме. В 1990 году три месяца работал в Чечено-Ингушском обкоме ВЛКСМ инструктором Центра общественного призыва молодежи в отделе работы с сельской молодежью. После одного из моих выступлений на пленуме обкома ВЛКСМ, которое не понравилось руководству, меня попросили уволиться по собственному желанию. После увольнения я опять уехал в Болгарию, где продолжал свою коммерческую деятельность.

В начале 1991 года вернулся в Чечню и в марте месяце был избран депутатом Городского Совета города Гудермеса. Работал в аппарате горсовета до ноября 1991 года.

В ноябре 1991 года к власти в Республике пришел генерал Джохар Дудаев, который распустил все городские Советы. В декабре 1991 года я был назначен Д. Дудаевым префектом Гудермесского района и являлся им до 1994 года.

В 1993 году женился на Ахмиевой Лидии Бекмурзаевне, 1968 года рождения. Она является родной племянницей Джохара Дудаева, то есть дочерью его сестры — Дудаевой Эльбики. У нас двое детей: Ахмед, 1996 года рождения, и Мухамед, 1997 года рождения.

После начала боевых действий в 1994 году я был назначен Д. Дудаевым представителем главнокомандующего вооруженных сил Чечни в восточной зоне обороны. В апреле 1995 года был назначен руководителем военной администрации президента ЧРИ. В октябре 1996 года я был назначен командующим Северо-Восточным фронтом.

3 марта 1996 года я был вызван в резиденцию Джохара Дудаева, которая располагалась в селении Гойты Урус-Мартановского района. По пути следования наша автомашина попала в засаду, организованную спецслужбами России. В ходе обстрела я получил ранение в область лица. Пуля попала в правую сторону носа и вылетела около левого уха. Когда меня доставили в больницу г. Урус-Мартана, я был в состоянии клинической смерти. В больнице мне сделали первичную операцию, а дальнейшее лечение я проходил в Германии, где-то недалеко от г. Мюнхена. Точный адрес назвать затрудняюсь. Всего в разное время мне было сделано восемь операций. После этого ранения я потерял левый глаз и периодически испытываю головные боли, так как получил тяжелую черепную травму. Однако я нахожусь в здравом уме, отдаю полный отчет своим действиям и все хорошо помню.

21 апреля 1996 года был убит генерал Д. Дудаев. В июне того же года из бойцов его гвардии и подразделений резерва была создана «армия генерала Дудаева». В июле 1996 года я вернулся на территорию Чечни и был избран главнокомандующим этой армии. «Армия генерала Дудаева» насчитывала до 10 тысяч человек. Это был полнокровный военный механизм, в который входили две бригады численностью примерно по 500 человек, пять полков примерно такой же численностью и 10–15 батальонов по 300 человек каждый, а также отряды ополчения, как резерв главнокомандующего. Более подробно по этому вопросу я покажу в ходе следующих допросов.

Вопрос: Покажите, при каких обстоятельствах вас задержали в поселке Новогрозненский Гудермесского района 12 марта 2000 года?

Ответ: Дело в том, что помимо должности главнокомандующего «армии генерала Дудаева» я являлся председателем общественно-политической организации «Общенациональный конгресс чеченского народа». Моим помощником в деятельности этой организации является Яхьяев Лом-Али. Мне необходимо было с ним встретиться и решить текущие вопросы деятельности Конгресса. Через нарочного я сообщил ему об этом и попросил определить место встречи через Тутаеву Тамару, которая в мою бытность префекта г. Гудермеса работала в администрации города. В доме, где меня задержали, проживала семья родной сестры Тамары, имя которой я не знаю. Кроме того, также через нарочного я вызвал на встречу своего родственника — Муситова Шамиля. Он должен был помогать Лом-Али в решении общественных проблем. Прибыл в пос. Новогрозненский я вечером 11 марта. Тогда же туда приехали Лом-Али и Шамиль.

Мы встретились в доме родственницы Тамары, проговорили и заночевали. Утром нас захватили сотрудники спецслужб Российской Федерации. Кроме нас троих был захвачен также

хозяин дома по имени Хамзат, которого я в тот день видел впервые. Хочу отметить, что никто из вышеупомянутых лиц в «армию генерала Дудаева» не входил и с оружием в руках против Вооруженных Сил России не воевал. На момент задержания все они были в гражданской одежде и без оружия.

Вопрос: Где вы находились до прибытия в поселок Новогрозненский и каким образом вы добрались до поселка Новогрозненский?

Ответ: До этого я находился в лесном массиве, расположенном недалеко от села Джугурты. В пос. Новогрозненский прибыл пешком, меня сопровождали мои родственники, которые после этого сразу же вернулись обратно.

Протокол допроса мной прочитан лично. С моих слов записано правильно. Дополнений и поправок не имею.

(Радуев С. Б.)

Адвокат: (Нечепуренко П. Я.)

Допросил и протокол составил:

Следователь по особо важным делам

Следственного управления ФСБ России подполковник юстиции Л. В. Баранов

Протокол допроса обвиняемого

Город Москва 13 октября 2000 года

Следователь следственно-оперативной группы Генеральной прокуратуры Российской Федерации капитан юстиции Юсуфов А. М., в служебном кабинете № 326, с соблюдением требований ст. ст. 17, 46, 150–152 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, с участием адвоката юридической консультации «ВЕРДИКТ» г. Москвы Нечепуренко Павла Яковлевича, допросил в качестве обвиняемого Радуева Салмана Бетыровича.

Допрос начат в 15 часов 00 минут.

Вопрос: Расскажите о вашей учебе в Ростовском институте Народного Хозяйства в период с 1987 по 1990 годы?

Ответ: В Ростовский институт Народного Хозяйства я поступил в 1987 году на факультет планирования промышленности. В 1987 году, проходя срочную воинскую службу в рядах Вооруженных Сил СССР, я получил направление на право сдачи экзаменов для поступления в Ростовский институт Народного Хозяйства. Направление мне выдал начальник политотдела нашего ракетно-артиллерийского гарнизона, номера части, где проходил службу, я не помню. В направлении было указано, что войсковая часть ходатайствует о моем зачислении на учебу. Подробно, что было написано в направлении, я не помню. В июле 1987 года я приехал в Ростов и сдал документы в Ростовский институт Народного Хозяйства. Сдал три экзамена, на оценки «хорошо» и «отлично», после чего меня зачислили студентом первого курса, на факультет планирования промышленности. Институт располагался в центре Ростова, названия улицы я не помню. В какой группе я учился, фамилии преподавателей, декана я также не помню. Из моих

однокурсников я помню только одного парня по имени Сергей, родом он был из Новороссийска. У нас на курсе было всего три парня и более двадцати девчат. Я не помню фамилий и имен студентов, не только которые учились со мной на курсе, но и других курсов. Проживал в основном я в гостинице «Юбилейная» на разных этажах. Гостиница располагалась напротив нашего института. Позже стал снимать квартиру, адреса которой также не помню. Учился я в институте с 1987 по 1990 год. На четвертом курсе оставил учебу и уехал в Болгарию заниматься коммерческими делами. Аттестат о завершении мной средней общеобразовательной школы и направление воинской части остались в институте. Больше что-либо в отношении моей учебы я показать не могу.

Вопрос: Проходили ли вы обучение в других высших учебных заведениях России?

Ответ: В 1992 году я поступил в филиал Махачкалинского института управления бизнеса и права. По моей просьбе приемная комиссия, которая должна была принять у меня вступительные экзамены, приехала в город Гудермес. Я прошел тестирование, после чего был зачислен на четвертый курс указанного института на экономический факультет. Так как аттестата у меня не было, я предоставил им копию аттестата. В 1993 году я экстерном сдал государственные экзамены и завершил указанный институт. Экзамены я сдавал так же, как и при моем поступлении, в Гудермесе. Кто приезжал из экзаменаторов, как при поступлении, так и при завершении мной института, мне не известно. После окончания института мне официально был вручен диплом. При вручении мне диплома в Гудермес приезжал сам лично Джохар Дудаев. Сотрудники института из Махачкалы записали все на видеокассету, которая хранится до сих пор у них. Больше что-либо я показать не могу.

Допрос окончен в 16 часов 10 минут.

Протокол допроса мной прочитан. С моих слов записан верно. Поправок и дополнений не имею.

(С. Б. Радиев)

Адвокат: (Нечепуренко)

Допрос произвел и протокол составил:

Старший следователь

Следственного управления ФСБ России капитан юстиции А. М. Юсуфов

Столь подробные биографические и автобиографические записи и свидетельства Радиева С. Б. читатель еще не раз вспомнит, анализируя действия Салмана-террориста, человека с отнюдь не примитивным складом ума и наличием уже определенного жизненного опыта.

Но продолжу повествование. В июне 1998 года его «гвардейцы» совершили попытку захвата грозненского телевидения. Верховный шариатский суд приговорил «ослушавшегося» к четырем годам лишения свободы, но «террорист № 2» не подчинился «высокому решению». В дело вступил Аслан Масхадов и своим специальным указом разжаловал «бригадного генерала» в рядовые.

Для многих чеченцев, знавших Радиева, стало открытием то обстоятельство, что он принял участие в походе на Дагестан в январе 1996 года. Правда, вначале он был как бы не на первых

ролях, и только на последнем этапе полностью оттеснил Исрапилова, когда тот получил ранение. Группа боевиков, возвращавшаяся из Кизляра, была блокирована в дагестанском селе Первомайское, но выбралась из окружения. Как это могло произойти? По одной версии, чеченцы сняли обувь и босиком по снегу пробрались через минные поля. По другой версии: одна спецслужба выдала «безопасный коридор» чеченцам, чтобы скомпрометировать другую. Версия сомнительная. Чеченцам нужно было скомпрометировать российские спецслужбы, и «утки», самые разные, распространялись одна за другой.

Тем не менее, возвращение в Чечню группы Радуева трудно было назвать триумфальным. Аслан Масхадов заявил, что Радуев должен вновь предстать перед судом за то, что не выполнил приказа уничтожить вертолетную площадку, а вместо этого самовольно захватил больницу в Кизляре. Но именно захваченные заложники дали возможность Радуеву и его группе дотянуть до Первомайского, откуда они и исчезли.

После боев в Кизляре в Чечне сразу вспомнили о том, как Радуев в январе 1996 года, когда федералы вошли в Грозный, сбрил бороду и, переодевшись в штатский костюм, попытался скрыться. Затем он пришел к Джохару Дудаеву с повинной, но это произошло после того, как стало ясно, что сопротивление федеральным войскам усиливалось. Дудаев простил Радуева, однако Радуев так и не сумел восстановить свой авторитет у боевиков.

Станным образом выглядели и обстоятельства спасения Радуева, получившего в Чечне в 1996 году тяжелое ранение головы. Так или иначе, воскресший родственник Дудаева вернулся в Чечню, стал называть себя командующим «армией генерала Дудаева», и легко брал на себя все подряд теракты, которые происходили на территории России, а затем так же легко отказывался от них. К этому времени за ним прочно закрепилась репутация провокатора, и, наверное, не зря.

Венцом карьеры «неуловимого Джо» стало его задержание в марте 2000 года при обстоятельствах, далеких от героических. Радуев собрался бежать из Чечни, пришел на условленную встречу, чтобы получить безопасные документы. Утверждали, что в этой операции, подготовленной ФСБ, участвовали братья Ямадаевы, земляки Радуева. По той же версии арест Радуева расценивался как крупная победа ФСБ, а не МВД, тоже имевшего свои «подходы» к Радуеву.

Но это — секрет ФСБ и МВД. В Лефортово многие эксперты сомневались в том, что «Радуев арестованный и подлинный С. Радуев — одно и то же лицо». Настолько без суровой «синечерной» бороды и очков он выглядел по-мальчишески безобидным, совсем не похожим на того монстра, который, как маньяк, охотно принимал на себя ответственность за все совершаемые и совершенные кровавые теракты — от взрыва в Пятигорске до покушения на Э. Шеварднадзе. Сомнения оставались до тех пор, пока личность Радуева не подтвердил адвокат Руслан Дадаханов, которому близкие к Салману люди предложили защищать его интересы перед федеральными и другими властями.

Существовала точка зрения, что Салман Радуев после стольких преступлений, ранений, разного рода преследований человек с расстроенной психикой, «умственно и физически не адекватен». Татьяна Дмитриева, директор Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии имени В. П. Сербского, проводившего психиатрическую экспертизу С. Б. Радуева, заявила, что у него не обнаружено никаких психических заболеваний. Он обладал хорошей памятью, проявил достойную адаптацию к жизни, не забыл о семье, защитив и обеспечив ее на случай разных поворотов в жизни. Привожу протокол допроса обвиняемого, в ходе которого Радуев был ознакомлен с актом о проведении судебно-психиатрической экспертизы.

Протокол допроса обвиняемого

город Москва 23 октября 2000 года

Следователь следственно-оперативной группы Генеральной прокуратуры Российской Федерации капитан юстиции Юсуфов А. М., в служебном кабинете № 326, с соблюдением требований ст. ст. 17, 46, 150–152 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, с участием адвоката юридической консультации «ВЕРДИКТ» г. Москвы Нечепуренко Павла Яковлевича, допросил в качестве обвиняемого Радуева Салмана Бетыровича.

Допрос начат в 10 часов 30 минут.

Вопрос: Вам предъявляется для ознакомления акт амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы № 619/а, от 13, 15 сентября 2000 года, на 10 листах, данный экспертами судебно-психиатрического Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского, на основании постановления следователя следственной группы Генеральной прокуратуры РФ на Северном Кавказе о назначении амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы от 15 августа 2000 года.

В соответствии с требованиями статьи 193 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации вы имеете право: дать свои объяснения и заявить возражения, а также просить о постановке дополнительных вопросов экспертам и о назначении дополнительной или повторной экспертизы.

Понятны ли вам предъявленное заключение эксперта и разъясненные права?

Ответ: С актом амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы № 619/а, от 13, 15 сентября 2000 года, на 10 листах, данным экспертами судебно-психиатрического Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского, я внимательно ознакомился лично путем его прочтения. С выводами экспертов я полностью согласен.

Заключение экспертов, а также разъясненные права, предусмотренные статьей 193 Уголовно-процессуального кодекса РФ, мне понятны. Никаких возражений по поводу выводов, сделанных в представленном мне заключении, также просьб о постановке экспертам дополнительных вопросов и о назначении дополнительных или повторных экспертиз я не имею. Я никогда не страдал психическими расстройствами, прекрасно осознавал и осознаю характер всех совершенных мной действий.

Допрос окончен в 12 часов 00 минут.

Протокол допроса мной прочитан. С моих слов записано верно. Дополнений и замечаний не имею.

(Радуев С. Б.) Адвокат: (Нечепуренко)

Допрос произвел и протокол составил:

Следователь следственно-оперативной группы Генеральной прокуратуры РФ капитан юстиции А. М. Юсуфов

Были ли проблемы у врачей при обследовании С. Радуева? Только усиленная охрана: была получена оперативная информация, что террориста могли похитить и «свои», и «чужие» — жаждавшие мести и расправы «кровники».

Впрочем, о том, что у С. Радуева могли пошаливать нервы, говорило многое, но важно было только заключение экспертизы, которая на основе всесторонних исследований выносила свой единственно непреложный вердикт. В ходе обследований были выявлены скобки на скуловой части черепа. Это косвенно, но окончательно доказывало, что перед нами действительно «подлинный» Радуев. Как известно, ему делались операции на лице.

Медицина сказала свое слово. Свое мнение и оценки были у спецслужб, которые в рамках своих компетенций составляли «банк данных», выстраивали детальную схему всех перемещений и действий террориста в Чечне, Дагестане, по всей России и за ее пределами.

Да, у Радуева наблюдалась некоторая ненормальность в поведении, но это не мешало ему привлекать к себе внимание зала, руководить защитой, отвлекать на свои доводы, держать в постоянном напряжении обвинение. Иногда он производил впечатление разумного, трезвомыслящего человека, когда говорил, что не вынашивал глобальных планов развалить Россию или создать, например, мусульманское единое государство — халифат XXI века на Кавказе. Правда, он не скрывал, что ставил своей целью образование собственного независимого княжества в Чечне, всячески пытался представлять и рекламировать себя как единственного верного продолжателя «дела генерала Дудаева».

Этапы преступного пути

Итак, Салман Радуев создал свою вооруженную банду с целью нападения на предприятия, организации, учреждения и на отдельных граждан России. Он неоднократно совершал акты терроризма, повинен в убийствах, гибели большого количества людей, захватывал и насильственно удерживал в заложниках, посягал на жизнь представителей органов власти, в частности работников милиции, МВД. Находясь в банде, он незаконно приобрел, носил, хранил и применял огнестрельное оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества.

Преступления его банды совершались в январе и декабре 1996 года и в январе — апреле 1997 года на территории Чеченской Республики, Республики Дагестан и в городе Пятигорске Ставропольского края России.

По данным оперативных служб, банда была сколочена Радуевым в декабре 1995 года, первой ее вылазкой стало нападение 9 января 1996 года примерно в 5 часов утра на военные и гражданские объекты в г. Кизляр Республики Дагестан. Нанесен большой материальный ущерб, взяты многие заложники. 10 января участники бандитского формирования с частью заложников переместились в село Первомайское Хасавюртовского района Республики Дагестан. Там они напали на сводный отряд милиции УВД Новосибирской области, захватили оружие и заложников — милиционеров.

С 10 по 18 января 1996 года участники банды продолжали удерживать заложников. И в этих преступлениях — откровенная уголовщина, нарушение правопорядка, общественной безопасности, конституционных прав граждан. И никакой политики.

А может быть, Радуев был просто фанатиком, который желал заполучить лавры, подобно Шамилю Басаеву, устроившему кровавую бойню в Буденновске? (Трудно представить, что Буденновск, его трагедия случилась уже семь лет назад!)

«Мне не нужны лавры Басаева, — ответил сам Радуев. — Мы думали подвергнуть атаке дагестанские позиции русских, а не совершать массированный удар по дагестанским больницам.

Так получилось. Это — стечение обстоятельств. Мы заняли город, где в основном проживали русские. Боевики желали выразить российскому руководству свое недовольство по поводу дислоцированной в Кизляре вертолетной части с восемью боевыми машинами. Если бы не было этого военного объекта, то в Кизляре не было бы и убитых, раненых, уничтоженного имущества». Вот и вся «логика».

Но так ли это? Сразу после ареста создалось впечатление, что зять Джохара Дудаева сник, осунулся, но быстро воспрял духом и главное — восстановил свой облик «непримиримого моджахеда». Его отличительные особенности — черная борода, темные очки, четки в руках — вновь при нем.

Радуев провел более года в московском Лефортово и три месяца в старейшем махачкалинском СИЗО-1. В одиночной камере, но с телевизором, свежими газетами и книгами. Он предпочитал литературные произведения на военные темы, возвращался к детским мечтам о карьере «настоящего советского человека», думал о том, как сложится судьба его семьи в далекой тропической Малайзии. Читал Радуев и специальную юридическую литературу, зная, что суда ему не избежать, готовился прибегнуть не только к помощи адвокатов, но надеялся и на собственные силы. Противником он мог стать ловким, увертливым, хотя беспринципным, наглым, не всегда последовательным и логичным. Нехватку эрудиции в тюрьме восполнить не так-то просто. Знания лучшим образом проверяются на практике, а вся «практика» Радуева в последние годы — это был разбой, закупка оружия, террористические вылазки, сколачивание банды, ложь и антироссийская пропаганда.

Как охранялся С. Радуев? Безусловно, очень тщательно. Радуев страдал явно выраженной манией преследования. И это было всегда. Его охраняли особо и в дудаевские времена. Даже сам Джохар не имел такого количества телохранителей, как «бригадный генерал» Салман Радуев. Он боялся любых неожиданных столкновений с действительностью. При каждом переезде, даже на короткие расстояния в Чечне, его эскорт брал в дорогу передвижную дизельную электростанцию. Иногда он страдал от сильнейших головных болей и тогда спасался тем, что пил таблетки, и нес самые невероятные небылицы. Например, он вдруг сообщал, что приобрел в Италии за полтора миллиона долларов оборудование для собственного телецентра и готов организовать целенаправленное вещание на весь Северный Кавказ. Или случалось еще «круче»: у него, оказывается, была даже атомная бомба, которую он держал только в «личных оборонных целях» и в секретном месте.

Некоторые журналисты, представители информационных агентств и телевидения считали, что излишними выглядели меры по обеспечению безопасности в Махачкале и, в частности, по охране следственного изолятора, где проходил процесс над С. Радуевым.

Но думается, что иначе не могло быть нигде. Вспомните, как охраняли зал-бункер в римском квартале Форо Италико, где в 1984–1986 годах проходил судебный процесс над турецким террористом — «серым волком» Али Агджой, совершившим покушение на Папу Римского. Там, в Форо Италико, рядом с Олимпийским стадионом, в дни заседаний суда «и воробью было не пролететь». А суды над сицилийской мафией в зале палермской тюрьмы «Уччардоне»? Вход в бункер для журналистов и там был резко ограничен. Охрану подсудимых и судей несли сотни полицейских и военных. А суд над Оджаланом в Турции? Наконец, процессы над террористами в США, Франции, Испании... Там при всей демократии меры безопасности не снижаются, а наоборот, усиливаются с каждым годом.

Чувствовал ли себя в безопасности Генпрокурор РФ? Я об этом просто не думал. Я выполнял свою работу, а все службы, обеспечивавшие безопасность, — свою. Ни одной явной накладки. Сведения об угрозах поступали. Но это нас не деморализовало и, конечно, не пугало.

Первые заседания проходили в Махачкале, в здании Верховного суда республики, но потом судебные приставы, как мне сообщили, погрузили мешки с делом Радуева и его банды в багажник «Волги» и вывезли в СИЗО-1 — централ с полуторавековой историей. Инициатива «переезда» принадлежала судье Б. Унжолову. По его мнению, ставшему решающим, было небезопасно и нецелесообразно дважды в день перевозить обвиняемых из СИЗО-1 в здание суда, при этом пересекать центр города с относительно непростым движением.

Следственный изолятор СИЗО-1 находился под надежной охраной спецназа ГУИНа Минюста, ОМОНа, агентов в штатском. На площадке перед входом в СИЗО — бронетранспортер с дежурным экипажем. На крышах прилегающих зданий — автоматчики и снайперы. Проход к СИЗО только по спецпропускам. Серый блок зданий, асфальтированный двор, корпус с многочисленными помещениями называют в Махачкале «Первый СИЗО на горке». Сюда в первые дни после начала процесса съехались многие горожане, жители республики. «Смерть! Смерть!» — скандировали люди. Это был их приговор.

Актальный зал изолятора. На стене плакат: «Дисциплина — основа успеха». Черная клетка. В ней — Салман Радуев. В джинсах, бейсболке, очках...

— Здравствуйте, Владимир Васильевич! Как ваше здоровье? — скривив лицо в улыбке, заговорил Радуев.

— Прекрасно, Радуев! — громко ответил я, сознавая, что это — только пристрелка перед долгим и напряженным процессом.

— Какие у нас талантливые помощники, — продолжал зубоскалить Радуев, явно не импровизируя, а по заранее подготовленному плану, пытаюсь пустить процесс с самого начала по легкому «смешливому пути». — Отдайте мне в защиту вот того (зам. Генпрокурора Кихлерова). Пусть он рядом со мной сядет. Тогда у нас с вами все будет поровну!

— Да что вы, Радуев! Он ничего плохого не сделал, чтобы с вами рядом сидеть, — ответил я и в шутку и всерьез.

В клетке Радуеву было с кем рядом сидеть. С ним еще трое: Турпалали Атириев — бывший министр Ичкерии, Асламбек Алхазуров и Хусейн Гайсумов — боевики. Но о каждом из них я расскажу еще отдельно. У Радуева статей для ответа больше чертовой дюжины, основных эпизодов — четыре: Кизляр, село Первомайское, взрыв в Пятигорске, взятие в заложники служащих Пензенского ОМОНа. Понятно, от всех обвинений Радуев отпирался, признать вину отказывался. Те же позиции защиты полностью или частично заняли и другие подсудимые: в зверствах они якобы не участвовали, лично заложников не брали, взрывы не устраивали и вообще выполняли приказы вышестоящих инстанций, например, идти на Кизляр Радуеву приказал Дудаев. Взятки, мол, гладки!

— Как же так, Радуев, вы — командир и ничего не знали? — спросил я террориста.

Радуев не заставил ждать ответа:

— Я благодарен Генеральному прокурору за такой вопрос. А вы там, что смеетесь? — обратился он к залу. — Нет, чего вы все-таки смеетесь? Если вы хотите, чтобы я говорил неправду, я готов взять ответственность за что угодно — даже за Русско-японскую войну и за гибель морских котиков в Зимбабве...

Шутка, конечно, всегда шутка. Но в данном случае у «шутки» было второе дно: террорист ловчил, искал любую возможность сводить многие конкретные обвинения к абсурду и тем самым выставлять себя в более выгодном свете. Но этого допускать было нельзя. Нельзя было позволить направить заседания суда по пути балаганных шуток, размывать суть обвинительного процесса, что могло быть на руку только подсудимым и их защите.

С другой стороны, важно было суметь на фоне предъявленных Западом стереотипных и беспочвенных обвинений России в «политической подоплеке» борьбы с чеченскими террористами показать объективность, беспристрастность, последовательный неполитизированный характер и весь ход судебного процесса; избежать упреков в якобы конъюнктурности подхода и в результате четкими заключениями представить истинное положение вещей, суть дела, доказать криминальный характер замыслов и действий чеченских террористов и, в частности, бандформирований Радуева и его подельников. На суде Радуев и другие пытались уйти от ответственности. Не удалось. Я потребовал для Радуева пожизненного заключения. Он, сидевший в клетке, попросил разрешения прямо в зале суда пожать генпрокурорскую руку.

— Вот отсидите, тогда посмотрим, — ответил я, сознавая, что Радуеву вряд ли когда-либо будет суждено покинуть тюремные и лагерные нары.

Удовлетворен ли я сам результатами и ходом судебного процесса?

Преступники понесли достойное наказание. Суд по всему кругу важнейших позиций согласился с обвинениями прокурора. И в этом профессионал видит наивысшую оценку своей работы. Прокурор — слуга, защитник и проводник Закона, и его действия соответствуют, должны соответствовать только букве и духу Закона. Думаю, что ни в чем ни на йоту я не отошел от этой строгой, жесткой, но единственно верной и принципиальной линии. Надеюсь, что моя обвинительная речь на судебном заседании 12 декабря 2001 года в Махачкале тому четкое подтверждение. Я был и навсегда останусь солдатом, бойцом на страже Отечества, его законов, справедливости, мирной жизни граждан России.

Но прежде чем перейти к конкретным документам процесса, в частности к обвинительной речи Генпрокурора Российской Федерации, предлагаю привлечь внимание читательской аудитории к данным информационных агентств, высказываниям прессы, отдельных политических и общественных деятелей России и западного мира, чтобы показать, в какой атмосфере проходил судебный процесс, какой была расстановка сил и оценок вокруг суда над Радуевым в Махачкале.

Я избрал почти журналистскую форму поиска, взяв публикации подборок под рубриками «Информация и размышления», «Факты и только факты», «Разные мнения вокруг одного процесса», «Фразы отдельных лиц» и т. д.

Итак, начинаю с подборки «Информация и размышления».

Прокурор прав

«Тысячу раз прав Владимир Устинов, что «бандитизм, который происходил на территории Дагестана в те кошмарные дни, должен получить по заслугам». Именно для этого Генпрокурор сам возглавил гособвинение по делу Радуева и его подельников. Такое решение Генерального прокурора России нельзя назвать спонтанным. Его ведомство занимает на Северном Кавказе, в том числе в Чечне, весьма прочную и однозначную позицию: Чеченская Республика как часть Российской Федерации должна жить по российским законам. А если они нарушаются, то для прокуратуры национальность преступника не имеет значения... Генпрокуратура возбудила и расследует не один десяток уголовных дел как в отношении чеченских бандитов, так и по преступившим закон сотрудникам правоохранительных органов».

Новая газета. 2001. 15–18 нояб. № 83 (726) Вопреки свинцу

3 декабря 2001 года в Аргуне убит заместитель военного прокурора группировки российских войск в Чечне, подполковник юстиции Роман Григорян. 8 декабря в Старопромысловском районе Грозного подорвался легковой автомобиль, принадлежавший городской прокуратуре. В результате погибли следователь по особо важным делам Александр Леушин и криминалист Ахмет Хамзатов. Ранен прокурор Аргуна Ростислав Тимшин.

По мнению наблюдателей, участвовавшие в последнее время случаи гибели прокурорских сотрудников можно объяснить высокой активностью Прокуратуры, расследующей деятельность боевиков. В 2001 году следователи Прокуратуры ЧР расследовали 257 уголовных дел и выдали, как заявил Прокурор Чечни, 158 обвинительных заключений.

Соб. инф. Передан опасный арсенал

«В 1992 году генералу Дудаеву Минобороны РФ была передана половина боевой техники и оружия окружного учебного центра в Грозном (свыше ста единиц бронетехники, 250 единиц противотанковых средств, 153 единицы артиллерии и минометов, более 40 тыс. единиц стрелкового оружия, 300 самолетов различных типов)...

... Главари чеченских бандформирований направили в Дагестан несколько диверсионных групп. Их задача — сорвать судебный процесс над Радуевым, провести акции устрашения».

Труд. 2001. 21 нояб. PR-акции Салмана Радуева

«Салман Радуев, давая показания на суде в Махачкале, заявил, что надо «отличать PR-акции от реальных угроз». PR-акцией он назвал свое заявление по поводу возможного взрыва на вокзале в Воронеже и еще в 100 городах Российской Федерации. Но разве эти угрозы не сеют страх перед терактами, не дестабилизируют положение в стране?»

Strana.RU. 17.11.2001 Охота на прокурора

«16 ноября 2001 года в Новолакском районе Дагестана на милицейском посту Новочуртах задержана группа боевиков, прибывшая из Ножай-Юртовского района Чечни. На допросе один из боевиков представился Джоном Бенини — журналистом, подданным британской Короны, проживающим в Лондоне, в доме 91 по Большой Лондонской улице (при проверке выяснилось, что адрес Джона вымышленный). Цель направления группы в Махачкалу — срыв процесса над С. Радуевым. Для этого террористы хотели убить гособвинителя — Генпрокурора РФ».

Известия. 2001. 17 нояб. Как Хаттаб «искал» Генпрокурора

«Вполне можно поверить, что Хаттаб был бы не прочь отправить на тот свет российского Генпрокурора. К тому же ему наверняка хотелось бы сорвать судебный процесс, продемонстрировать всем, какое опасное дело — судить моджахеда. Но попытка исполнить такое намерение руками «троицы о пяти ногах» не удалась. Общественности ясно одно: отправившись на Северный Кавказ обвинять С. Радуева, Генпрокурор Владимир Устинов совершил мужественный поступок. Его рейтинг, взлетевший после подъема на борт «Курска», теперь, после неудавшегося покушения, подскочил на новую небывалую высоту».

Grani.RU. 17.11.2001 Террориста к ответу

«Что бы ни говорили, но Россия является правовым государством. Поэтому процесс в Махачкале и столь важен как для Генпрокуратуры, которая является проводником идеи правового государства, так и для всей нашей страны. Отечественный «террорист № 1» будет отвечать в суде так же, как и любой другой гражданин России».

Век. 2001. 16 янв.

Фразы вокруг процесса и на процессе

«Я решительно требую лишить аккредитации журналистскую группу ОРТ... Можно ли попросить журналистов брать пример с Генпрокурора, который всегда достоверно рассказывает прессе о происходящем на процессе?»

С. Радуев Р. С. «От имени Радуева суд объявляет благодарность Генпрокурору», — сказал судья.

«Этот открытый суд еще раз доказывает: есть в стране силы, которые привели бандитов на скамью подсудимых. С терроризмом можно бороться не только оружием, но и с помощью Закона».

В. Устинов

«Мне даже нравится в тюрьме. Здесь в трагическом одиночестве приходят разные умные мысли... Я считаю: процесс идет объективно, в нормальном русле».

С. Радуев

«Имидж полевого командира Радуева создали СМИ. Сам я никогда не считал его серьезным человеком».

А. Масхадов Аргументы и наказание

(Из обвинительной речи по делу Радуева и других Генерального прокурора Российской Федерации с некоторыми сокращениями и комментариями.)

«Завершился многодневный и трудный этап судебного следствия, но перед участниками процесса, словно кадры из фильма ужасов, вновь ожили кровавые события января 1996 года, которые пришлось пережить жителям Кизляра. Как в калейдоскопе, смешались события и судьбы, людская боль и неизбывное горе. Теперь настало время за фактами увидеть скрытую истину. Решить вопрос о виновности подсудимых и правовой оценке совершенных ими преступлений».

Этими словами я начал свою обвинительную речь на судебном процессе в Махачкале, сразу расставив все точки над *i*. Ведь многие, и прежде всего сами подсудимые ожидали от нашего процесса политических выводов. Я был вынужден их разочаровать: в преступлениях, в которых они обвиняются, нет и не может быть никакой политики. И это я считаю одним из главных императивов, который подчеркиваю особо: дело Радуева и его команды — уголовное, а не политическое, как хотели бы представить некоторые противники нормализации положения в Чечне и России в целом.

Следствием собраны убедительные доказательства того, что подсудимыми совершены бандитское нападение, захват заложников, терроризм, убийства и другие преступления. Политическая составляющая в этих преступлениях отсутствует.

Напрасно подсудимые, особенно Радуев и Атириев, весь процесс делали заявления и утверждали, что они радели за «торжество идей суверенитета». Что своим бандитским походом на Кизляр хотели помочь своему народу обрести свободу и независимость. Разрешить таким способом «чеченский вопрос».

Теперь, когда процесс завершен, я могу ответить на многие вопросы, которые возникали до и после судебного слушания.

Да, «чеченский узел» — это наша общая беда и наша общая боль. Он стал следствием длинной цепи досадных ошибок, удручающего недомыслия, а то и элементарной некомпетентности многих должностных лиц. Но пусть Радуев и Атириев вспомнят, как завязывался этот узел. Надеюсь, они не забыли, что не Россия разрушила конституционный строй, а совсем наоборот — Чеченская Республика Ичкерия... путем мятежа и самопровозглашения жить вне правового пространства — по своим флибустьерским законам.

Надеюсь, что Радуев и Атириев не забыли, с чего начали пришедшие во власть под лозунгами независимости республики, заботы о благе чеченского народа Дудаев, потом Масхадов и иже с ними? Если забыли — напомню.

Менее всего их заботило благо своего народа. И цель их, и стратегия были совершенно в ином. Они хотели отторгнуть от России важнейший в геостратегическом отношении регион. Создать там криминальный анклав, где можно было беспрепятственно готовить международных террористов, изготавливать и распространять оружие и наркотики, укрывать похищенных для выкупа людей, организовывать масштабные финансовые аферы.

Ради этой цели можно было пойти на все. Годились любые средства. А что в сухом остатке? Вконец разрушена экономика. Родные места были вынуждены покинуть сотни тысяч жителей. По республике стали рыскать банды вооруженных преступников. Они нападали на поезда, грабили грузы и пассажиров. Ценность человеческой жизни превратилась в ничто. Незаконные

финансовые операции, сделки с нефтью и оружием, наркомания, а чуть позже — работоторговля. Это — далеко не полный перечень того, что насаждалось в республике. Правящий режим делал все для превращения ее в законченный криминальный регион, силой и оружием навязывая свою волю народу.

Я спрашиваю подсудимых: разве в этом заключается суверенитет и независимость? Разве такой свободы хотел народ республики? Разве хотел он, чтобы «государственной» политикой стал терроризм?

Не надо заявлять, что в республике осталось много военной техники, оружия и боеприпасов. Не надо намекать на то, что якобы федеральные структуры вооружили чеченские формирования. Истинные обстоятельства вывода войск, эвакуации техники и вооружения известны. Известна также зловещая роль и действия тогдашних чеченских руководителей. К сожалению, эти действия и обстоятельства находятся вне пределов настоящего процесса. Но подсудимым не стоит передергивать факты.

Участники чеченских бандформирований были организаторами и исполнителями целого ряда террористических актов за пределами своей республики. Они угоняли самолеты, захватывали заложников. Напомню только о некоторых фактах.

Захват заложников и угон самолета в 1991 и 1992 годах в аэропорту «Минеральные Воды». Захват 16 школьников в 1993 году в Ростове-на-Дону. Захваты автобусов с пассажирами в Минеральных Водах в 1994 году. Захват самолета в Махачкале. Нападение на Буденновск в 1995 году. Не говорю о более поздних преступлениях. О некоторых из них речь пойдет ниже. Но подчеркиваю еще раз: всем заявлениям подсудимых о политической мотивации их преступлений и политической природе примененного насилия — грош цена.

Вторжение в Дагестан было не чем иным, как логическим следствием реализации преступной «стратегии», очередной бандитской вылазкой. Ее вдохновителей и исполнителей, Радуева, Атириева и других, не остановило, что они посягнули на мирную жизнь братского народа, на законы единой веры: «Каждый мусульманин, — говорится в Коране, — для другого мусульманина — запрет: и кровь его, и его имущество, и честь его».

Специально хочу подчеркнуть: законы дружбы и добрососедства были перечеркнуты не чеченским народом. Его с народом Дагестана связывает многовековая история, единый уклад жизни и единая религия. Эти законы были подло и вероломно попораны террористами и бандитами, у которых, как известно, нет ни национальности, ни религии, ни чести, ни достоинства.

Краткая фабула дела

Повторю кратко суть. В декабре 1995 года Дудаев, Радуев и другие руководители незаконных вооруженных формирований, для того чтобы понудить органы власти прекратить операцию по восстановлению в республике конституционного порядка, приняли решение о террористическом нападении на один из российских городов. Им стал Кизляр.

В конце декабря Радуев собрал в поселке Новогрозненский свое бандформирование и сообщил участникам о принятом решении: в начале января 1996 года банда перемещается в станицу Шелковская, где в нее вливаются участники других незаконных вооруженных группировок, в том числе и иностранные наемники.

В «сводную» банду вошла вооруженная группа Атириева. Участником банды в ее последующей деятельности стал и подсудимый Гайсумов. Он, как и все, был вооружен.

К 8 января 1996 года численность банды достигла почти 300 боевиков, которые переместились к административной границе с Дагестаном около города Кизляр. В соответствии с «оперативным замыслом» в ночь на 9 января основная часть банды двинулась к городу в пешем порядке, а группа под командованием Аггириева — на автомашине, груженной оружием и боеприпасами.

Не все складывалось гладко у преступников. Машина с оружием в пути сломалась. Тогда Аггириев и его группа, где применяя оружие, а где угрожая им, остановили на дороге два автомобиля и автобус. Перегрузили вооружение, водителей и пассажиров взяли в заложники. Так аггириевские боевики прибыли в Кизляр, где к тому времени уже разыгрывалась кровавая драма.

Одна часть банды по разработанному Радуевым сценарию напала на аэродром. Две другие вели бой с внутренними войсками РФ. Остальные занимались тем, что в захваченный больничный комплекс под дулами автоматов, применяя угрозы и насилие, из квартир, домов и с улиц сгоняли жителей, превращая их в заложников. В том сценарии Аггириеву и его группе отводилась роль отнюдь не статистов. Боевики заняли здание роддома, где потом удерживались заложники, захваченные в больнице и в городе.

В сухих строках обвинительного заключения указывается, что 9 января 1996 года, в 5 часов утра, Радуев и участники руководимой им банды проникли на территорию Кизляра и напали на военные и гражданские объекты, жилье и мирных жителей. При этом были взорваны вертолеты, обстреляны жилые строения, совершены иные действия, угрожающие жизни людей. Было уничтожено государственное, муниципальное и личное имущество граждан. Но самое страшное — убиты жители, военнослужащие, сотрудники органов внутренних дел, захвачены заложники. Участники банды заняли здание больничного комплекса. Их заложниками стали медицинский персонал и находившиеся там больные. Всего во время бандитского налета в заложники были взяты более 2 тысяч человек. Из них свыше 600 — дети и несовершеннолетние. Шестнадцать заложников погибли, а еще сто получили разной степени телесные повреждения.

Уничтожено два вертолета стоимостью 18,9 млрд руб. Военному городку внутренних войск нанесен ущерб на 2,5 млрд руб. Государственным, муниципальным учреждениям и предприятиям — на 124,5 млрд руб. Повреждены и уничтожены более 230 квартир и частных домовладений, 84 автомобиля. Имущественные потери жителей составили 4,7 млрд рублей. (Все в ценах 1996 года.)

Что же, обвинительное заключение — документ официальный. В нем не должно быть места эмоциям. Он составлен из показаний свидетелей и потерпевших, данных ими на следствии. Встает чудовищная картина преступного разгрома боевиков.

Я попытаюсь представить ее. Боевики, в масках и без масок, хватали на улице детей, женщин и стариков. Их убивали, били прикладами. Стреляли не только для острастки, поверх голов, но и непосредственно в людей. Бандиты выламывали двери, врывались в дома и квартиры, выталкивали на улицу испуганных граждан. Налетчики стреляли через двери, не зная даже, кто за дверью: ребенок, женщина или старик.

Какие планы вынашивали боевики Салмана Радуева? Вот что он сам показал следователю.

Протокол допроса обвиняемого

Город Москва 23 марта 2000 года

Следователь по особо важным делам Следственного управления ФСБ России подполковник юстиции Л. В. Баранов, с участием защитника — адвоката юридической консультации «Вердикт» гор. Москвы Нечепуренко Павла Яковлевича, в своем служебном кабинете, с соблюдением требований ст. ст. 17, 46, 150–152 УПК РСФСР произвел допрос обвиняемого Радуева Салмана Бетыровича, 13 февраля 1967 года рождения, уроженца г. Гудермеса ЧИ АССР, чеченца, гражданина Российской Федерации (другие анкетные данные в деле имеются, а формальности по ведению следственного протокола мы сокращаем здесь и далее из-за того, что они текстуально соответствуют одно другому и ничего не дополняют в понимании вопроса).

Допрос начат в 14 часов 20 минут.

Допрос окончен в 16 часов 40 минут.

На поставленные следователем вопросы обвиняемый Радуев С. Б. показал следующее:

...В ходе сегодняшнего допроса хотел бы подробно остановиться на Кизлярской операции, которая под моим руководством была проведена в период с 9 по 18 января 1996 года.

Во время первой чеченской войны я был командующим Северо-Восточным фронтом вооруженных сил Чечни. Примерно в 20-х числах декабря 1995 года, более точно дату в настоящее время вспомнить затрудняюсь, Джохар Дудаев вызвал меня в свою резиденцию, которая располагалась в селе Гехи Чу, и сообщил, что по его данным примерно 8-10 января 1996 года на вертолетную базу в городе Кизляре прибывают 8 вертолетов Вооруженных сил Российской Федерации, полностью загруженные ракетами НУРС. После этого он поставил передо мной задачу выдвинуться в Кизляр, захватить базу, 4 вертолета уничтожить, а остальные попытаться перегнать в Чечню. Во время этого разговора помимо нас присутствовал военный прокурор Ичкерии Магомед Джаниев, который погиб вместе с Дудаевым во время покушения на последнего в апреле 1996 года. Когда я высказал опасения о недостаточности времени для подготовки и проведения указанной операции, Дудаев приказал осуществить ее совместно с командующим Юго-Восточным фронтом Исрапиловым Хункерпашой.

Через три дня я вместе с Исрапиловым прибыл в резиденцию Дудаева, где последний еще раз поставил перед нами задачу разработать и провести боевую операцию по уничтожению военных объектов в районе города Кизляра. При этом он возложил на Исрапилова военное руководство, а на меня политическое. Доложить план операции мы должны были к 1 января 1996 года.

Разработанный мной и Исрапиловым план заключался в следующем.

Для проведения операции создавался сводный отряд в количестве примерно 250 человек, в который входили: подразделение Абалаева Айдамира (примерно 70 человек); подразделение Атгириева Турпалали (примерно 40 человек); сводное подразделение Северо-Восточного фронта под руководством моего родного брата Радуева Сулеймана (примерно 60 человек); сводное подразделение Юго-Восточного фронта (примерно 30 человек), во главе которого стоял родной брат Исрапилова, имени которого в настоящее время вспомнить затрудняюсь, и «Наурский батальон» под командованием Чараева Мусы (примерно 40 человек). В их число входили также 8 плененных военнослужащих Российской Армии, которые должны были нам помочь в ходе следования через блокпосты российских войск. Они в отличие от остальных были одеты в форму военнослужащих Российской Армии.

5 января 1996 года этот сводный отряд должен был собраться в поселке Новогрозненский, а затем на следующий день, утром, на грузовых автомашинах выдвинуться в район села Азамат-Юрт. В ночь с 6 на 7 января на лодках переправиться через реку Терек и сосредоточиться в лесном массиве в районе станицы Шелковская. Там пересестись на другие автомашины и к вечеру 8 января прибыть на административную границу между Чечней и Дагестаном в районе села Бороздиновка.

Штурм города планировался в ночь с 8 на 9 января. Для этого 9 января, в 2 часа ночи, около села Бороздиновка основные силы должны были спешиться и через Каргалинский гидроузел пешком прибыть в Кизляр. Подразделение Аткириева должно на автомашинах с боеприпасами прибыть в город окружным путем через блокпосты федеральных войск. Начало операции планировалось на 4 часа утра. К этому времени весь отряд должен был бы находиться на заранее спланированных позициях, а подразделение Аткириева подвезти боеприпасы.

Согласно плану операции подразделения Абалаева Айдамира и моего брата в указанное время должны были начать штурм вертолетной базы, а «Наурский батальон» — мотострелкового батальона. Остальные отряды — рассредоточиться в различных районах города и находиться в резерве. Во время проведения операции возглавляемая Исапиловым и мною группа управления должна была находиться в одном из городских нежилых помещений, расположенном недалеко от здания РОВД, точный адрес назвать затрудняюсь. Все руководители боевых групп оснащались рациями и каждому присваивался свой позывной. На вооружении отряда должны были быть различные виды вооружения, начиная от автоматов Калашникова и до гранатометов.

Хочу отметить, что операция планировалась в строжайшей тайне. Кроме меня и Исапилова о ней никто не догадывался, даже мой брат. В первых числах января 1996 года план операции был письменно утвержден Джохаром Дудаевым. О ходе проведения указанной выше операции я покажу в ходе следующих допросов. (Мы увидим, как «шлифовал» позже свои первые показания Салман Радуев. — Авт.)

Вопрос: В ходе допроса вы показали, что на вас возлагалось политическое руководство операцией. Покажите, в чем оно заключалось?

Ответ: Дело в том, что город Кизляр находится на территории Республики Дагестан, то есть за территорией Чечни, и проведение боевой операции в этом городе имело бы большой резонанс во всем мире. Если бы операция прошла успешно и все ее участники невредимыми вернулись в Чечню, в мою задачу входило выступить по телевидению или дать пресс-конференцию перед журналистами, в ходе которых привлечь внимание мировой общественности о начале проведения боевых действий вне территории Чечни, то есть в самой России. Если бы нам пришлось вступить в боевые столкновения с российскими войсками при отходе после проведения операции, то я должен был в качестве уполномоченного вести переговоры с командованием федеральных сил или представителями властей Дагестана, в ходе которых также акцентировать внимание на политическом характере наших действий.

Вопрос: Каким образом вы планировали доставить захваченные вертолеты на территорию Чечни?

Ответ: Воздушным путем, мы планировали пленить военных летчиков и с их помощью переправить вертолеты в Чечню. Кроме того, в составе нашего отряда были пленный российский вертолетчик, а также двое чеченцев — бывших военнослужащих Советской Армии, которые также умели управлять этими боевыми машинами. Имена и фамилии указанных лиц я в настоящее время вспомнить затрудняюсь.

Протокол допроса мной прочитан лично, записано правильно, дополнений и поправок не имею.

(Радуев С. Б.) Адвокат: (Нечепуренко П. Я.)

Допросил и протокол составил:

Следователь по особо важным делам

Следственного управления ФСБ России подполковник юстиции Л. В. Баранов

Комментарий. Имена и фамилии Радуев мог, конечно, помнить, но не называл. Но главное в этой бандитской вылазке — террор, налет на базу, захват техники и людей. Это и есть тяжкие уголовные преступления.

Считается, что время стирает все, даже горе. Но так считают те, кто сам не пережил настоящую боль. Время никогда не сотрет из памяти и тем более не вернет матерям их сыновей, женам их мужей, детям их родителей, родным — их близких. Всех тех, кто стал жертвой террористического налета. Я чувствую эту боль и склоняю голову перед памятью погибших. И в то же время я восхищаюсь мужеством и мудростью народа Дагестана. В нелегкий для всех час простые люди сделали почти невозможное, чтобы защитить от террора наше Отечество.

Но вернемся к событиям в Кизляре. Весь день 9 января 1996 года радуевская банда удерживала согнанных людей в больнице. Людей оскорбляли, унижали, причиняли им физические страдания. И этими людьми, как живым щитом, боевики закрывали больничные окна.

На следующий день, после предъявления властями требований о прекращении преступных действий, бандиты вновь прикрылись «живым щитом» из захваченных ими заложников. На этот раз беззащитные и измученные люди закрыли собой окна автобусов, на которых боевики направились к границе Чеченской Республики.

Одно преступление буквально нанизывалось на другое. Блокпост у села Первомайское. Там несли службу сотрудники сводного отряда милиции УВД Новосибирской области. Пост подвергся нападению банды. Милиционеры (их полный список приведен в обвинительном заключении и оглашался в суде) были взяты в заложники, все оружие похищено боевиками.

С 10 по 18 января 1996 года бандиты удерживали в Первомайском заложников, которых привезли из Кизляра и взяли на блокпосту. Зажатые в тиски федеральными войсками, оказывая отчаянное вооруженное сопротивление, бандиты и здесь не могли обойтись без заложников. Они заставляли их рыть проходы и окопы. А при прорыве, который, к сожалению, им удалось осуществить, они, угрожая расправой, взвалили на заложников своих раненых сообщников и так их выносили... На другом берегу Терека бандиты надеялись найти спасение...

...При сопротивлении банды Радуева федеральным войскам в Первомайском были ранены и убиты военнослужащие, сотрудники милиции, гражданские лица. И снова перед нами страшные цифры статистики преступлений террористов: разрушено и повреждено 331 домовладение, уничтожено и повреждено имущество граждан на общую сумму 82,7 млрд рублей; административным зданиям села и другому имуществу причинен ущерб на сумму 56,7 млрд рублей.

В Кизляре и Первомайском в период с 9 по 18 января 1996 года бандитами Радуева были убиты и ранены десятки выполнявших свой служебный долг военнослужащих и граждан. Более 100 человек стали жертвами покушения на убийство. За эти дни от рук бандитов погибли более 20 сотрудников милиции, свыше 80 получили ранения.

Но был еще и захват сотрудников УВД Пензенской области. Следствие установило, что 14 декабря 1996 года примерно в 14 часов Радуев в сопровождении 50 вооруженных бандитов прибыл к блокпосту «Герзельский мост». Блокпост располагался на административной границе Дагестана и Чечни, которую охраняли сотрудники УВД Пензенской области. Радуеву потребовалось тогда прибыть на съезд чеченцев-аккинцев в Хасавюрте. Законный отказ в пропуске вызвал у него злобное негодование, и он дал приказ участникам банды разоружить и похитить сотрудников милиции. Видя очевидное превосходство и сознавая реальную угрозу гибели, милиционеры выполнили требования бандитов и были увезены на территорию Чеченской Республики.

Последовательный в своих террористических устремлениях, в феврале 1997 года в интервью корреспонденту телевизионной передачи «Совершенно секретно» Радуев публично пригрозил взрывом в Воронеже железнодорожного вокзала, уничтожением объектов в других российских городах, совершением иных действий террористического характера.

И это не были пустые угрозы, как Радуев любил повторять, — «PR-акции». В начале 1997 года он вовлек в банду Дадашеву и Таймасханову. Им отводилась роль исполнителей задуманных Радуевым террористических актов. Через Джафарова — начальника штаба банды — Радуев поручил Дадашевой и Таймасхановой осуществить террористический акт. «Это, мол, надо для устрашения населения Российской Федерации». В качестве объектов взрыва были избраны аэропорт «Минеральные Воды» или железнодорожный вокзал в Пятигорске. Террористический «жребий» пал на Пятигорск.

Дадашева и Таймасханова получили от Джафарова радиоуправляемое взрывное устройство и 500 тыс. рублей «командировочных». 28 апреля 1997 года они взорвали зал ожидания Пятигорского железнодорожного вокзала. В результате были убиты два человека: Федоров и Айвазова, еще 30 человек получили ранения различной степени тяжести. Гражданам и организациям причинен ущерб на сумму 5,6 млрд рублей. На шесть суток прекратилось движение поездов. К детальному описанию этого эпизода, допросу Радуева и свидетелей мы еще вернемся, а пока о его «военных деяниях».

Следствие предъявило Радуеву обвинение в создании и руководстве незаконным вооруженным формированием, терроризме, захвате заложников, организации умышленных убийств и покушений на убийство, посягательстве на жизнь сотрудников милиции в связи с исполнением ими своего служебного долга, хищении оружия и незаконных действиях с оружием.

Замечу, что допрошенный в судебном заседании подсудимый Радуев своей вины не признал. Но даже и без его признания вина Радуева подтверждена собранными доказательствами практически по всем эпизодам обвинения. Радуев отрицал, что он руководил незаконным вооруженным формированием. А чем же он тогда руководил?

Он утверждал, что возглавлял Северо-Восточное направление вооруженных сил Ичкерии. Но известно и ни у кого нет сомнений, что на территории Чеченской Республики были созданы и существовали именно незаконные вооруженные формирования. Таким было и Северо-Восточное направление. И какую бы военную тер-

минологию ни употребляли подсудимые: «фронт», «направление», «зона ответственности», пытаясь придать вооруженным формированиям хоть какую-то видимость легитимности, напрасно: суть от этого не менялась. Они незаконны!.. Незаконно само их существование, противоправна их вооруженность. А то, что эти формирования имели отменное вооружение: автоматы, пулеметы, гранаты и т. п., суду стало известно не только из заявлений всех участников процесса, но и из материалов дела. Однако главное — это цель, ради которой создавались, существовали и

действовали эти псевдофронты, псевдонаправления и разные зоны ответственности. Эта цель состояла в совершении бандитских нападений и террористических актов. И именно это делало и делает их обыкновенными бандами, а их членов — преступниками. С теми классическими признаками, которые присущи преступным организациям и их участникам. Вот такой организацией, называя себя «командующим», и руководил Радуев. В этом качестве его знали и видели подсудимые и другие члены бандитской группировки.

Радуев был задержан 12 марта 2000 года. До последнего дня своей преступной деятельности он, по его собственному признанию, оставался «командующим» незаконного формирования. На общепринятом языке — банды.

На протяжении всего процесса Радуев утверждал, что он, видите ли, выполнял приказы. Не отдавал, заметим, а выполнял приказы. Но, повторись ситуация, он бы сумел отговорить Дудаева от нападения на Кизляр. От бессмысленных и жестоких убийств и издевательств над людьми. Следовательно, он и тогда, и сейчас понимал, что приказ Дудаева преступен. Понимал, но тем не менее выполнил его, личным участием добавил еще немало преступлений. А его нынешние заявления со словосочетанием «если бы» сути дела не меняют.

Российское законодательство запрещает выполнять преступные приказания. Знал ли об этом Радуев? Безусловно. Ведь он же считает себя большим знатоком юридических норм и правил. Так что «если бы» теперь ни при чем.

Но разоведем данную мысль. Радуев не только не отговорил от нападения, но и принял (по его же признанию) активное участие в разработке плана террористической операции. Идея захватить жителей города в заложники принадлежала именно и исключительно ему. Правда, на суде он застенчиво называл это «сбором населения города». Кроме того, сам план, как бы Радуев ни пытался убедить в обратном, объективно предусматривал уничтожение людей, военной техники, захват заложников. То есть изначально планировались бандитское нападение и акт терроризма.

В ходе подготовки бандиты Радуева несколько раз проникали в Кизляр. Они изучали обстановку в городе, готовили маршруты. Посмотрим теперь, что признавал Радуев на допросе у следователя еще в период предварительного следствия. Приводим дословно его показания.

Протокол допроса обвиняемого Радуева С. Б.

Город Москва 28 марта 2000 года

Допрос начат в 10 часов 20 минут.

Допрос окончен в 14 часов 40 минут.

Вопрос: Покажите, каким образом готовилась операция по захвату города Кизляра в январе 1996 года?

Ответ: Как я уже показывал в ходе прошлого допроса, примерно 22 или 23 декабря 1995 года Джохар Дудаев вызвал меня в свою резиденцию, которая располагалась в населенном пункте Гехи Чу. Там в присутствии военного прокурора Ичкерии Магомеда Джаниева он сообщил мне, что, по его данным, 8-10 января 1996 года на военный аэродром города Кизляра должны прибыть 8 вертолетов с боеприпасами, среди которых должны находиться ракеты НУрс. Откуда он получил эту информацию, я не знаю, так как в разговоре Джохар эту тему не затрагивал. В связи с этим он приказал мне подготовить и провести войсковую операцию по захвату этой базы вместе с вертолетами, четыре из которых необходимо уничтожить, а остальные переправить в Чечню. В то время мои подразделения были измотаны боями с федеральными силами в Гудермесе. Было очень много раненых, поэтому я высказал сомнение, что смогу в столь короткое время провести эту операцию своими силами. Тогда Джохар Дудаев приказал провести ее совместно с подразделениями Исрапилова Хункерпаши, который в то время являлся командующим Юго-Восточным фронтом «вооруженных сил Ичкерии». Он дал мне указание связаться с Исрапиловым и вместе с ним явиться к нему.

Моя ставка в то время находилась в селении Гордали. Ставка командующего Юго-Восточным фронтом, то есть Исрапилова, располагалась в населенном пункте Аллерой. Я прибыл в Гордали, по радиации связался с Хункаром и попросил о встрече в условленном месте недалеко от селения Шуани. Встретились мы с ним на следующий день после моего общения с Джохаром Дудаевым. Я рассказал Исрапилову о сути поставленной перед нами задачи, и мы сразу же поехали в Гехи Чу. Добирались мы всю ночь, так как нужно было объезжать посты российских войск.

Наутро мы прибыли в резиденцию Дудаева, и примерно в 11 часов он нас принял. В разговоре участвовали четверо: Дудаев, Джаниев, Исрапилов и я. (Прежде разговор был только о двух посвященных в план атаки на Кизляр. — Авт.) Дудаев уже при Исрапилове повторил о необходимости захвата вертолетов на аэродроме города Кизляр и спросил о наших предложениях по этому поводу. В ходе этого разговора мы остановились на трех вариантах проведения операции.

Первый заключался в захвате территории аэродрома вместе с находящимися на нем вертолетами, уничтожении части из них, переброски остальных с боеприпасами на территорию Чечни и отходе без захвата заложников.

Второй вариант, который предложил я, заключался не только в захвате войсковых частей, дислоцированных на территории Кизляра, но и всего города. То есть после захвата войсковых частей наши бойцы должны были окружить город по периметру, низложить российскую власть, а вместо нее создать военную комендатуру, ввести комендантский час, то есть организовать временную военную администрацию города. По устному приказу Дудаева военным комендантом города назначался «майор вооруженных сил Ичкерии» Нунаев Лом-Али — один из полевых командиров, подразделение которого подчинялось Исрапилову.

Третий вариант состоял в том, чтобы в случае неудачного нападения на войсковые части захватить заложников и под их прикрытием выйти на территорию Ичкерии по сценарию, как это осуществил ранее отряд Шамиля Басаева.

Из этих трех вариантов предпочтительнее всего был второй, так как в случае его выполнения не только решался военный аспект поставленной задачи, но и сама операция получала бы большой политический резонанс. Именно в этой связи Дудаев возложил на Исрапилова военное руководство операцией, а на меня политическое. То есть я должен был, по нашему замыслу, помимо военного руководства совместно с Исрапиловым, после захвата Кизляра вести переговоры с представителями российских властей, а также через средства массовой информации пропагандировать идеи национально-освободительного движения чеченского народа в борьбе против России.

Если бы события развивались по третьему варианту, то после захвата заложников именно на меня была возложена обязанность вести переговоры с военным руководством и властями Дагестана, а также выступать перед российскими и зарубежными журналистами.

В тот же день я с Исрапиловым определились о количественном составе участников операции. Это также происходило в резиденции Дудаева, но без его участия. Мы решили, что для выполнения поставленной задачи будет достаточно 250–300 человек. В этот сводный отряд мы

решили включить подчиненные мне подразделения Абалаева Айдамира и Атгириева Турпалали, а также находящийся в подчинении Исрапилова «Наурский батальон» под командованием Чараева Мусы. Кроме того, планировалось использовать сводные отряды Северо- и Юго-Восточных фронтов под руководством соответственно моего брата — Сулеймана Радуева и родного брата Исрапилова... Об этом мы в тот же день доложили Дудаеву. Он согласился с нашими предложениями и дал указание подготовить подробный план операции. При этом он обещал помочь с дополнительным получением боеприпасов и обеспечением бесперебойной связи.

Последующие дни мы с Исрапиловым занимались подготовкой к проведению операции. Была проведена разведка города Кизляра и его окрестностей. Это было поручено Долгуеву Хасану из подразделения Абалаева Айдомира и упоминавшемуся мною ранее Нунаеву Лом-Али. Всем лицам, которых планировалось использовать при проведении операции, было сообщено, что они пойдут захватывать один из российских городов, какой конкретно не говорилось. Причем каждый из них мог бы при желании от этого отказаться, то есть фактически все участники операции были добровольцами.

Нами был разработан маршрут выдвижения к Кизляру: поселок Новогрозненский, селение Азамат-Юрт, переправа через реку Терек, станицы Шелковская, Гребенская, Каргадинская и Бороздиновская. Передвигаться по этому маршруту предполагалось на автомашинах, а переправиться через Терек — на лодках. В районе станицы Бороздиновской отряд должен был спешиться и добраться до Кизляра пешком.

За обеспечение группы автотранспортом до реки Терек отвечал Нунаев Лом-Али, а после Терека — Долгуев Хасан. Они же отвечали и за обеспечение переправы. Дополнительные боеприпасы я по письменному указанию Дудаева получил у Масхадова, из резерва главнокомандующего. Средства связи, а именно: радики и спутниковый телефон, я в первых числах января 1996 года получил в управлении связи «вооруженных сил ЧРИ». По спутниковому телефону я должен был связываться только лично с Джохаром Дудаевым и докладывать о ходе операции. Время проведения операции было определено: 9 января 1996 года, в 4-00. К этому моменту весь отряд должен был находиться на исходных позициях в городе Кизляре.

Что касается самого плана захвата Кизляра, то он заключался в следующем. В зависимости от очагов возможного сопротивления весь город был условно разделен на четыре сектора. Ответственным за сектор в районе войсковой части был назначен командир «Наурского батальона» Чараев Муса, за сектор в районе вертолетной базы отвечал Абалаев Айдомир, ответственность за сектор в районе железнодорожного вокзала возлагалась на подразделения моего брата — Радуева Сулеймана. За центр города, включая больницу, отвечал Нунаев Лом-Али — «комендант» Кизляра. Группу управления операцией, которую возглавляли Исрапилов и я, планировалось разместить в здании РОВД.

С момента начала операции было решено собрать всех жителей Кизляра в трех местах: вокруг здания администрации, дома культуры и здания больницы. При этом мы должны были им объявить, что власть в городе переходит в руки военной администрации «вооруженных сил Ичкерии» и объявить комендантский час. После этого мы планировали расположить свои подразделения по периметру города, занять оборону и подготовиться к возможному нападению со стороны федеральных войск России.

Этот план операции в письменной форме мы из соображений конспирации не составляли, а доложили о готовности Дудаеву на словах. Это было в первых числах января 1996 года, более точно дату в настоящее время вспомнить затрудняюсь. Джохар одобрил план и выдал мне карту г. Кизляра, в верхней части которой он собственноручно написал «Утверждаю» и расписался. На этой карте не было никаких обозначений, внесенных от руки, то есть на ней не указывался план захвата города и т. д. Она служила в случае необходимости доказательством, что в этом городе была проведена боевая операция именно по приказу Дудаева, а не потому, что мне так захотелось. Эту карту я потерял в реке Терек во время прорыва через кольцо федеральных сил в районе селения Первомайское. (Концы в полном смысле в воду. — Авт.)

В ходе сегодняшнего допроса я дал правдивые показания, поэтому прошу их считать истинными, а в предыдущие внести необходимые изменения и уточнения.

Протокол допроса мной прочитан лично. С моих слов записано правильно. Дополнений и поправок не имею.

(Радуев С. Б.) Защитник: (Нечепуренко П. Я.)

Допросил и протокол составил:

Следователь по особо важным делам

Следственного управления ФСБ России подполковник юстиции Л. В. Баранов

Комментарий. Прием с внесением поправок в свои предыдущие показания — не новый. Его Радуев применял часто на следствии и суде. Но эти «поправки» не изменяли преступных планов и действий террориста. В судебном заседании Радуев настойчиво подчеркивал, что нападением на город руководили два командира. Ему отводилось «политическое руководство», и поэтому он не может нести ответственность за силовую составляющую террористической акции. Но его доводы только о «политической части», о том, что он «миротворец», а все жертвы террористической операции на совести «ястреба» — Х. Исрапилова — не подтвердились. Они опровергались прежде всего непосредственно самими участниками банды.

Участник нападения на Кизляр Дзуев, к которому впоследствии была применена амнистия, показал следующее:

«...входил в Бачиюртовскую группу, которая, как и Наурский батальон, подчинялись Исрапилову. А Исрапилову приказы отдавал Радуев.

Именно Радуев разбил боевиков на группы, перед которыми поставил задачи: напасть на аэродром и уничтожить вертолеты; атаковать место дислокации воинской части; захватить больницу; удерживать заложников; обеспечить боевиков продовольствием, боеприпасами и т. д.»

Из показаний Атириева следовало, что руководил бандой Радуев. Сам же Атириев непосредственно подчинялся Радуеву, который поставил ему задачу доставить в Кизляр оружие. А на его прямой вопрос: «Мы едем воевать?» Салман ответил: «Только воевать!» И эту фразу повторял неоднократно боевик — полевой командир и террорист № 2.

И это были слова далеко не «миротворца». Из этого я сделал вывод и утверждал, что руководителем бандитской группы, напавшей в январе 1996 года на Кизляр, был именно подсудимый Радуев. Его роль проявилась и в подборе участников террористической акции. Об этом свидетельствовали показания бывших членов банды. Так, впоследствии амнистированный Абдулхаджиев сообщил: 4–5 января 1996 года по их селу прошел слух, что собирают добровольцев. Они с односельчанином Исмаиловым поехали в «Водорайон» Гудермесского района. Туда стянулись уже более 200 боевиков... Салман Радуев собрал их и сказал, что «они едут в Россию». С того дня он стал членом банды. Всю группировку возглавлял, понятно, сам Радуев.

Другой факт. Свидетель Такалашев узнал, что Радуев набирает добровольцев в свой отряд еще в декабре 1995 года. Вместе с несколькими жителями села он приехал в Новогрозненское. Радуев распорядился, чтобы вновь прибывшие жили в помещении школы. Здесь же были и другие боевики. Всего около трехсот человек из разных сел Чечни. 6 января 1996 года Радуев объявил им, что они едут воевать в глубь России. (Эти факты подтвердили в своих показаниях бывшие участники бандитской группировки Алибеков, Хидиров, Горев, Свешников и Гаврилук.) Но для полноты картины и абсолютной объективности (иные попытаются бросить тень и заявят:

«Амнистированным нет веры. Они могут сказать что угодно во имя личной свободы») приведем еще одну запись допроса Салмана Радуева на предварительном следствии.

Протокол допроса обвиняемого Радуева С. Б.

Город Москва 11 апреля 2000 года

Допрос начат в 10 часов 20 минут.

Допрос окончен в 15 часов 40 минут.

«Продолжая ранее данные мной показания, хочу дополнить, что когда мы с Исрапиловым в 20-х числах декабря 1995 года в резиденции «Главкомандующего вооруженными силами Ичкерии», расположенной в населенном пункте Гехи Чу, доложили Джохару Дудаеву о предполагаемом количественном составе участников операции и назвали фамилии полевых командиров, подразделения которых планировалось при этом использовать, последний с нашими предложениями согласился, так как каждого из них знал лично. Однако при этом он поинтересовался, согласятся ли они принять участие в столь рискованном предприятии. Свой вопрос он мотивировал опасностью предстоящей операции, тем, что эти люди должны быть готовыми принять смерть. Действительно, шансы остаться в живых, учитывая дефицит времени подготовки к проведению операции и то обстоятельство, что планировалось захватить город вне территории Чечни, были очень небольшими.

Я заверил Дудаева, что переговорю с каждым полевым командиром, выясню этот вопрос и во время следующей встречи дам ответ. В последующие дни мы с Исрапиловым по рациям связались с каждым из командиров и лично встретились с ними в специально обговоренных местах. В ходе переговоров в эфире мы использовали условности переговорных таблиц, которые были у каждого полевого командира. В этой таблице все населенные пункты Чеченской Республики были обозначены под определенным номером. Поэтому содержание наших переговоров в эфире было примерно таким: «Необходимо срочно встретиться на перекрестке между населенными пунктами «1» и «6» в 16 часов, буду на «уазике» зеленого цвета». Если бы даже федеральные войска с помощью технических средств и засекли наш разговор, то не смогли бы определить точное место нашей встречи.

Во время встреч мы с Исрапиловым каждому полковому командиру сообщили о планировании захвата российского города вне территории Чечни, заявляя при этом, что замысел этой акции исходит от Дудаева. Хочу особо отметить, что все они добровольно изъявили желание вместе со своими подразделениями принять участие в этой операции. В конце бесед мы договорились, что все полевые командиры должны обеспечить наличие того или иного количества своих вооруженных бойцов и по нашему сигналу вместе с ними прибыть в штаб по проведению этой операции, расположенный в населенном пункте Новогрозненское. Во время этих переговоров мы с Исрапиловым не уточняли, какой конкретно российский город намечалось захватить.

О месте проведения операции, помимо Дудаева, Джанаева, Исрапилова и меня, знали также Долгуев Хасан и Нунаев Лом-Али (уже шестеро! — Авт.). Дело в том, что им мной была поставлена задача произвести разведку и разработать маршрут движения отряда к Кизляру, обеспечить его при маршрутировании средствами передвижения, а также добыть карту этого города с нанесенными на нее войсковыми частями и другими государственными, общественными учреждениями и предприятиями, на которые планировалось напасть и захватить в ходе проведения операции.

Саму карту типографского производства они достать не смогли, поэтому от руки составили план-схему города Кизляра, на которой указали вертолетную базу; войсковую часть; расположенный недалеко от нее, как мы считали, авиационный завод; здания администрации города, РОВД, больницы, Дом культуры, железнодорожный вокзал и т. д. Используя именно эту план-схему, мы с Исрапиловым докладывали Дудаеву в его резиденции в Гехи Чу в первых числах января 1996 года о порядке проведения операции в самом городе.

Вопрос: В ходе прошлого допроса вы показали, что у Дудаева были карты города Кизляра типографского производства. Одну из них он снабдил своей подписью и передал вам после одобрения плана захвата этого города. Почему же, в таком случае, при подготовке к операции не использовались эти карты, а была поставлена задача Нунаеву и Долгуеву добыть другую?

Ответ: Дело в том, что для проведения операции нам нужна была очень подробная карта города, с указанием местонахождения всех важных с военной точки зрения объектов, таких как: войсковые части, больница, Дом культуры, здание РОВД и т. д., то есть зданий, оснащенных бомбоубежищами и подвалами, которые можно было использовать для ведения боевых действий с федеральными войсками. Нам необходимо было также знать расстояния между теми или иными объектами, маршруты выдвижения к ним. На картах Кизляра, которые были у Дудаева, это сделать было невозможно из-за недостаточного масштаба. Поэтому Нунаеву и Долгуеву была поставлена задача добыть подробную карту этого города. Не найдя ее, они и составили подробную план-схему.

...После одобрения Дудаевым плана операции мы с Исрапиловым приступили к его осуществлению. По рации мы определили время сбора всего отряда на 5 января 1996 года. В этот день, вечером, точное время сейчас вспомнить затрудняюсь, все они со своими людьми прибыли в населенный пункт Новогрозненское. Каждому из них в отдельности мы с Исрапиловым поставили конкретную задачу по нападению и захвату тех или иных объектов города. При этом использовался план-схема, подготовленный Долгуевым и Нунаевым, в верхней части которого было написано: «Проходное». Таким образом, получая от нас конкретные боевые задачи, командиры подразделений считали, что планируется захватить именно этот населенный пункт, а не Кизляр.

Каждому командиру я выдал полученные радиостанции американского производства и переговорные таблицы. Все они имели свои позывные: Атириев Турпалали — «Филин», Сулейман Радуев — «Ангел», Абалаев Айдамир — «Вулкан», Чараев Муса — «Терек», Нунаев Лом-Али — «Майор», Долгуев Хасан — «Ураган». У меня был позывной «Абдулла», а у Исрапилова — «Смерч». Сейчас я не помню позывного брата Исрапилова. В переговорной таблице каждый сектор, на которые условно был поделен город, обозначался буквами, а объекты, например больница, здание администрации, железнодорожный вокзал и т. д., — цифрами. Сейчас я затрудняюсь вспомнить, какой буквой или цифрой обозначался тот или иной сектор или объект.

Подразделению Айдамира Абалаева мной с Исрапиловым была поставлена задача, используя стрелковое оружие и гранатометы, напасть на вертолетную базу, физически ликвидировать охрану, захватить находящиеся на ней вертолеты с боеприпасами, часть из них уничтожить, а остальные переправить в Чечню с помощью плененных летчиков. В случае захвата вертолетов и отсутствия на базе летчиков, Айдамиру необходимо было выйти со мной на связь, и я через Нунаева послал бы ему тех трех человек, которые, по их словам, умели управлять этой боевой машиной, и которых мы взяли с собой на операцию. Об этом я уже показывал в ходе прошлых допросов. В случае неудачного нападения бойцы Абалаева должны были блокировать вертолетную базу и, ведя огонь из стрелкового оружия, не допустить выдвижения военнослужащих Вооруженных сил Российской Федерации в центр города.

«Наурский батальон» под командованием Чараева Мусы получил от нас задание захватить войсковую часть. Для этого необходимо было уничтожить ее охранение, подавить сопротивление и постараться захватить как можно больше военнослужащих в плен. Затем, захватив хранящиеся в войсковой части боеприпасы, вместе с пленными направиться в комендатуру, которую планировалось создать в здании больницы.

«Сводному отряду Северо-Восточного фронта «вооруженных сил Ичкерии» под командованием Сулеймана Радуева была поставлена задача захватить, как мы считали, авиационный завод, расположенный недалеко от вертолетной базы, с помощью взрывчатки уничтожить находящееся

там оборудование, затем, собирая из близлежащих домов заложников, направиться вместе с ними к больнице. По прибытии к зданию больницы это подразделение должно было выдвинуться к железнодорожному вокзалу и взять его под контроль. При этом Нунаев Лом-Али должен был обеспечить эту группу проводником. Кроме того, часть бойцов «сводного отряда Северо-Восточного фронта», по нашему замыслу, должна была вместе с подразделением Абалаева принимать участие в нападении на вертолетную базу.

Как я уже показывал в ходе прошлых допросов, Нунаев Лом-Али был назначен Дудаевым «военным комендантом города Кизляра», поэтому он должен был, по нашему плану, во-первых, провести группы Абалаева и Чараева к военным объектам. А во-вторых, захватить здание больницы и создать там военную комендатуру. По мере движения по городу необходимо было собирать людей в жилых секторах и направлять их к зданию больницы.

После захвата больницы и создания в ее здании военной комендатуры Нунаев должен был взять часть боевиков и заложников и направиться к Дому культуры и зданию администрации города. Туда планировалось также собирать людей из близлежащих домов.

Брату Исрапилова в тот день конкретная задача не ставилась. Его подразделение должно было быть в резерве. Группа управления во главе со мной и Исрапиловым вместе с примерно 20–25 бойцами из подразделения моего брата должна была находиться в одном из помещений, расположенных недалеко от РОВД. Туда нас должен был привести Долгуев Хасан. Планировалось также после захвата здания РОВД организовать там штаб нашего отряда.

Атгириев со своим подразделением в Новогрозненское не прибыл и присоединился к нам только в станице Шелковская.

Вопрос: Понимали ли вы, ставя конкретные задачи полевым командирам, что в результате проведения операции пострадают военнослужащие Вооруженных сил Российской Федерации, сотрудники милиции, мирные жители Кизляра, а также неотвратимо будет уничтожено или повреждено государственное, общественное имущество, а также личное имущество граждан?

Ответ: Конечно, понимал. Ведь мы не на прогулку собирались в Кизляр, а направлялись туда с целью захвата города. Ставя конкретные задачи по захвату воинских частей командирам подразделений, которые входили в состав нашего отряда, я, конечно же, понимал, что в результате их выполнения пострадают военнослужащие Вооруженных сил Российской Федерации. Мало того, сама постановка задачи предполагала их физическое уничтожение и пленение.

Что касается сотрудников милиции и мирных жителей, то их убийство в результате проведения операции было нам невыгодно, так как настраивало бы население города против наших действий, что, естественно, не входило в план захвата города. В отношении них необходимо было применять оружие на поражение только в случае оказания сопротивления или явного невыполнения наших требований, что по сути своей одно и то же. Это обстоятельство было мной особо отмечено во время постановки боевых задач полевым командирам.

Так как планировалась боевая операция с применением довольно обширного арсенала стрелкового и другого вооружения, то в ходе ее осуществления, само собой разумеется, неизбежно наносился бы материальный ущерб зданиям и постройкам города. Как я уже показывал выше, мной ставилась задача на уничтожение воинских частей, расположенных в черте города, а также, как мы считали, авиационного завода. Другие городские объекты могли пострадать в ходе проведения операции, я это хорошо осознавал. Но конкретные задачи по их уничтожению или повреждению мной не ставились.

Что касается руководства действиями нашего сводного отряда по захвату города, то, как я уже показывал в ходе прошлых допросов, оно, по указанию Джохара Дудаева, осуществлялось мной и Исрапиловым. Это решение было принято потому, что мы с ним, являясь командующими фронтами, занимали одинаковое положение в иерархии «вооруженных сил Ичкерии». Поэтому поставить кого-либо из нас под начало другого, учитывая менталитет чеченского народа, было бы неправильным.

Перед убитием из Новогрозненского 5 января 1996 года мы с Исрапиловым между собой еще раз уточнили вопросы руководства операцией. Как уже ранее говорилось, на меня возлагалось

общее политическое руководство, которое заключалось в определении поведения всех наших бойцов в зависимости от складывающейся обстановки. То есть никто из командиров приданных в мое распоряжение подразделений не имел права без моего согласия вступать в переговоры с представителями властей России и Дагестана, совершать боевые вылазки, покинуть сводный отряд и самостоятельно, например, пробиваться на территорию Чечни. Кроме того, именно я должен был представлять наши интересы во время переговоров, а также давать пресс-конференции российским и зарубежным средствам массовой информации. Для координации указанных выше действий мне был выдан телефонный аппарат космической связи, по которому я периодически должен был связываться с Дудаевым.

Исрапилов отвечал за оборону города после его захвата, а также ведения боевых действий с федеральными силами; Нунаев был ответственен за поддержание порядка в городе, то есть введение комендантского часа, создание органов военного управления и т. д. Только один из нас имел право отдавать приказ полевым командирам о выделении людей для решения тех или иных задач.

Сразу хочу уточнить, что указанное выше разделение «полномочий» между мной и Исрапиловым было условным. Во время многочисленных бесед, в том числе и перед убытием из Новогрозненского 5 января, мы с ним решили, что все вопросы, будь то политического или военного характера, будем решать только вместе, то есть ни одно решение без одобрения каждого из нас не могло быть принятым. Таким образом, за все действия, совершенные нашим отрядом на территории Дагестана в январе 1996 года, я вместе с Исрапиловым несу полную ответственность.

Вопрос: Был ли установлен график космической связи между Дудаевым и вами?

Ответ: Да, мы должны были связываться примерно через каждые три-четыре часа после начала операции, в зависимости от времени суток. В экстренных случаях я должен был по рации выходить на его телохранителя, который после беседы с находящимся рядом Дудаевым назначал время связи с помощью космического телефона. В целях конспирации, чтобы федеральные силы не установили местонахождение Дудаева, я с ним по рации не разговаривал.

...Вечером 5 января 1996 года весь наш отряд на автобусах и автомашинах отбыл из Новогрозненского (второе название Ойсхара. — Авт.) и мимо населенных пунктов Суворов-Юрт (Нойбёра) и Кади-Юрт доехали до реки Терек в районе села Азамат-Юрт. Через эту реку мы на двух лодках всю ночь переправлялись на противоположный берег и затем на другом автотранспорте добрались до станицы Шелковская. Часть отряда сосредоточилась в лесном массиве, расположенном недалеко от станиц Шелковская и Гребенская. Другая часть была расселена в жилых домах указанных населенных пунктов. Меня с Исрапиловым поместили в один из жилых домов станицы Шелковская, где мы находились до вечера 8 января 1996 года. В период с 6 по 8 января Долгуев и Нунаев неоднократно на автомашине «УАЗ-452», государственный номерной знак не знаю, выезжали в Кизляр для проведения разведывательной работы. После каждого своего возвращения они докладывали мне об обстановке в городе.

Примерно в 21–22 часа 8 января, более точно время сейчас вспомнить затрудняюсь, весь наш отряд на автобусах и автомашинах выехал в направлении станицы Бороздиновская. Двигались, в основном, по трассе, иногда объезжая посты федеральных войск. В настоящее время я затрудняюсь вспомнить общее число и марки автотранспортов, которые использовались во время маршрутирования нашего сводного отряда из Новогрозненского до Бороздиновской. Дело в том, что за эти вопросы отвечали Долгуев и Нунаев, и я в них совершенно не вникал. Я точно помню, что с Шелковской до Бороздиновской ехал вместе с Исрапиловым, Аггириевым и Нунаевым на автомобиле «УАЗ-469». У нас в колонне был также бортовой грузовик марки, если мне не изменяет память, «Зил-131», загруженный боеприпасами, которые я получил из резерва «главнокомандующего вооруженными силами Ичкерии» в первых числах января 1996 года.

Доехали мы до станицы Бороздиновская и примерно в 3 часа 30 минут спешили в поле, недалеко от административной границы между Дагестаном и Чечней. Здесь я провел построение всего отряда, на котором сообщил, что захватывать мы будем город Кизляр. Узнав об этом, примерно 10 человек отказались участвовать в проведении операции. Свой отказ они мотивировали тем, что в Кизляре проживают, в основном, дагестанцы, то есть представители мусульманской религии, которые в ходе проведения операции могут пострадать. Я объяснил им, что Кизляр такой же российский город, как и любой другой, поэтому их доводы не являются

убедительными, но насильно заставить их участвовать в операции не мог, так как это могло повлечь за собой кровную месть со стороны их родственников. Поэтому я предложил им оставаться на территории Шелковского района до окончания захвата города. Посоветовавшись между собой, все отказники приняли решение участвовать в проведении операции. Кто конкретно в тот момент попытался отказаться от участия в захвате Кизляра, я сейчас вспомнить затрудняюсь. Среди них были представители группы «Исламского батальона», входившие в состав подразделения Айдамира Абалаева, и некоторые другие. Всего их было, как я уже показывал, примерно 10 человек.

После этого я собрал командиров подразделений и еще раз уточнил стоящие перед ними задачи. Затем весь отряд, кроме подразделения Атириева, пешком направился в Кизляр. Атириев со своими, согласно полученного от меня указания, поехал в Кизляр на грузовике с боеприпасами. Дело в том, что он был из Шелковского района, который граничит с Дагестаном, и, как местный житель, хорошо знал дорогу на Кизляр. Боеприпасы он должен был подвести к комендатуре, то есть к зданию больницы, при этом постоянно находясь на связи по рации с Нунаевым.

Вопрос: Присоединялись ли к вашему отряду во время следования к Кизляру другие подразделения?

Ответ: Когда мы находились в станице Шелковская, к нашему сводному отряду присоединилось подразделение Атириева, о чем я уже показывал выше. Я не исключаю, что некоторые другие мелкие группы или отдельные бойцы из состава подразделений, входящих в состав нашего сводного отряда, могли присоединиться к нам во время маршрутирования. Но уверенно говорить об этом не могу, так как за вопросы комплектования своих подразделений отвечал тот или иной полевой командир, и я в них совершенно не вникал.

На предоставленной мне копии карты я указал маршрут движения нашего отряда из населенного пункта Новогрозненское до станицы Бороздиновская в период с 5 по 9 января 1996 года. Ее я прошу приобщить к настоящему протоколу допроса.

Протокол допроса мной прочитан лично. С моих слов записано правильно. Дополнений и поправок не имею.

(Радуев С. Б.) Защитник: (Нечепуренко П. Я.)

Допросил и протокол составил:

Следователь по особо важным делам

Следственного управления ФСБ России подполковник юстиции Л. В. Баранов

История не признает сослагательного наклонения. Время — не кинолента: его нельзя прокрутить назад. Это сейчас Радуев нашел бы аргументы, чтобы якобы отговорить Дудаева от преступной террористической акции. Это сейчас, когда он изобличен и пытается любым способом уйти от ответственности за террористический акт, за сотни погибших и искалеченных людей. Это сейчас, а не тогда, в те трагические дни января 1996 года. Об этом я вынужден был неоднократно повторять Радуеву на процессе.

«И получит каждый сполна то, что он заслужил», — говорится в Коране (сура 70, глава 40). И это знает каждый мусульманин, и не только мусульманин.

Хроника террора бандитского нападения дана в свидетельствах очевидцев. Часть их была непосредственно допрошена. Другие показания, сделанные в письменной форме, оглашались в судебном заседании. Приведу только некоторые из них.

Ершов — командир тактической группы внутренних войск. Утром 9 января проснулся, услышал звуки отдаленной стрельбы. Сразу приказал дежурному поднять всех «в ружье». Было понятно, что происходит нападение на часть. Из аэропорта доложили, что совершено нападение на аэродром. Сгорели две «вертушки». Позже стали поступать доклады о том, что бандиты выгоняли людей из домов на улицах Победы и Махачкалинской. Наиболее интенсивная стрельба шла со стороны рынка и жилого массива.

Личный состав занял круговую оборону, стал вести прицельный огонь. Это не давало возможности бандитам приблизиться к территории части. Они вели обстрел из автоматов, подствольного гранатомета, пулемета, снайперских винтовок. Бандиты стреляли из здания средней школы № 7, старого клуба, больницы, швейной фабрики, недостроенного частного жилого дома, со стороны малого рынка.

Около 8 часов утра вновь начался обстрел городка. Четыре бандита из автомашины «ГАЗ-31» со стороны улицы Багратиона вели огонь из пулемета и автоматов. В бою были ранены Орлов, Рудягин. Филяев скончался от полученных ран.

Ванюшкин — командир воинской части. 9 января проснулся от выстрелов. Прибыл в часть, которая с 5 часов утра была блокирована бандитами. По ней со всех сторон велся обстрел. Ранены рядовой Алехин и сержант Жуков. Продвигаясь утром к воинской части, видел, как бандиты разъезжали на автомобилях, вели беспорядочную стрельбу по жителям. Их вталкивали в машины, а затем отвозили в больницу.

Афанасьев — командир в/ч 3693. Проснулся от выстрелов в районе аэродрома. В 5 часов 20 минут раздался первый взрыв. Когда один вертолет загорелся, дал команду тушить его. Но примерно минуты через 2–3 раздался новый взрыв. Это взорвался второй вертолет. Дал команду отойти от вертолетов в укрытие, так как была опасность повторных взрывов...

Агапов — начальник разведки тактической группы. Боевики из домов, расположенных на углу улиц Махачкалинской и Победы, выводили людей группами по 20–30 человек. Их вели под конвоем к городской больнице. В подъездах домов были слышны автоматные очереди и взрывы гранат...

Так боевики выполняли замысел Радуева, который, по его словам, состоял в следующем: «Жителей города необходимо было собрать в двух-трех местах, но совсем не для того, чтобы объявить их заложниками... Людей планировалось собрать... чтобы поведать миру о масштабе операции. И тем самым привлечь внимание мировой общественности к проблемам Чечни».

Лицемерное заявление, хотя ясно главное: это все равно насилие. А насилие всегда наказуемо в уголовном порядке.

А вот что свидетельствовал пострадавший Магомедгаджиев. «Мне позвонил Сулейманов и сказал, что городская больница окружена чеченцами. Я подошел к окну и увидел: мой дом тоже окружен чеченцами, вооруженными автоматами и пулеметами.

Я поднял свою жену и детей. Те быстро оделись. В этот момент в дверь стали стучать. Я дверь не открыл, в дом стали ломиться, а потом стрелять из автомата. Боевики приказывали, чтобы я с семьей выходил на улицу. Во дворе находились согнанные боевиками многие другие жители окрестных домов.

Затем всех повели в сторону больницы. Заложники и боевики находились на всех этажах здания. В больнице собрались не менее 2500 заложников и 150 боевиков, которые заминировали здание. В коридорах лежали большие мины. От них тянулись провода...»

Перед нами все новые и новые показания. Свидетель Майбокунов отмечал, что «боевики ногами выбили дверь... Один стоял с автоматом... другой сказал, что через пять минут произойдет взрыв, быстрее одевайся. Выгнали на улицу, повели в больницу...»

Акопова Кристина: «Проснулась от выстрелов и взрывов... Увидела людей в масках. С трехлетним ребенком спряталась в подвал. Боевики выломали дверь, забрали мать... Увидев меня с ребенком, боевик приказал присоединиться к группе людей. Всех повели к больнице... У ребенка после этого начались истерики. Потребовалось длительное лечение».

Алиев: «Людей избивали... И когда вытаскивали из квартир, и когда доставляли в больницу. Меня бил боевик-араб. От ударов из носа и ушей потекла кровь. Боевики сняли с меня дубленку и шапку... Заставили, угрожая расстрелом, идти собирать трупы...»

Инигов: «...Искал пропавших овец... Остановили трое вооруженных боевиков, прострелили ногу... под дулом автомата погнало в больницу...»

Напуганные женщины, старики и дети переполняли, по их выражению, «как сельдь в бочке», все помещения больницы. Но заложники еще не знали, что основные ужасы и издевательства их ждут впереди.

Врач Гаджиев: «Боевики ворвались в кабинет... сказали, что я во власти армии Дудаева... Заставили оперировать своих, в том числе раненого араба. Сказали: «Если с раненым что-то случится, — расстреляем». Больницу прежде охраняли три милиционера. Я узнал, что их убили...»

Лисицина: «Боевики ворвались в роддом. Всех рожениц с новорожденными под автоматами заставили перейти в главный корпус. Там, на 4-м этаже, все стояли, так как негде было даже присесть. Одна женщина там и родила...»

Султанова Наида: «В роддоме были тяжелобольные. Лежавшая со мной напарница хотела позвонить, ее ударили... Дали команду спуститься всем: роженицам с детьми и младенцами... Милиционера сожгли...»

Магомедова (она только что родила): «Утром ворвались боевики. Приказали выходить... Одна женщина была в тяжелом состоянии, ее столкнули с кровати... Мы собирали новорожденных, не зная даже, чьи они... Мы были все раздеты... дети плакали. Боевик сказал, что если они не перестанут плакать, то детей расстреляют... Вынуждены были зажимать детям рты... Женщин выставили в окна, а боевики стояли сзади...»

Так, многие женщины, оказавшиеся в больнице, подтвердили и рассказали суду, что под угрозой расправы их использовали в качестве «живого щита». Выставляли в оконные проемы, вынуждали кричать и размахивать белыми тряпками.

Нуждаются ли такие действия в особом комментарии? Думаю, что нет. Любому даже юридически неподготовленному человеку ясно: чинились чудовищные злодеяния. И им дано точное определение еще кинематографистом Михаилом Роммом: «обыкновенный фашизм».

Но подсудимые пытались всячески обелить себя.

Как защищался Радуев? По его ходатайству суд огласил 7 декабря 2001 года показания свидетеля Долговой. Она была отпущена Радуевым из больницы. Этот факт он преподносил как пример своей доброты и милосердия в отношении заложников, надеялся получить хоть какой-то, пусть слабый, но козырь.

Однако показания Долговой свидетельствовали против Радуева. Она подтвердила виновность Радуева в совершенных бесчинствах, ответственность за которые он все время пытается списать на Исрапилова.

Бессмысленно звучал его постоянный рефрен: раз командовал Исрапилов — ему и отвечать. Между тем на одной из видеопленок, которые были просмотрены в зале судебного заседания, Исрапилов сам отвечал на вопрос, кто командовал в действительности. И вот его ответ: «Командир операции — полковник Радуев. А я его помощник»... Комментарии вновь излишни. Но Исрапилова нет в живых, и Радуев этим пытался воспользоваться, зная, что мертвые умеют молчать...

Во время процесса Радуев-«правовик» не раз пытался продемонстрировать свою юридическую подготовку. Признав факт набега на Кизляр, он тем не менее все время стремился отнести убийства мирных граждан, захват заложников и другие преступления к так называемому «эксцессу исполнителей». А он здесь, мол, ни при чем. Он не отдавал команды убивать, захватывать людей. Боевики сами, дескать, по своей воле убивали людей. И ему, видите ли, стыдно, что чеченские бойцы (а на самом деле — бандиты) так себя вели. И вообще, он не знал, не слышал ничего подобного о происходившем. Получается, что он «весь в белом», а в Кизляр он пришел только с целью провести «политические переговоры».

Радуев и Атириев, их вооруженные подельники знали, для чего они в действительности пришли в Кизляр. Знали, что совершали террористические акты. Заранее знали, что будут убивать. Не надо считать участников процесса наивными людьми. Бесплезно вводить в заблуждение судей...

А как налетчики были вооружены? Вот что показывал на допросе у следователя Радуев. Записано с его слов.

Протокол допроса обвиняемого Радуева С. Б.

Город Москва 20 апреля 2000 года

Следователь по особо важным делам Следственного управления ФСБ России подполковник юстиции Л. В. Баранов в своем служебном кабинете, с соблюдением требований ст. ст. 17, 46, 150–152 УПК РСФСР произвел допрос обвиняемого Радуева Салмана Бетыровича.

Допрос начат в 10 часов 20 минут.

Допрос окончен в 12 часов 50 минут.

Вопрос: Желаете ли вы в ходе сегодняшнего допроса давать показания без участия защитника?

Ответ: Да, я желаю в ходе сегодняшнего допроса давать показания без защитника.

Вопрос: Покажите, из каких источников осуществлялось финансирование «вооруженных сил Ичкерии» в период с 1992 по 2000 годы?

Ответ: В мае 1992 года Президент Чеченской Республики Джохар Дудаев поставил перед федеральным Центром вопрос о выводе российских войск с территории Чечни и разделении военного имущества. С этой целью нашу республику неоднократно посещали министр обороны Шапошников, его заместитель Грачев, а также командующий Северо-Кавказским военным округом, фамилию которого в настоящее время вспомнить затрудняюсь, а также ряд других военачальников. В ходе переговоров с ними было принято решение и заключен договор о разделе находящегося в Чечне вооружения и боеприпасов в пропорции примерно 60 на 40 процентов. То есть 60 процентов всего вооружения переходило к нам, а 40 процентов российские войска должны были вывезти с территории республики.

Таким образом, по моим расчетам, в Ичкерии оставалось примерно 60–70 тысяч стволов автоматов Калашникова, 40–50 установок залпового огня «Град», примерно 50 танков из состава Шалинского танкового полка, до 100 гаубиц «Д-30», не менее 10 ракетных установок (модификацию не помню) из ракетной части, дислоцировавшейся в городе Урус-Мартан; около 300 самолетов и огромное количество боеприпасов. Кроме того, в наше распоряжение поступило оружие, которое хранилось в здании КГБ и Республиканского военкомата.

На базе указанного выше вооружения были образованы вооруженные силы Чеченской Республики Ичкерия. До 1994 года финансирование нашей армии происходило за счет бюджетных средств республики, и оно было небольшим, так как не требовало приобретения нового вооружения и боевой техники.

В ходе боевых действий с федеральными войсками в период с 1994 по 1996 годы финансирование вооруженных сил Ичкерии происходило из следующих источников:

1. Государственные деньги Чечни из национального банка республики.
2. Денежные средства чеченских бизнесменов, которые находились на территории Чечни.
3. Денежная помощь многочисленных иностранных финансовых фондов.
4. Деньги чеченских бизнесменов из зарубежных стран. Что касается помощи со стороны чеченских диаспор городов Российской Федерации, то она в тот период времени была незначительной и, в основном, заключалась в поставках в Чечню продовольствия, медикаментов и обмундирования российских войск.

Вся финансовая помощь Чеченской Республике извне осуществлялась путем привоза на территорию республики различными курьерами наличных денег в долларах США. Я могу это уверенно утверждать, так как сам, являясь приближенным Джохара Дудаева, неоднократно, примерно 10–15 раз, принимал иностранных курьеров с деньгами. Бывали случаи, что за один раз привозилось до 1,5 млн долларов. А таких посредников, как я, у Джохара было примерно 10 человек.

На полученные деньги мы покупали оружие и вооружение у российских военнослужащих, которые в то время находились на территории Чечни. Я лично таким способом купил два комплекта установки залпового огня «Град» по 20 тыс. долларов и большое количество стрелкового оружия и боеприпасов. Механизм был примерно таким.

Мы через мирных жителей в устной форме договаривались с тем или иным командиром российских подразделений и платили деньги. Те, в свою очередь, в определенное время направляли машины с необходимым вооружением в условленный район, где моими бойцами инсценировалось нападение, в результате которого вооружение переходило под наш контроль.

После войны, то есть с 1996 года финансирование нашей армии осуществлялось из тех же источников, о которых я показал выше. Мне также известно, что в 1997 году Березовский Борис Абрамович передал Шамилю Басаеву, который в то время являлся вице-премьером правительства Масхадова по промышленному блоку, 2 миллиона долларов США наличными для

восстановления Чири-Юртовского цементного завода и других объектов народного хозяйства. Я знаю это со слов самого Басаева и Масхадова. По словам Басаева, передача денег произошла на территории Республики Ингушетия. Кто при этом присутствовал, мне не известно.

Более подробные показания я дам в ходе следующих допросов.

Протокол допроса мной прочитан лично. С моих слов записано правильно. Дополнений и поправок не имею.

(Радуев С. Б.)

Допросил и протокол составил:

Следователь по особо важным делам

Следственного управления ФСБ России подполковник юстиции Л. В. Баранов

Умысел захватить заложников, совершать убийства и покушения на убийства безусловно у Радуева был, и это неопровержимо доказано исследованными в ходе суда материалами дела. Но проанализируем еще раз откровения самого Радуева.

Вот как в ходе предварительного следствия он описывал поставленные перед подчиненными задачи:

«Подразделению» Айдамира Абалаева, используя стрелковое оружие и гранатометы, напасть на вертолетную базу, физически ликвидировать охрану, захватить находящиеся на ней вертолеты с боеприпасами, часть из них уничтожить.

«Наурскому батальону» под командованием Мусы Чараева — захватить территорию войсковой части. Для этого уничтожить ее охрану, подавить сопротивление и постараться захватить в плен как можно больше военнослужащих.

«Сводному отряду Северо-Восточного направления» под командованием брата — Сулеймана Радуева — захватить авиационный завод. С помощью взрывчатки уничтожить оборудование. Затем, собирая из близлежащих домов заложников, направиться вместе с ними к больнице. По прибытии выдвинуться к железнодорожному вокзалу и взять его под контроль».

Этот боевой приказ находился в полном противоречии с заявлениями Радуева-«миротворца», сделанными на суде.

Согласитесь, этот приказ разительным образом отличается также от утверждений подсудимого, что происходящее в Кизляре якобы творилось без его ведома и участия.

Радуев заявил, что, ставя конкретные задачи полевым командирам, он понимал: в результате неизбежно пострадают военнослужащие, сотрудники милиции, мирные жители Кизляра, будет уничтожено или повреждено государственное, общественное, а также личное имущество граждан. Отвечая на вопрос следователя, террорист сказал: «...Ведь мы не на прогулку собирались в Кизляр, а направлялись туда с целью захвата города...» И потом: «...Сама постановка задачи предполагала физическое уничтожение и пленение...»

И уничтожали... Безжалостно уничтожали людей, громили имущество.

Вот как увидел те события Алиев — житель Кизляра: «...Примерно в 5 часов утра во дворе началась стрельба. Пуля попала в племянника Мурата. Через 15 минут он скончался...»

Баранова: «...9 января около 6 часов утра к нам домой стали стучать... Мать не открыла. Тогда боевики начали стрелять через дверь. Одна из пуль убила мать... Мать была инвалид. Передвигалась на инвалидной коляске...»

Из показаний потерпевшей Мороз: «...Поначалу подумали, что воры. Но началась стрельба. Стали кричать: «Сдавайтесь или взорвем». Муж приказал мне спрятаться в комнате и закрыться. Боевик убил мужа...»

Взломали дверь и приказали выйти... Толкали автоматами в спину. Повели людей. Заставили бежать... Предупредили, если кто отстанет — будет расстрелян...»

Жительница Калиновки Рамалданова с сестрой и ее мужем утром на машине поехали в Кизляр. Примерно в половине шестого на перекрестке улиц 40 лет Дагестана и Победы в них стали стрелять боевики. «В результате муж сестры был убит, сестра получила ранение в руку и живот».

Рамалданову и раненую сестру боевики взяли в заложники и держали до 10 января.

Байрон когда-то сказал: «Чтобы высушить одну слезу, требуется больше доблести, чем пролить целое море крови». Людской крови на подсудимых — огромное количество.

Радуев категорически отрекся от своей причастности к посягательствам на жизнь сотрудников милиции. Он утверждал, что планом операции якобы предполагалось договориться с милицией о неприменении оружия. Однако нет ни одного свидетельства того, что боевиками предпринималась хотя бы малейшая попытка вступить в переговоры с сотрудниками милиции, что не было угроз применения оружия. Напротив, в ходе судебного заседания установлено, что сотрудники милиции подвергались нападению в первую очередь. По ним открывался огонь на поражение, без каких-либо попыток вступить в переговоры. Попав в заложники, сотрудники милиции чаще всего подвергались избиениям и издевательствам.

Слово Рузанкину — работнику Кизлярского ГОВД: «9 января видел майора милиции Иванова. У него было множество осколочных ранений в правой стороне тела. От сотрудников слышал, что на мосту через реку Терек погиб Егоров Евгений. С ним вместе проходили службу в милиции. 10 января на улице видел обожженный труп милиционера Ромащенко Павла».

Богачева: «9 января 1996 года муж, заместитель начальника отдела внутренних дел, отправился на работу. В ходе перестрелки с боевиками в районе больницы он был убит. У него оторвана рука, имелись ранения в области груди и лица».

Потерпевшая Детистова заявила, что «ее сын Детистов — сотрудник милиции — дежурил в больнице с 8 января по 9 января. Когда больницу захватили чеченские боевики, они его расстреляли. У сына были прострелены ноги, грудь, живот и голова».

Потерпевшая Ромащенко рассказала о том, что от работников больницы она узнала о том, что ее сын — милиционер, защищая больницу от боевиков, одного застрелил, а другого ранил. Боевики захватили его в плен, завели в один из кабинетов и там мучили. После облили спиртом, подожгли и заставили бежать. Потом застрелили. Когда осматривали труп, она видела огнестрельные ранения в затылок, грудь, спину. Руки были обожжены, выломаны. Выбито левое колено.

Серкеров нашел своего сына-милиционера в железнодорожной больнице. У сына кровоточили пулевые ранения в левую руку и правую ногу. Три сквозных ранения нижней части спины и живота. Сын сказал ему, что был ранен, когда находился за рулем автомобиля «Волга». Примерно через два часа после встречи с отцом сын умер от ран.

Потерпевший Зейналов: «9 января 1996 года в Кизлярской больнице боевики стреляли по солдатам из-за спин заложников, которых заставляли кричать солдатам, чтобы те прекратили огонь».

Емельянов — сотрудник милиции из Москвы: «После штурма 16 января отряд выходил из села и попал под сильный обстрел боевиков. В отряде были убитые и раненые. Видел, как были убиты Заставный, Туршанский, Бахтияров. Ранены Азонов, Трофимов, Ефремов...»

И все это на фоне заявлений Радуева, что представителей правоохранительных органов боевики специально не убивали, пытались вести с ними переговоры. Все это — ложь. О каком миролюбии боевиков могла идти речь?

Напротив, о прямом умысле на убийства и покушений на убийства свидетельствовали минирование боевиками помещений больницы и другие обстоятельства, при которых пострадавшими были получены ранения.

Потерпевший Баачилов рассказал, что после ухода бандитов больница оказалась нашпигованной минами-ловушками. Вдоль стен стояли пакеты, различные коробки, от которых тянулись провода-растяжки. На его глазах сработала одна мина.

Свидетель Николаев: 11 января 1996 года в Кизлярской больнице во время разминирования он был очевидцем подрыва на mine майора Шахова.

Сам Шахов рассказал о том, что в Кизлярской больнице при разминировании было изъято 43 взрывных устройства общей массой 220 кг. А на последнем 44-м — он подорвался.

Власенко — военнослужащий войсковой части 7463. Его БТР был обстрелян чеченскими боевиками из гранатометов и автоматов. Один из снарядов попал в башню. Его оглушило, он потерял сознание. Когда очнулся и покинул БТР, увидел раненого офицера, которого попытался перенести в укрытие, но в этот момент был ранен в ноги.

(Показания потерпевших подтверждены заключениями экспертиз и медицинскими документами. Все эти документы фигурировали в суде и были предъявлены подсудимым. Радуев и его подельники с медицинскими документами ознакомились.)

Как проходил отход боевиков из Кизляра? Радуев не мог удержаться от «лицемерного сарказма»: мол, ему сами заложники были не нужны. Они якобы добровольно сели в автобус. И добавил: «Они закрыли собой окна».

Свидетели Беев и Гусаев показали, что Радуев действительно сначала согласился отпустить всех заложников в обмен на добровольцев из числа руководителей Республики Дагестан, но обманул. В момент посадки в автобусы утром 10 января боевики взяли из больницы дополнительно около 160 заложников.

По свидетельству Рамазана Алилова, боевики сказали: «Вы хотите, чтобы мы забрали стариков и женщин? Кто пойдет?»

Сопровождать боевиков пошли молодежь и мужчины... А как еще могли поступить настоящие мужчины, горцы, которые ценят свои традиции, верны своему народу, своей Родине, своим обычаям.

«Если ты человек, — говорил Алишер Навои, — не называй человеком того, кто не заботится о судьбе своего народа».

А о чем заботился Радуев? Ниже его откровения в кабинете следователя.

Протокол допроса обвиняемого Радуева С. Б.

Город Москва 28 апреля 2000 года

Допрос начат в 10 часов 20 минут.

Допрос окончен в 15 часов 40 минут.

Вопрос: В ходе прошлых допросов вы показали, что по указанию Джохара Дудаева руководство действиями сводного отряда по захвату города Кизляра осуществлялось вами и Исрапиловым Хункером. При этом на Исрапилова возлагалось военное руководство операцией, а на вас — общеполитическое. Подтверждаете вы ранее данные по этому вопросу показания?

Ответ: Да, это было именно так, поэтому я подтверждаю ранее данные мной показания.

Вопрос: Вам предоставляется возможность ознакомиться с содержанием приобщенной к делу видеозаписью интервью Исрапилова Хункера Германовича, в котором он прямо говорит, что возглавлял операцию полковник Радуев, а он являлся его помощником, а также видеозаписью, в которой один из боевиков вас прямо называет командиром. Что вы можете показать по существу предъявленных видеозаписей?

Ответ: Я внимательно ознакомился с предъявленными мне видеозаписями и все равно настаиваю на своих показаниях. Сейчас я затрудняюсь ответить на вопрос, почему Исрапилов Хункер (Хункерпаша), находясь в селе Первомайское, в интервью средствам массовой информации назвал себя моим помощником. Возможно, потому, что в тот момент уже весь мир знал, что я руковожу операцией, и он не хотел вносить сумятицу в этот вопрос. Это только мое предположение. Во всяком случае, на эту тему мы с ним не говорили, так как в тот момент было просто не до этого. Да и назвал он себя не моим заместителем, а помощником. Помощник — это техническая должность, то есть лицо, выполняющее мои поручения и не принимающее участия в принятии тех или иных решений. Это полностью не соответствовало той роли, которую он выполнял в ходе проведения Кизлярской и Первомайской операций.

Дело в том, что мы с ним являлись «командующими фронтами», то есть занимали одинаковые должности в иерархии «вооруженных сил Ичкерии». Поэтому, учитывая менталитет чеченского народа, никто из нас не мог командовать другим. Именно по этой причине Джохар Дудаев поручил проведение захвата города нам двоим, возложив на Исрапилова руководство боевыми действиями, а на меня общеполитическое руководство.

Я настаиваю на своих показаниях не потому, что хочу принизить свою роль в захвате Кизляра и переложить часть ответственности на Исрапилова. Я не скрываю от следствия того обстоятельства, что являлся одним из руководителей проведения операции и по указанию Дудаева принимал самое активное участие в создании сводного отряда, обеспечении его вооружением, боеприпасами и средствами связи, а также в планировании захвата города. Кроме того, я принимал оперативные решения по ведению боевых действий как в самом Кизляре, так и, в особенности, в селе Первомайском. При этом Исрапилов находился постоянно при мне, и эти решения с ним, как правило, согласовывались.

Он, в свою очередь, с моего разрешения неоднократно принимал участие в переговорах с представителями власти Дагестана и военными руководителями российских войск, хотя это была моя прерогатива. Таким образом, мы вместе с ним осуществляли как военное руководство операцией, так и общеполитическое.

Что касается второй представленной мне видеозаписи, то в ней Атириев Турпалали перед журналистами, называя меня командиром, тем самым никого не обманывает. Ведь я действительно вместе с Исрапиловым являлся командиром сводного отряда, а уточнять перед прессой вопрос о разделе полномочий между нами в его заявлении просто не имело смысла.

Хочу также отметить, что следствию не следует верить всем заявлениям, которые боевики нашего сводного отряда сделали средствами массовой информации, так как при этом они не всегда говорили правду. Например, я в многочисленных интервью заявлял, что мы совершили рейд до Астрахани и на обратном пути захватили Кизляр, что в ходе проведения этой операции наш отряд понес минимальные потери и, вместе с тем, был нанесен огромный урон живой силе и технике федеральных сил. Все это я делал сознательно, чтобы возвысить чеченских боевиков в глазах мировой общественности и показать недееспособность российских войск. То есть это были элементы дезинформации в рамках информационной войны, которую мы вели против России. Подобные заявления делали и другие участники Кизлярской и Первомайской операций, особенно после возвращения на территорию Чечни.

Вопрос: Вам предоставляется возможность ознакомиться с содержанием видеозаписи на чеченском языке, сделанной 8 января 1996 года. Что вы можете по этому поводу показать?

Ответ: Я внимательно ознакомился с содержанием видеозаписи. Судя по голосу и содержащейся в ней информации, сделана она Долгуевым Хасаном 8 января 1996 года во время следования нашего отряда в город Кизляр. В ней, в частности, на чеченском языке говорится, что крупный отряд, созданный из многих подразделений, следует в направлении Кизляра для выполнения боевой операции. Руководят этой операцией два командующих: Салман Радиев и Хункер Исрапилов. Эта видеозапись подтверждает данные мной в ходе этого допроса показания. Хочу только отметить, что вижу эту видеозапись впервые, и сделана она была Долгуевым в нарушение моего приказа о запрещении каких-либо видеосъемок при маршрутировании к месту проведения операции.

Вопрос: Покажите, каким образом осуществлялся захват дагестанского города Кизляра?

Ответ: Как я уже показывал в ходе прошлых допросов, к административной границе между Дагестаном и Чечней, расположенной в районе населенных пунктов Кизляр и Бороздиновская, наш отряд прибыл 9 января 1996 года, примерно в 3 часа 30 минут. Я провел построение всего отряда, на котором объявил, что местом проведения операции является город Кизляр. После этого собрал командиров подразделений и уточнил задачу каждого.

Примерно в 4 часа утра весь отряд, кроме подразделения Атириева, направился пешком в город. Нашими проводниками являлись Нунаев Лом-Али и Долгуев Хасан, а также боевики — жители Шелковского района, которые входили в их оперативное подчинение. Нунаев повел подразделения Айдамира Абалаева и Мусы Чараева к больнице и войсковым частям. Группу управления, в которую входили я с Исрапиловым и примерно 25 человек охраны, Долгуев привел в одно из нежилых помещений, расположенных недалеко от здания РОВД. Кто проводил в город другие подразделения, я сейчас вспомнить затрудняюсь.

Каким маршрутом возглавляемая мной группа управления двигалась к указанному выше помещению, сказать затрудняюсь, так как до этого в Кизляре ни разу не был и поэтому в этом городе совершенно не ориентируюсь. Сколько времени мы добирались до места, я сейчас не помню. О том, что мы находились недалеко от РОВД, мне сообщил Долгуев.

Расположившись в этом месте, мы с Исрапиловым по радиостанциям контролировали ход проведения операции. Через некоторое время я послал Долгуева в больницу, чтобы он оценил обстановку и вернулся за нами. Хасан пришел примерно через полтора часа. По его словам, больница занята, в нее собраны заложники из близлежащих домов. Свою задержку он объяснил тем, что вместе с Нунаевым уже вел переговоры по освобождению заложников с одним из врачей больницы.

Во время отсутствия Долгуева по радиоэфиру я получил информацию об убитых и раненых с нашей стороны при нападении на войсковую часть и вертолетную базу. В связи с этим я принял решение о помещении раненых в больницу, в здании которой, как я уже показывал ранее, располагалась наша военная комендатура.

В больницу я прибыл примерно в 8 часов утра. В ней уже содержались около 2000 заложников, захваченных согласно плану операции. Мне для работы был подготовлен отдельный кабинет, в котором повесили флаг Ичкерии и портрет Джохара Дудаева.

Около получаса я разбирался в сложившейся ситуации, принимал доклады от Нунаева и других полевых командиров, а затем по спутниковому телефону связался с крупнейшими информационными агентствами мира и передал информацию о захвате Кизляра. Среди этих агентств были «Би-би-си», «Рейтер», «Си-эн-эн» и другие. Всего 5 или 6, точное число в настоящее время вспомнить затрудняюсь. Номера их телефонов я получил от Дудаева, с ним же был заранее согласован текст передаваемых сообщений.

Сейчас я затрудняюсь точно воспроизвести текст этого сообщения. Если мне не изменяет память, в нем говорилось, что чеченские вооруженные силы по приказу главнокомандующего Джохара Дудаева, с целью прекращения агрессии России против чеченского народа, взяли под контроль российский город Кизляр, полностью уничтожили дислоцированные в нем войсковые части и при этом нанесли большой урон живой силе и технике федеральных сил.

После этого я связался с Дудаевым и доложил о сложившейся обстановке. Джохар сообщил мне, что некоторые иностранные средства массовой информации с пометкой «молния» уже передали наше сообщение в эфир, и в ближайшее время это сделают российские радио- и телеканалы. Действительно, в программе «Новости» первого канала Российского телевидения в 9 часов утра передали информацию о нашей боевой акции.

Через некоторое время я снова по телефону спутниковой связи разговаривал с Дудаевым, который, узнав, что у нас довольно большие потери, приказал отпустить заложников и возвращаться на территорию Чечни, так как цель операции была уже достигнута. На мой вопрос, как это сделать, Джохар заявил, что он нам поставил задачу, а способы ее решения мы, командиры, должны выбрать сами в зависимости от сложившейся ситуации. Во время этого разговора в кабинете присутствовали Исрапилов и Нунаев. Они слышали слова Джохара, так как во время ответов Дудаева я отводил телефон от уха, так, чтобы содержание его разговора доходило до окружающих.

Вопрос: В ходе прошлых допросов вы показали, что планировалось захватить не только здание больницы, а весь город, который предполагалось оборонять от федеральных сил по его периметру. Почему же в этом случае вы ограничились только захватом больницы?

Ответ: Дело в том, что целью проведения этой операции являлось оказание воздействия на органы власти Российской Федерации по принятию решения, направленного на прекращение ведения боевых действий на территории Чечни, вывода войск и признания суверенитета этой республики. Передав в мировые информационные агентства информацию о захвате Кизляра, мы практически выполнили эту задачу. То есть мы показали силу чеченского движения сопротивления и его решимость вести борьбу до конца в любой точке России.

Если бы мне по каким-либо причинам не удалось сообщить о захвате города средствами массовой информации, то мы должны были бы находиться в Кизляре до тех пор, пока об этом не стало бы известно во всем мире. Кроме того, прямо скажу, результаты нападений на вертолетную базу и войсковую часть были не в нашу пользу. Мы понесли большие потери убитыми и ранеными, а уничтожить их не смогли. Поэтому о полном контроле над городом не могло быть и речи, так как у нас в сложившейся ситуации просто не хватило бы для этого сил. В тот момент под нашим контролем находилась значительная городская территория, но не весь город.

В связи с изложенными выше обстоятельствами и было принято решение о возвращении на территорию Чечни. Хочу отметить, что Исрапилов и другие полевые командиры были против этого и хотели вести уличные бои с федеральными силами в самом Кизляре. Однако я убедил их выполнить указание Джохара Дудаева.

...Получив указание Дудаева по возвращению на территорию Чечни, я, Исрапилов и Нунаев провели небольшое совещание, в ходе которого было принято решение, что Нунаев, как «военный комендант Кизляра» займется вопросами охраны здания военной комендатуры, то есть больницы и сбора в ней разрозненных отрядов боевиков, которые были рассредоточены по всему городу. Исрапилов должен был заняться отражением возможных атак федеральных сил в местах боевого

соприкосновения с ними, а я — переговорами с представителями властей Дагестана и военным руководством федеральных сил об условиях нашего выхода на территорию Чечни.

После этого я практически целый день вел переговоры с различными политическими силами Дагестана и давал пресс-конференции средствам массовой информации. Один или два раза по просьбе российских военных я давал команду на временное прекращение боевых действий для эвакуации убитых и раненых. С этим предложением на меня по телефону выходил военнослужащий Российской Армии в звании «майор», фамилию которого в настоящее время вспомнить затрудняюсь.

Со стороны властей Дагестана переговоры вели представители правительства и парламента этой республики. В настоящее время я затрудняюсь вспомнить имена и фамилии лиц, которые участвовали в переговорном процессе с дагестанской стороны. Помню только, что сами переговоры шли очень тяжело. От меня требовали освободить всех заложников и со всеми боевиками покинуть Кизляр. Я соглашался, но требовал гарантий нашей безопасности при прохождении по территории Дагестана, например, чтобы нас сопровождало в качестве заложника первое лицо этой республики. В конце концов, мы пришли к соглашению, согласно которому власти Дагестана предоставляют нам письменные гарантии безопасности, подписанные председателем Госсовета РД Магомедовым, автотранспорт, а также 10 руководителей республики для сопровождения до конечного пункта в Чечне. Мы, в свою очередь, обязались разминировать здание больницы, отпустить из больницы всех заложников и покинуть город.

Сначала выезд был назначен на вечер 9 января, но затем по каким-то причинам по вине федеральной стороны перенесен на утро 10 января 1996 года.

Вопрос: Покажите, в каких условиях содержались заложники, захваченные боевиками в ходе проведения операции по захвату Кизляра?

Ответ: Насколько мне известно, они содержались в нормальных условиях. Во всяком случае, так мне докладывал Нунаев, в функции которого, как военного коменданта, входило решение всех вопросов, связанных с содержанием и питанием заложников.

Вопрос: Покажите, при каких обстоятельствах боевиками были убиты три сотрудника милиции, охранявших здание больницы 9 января 1996 года?

Ответ: По этому вопросу ничего показать не могу, так как мне никто не докладывал, что при захвате больницы были убиты милиционеры.

Протокол допроса мной прочитан лично. С моих слов записано правильно. Дополнений и поправок не имею.

(Радуев С. Б.) Защитник: (Нечепуренко П. Я.)

Допросил и протокол составил:

Следователь по особо важным делам

Следственного управления ФСБ России подполковник юстиции Л. В. Баранов

И еще такой момент. Радуев всегда говорил, что при выезде из Кизляра брать заложников, кроме руководителей Дагестана, не планировалось. О том, что заложников все-таки взяли, он узнал уже в автобусе. Решение было принято без него. Он якобы вновь ни при чем. Между тем это утверждение опровергается видеозаписью, на которой Радуев запечатлен еще в больнице. Из звукозаписи следует, что он говорит: «Кроме десяти представителей дагестанского правительства, решено взять с собой и часть заложников...» И взяли. Многих. Всех, кто попал под руку. Вернее, под дуло автомата. 160 человек.

Обстоятельства нападения на Кизляр и удержания бандой заложников полностью подтверждаются показаниями участников захвата. Они, в отличие от своего главаря, все знали и все заявили, что выполняли приказ Радуева захватить заложников и водворить их в больницу. Исмаилов и Такалашев, например, показали, что участвовали в захвате милиционеров Новосибирского УВД на блокпосту у села Первомайское.

На мой взгляд, у суда было более чем достаточно доказательств насильственного удержания заложников в Первомайском. В подтверждение этому вот что заявил житель Кизляра потерпевший Магомедов: «9 января захвачен боевиками и до утра следующего дня находился в больнице».

...В 6 часов утра 10 января вместе с пятью другими заложниками поехал в Первомайское, и там видел, как на блокпосту разоружили милиционеров.

В этом селе заложников разместили группами по разным домам. Захваченных на блокпосту милиционеров боевики держали отдельно. С 11 по 15 января ночью их выводили рыть окопы».

Такие же показания дали Цымпаев, Алисултанов, Иванов и другие.

Радуев не признал своей вины в совершении злодеяний в отношении сотрудников милиции Новосибирского УВД и в хищении у них оружия. Между тем на следствии он показал, что когда колонна въехала в Первомайское, замыкающее ее подразделение Айтириева вошло на блокпост и разоружило новосибирцев. Разоружение прошло без «эксцессов». Первоначально все изъятое оружие милиционеров было складировано в одном из находившихся на блокпосту вагончиков... Но что означает изъятие оружия у представителей власти? Ответ один — уголовное преступление. Вернемся вновь к протоколам допросов на предварительном следствии, к показаниям С. Б. Радуева.

ПРОТОКОЛ допроса обвиняемого Радуева С. Б.

Город Москва 22 мая 2000 года

Допрос начат в 12 часов 50 минут.

Допрос окончен в 14 часов 10 минут.

Вопрос: Покажите, каким образом был выработан маршрут движения боевиков с заложниками из Кизляра в Новогрозненское?

Ответ: В ходе переговоров с представителями властей Дагестана вопрос о маршруте выдвижения нашего отряда из Кизляра возник одним из первых. По моему указанию с нашей стороны переговоры по этому вопросу вели Нунаев Лом-Али и Долгуев Хасан, которые, как я уже ранее показывал, хорошо знали граничащие с Чечней западные районы Дагестана. Согласно их докладом, мне известно, что дагестанская сторона предлагала маршрут движения через станицы Бороздиновская, Каргалинская и т. д., то есть тот путь, по которому мы прибыли в Кизляр. Свою позицию они мотивировали тем, что уже через несколько километров мы будем находиться в Ичкерии. Нас этот вариант не устраивал, так как в Шелковском районе, по территории которого нам предлагали передвигаться, мы не имели сильной социальной опоры среди населения. А это обстоятельство облегчило бы федеральным силам проведение против нас специальной операции по освобождению заложников.

Нунаев и Долгуев, в свою очередь, предлагали маршрут движения в Новогрозненское через город Хасавюрт или через населенные пункты Новолакское и Зандак, так как там проживало много наших сторонников, что значительно облегчило бы передвижение отряда. Представители дагестанской стороны выступили категорически против этого, боясь, что в пути к нам присоединятся вооруженные чеченцы-аккинцы, и могут произойти «эксцессы» с российскими войсками.

В конце концов, был выработан компромиссный вариант — через село Первомайское на Новогрозненское. Когда Нунаев и Долгуев доложили мне об этом маршруте, я согласился, так как они заверили, что он для нас вполне приемлем.

...Как я уже показывал, выезд нашего отряда, согласно договоренности с дагестанской стороной, должен был состояться вечером 9 января 1996 года. Однако по вине федеральной стороны был перенесен на утро 10 января.

Примерно в 5 часов 30 минут 10 января к зданию больницы прибыла колонна автотранспорта. Если мне не изменяет память, в нее входили примерно 10 автобусов и грузовой автомобиль марки «КАМАЗ», в который мы планировали загрузить имевшееся в нашем распоряжении оружие и боеприпасы. Сопровождали колонну 10 представителей властей Дагестана во главе с первым заместителем министра внутренних дел этой республики Беевым, имя и отчество которого не помню. Среди них были министр по делам национальностей правительства Дагестана Гусаев Магомедсалис, министр финансов Дагестана Гамидов Гамид, заместитель Председателя Народного собрания Дагестана Алиев Абакар, депутат Народного собрания РД Чергисбиев — чеченец по национальности, а также ряд других членов правительства, депутатов и представителей администрации Хасавюртовского района, фамилии которых в настоящее время вспомнить затрудняюсь. Они предоставили мне письменный документ, подписанный Председателем Госсовета РД Магомедовым. Он гарантировал нам беспрепятственный проезд не только по территории Дагестана, но и до поселка Новогрозненский включительно.

После этого началась погрузка боевиков вместе с убитыми и ранеными, а также вооружения на предоставленный автотранспорт. Руководили погрузкой по моему указанию Нунаев и Долгуев. Примерно через час-полтора они мне доложили о готовности к выезду. Я вместе с Исрапиловым последним покинул здание больницы и сел в один из автобусов. В нем уже находились бойцы нашего отряда, представители властей Дагестана, а также заложники из больницы, точное число которых я в настоящее время вспомнить затрудняюсь.

Я по-чеченски спросил у Долгуева, почему взяли заложников, ведь это противоречило достигнутой с дагестанцами договоренности. По его словам, это было необходимо для большей нашей безопасности в пути следования, так как он поместил их в каждый автобус, рассадив на сиденья у окна, а также якобы этот вопрос согласован с представителями Дагестана. Я посчитал его доводы разумными и согласился с принятым решением. Скорее всего, последнее заявление Долгуева не соответствовало действительности, так как после того, как колонна двинулась, представители властей Дагестана, кто конкретно сейчас не помню, предъявили мне претензии в связи с невыполнением этого пункта соглашения.

Вопрос: Вы лично, узнав о взятии заложников из больницы, уточняли этот вопрос у представителей дагестанской стороны?

Ответ: Нет, с этим вопросом я к дагестанцам не обращался. Но, хочу особо отметить, никто из представителей властей Дагестана не предъявил мне по этому поводу ультиматума во время погрузки. Как мне показалось, они хотели поскорее увезти нас с территории города, поэтому в тот момент не стали заострять на этом внимания. Уже в пути следования кто-то из них задал вопрос, почему я не выполнил условия соглашения и взял заложников из больницы. Я ответил, что сделал это для большей безопасности не только нас, боевиков, но и их самих, напомнив, как в 1993 году был расстрелян Белый дом, в котором находились депутаты Верховного Совета России. При этом пообещал отпустить всех заложников, как только мы приедем в Чечню. Мой ответ их удовлетворил.

...Таким образом, колонна с боевиками и заложниками отъехала от больницы примерно в 7 часов утра 10 января 1996 года. Ее движением по рации руководил первый заместитель министра внутренних дел Республики Дагестан Беев, который в автобусе сидел рядом со мной.

Когда мы выехали из Кизляра, то увидели, что параллельно дороге, по которой двигалась наша колонна, расположено большое количество боевой техники федеральных сил: танки, самоходные установки, бронетранспортеры и т. д. Стволы орудий были направлены на нас, но стрельба не открывалась. В небе постоянно кружили вертолеты Вооруженных сил Российской Федерации. В настоящее время я затрудняюсь точно по карте показать маршрут нашего движения, так как не участвовал в его разработке и сейчас уже не помню, какие населенные пункты проезжала наша колонна. Могу только с полной уверенностью утверждать, что ехали мы на небольшой скорости, примерно 35–40 километров в час, по территории Дагестана вдоль административной границы с Чечней.

В пути следования мы неоднократно приостанавливали движение. Дело в том, что при выезде из Кизляра застрял один из автобусов с боевиками и заложниками, и я дал команду временно остановиться. Несколько раз нас под различными предлогами останавливали представители федеральных сил, однако после их переговоров с Беевым мы продолжали путь. Хочу отметить, что наши рации были настроены на частоту, на которой работал Беев, поэтому мы полностью контролировали ситуацию.

Примерно в 11 часов, более точно время вспомнить затрудняюсь, мы проехали блокпост федеральных сил, расположенный около села Первомайского, и направились на территорию Чечни. Нам оставалось только пересечь мост через реку Терек, находящийся прямо на административной границе между Дагестаном и Чечней. Но в это время по рации было получено сообщение, что мост взорван. Колонна по распоряжению Беева остановилась, и он дал команду сопровождавшей нас милицейской автомашине проверить эту информацию. Указанная автомашина двинулась, но, не проехав и 10–15 метров, была обстреляна ракетами с вертолета. Стало ясно, что ситуация выходит из-под контроля. Тогда Беев дал команду вернуть колонну в село Первомайское. Мне точно известно, что именно Беев дал эту команду, так как я постоянно находился при нем и лично присутствовал при этом. После того, как вся колонна въехала в село, замыкавшее ее подразделение Атигириева Турпала вошло на блокпост и разоружило находящихся там бойцов Новосибирского ОМОНа...

Первоначально все изъятое вооружение милиционеров было складировано в одном из находящихся на блокпосту вагончиках. Это решение было мной принято не случайно. Дело в том, что в тот момент, то есть 10 января 1996 года, я еще надеялся на предоставление нам федеральной стороной «коридора» для выхода на территорию Чечни. В качестве одного из условий в ходе переговоров я планировал использовать возвращение изъятого у омонцев вооружения в целостности и сохранности. Однако, когда к концу дня стало ясно, что российские военные намерены силой освободить захваченных нами в Кизляре заложников, а сами переговоры используют только с целью выиграть время для подготовки к штурму, я приказал распределить изъятое вооружение между подразделениями нашего отряда, а бойцов новосибирского ОМОНа взять в заложники. Помимо них в заложники были взяты также водители автотранспортных средств, на которых мы приехали в Первомайское.

Беев не оставлял попыток продолжения движения колонны на территорию Чечни, постоянно связываясь по рации с представителями федеральных сил и руководством Дагестана. По его словам, для решения создавшейся критической ситуации к нам выехал сам Председатель Госсовета этой республики Магомедов. Однако когда я увидел, что в непосредственной близости от нас с вертолетов высаживается десант российских войск, то понял, что огневого соприкосновения избежать не удастся. Поэтому мной была дана команда занять оборону как на самом блокпосту, так и в близлежащих жилых домах села.

Все захваченные нами заложники были распределены в жилых домах села Первомайского и охранялись боевиками. Помимо них в домах никто не находился, так как жители села покинули его еще до того, как мы в него вошли. Что касается добровольных заложников из числа представителей властей Дагестана, то всех их я отпустил для ведения переговоров с командованием федеральных сил. Хочу отметить, что это было именно мое решение, так как остальные полевые командиры, в том числе и Исрапилов, выступали категорически против этого.

На предоставленной мне копии карты я указал примерный маршрут движения нашего отряда с заложниками из города Кизляра до села Первомайское 10 января 1996 года. Ее я прошу приобщить к настоящему протоколу допроса.

Протокол допроса мной прочитан лично. С моих слов записано правильно. Дополнений и поправок не имею.

(Радуев С. Б.) Защитник: (Нечепуренко П. Я.)

Допросил и протокол составил:

Следователь по особо важным делам

Следственного управления ФСБ России подполковник юстиции Л. В. Баранов

Комментарий. Смотрите, какое «джентльменство»: Радуев сам, без согласия сообщников, добровольно отпустил заложников, искал подходы к переговорам с федералами. Далее. Он (Радуев) планировал использовать предложение о возвращении изъятого у милиционеров вооружения в качестве одного из условий выхода из окружения. Однако к концу дня он приказал распределить изъятое вооружение между подразделениями своего отряда, а новосибирцев взять в заложники. (Подчеркиваю: именно в заложники.)

Отказываясь от своих прежних показаний, Радуев, видимо, забыл, что к уголовному делу приобщена видеокассета. На ней записано его выступление в Первомайском. Там он говорил, что им разоружен блокпост, захвачено много оружия и целый склад боеприпасов, которые будут использованы во время боя.

Все «джентльменство» разлетелось в пух и прах. Доказательством его вины служат и показания подсудимого Аггириева.

Факт хищения оружия в ходе разбойного нападения подтверждается и другими доказательствами. Свидетель Гончаров показал, что к нему подошел подполковник милиции Умаханов и сказал, что блокпост разоружен бандитами, оружие похищено, а находившиеся на блокпосту милиционеры взяты в заложники.

Сам Умаханов — сотрудник МВД Республики Дагестан утверждал, что 10 января 1996 года, приблизившись к посту, он увидел оружие милиционеров, кучей лежавшее на земле. Сами милиционеры стояли в стороне под дулами автоматов боевиков. Он переговорил с Радуевым по этому поводу, а затем отлучился. Когда вернулся, блокпост был полностью занят боевиками. Ни милиционеров, ни оружия больше там не было. Тогда он вновь переговорил с Радуевым. Тот сказал, что их собираются атаковать федералы. Поэтому оружие боевики забрали себе, а новосибирцев сделали заложниками...

Старший инспектор дорожно-патрульной службы Хасавюрта Атавов нес службу на блокпосту вместе с новосибирскими милиционерами. Он видел, как боевики двинулись в сторону блокпоста, заняли его и начали отбирать оружие. Слышал, как Радуев дал команду одному из боевиков о разоружении милиционеров и сам отобрал у одного из них автомат. Основываясь на этих фактах, Радуеву было вменено в вину похищение сотрудников органов внутренних дел и захват их оружия. Чистой воды уголовщина!

Другой эпизод обвинения.

Свидетель Хизриев — сотрудник Хасавюртовского РОВД рассказал, что 14 декабря 1996 года, примерно в 2 часа 30 минут, со стороны Чечни подъехала колонна автомашин с вооруженными людьми в камуфлированной форме. Выяснилось, что это группа под командованием Салмана

Радуева двигалась в Хасавюрт на съезд чеченцев-аккинцев. В связи с тем, что вооруженными этих людей на территорию Дагестана не пропустили, они окружили сотрудников Пензенской милиции, разоружили и увезли на территорию Чечни.

Об этом же поведали сотрудники Хасавюртовского райотдела — Шушаев, Батыргиреев, Джакавов, Баймурадов.

Командир отряда милиции Зотов, признанный по этому эпизоду потерпевшим, рассказал об обстоятельствах похищения более подробно: «Отряд, которым он командовал, был вооружен двадцатью автоматами и пулеметом. Когда прибыла вооруженная группа вместе с Радуевым, он отказался пропустить их на территорию Дагестана. На это было специальное указание штаба оперативной зоны. После длительных переговоров Радуев согласился ехать на двух машинах с небольшой вооруженной охраной. Увидев в небе вертолеты федеральных сил, он скрылся. Но перед этим передал на чеченском языке какой-то приказ Руслану — своему подчиненному.

Со слов Руслана, Радуев приказал напасть и перестрелять всех милиционеров на посту и чтобы от самого поста не осталось «камня на камне».

Отдавал ли он такой приказ? Да, отдавал. Радуев сам это признал в телеинтервью. Перед камерой он заявил, что служба собственной безопасности «армии генерала Дудаева» выполнила поставленную перед ней задачу. Без единого выстрела пленены 21 сотрудник милиции. Оружие захвачено в качестве трофеев. Выходит, задача перед «службой безопасности» стояла. А поставить ее мог только он, Радуев...

...Выполняя приказ Радуева, боевик по имени Руслан предложил командиру отряда милиции Зотову два варианта. Первый — война и не «оставить от поста камня на камне». Второй — сдача оружия без боя и захват в заложники.

Принимая решение о сдаче оружия, Зотов учитывал следующее: к посту в это время подтянулись еще боевики. Их стало 150, а милиционеров вместе с ним — 21. Но самое главное — у поста накопилось приблизительно 50–60 человек гражданского населения. Если начнется бой, могут пострадать и мирные люди. После этого все подчиненные Зотова вместе с похищенным оружием и военным имуществом были увезены на территорию Чечни. Освобождены они были только 18 декабря 1996 года. Оружие им не отдали.

О том, как были освобождены милиционеры, поведал Радуев, в очередной раз красуясь перед телеобъективом. С его слов, 11 милиционеров были обменены им на столько же моджахедов (термин, применяемый Радуевым). И здесь же он подчеркнул: не будь договоренности об обмене — все заложники были бы расстреляны.

При этом он не отрицал, что оружие сотрудников пензенской милиции осталось у боевиков. Правда, объяснял он это тем, что никто у него возвращения оружия так и не потребовал, а сам он инициативы не проявил. Но тем не менее факт открытого похищения оружия у сотрудников Пензенского УВД сомнения не вызывает, а будучи руководителем банды, он, следовательно, нес всю тяжесть ответственности за совершенные ею преступления. И не одного только этого преступления. А вот что показал Радуев еще до суда на допросе у следователя о событиях 14 декабря 1996 года.

ПРОТОКОЛ допроса обвиняемого

Город Москва 09 октября 2000 года

Следователь следственной группы Генеральной прокуратуры Российской Федерации капитан юстиции Юсуфов А. М., в служебном кабинете Следственного управления ФСБ России № 326, с соблюдением требований ст. ст. 17, 46, 150–152 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, с

участием адвоката юридической консультации «ВЕРДИКТ» г. Москвы Нечепуренко Павла Яковлевича, допросил в качестве обвиняемого Радуева Салмана Бетыровича.

Русским языком владею в совершенстве, как устной, так и письменной речью. В услугах переводчика не нуждаюсь. Желая давать показания на русском языке.

(Радуев С. Б.)

Допрос начат в 10 часов 08 минут.

Вопрос: Расскажите об обстоятельствах вашей поездки 14 декабря 1996 года на съезд чеченцев-аккинцев в Республике Дагестан?

Ответ: В начале декабря 1996 года я получил приглашение от организаторов съезда чеченцев-аккинцев, проживающих в Республике Дагестан, для присутствия в качестве почетного гостя на съезде, который должен был пройти в городе Хасавюрте 14 декабря 1996 года. На мое имя пришло официальное письменное приглашение, кто конкретно привез — не помню. Меня никто не уполномочивал ехать на съезд, меня пригласил оргкомитет съезда для участия в работе съезда. Начальник штаба Северо-Восточного направления Ваха Джафаров согласовал мою поездку с администрацией президента Чечни Яндарбиевым, после получения согласия было решено выехать на съезд. Джафаров подготовил все необходимые организационные меры. В первую очередь, стояла проблема об обеспечении моей личной безопасности, так как на границе между Чеченской Республикой и Республикой Дагестан стояли российские войска. Джафаров мне доложил, что все организационные вопросы отработаны, войска препятствовать моему проезду в Дагестан не будут, беспрепятственно пропустят на съезд. Чтобы не было недоразумений на границе, мы решили взять милицейское сопровождение. По плану, мы должны были доехать до дагестано-чеченской границы, где нас должны были встретить представители Дагестана и провести до Хасавюрта.

Вопрос: Согласовывался ли вопрос о вашем участии в работе указанного съезда с руководством Республики Дагестан и военным командованием? Если да, то с кем именно и в какой форме был согласован этот вопрос?

Ответ: Всеми вопросами о моем участии в работе съезда занимался начальник штаба Северо-Восточного направления Ваха Джафаров. С кем он именно согласовывал этот вопрос — мне не известно, но я уверен, что он согласовал этот вопрос на высоком уровне, договорившись как с представителями Республики Дагестан, так и с военными.

Вопрос: Кто входил в группу вооруженных лиц, сопровождавших вас на съезд? Каким оружием и боеприпасами были вооружены?

Ответ: Я не знаю, кто входил в группу вооруженных лиц, сопровождавших меня, так как состав эскорта постоянно менялся, в колонне было около 10 машин, вместе с милицейским сопровождением. Вооружены они были стрелковым оружием, автоматами, пистолетами, на указанное оружие имелось официальное разрешение, выданное министром внутренних дел Чеченской Республики. Лично у меня оружия не было. Я не мог появиться на съезде с оружием. Я был одет в парадную генеральскую форму и собирался выступить с речью на съезде.

Вопрос: При каких обстоятельствах 14 декабря 1996 года были разоружены и захвачены в заложники сотрудники милиции, находившиеся на службе на блокпосту «Герзельский мост»? Какова роль каждого из участников нападения?

Ответ: Мы подъехали 14 декабря 1996 года к контрольно-пропускному пункту «Герзельский мост». В колонне у нас было приблизительно до 10 машин. Я сам ехал на автомашине марки «ГАЗ-3102» черного цвета, номеров автомашины я не помню. В машине со мной ехали водитель и трое сопровождавших меня из личной охраны. Имен их я не помню, так как они постоянно

менялись. Подъехали мы к контрольно-пропускному пункту «Герзельский мост» днем. Машина, на которой я ехал, находилась в центре колонны. Глядя из окна машины, я увидел, что на посту находилось большое количество сотрудников милиции и российских военнослужащих. Подробностей я не знаю, так как я вообще не выходил из машины. Все вопросы проезда через пропускной пункт решал Джафаров. О чем он говорил с военнослужащими, мне не известно, так как я все время находился в машине. При нас были портативные рации, но мы ими не пользовались, так как российские военные могли прослушать наш разговор. Спустя час после того как мы подъехали к пропускному пункту, к моей машине подошел Ваха Джафаров и сообщил мне о том, что он перехватил разговор, происходивший между блокпостом и их руководством. Суть заключалась в том, чтобы блокпост как можно дольше продержал Радуюева с людьми, затем пропустил бы его с минимальной охраной на территорию Дагестана. К тому времени на территории Дагестана шла подготовка к операции по моему уничтожению или захвату. Выслушав Джафарова, я принял решение вернуться назад на своей автомашине. Водитель развернул автомашину, и мы уехали назад. Что происходило на посту в дальнейшем, я не видел и подробностей не знаю. Слышал только, что несколько часов там еще шли переговоры, после чего начальник штаба Ваха Джафаров был вынужден, чтобы не допустить кровопролития, арестовать личный состав блокпоста с их оружием. Мне не известна роль каждого из участников нападения, но я могу сказать, что оно было спровоцировано российской стороной. Жертв при этом не было. Подробности мне не известны, как я уже показал, к тому времени я вернулся на территорию Чеченской Республики.

Вопрос: Давали ли вы указания на разоружение и захват сотрудников милиции, если да, то кому конкретно и в какой форме?

Ответ: Никаких указаний на разоружение и захват сотрудников милиции я не давал. Как я ранее показал, за несколько часов до разоружения личного состава блокпоста в целях личной безопасности я был вывезен с места, где происходили указанные события. И разоружение личного состава происходило без моего присутствия. Все решения принимал на месте начальник моего штаба — Ваха Джафаров.

Вопрос: Каким образом захваченные в качестве заложников работники милиции были доставлены на территорию Чеченской Республики; где, в какой период и в каких условиях они удерживались вами?

Ответ: Каким образом захваченные заложники были доставлены на территорию Чеченской Республики, мне не известно. Со слов Джафарова, они содержались в одном из сел Нажаюртовского района Чечни, где конкретно, я не помню. Удерживались они несколько дней. Удерживались они не мной, руководил их задержанием Джафаров, он проинформировал меня, что содержатся заложники в нормальных условиях. Со слов Джафарова, в плен были захвачены пензенские милиционеры в количестве 22 сотрудников.

Вопрос: С кем конкретно из российской стороны велись переговоры об их освобождении?

Ответ: Через посредничество первого чеченского вице-премьера Бейбулатова Хусейна мы вели переговоры с российскими военными, фамилии которых я сейчас не помню. Переговоры шли два-три дня через представителей, напрямую со мной они не встречались. Президент Ичкерии Яндарбиев официально уполномочил Хусейна Бейбулатова для урегулирования вопросов по освобождению пензенских милиционеров и передаче их российской стороне в лице заместителя секретаря Совета Безопасности России Бориса Березовского. В день освобождения военнослужащих я встретился с Березовским в селении Гордали, его сопровождали Бейбулатов и несколько военных руководителей. Состоялась пресс-конференция, в присутствии журналистов мы объявили об освобождении военнослужащих, без каких-либо условий. Было подписано соглашение об освобождении военнопленных между мной и заместителем секретаря Совета Безопасности Борисом Березовским. Данная пресс-конференция проходила в присутствии журналистов, секретаря Совета Безопасности Республики Дагестан Толбоева, муфтия Чечни Кадырова. После пресс-конференции пензенские милиционеры были вывезены на границу с Дагестаном, и вблизи селения Герзель их передали представителям военного командования. При передаче присутствовали Бейбулатов, Березовский, Толбоев, Кадыров, Джафаров. Фамилий, имен милиционеров я не знаю, при их передаче российским военным я видел их впервые. Передача милиционеров состоялась приблизительно 17 декабря 1996 года.

Вопрос: Когда и при каких обстоятельствах сотрудники Пензенского СОМ МВД были освобождены и переданы российской стороне, почему при этом не было возвращено изъятое у них оружие и спецсредства; какова их дальнейшая судьба и где они находятся в настоящее время?

Ответ: Я уже показал, как происходил процесс освобождения и передачи пензенских милиционеров. Что касается захваченного у них оружия и спецсредств, мне ничего не известно. Почему при передаче они не затронули вопрос о том, что им не вернули оружие и спецсредства? Мне не известно, какое оружие у них было захвачено, вернули оружие им или нет, где находится на данное время захваченное оружие. Всеми этими вопросами занимался Джафаров.

Вопрос: Принимали ли вы участие в нападении 30 декабря 1994 года на пост ГАИ и палаточный городок внутренних войск РФ, расположенных в районе Гребенского моста, на границе между Республикой Дагестан и Чеченской Республикой?

Ответ: Я понятия не имею о нападении 30 декабря 1994 года на пост ГАИ и палаточный городок внутренних войск РФ. Я об этом нападении ничего даже не слышал, поэтому ничего показать не могу.

Вопрос: С какой целью и по чьему приказанию было совершено это нападение? Кто входил в состав руководимой вами вооруженной группы и какова роль каждого из участников нападения?

Ответ: Как я уже показал, я об этом нападении ничего показать не могу, так как ничего о нем не слышал.

Допрос окончен в 13 часов 10 минут.

Протокол допроса мной прочитан. Записан верно. Замечаний, дополнений не имею.

(Радуев С. Б.) Защитник: (Нечепуренко П. Я.)

Допросил и протокол составил:

Следователь по особо важным делам

Следственного управления ФСБ России капитан юстиции А. М. Юсуфов

Особая статья — обвинение Радуева в угрозе совершения террористических актов в российских городах. Это обвинение основывается на показаниях самого Радуева. Он не отрицал, что в средствах массовой информации неоднократно делал заявления о своей причастности к взрывам в российских городах. Угрожал он совершить и другие акты терроризма. Все эти заявления им были сделаны якобы для привлечения внимания общественности к ситуации в Чечне и к собственной персоне. Правда, он считал эти заявления едва ли не баловством и полагал, что реально его угрозы никто не воспринимал. Так ли это? Нет, далеко не так. Корреспондент газеты «Сельская жизнь» Ефремов расценил подобные заявления как акты психологического терроризма.

Понятно, что Ефремов, как любой человек, в своем восприятии фактов субъективен. Но после заявлений Радуева были отмечены страх и тревога в Воронеже. Люди по-настоящему восприняли угрозу. В подъездах и квартирах устанавливали железные двери, вводили дежурства. Месяц горожане жили в напряжении, в состоянии страха...

Другой свидетель — сотрудник телекомпании «Совершенно секретно» М. Ю. Маркелов заявил, что в интервью телекомпании в середине февраля 1997 года Радуев не скрывал своих планов и признал, что он и его боевики взорвут в Воронеже железнодорожный вокзал, который является военно-стратегическим объектом. Мотив террористических актов — месть за войну и погибших чеченцев. Продолжение войны с Россией выгодно Чечне. Исламские партии и страны будут финансировать и поставлять оружие боевикам.

В ходе следствия изъяты и приобщены к уголовному делу две кассеты с интервью Радуева. Просмотр их производился в зале судебного заседания. На одной пленке зафиксировано выступление Радуева на фоне флага так называемой Чеченской Республики Ичкерия. Он одет в военную форму. Говорит. И вот что именно: «Мы начали широкомасштабную войну против России. Взрыв в Воронеже не состоялся. Я беру на себя ответственность. Это была моя команда. То, что взрыв не состоялся, это говорит о том, что Аллах еще раз пожалел этот железнодорожный вокзал. Пусть нас не объявляют террористами. Железнодорожные вокзалы России — это военные объекты. Да, военные объекты потому, что через них продвигаются военные эшелоны. Я предлагаю отказаться от услуг железнодорожных вокзалов. Мы будем наносить удары по всем железнодорожным вокзалам России».

На другой пленке не менее грозная речь: «Надо по-рыцарски вести себя... Поэтому я предупреждаю: я буду наносить удары, как я подготовлюсь. Я буду взрывать российские железнодорожные вокзалы, потому что это военные объекты. Я предупреждаю население, что в любое время может взорваться воронежский железнодорожный вокзал. Я не несу ответственности за человеческие жертвы».

Документальным подтверждением виновности Радуева в террористических угрозах служит приобщенная к делу копия статьи «Мне не стыдно за терроризм» в журнале «Тыден» (Чехия) № 13 от 24 марта 1997 года. В ней содержится угроза Радуева захватить три российских города, в частности Воронеж и Моздок.

А вот что говорил Радуев на допросе у следователя. У него был уже иной тон, звучала иная аргументация.

Протокол дополнительного допроса обвиняемого

Город Москва 23 февраля 2001 года

Следователь следственной группы Главного Управления Генеральной прокуратуры России на Северном Кавказе подполковник юстиции Дирчин А. С., с участием защитника — адвоката юридической консультации «Вердикт» гор. Москвы Нечепуренко Павла Яковлевича, в своем служебном кабинете, с соблюдением требований ст. ст. 17, 46, 150–152 УПК РСФСР произвел допрос обвиняемого Радуева Салмана Бетыровича.

Допрос начат в 10 часов 35 минут.

Допрос окончен в 11 часов 40 минут.

Вопрос: 25 февраля 1997 года в статье Э. Ефремова «Радуев напомнил о себе...», опубликованной в газете «Сельская жизнь», а также в телевизионной передаче «Совершенно секретно», как видно из ваших выступлений и речей, вы угрожали взрывами, поджогами и иными действиями, создающими опасность жизни людей, причинения значительного имущественного ущерба и наступления иных общественно опасных последствий, а также публично угрожали взорвать железнодорожный вокзал в городе Воронеже, уничтожить другие российские города?

Ответ: В военно-политическом противостоянии между Чеченской Республикой Ичкерия и Россией, я как один из лидеров национального движения Чечни, чтобы привлечь международное общественное внимание к ситуации в Чечне, делал разного рода сенсационные заявления военного характера, в том числе вышеизложенного плана. О чем вы спрашиваете? Мы крайне нуждались во внимании мировой общественности. Кроме того, журналисты в большинстве случаев сами просили у меня сенсационные материалы и заявления под предлогом того, что только при наличии таких заявлений они могли продвигать их в эфир. Поэтому я иногда оглашал именно угрозы военного характера. Как помните из некоторых моих выступлений, я применял термин «военный терроризм» — это тоже был условный пропагандистский ход. Фактически в тот период в 1997 году боевые действия не велись, потому в целях привлечения внимания к ситуации в Чечне и к своей персоне я выступал с публичными заявлениями с угрозой взрыва железнодорожного вокзала города Воронежа и уничтожения других российских городов. На самом деле это с моей стороны были голословные заявления именно тактического, пропагандистского характера, короче говоря — блеф. Взрывать железнодорожный вокзал и другие города на самом деле не собирался. Никого я не устрашал. Это была обыкновенная информационная война.

Протокол допроса мной прочитан. С моих слов записано верно. Дополнений и замечаний не имею.

(Радуев С. Б.) Адвокат (Нечепуренко П. Я.)

Допросил и протокол составил:

Следователь следственной группы главного управления Генеральной прокуратуры РФ на Северном Кавказе подполковник юстиции А. С. Дирчин

Комментарий. Радуев претендовал на изобретение термина «военный терроризм», который он якобы признавал «легитимным». Щука может быть жареной, вареной, соленой. Но щука — всегда щука. Так дело обстояло и с «терроризмом» Радуева. Он сам фактически признал себя террористом. «Военным террористом», а на обычном языке — просто преступником.

Органами предварительного следствия Радуеву справедливо предъявлено обвинение в организации акта терроризма — взрыва на железнодорожной станции города Пятигорска и убийства двух человек. Верный избранной тактике, Радуев вновь все отрицал. Впрочем, от него и не требовались признания. Следствие и суд располагали многочисленными доказательствами его виновности. Прежде всего подробными показаниями непосредственных исполнителей взрыва.

Отвергая свое участие в организации взрыва, Радуев сослался на то, что в начале апреля 1997 года был ранен и находился на излечении в Баку. Поэтому физически он не мог осуществить руководство этой террористической акцией.

Установить истину было несложно. В целях проверки правдивости и объективности приведенных доводов я предложил Радуеву назвать конкретных лиц, которые могли бы подтвердить его слова. Радуев обещал посоветоваться с адвокатом и представить суду необходимые доказательства. Процесс близился к своему завершению, а искомые доказательства

так и не обнаружались. Вот и вся «правда» по-радуевски. Доказательств, обещанных террористом, просто не существовало.

Теперь о самом взрыве на вокзале в Пятигорске, в результате которого погибли два человека и 30 получили телесные повреждения. Взрыв был произведен Таймасхановой и Дадашевой 28 апреля 1997 года. Этот факт никем не оспаривался. Он установлен уже вступившим в законную силу приговором суда в отношении Таймасхановой и Дадашевой.

На следствии и в суде Таймасханова и Дадашева подтвердили, что именно они произвели взрыв. Сделали это по указанию так называемого начальника штаба Джафарова, который действовал по приказам Радуева.

Свидетель Таймасханова заявила, что в феврале 1997 года Ваха Джафаров познакомил ее с Салманом Радуевым. В ходе разговора Радуев сказал, что в ближайшее время планирует провести боевые операции в российских городах. В частности, захватить войсковую часть в Дагестане, произвести взрывы в российских городах. Все это он хотел приурочить к 21 апреля 1997 года — годовщине смерти Джохара Дудаева. Он говорил, что для проведения этих операций ему необходимо участие женщин. На них, дескать, меньше обращают внимание. После этого Радуев предложил Таймасхановой работать в «разведке» его «армии». Пообещал, что в случае участия в «боевых операциях» он решит ее материальные проблемы, и ее семья не будет ни в чем нуждаться. Обычный прием, но сколько людей стали его жертвами! Подкуп всегда был одним из методов в действиях боевиков.

Обратите внимание на то, как действовали Радуев и его поделники. Они воспользовались тем, что женщины были в большой материальной нужде, обе задолжали значительную сумму денег, им обещали решить жилищные проблемы, а в будущем обеспечить безбедную жизнь.

В начале марта 1997 года при очередной встрече Радуев выдал документ, в котором шла речь о том, что Таймасханова выполняла спецзадание Радуева по установлению местонахождения объектов для операции «Пепел» или «Пепел-1». Документ был подписан самим Радуевым.

В один из дней конца марта — начала апреля 1997 года она вновь посетила штаб и зашла к Салману Радуеву.

В это время Радуев разговаривал с неизвестными ей мужчинами. Она слышала, как Радуев говорил им, что ему привезли новую партию взрывных устройств или новую модель мины. Таймасханова увидела лежащие на столе два предмета кубической формы черного цвета. Это были мины. Радуев объяснил, как ими пользоваться. (К этому мы еще вернемся в разделе «Справедливый вердикт». Так что запомним этот эпизод.)

Через несколько дней Ваха Джафаров предложил произвести взрыв на железнодорожном вокзале города Пятигорска или в аэропорту «Минеральные Воды». Джафаров говорил, что Радуев приказал осуществить взрыв именно на железнодорожном вокзале или в аэропорту. Цель взрыва — напугать людей, создать панику, а человеческие жертвы и разрушения Радуева не интересовали. Таймасханова выбрала город Пятигорск, который хорошо знала.

23 апреля 1997 года в кабинете Салмана Радуева Джафаров сообщил, что вместе с ней взрыв в городе Пятигорске будет проводить Дадашева. Выполняя указание Радуева и Джафарова, 28 апреля 1997 года они произвели взрыв на втором этаже зала ожидания.

Дадашева показала, что задание на совершение взрыва на железнодорожном вокзале Пятигорска она получила от Вахи Джафарова. Но тот ссылаясь на приказы Радуева.

Повторим чрезвычайно важную деталь: на суде Радуев, желая скрыть свою роль и причастность к организации взрыва, не менее пяти раз задавал Дадашевой вопрос: отдавал ли он

лично приказ на совершение взрыва? И каждый раз получал твердый ответ: «Непосредственное указание получили от Джафарова, который действовал по приказу Радуева».

После этого Радуев пошел ва-банк, использовал последний аргумент. Он заявил, что на свидетельниц Дадашеву и Таймасханову было оказано давление.

Тогда выступил я и задал прямой вопрос: «Какие у него есть доказательства... может ли он подтвердить свое заявление фактами?» Радуев вынужден был от заявления отказаться. Он не мог доказать, что на свидетельницу оказывалось какое-либо давление.

Но к изворотливости Радуева, его умению переиначивать факты, искать разных виновных и постоянно лгать, приспособиться непросто, если вообще это возможно. В судебном заседании были оглашены показания матери осужденной Таймасхановой. Из них следовало, что Радуев подтвердил факт организации им террористического взрыва на вокзале. Но он сообщил, что взрыв в Пятигорске произвели якобы другие лица, а он обещал обменять Таймасханову и Дадашеву на военнослужащих.

На мой вопрос: был ли такой разговор? — Радуев ответил: Да, такой разговор действительно был. Дословно он заявил следующее: «Я не отрицаю, что такой разговор с матерью Таймасхановой состоялся. Я подтвердил ей, что именно я послал людей для взрыва вокзала Пятигорска. Но только... других людей». Таким признанием, по его словам, он якобы хотел утешить мать. Очень странная форма утешения и сострадания...

И наконец, я утверждаю, что в момент взрыва вокзала в Пятигорске 28 апреля 1997 года Радуев был здоров и находился в Грозном. Что дает мне основание для такого утверждения?

Известно, что Радуев за два дня до взрыва встречался в своей квартире в Грозном с журналистом Дмитрием Беловецким. Допрошенный в суде свидетель Беловецкий показал, что, будучи в командировке, 26 апреля 1997 года во второй половине дня он встретился с Радуевым на его квартире в Грозном. Достоверность показаний свидетеля относительно указанной даты подтверждена собственноручно исполненной записью: «Ответственному редактору «Огонька» Диме. В знак уважения. Бригадный генерал Радуев. 26.04.97 года».

Одной из тем разговора были террористические акты в российских городах. Радуев клялся на Коране, что все взрывы, прогремевшие за последний месяц в России, организовал и разработал он, что их осуществили по его приказу его люди, специально подготовленные для террористической деятельности.

В ходе разговора Радуев передал Беловецкому «Заявление командования армии генерала Дудаева для средств массовой информации». В Заявлении говорилось, что в знак возмездия к годовщине покушения на Джохара Дудаева руководимая Радуевым «армия» начинает нанесение ударов по всей территории России. Особенно по железнодорожным вокзалам и военным объектам. И так будет до полного признания политической независимости чеченского государства Ичкерия.

Радуев сказал, что купил сто взрывных устройств с дистанционным управлением. Поэтому должно прозвучать сто взрывов в городах России. Он достал из стола две серые пластмассовые коробочки и два пульта управления. На одном из пультов Радуев нажал какую-то кнопку, и прозвучал пронзительный звуковой сигнал. Беловецкий не исключил, что именно такой пульт дистанционного управления был использован Таймасхановой и Дадашевой.

Уже упомянутый Маркелов — сотрудник телекомпании «Совершенно секретно» показал, что в середине ноября 1997 года он с журналистом Сердюковым брал интервью у Салмана Радуева. Тот заявил ему, что террористические акты, в том числе и в Пятигорске, организованы им. И что такими действиями он осуществляет национально-освободительную борьбу за независимость Чечни.

Допрошенный в суде Сердюков — другой журналист из телекомпании «Совершенно секретно», подтвердил содержание интервью, в ходе которого Радуев заявил, что возглавляемая им «армия»

постоянно готовится к освободительной войне. Акты терроризма, в том числе в Пятигорске, совершили его люди и по его заданию.

И вот на суде, панически боясь и уходя от ответственности, Радуев не признавался, что давал приказания взрывать вокзал в Пятигорске.

Впрочем, в записи на видеокассете — иное. Раньше он не скрывал, красовался перед камерой и, не думая о будущей расплате, заявлял: «Взрывы в Армавире, Пятигорске произведены по моему приказу. Сейчас введен новый термин — удары военного терроризма. Эти девочки, виновны они или невиновны, они задержаны из-за меня. Потому, что я отдал приказ. Я предупредил Россию официально: если с голов этих двух девочек упадет хоть один волосок, клянусь Аллахом, Россия пожалеет. Я применю за них химическое оружие возмездия».

Что можно к этому добавить? Из приобщенной к делу видеокассеты с записью интервью Салмана Радуева следовало, что он заявлял о себе как об организаторе террористических актов. В том числе взрыва на железнодорожном вокзале в Пятигорске. И добавим по-человечески: это был не Юрьев, и не Дудаев, а «Радуев день»... До применения «химического оружия возмездия» дело не дошло, а угроза была, и мины взрывались.

Впрочем, посмотрим, как интерпретировал события и взрыв в Пятигорске на допросе у следователя до суда в Махачкале сам Радуев. Но сначала о самом «детище» Радуева — об «армии генерала Дудаева».

Протокол допроса обвиняемого Радуева С. Б.

Город Москва 15 августа 2000 года

Вопрос: Покажите, когда и при каких обстоятельствах была создана «армия генерала Дудаева»?

Ответ: 21 апреля 1996 года было совершено покушение на жизнь президента Чеченской Республики Ичкерия Джохара Дудаева, в результате которого он погиб. В это время меня на территории Чечни не было, так как я находился на излечении в Германии после ранения, полученного 3 марта 1996 года. О том, что я остался в живых, в тот момент знал очень ограниченный круг лиц, в том числе Ваха Джафаров, который приказом главнокомандующего «вооруженными силами» Чечни был назначен исполняющим обязанности командующего Северо-Восточным направлением ВС ЧРИ.

После гибели Дудаева часть президентской гвардии передислоцировалась на территорию, подконтрольную Северо-Восточному направлению, и в их среде возникла идея создания на базе боевых подразделений этого направления сил быстрого развертывания под названием «армия генерала Дудаева». С этим предложением они обратились к Зелимхану Яндарбиеву, который в то время был главнокомандующим «вооруженными силами Ичкерии» и исполняющим обязанности президента Ичкерии. Зная, что я жив и нахожусь на излечении, Яндарбиев предложил перенести решение этого вопроса до моего возвращения на территорию Чечни. Мне это доподлинно известно, так как Ваха неоднократно мне звонил по этому вопросу в Германию.

В Чечню я вернулся в последних числах июля 1996 года и сразу же обратился с предложением создания сил быстрого развертывания «армия генерала Дудаева» к Зелимхану Яндарбиеву. В ходе разговора Яндарбиев согласился с этой идеей и предложил подготовить проект соответствующего приказа главнокомандующего.

Подготовить этот проект я сумел только в последних числах августа, так как в первых числах месяца в качестве командующего Северо-Восточным направлением принимал участие в освобождении Грозного от российских войск.

С подготовленным проектом в первых числах сентября 1996 года я явился к Яндарбиеву. Если мне не изменяет память, в проекте говорилось, что силы быстрого развертывания «армия генерала Дудаева» формируются на базе Северо-Восточного направления ВС ЧРИ, непосредственно подчиняются главнокомандующему «вооруженными силами Чечни», и ставка их располагается в городе Гудермесе. В проекте было указано, что я являюсь командующим «армией», а начальником штаба — Ваха Джафаров. Яндарбиев проект подписал. Но для определения статуса, структуры и численности этих сил нужно было дополнительное согласование с начальником главного штаба ВС ЧРИ, которым в то время являлся Масхадов. То есть Масхадов должен был также завизировать этот проект, после чего на фирменном бланке Яндарбиев издает дополнительный приказ, утверждающий статус, структуру, вооружение и списочный личный состав подразделений, входящих в силы быстрого развертывания «армии генерала Дудаева» в составе «вооруженных сил ЧРИ». Поэтому после Яндарбиева я с проектом направился к Масхадову и лично передал ему проект. Во время этой встречи Масхадов пообещал решить этот вопрос.

Прекрасно осознавая, что вопрос о создании «армии генерала Дудаева» практически решен, я стал обсуждать организационные вопросы по созданию военной структуры, хотя главным штабом этот вопрос еще не был решен. В связи с тем, что в тот период в Гудермесе находились российские войска, временная ставка «армии» была размещена в населенном пункте Новые Гордали. Были изготовлены бланки, печати этой организации. Кроме того, начиная с сентября 1996 года, я стал отдавать приказы от имени командующего «армии генерала Дудаева».

Время шло, а вопрос об утверждении структуры сил быстрого развертывания не решался, так как Масхадов не хотел визировать проект. Получилась странная ситуация: с одной стороны, «армия генерала Дудаева» де-факто существовала, так как Яндарбиев подписал проект, а с другой — юридически не включена в состав «вооруженных сил Ичкерии», так как Масхадов, не визируя проект, не определил ее структуру. Поэтому, если я официально обращался в главный штаб или другие подразделения «вооруженных сил Ичкерии», а также в административные органы Чечни, то подписывался от имени командующего Северо-Восточного направления. Если я отдавал приказы по вверенным мне боевым подразделениям — то делал это от лица как командующего Северо-Восточным направлением, так и от имени командующего «армии генерала Дудаева». Иногда я обращался в официальные структуры от имени «армии...», но зачастую они не исполнялись, так как не был определен юридический статус этой организации. Все это я делал сознательно, пытаюсь побудить Масхадова к визированию проекта. Приказы от главнокомандующего и из главного штаба «вооруженных сил Ичкерии» я получал как командующий направления.

Хочу отметить, что я, как командующий «армии генерала Дудаева», полностью контролировал в ней ситуацию. Все структурные подразделения, входившие в состав «армии...», беспрекословно выполняли все мои приказы. Да иначе не могло и быть, так как эти же подразделения входили в состав вверенного мне Северо-Восточного направления. Хотя, как я уже показывал выше, ставка «армии» находилась в Новых Гордали, я, начальник штаба Ваха Джафаров и другие сотрудники штаба находились в Грозном в здании по адресу: проспект Революции, дом 16/87, на первом этаже которого располагалось возглавляемое мной «общество ветеранов Первомайского сражения». В этом здании располагалась и моя приемная, где происходили многочисленные встречи как с населением, так и с официальными лицами.

27 января 1997 года в Чечне состоялись выборы президента республики, на которых победу одержал Аслан Масхадов. 12 февраля того же года Яндарбиев передал ему дела. За несколько дней до этого Зелимхан по моей просьбе еще раз обратился к Масхадову с предложением завизировать подготовленный мной проект создания сил быстрого развертывания. Однако Масхадов попросил время на подготовку организационных мероприятий.

После этого я неоднократно обращался к Масхадову как президенту Ичкерии с просьбой ускорения определения статуса сил быстрого реагирования, однако он постоянно оттягивал решение этого вопроса. В ходе одной из встреч, которая состоялась в конце августа 1997 года, он предложил мне вместо сил быстрого развертывания в составе «вооруженных сил Ичкерии» создать общекавказское национально-освободительное движение «армия генерала Дудаева», при этом пообещав содействие в ее регистрации в министерстве юстиции ЧРИ. Чтобы покончить с подвешенным состоянием, в котором уже практически год находилась «армия», я дал согласие.

В сентябре 1997 года учредительные документы общекавказского национально-освободительного движения «армия генерала Дудаева» были зарегистрированы в министерстве юстиции. Согласно уставу, это движение являлось политической организацией, объединявшей в своих рядах кавказских патриотов с целью освобождения из-под ига российского колониализма всех кавказских народов. Помимо прочего, каждый член движения имел право участвовать в национально-освободительной борьбе народов Кавказа.

Высшим органом движения становился съезд, который созывался по мере необходимости, но не реже одного раза в год. Высшим руководящим органом движения объявлялся «политический консультативный комитет», председателем которого, то есть лидером движения, был избран я. Руководство повседневной работой движения возлагалось на исполком, председателем которого становился Ваха Джафаров.

Вопрос: Вам предъявляется полученный в ходе следствия по настоящему уголовному делу «Устав общекавказского национально-освободительного движения «армия генерала Дудаева», зарегистрированный в министерстве юстиции Чеченской Республики Ичкерия 16 сентября 1997 года. Что вы можете показать по существу предъявленного документа?

Ответ: Я внимательно ознакомился с представленным мне документом. Содержание его мне понятно. Хочу с полной уверенностью заявить, что это именно тот устав, о котором я показал в ходе сегодняшнего допроса. Помимо него, на регистрацию подавались протокол съезда движения, который проходил в конце августа 1997 года, точную дату вспомнить затрудняюсь; письмо от имени съезда на имя Масхадова с просьбой санкционирования регистрации; подавались также списки лиц, входящих в структуры движения; список членов движения, а также письмо исполкома движения с просьбой о регистрации.

Вопрос: Отдавали ли вы приказы или указания от имени командующего «армии генерала Дудаева» на совершение актов терроризма на территории Российской Федерации, в том числе совершение взрывов, нападение на граждан и организации?

Ответ: Никаких приказов или указаний от имени командующего «армии генерала Дудаева» на совершение актов терроризма на территории Российской Федерации я никогда не отдавал.

Вопрос: Известны ли вам организаторы, исполнители и другие лица, причастные к совершению взрывов на железнодорожных вокзалах гг. Армавир и Пятигорск в апреле 1997 года?

Ответ: Организаторы, исполнители и любые другие лица, причастные к совершению взрывов на железнодорожных вокзалах городов Армавир и Пятигорск в апреле 1997 года, мне не известны. Хочу особо отметить, что в первых числах апреля, в период примерно с 8 по 10 число, на меня было совершено покушение, в результате которого я получил тяжелые ранения. В связи с этим я долгое время находился на излечении на территории Чечни, и ко мне никого не допускали.

Вопрос: Давали ли вы указание подчиненным вам подразделениям на совершение взрывов на железнодорожных вокзалах Армавира и Пятигорска в апреле 1997 года?

Ответ: Никаких указаний подчиненным мне подразделениям на совершение взрывов на железнодорожных вокзалах Армавира и Пятигорска в апреле 1997 года я не давал. Об указанных выше актах терроризма я узнал из средств массовой информации и к ним никакого отношения не имею.

Вопрос: Почему, в таком случае, выступая в средствах массовой информации, вы заявили, что указанные взрывы были совершены по вашему приказу?

Ответ: Я действительно неоднократно в средствах массовой информации делал заявления о своей причастности к тем или иным взрывам, совершенным в российских городах, в том числе в Армавире и Пятигорске. Однако со всей ответственностью хочу заявить, что все эти заявления были мной сделаны только с целью привлечения внимания мировой общественности к ситуации в Чечне, то есть на неопределенность взаимоотношений между Россией и Чечней после Хасавюртовских соглашений. На самом деле к этим взрывам я никакого отношения не имею.

Вопрос: Знакомы ли вы с гражданками Таймасхановой Фатимой Данилбековной и Дадашевой Асет Мовладиновной, совершившими взрыв на железнодорожном вокзале города Пятигорска 28 апреля 1997 года?

Ответ: С Таймасхановой Фатимой Данилбековной и Дадашевой Асет Мовладиновной я не знаком.

Протокол допроса мной прочитан лично, с моих слов записано правильно. Дополнений и поправок не имею.

(Радуев С. Б.) Защитник (Нечепуренко П. Я.)

Допросил и протокол составил:

Следователь следственной группы

Генеральной прокуратуры РФ Л. В. Баранов

Комментарий. Отказаться от факта знакомства с Таймасхановой и Дадашевой? Это — полный абсурд. Вот уж действительно пример тотального отрицания совершенно очевидных фактов и обвинительных свидетельств. Здесь своими лживыми заявлениями Радуев может претендовать на сомнительные лавры «чемпиона фальсификаций». Он их заслужил вполне.

...Скорбный факт гибели своих детей Елены и Олега в результате взрыва на вокзале Пятигорска подтвердили их матери — Рыбасова и Федорова. Обе принимали участие в рассмотрении дела по обвинению Дадашевой и Таймасхановой, и обе свидетельствовали о том, что в судебном заседании подсудимые указывали на Радуева как на организатора этого взрыва на вокзале 28 апреля 1997 года.

Жительница города Пятигорска Ющенко заявила, что от взрыва на вокзале 28 апреля 1997 года она получила рваные раны обеих голеней, поражение левой нижней конечности и открытый перелом сустава нижней части тазо-берцовой кости. Оглашенным в судебном заседании приговором в отношении Дадашевой и Таймасхановой установлено, что при взрыве телесные повреждения различной степени тяжести получили еще 29 человек.

После аргументации обвинения Радуева я перешел к «человеку № 2» на скамье подсудимых на процессе — Атириеву. Но сначала о нем самом.

Его радиопозывные «Филин»

Он отзывался на радиопозывной «Филин» и, несмотря на то что на процессе держался как бы в тени Салмана Радуева, сыграл одну из основных ролей в кизлярской драме, как и во многих других действиях боевиков.

До первой чеченской войны 25-летний Турпалали Атириев был обычным милиционером. Родился в горном селе Аллерой на юго-востоке республики. Там окончил школу и оттуда был призван в ряды Советской Армии. Служил в спортроте, увлекался восточными единоборствами. После службы устроился инспектором в Грозненскую ГАИ.

В декабре 1994 года федеральные войска вошли в Чечню, и Турпалали Атириев вступил в так называемый Наурский батальон под командованием Мусы Чараева. Очень быстро Атириев стал его заместителем, известным человеком не только в своем «батальоне», но и в других формированиях. Летом 1995 года на мирных переговорах между Анатолием Романовым и Асланом Масхадовым он был назначен сопредседателем совместной наблюдательной комиссии (СНК) в Шелковском районе, где боевых действий не велось. Боевики использовали этот равнинный район как госпиталь. Больших затруднений работа в СНК у Атириева не вызывала, он проводил твердую линию Аслана Масхадова, создавал сельские отряды самообороны, рассматриваемые сепаратистами как первоочередной резерв.

После покушения на генерала Романова и срыва переговоров в октябре 1995 года Атириев стал единоличным хозяином Шелковской. Район по-прежнему считался мирным. В правительстве Дудаева Турпалали Атириев официально считался комендантом Шелковского района.

После кизлярских событий и захвата Первомайского Атириеву было предъявлено обвинение в участии в вооруженной банде и совершенных ею преступлениях, терроризме, захвате заложников, разбойном завладении чужим имуществом.

Он, подобно Радуеву, свою вину не признал и категорично заявил, что себя бандитом не считает. Он если чем и руководил, то Шелковской «зоной ответственности».

Из его показаний следовало, что о прибытии Радуева в станицу Шелковская он узнал 8 января 1997 года. В тот же день его пригласили на совещание, в котором принимали участие Радуев и Ибрапилов. Там же ему сообщили о наличии приказа Дудаева напасть на российский город и о том, что он (Атириев) должен принять участие в этом нападении.

Атириев собрал около 40 вооруженных человек и прибыл на административную границу Чечни и Дагестана, где ему предоставили автомашину «ЗИЛ-131» с оружием. Боевая задача состояла в том, чтобы доставить это оружие в город. Куда конкретно было необходимо доставить это оружие, он, понятно, тоже не знал. Маршрут был известен назначенному Радуевым проводнику. При объявлении Радуевым нападения на Кизляр он (Атириев) не присутствовал. Точно так же не присутствовал он и при постановке задач командирам о захвате заложников, больничного комплекса, нападении на другие объекты. «Я — не я». Прием известный.

В пути машина сломалась, и ему пришлось, как он «деликатно» выразился, привлечь проезжающий транспорт. При этом автомобилей он не похищал и водителей в заложники не брал. Во всяком случае, он лично такой команды не давал, к силе и угрозам не прибегал. Водители сами оставались за рулем своих автомобилей.

Пулемет РПК и пистолет Макарова, а также боеприпасы к ним были его табельным оружием, выданным еще в 1994 году.

Обвинения в терроризме Атириев отрицал, ибо взрывов, поджогов и иных действий, которые создавали бы опасность для жизни людей и причиняли бы имущественный ущерб, он не совершал. В цели и задачи операции Радуев его не посвящал. Заложников он не захватывал и не удерживал. Водителей захваченного транспорта он по прибытии в больницу Кизляра сразу отпустил. Все время нахождения в Кизляре он со своим отрядом провел в здании роддома. Приведенных туда 50 заложников он не удерживал. Они туда были приведены даже не его людьми. Так в чем же он виноват?

Что же касается бойцов из новосибирского отряда милиции, то они сами сложили оружие. В плен (все-таки в плен) они были захвачены не им и в его отсутствие. Находившиеся у милиционеров боеприпасы и оружие он не брал. Поэтому к хищению оружия отношения не имеет.

Кроме того, из показаний Атириева следовало, что ни в Кизляре, ни в Первомайском с 9 по 18 января 1996 года он своего оружия не применил ни разу. Спрашивалось: зачем тогда с оружием он входил в Дагестан? А затем, чтобы «Совет полевых командиров Ичкерии» причислил его к «пантеону героев чеченского народа», а Аслан Масхадов после Хасавюртовских соглашений наградил его специальными «командирскими» часами.

Видимо, ему, как и Радуеву, тоже хотелось быть «во всем белом». Но, встав под радуевские знамена, Атириев стал членом банды «в черном» со всеми вытекающими правовыми последствиями.

Все заявления Атириева о защите независимости «Республики Ичкерия» — не более чем демагогия и обман. Лгал он и на следствии, и на суде откровенно и беззастенчиво: не посвящал, дескать, Радуев его в замысел операции. Нет, посвящал. Достаточно вспомнить, какой ответ получил Атириев на свой уточняющий вопрос: «Мы идем воевать?» «Только воевать!» — без обиняков заявил ему Радуев. И Атириев не мог пропустить мимо ушей этот дерзкий ответ. Разве после этого у него могли остаться какие-то сомнения относительно целей и характера предстоявших действий?! Знал Атириев, чем придется заниматься. Знал и все понимал.

И когда у него сломалась машина, он и его группа, не раздумывая, применили оружие. Они остановили проезжающие автомобили, выкинули из кабин водителей и пассажиров, взяв их потом в качестве заложников. В суде он с иронической улыбкой убеждал: водители, мол, сами, добровольно остановились. За рулем остались тоже по своей воле. А по прибытии в Кизляр сразу взяли и уехали. Вот, оказывается, как все было просто.

Известная восточная мудрость гласит: «Не верь улыбке волка».

Потерпевшие Мамедов, Дурсунов, Алиев, Антоненко рассказали суду об истинных обстоятельствах разбойного завладения машинами, о том, как все произошло на самом деле. И им было не до улыбок...

Житель поселка Рыбалко Тамарилаев показал, что 9 января 1996 года на своем автобусе «ПАЗ-672» он выехал в город Кизляр. В районе второго моста через Старый Терек на проезжей части увидел стоящий автомобиль «ЗИЛ-131». При объезде ЗИЛа его остановили вооруженные боевики. Он попытался уехать, но один из боевиков сделал несколько выстрелов из автомата и попал в стекло автобуса. Когда он остановился, его вначале «порядком» избили, нанося удары прикладами, а потом под дулом автомата (именно — под дулом автомата) посадили за руль.

Боевики препроводили водителя в больницу, и там его удерживали под охраной среди других заложников. Самой техникой распорядились уже боевики.

В качестве информации. Технических средств погибало много. Но хищение техники — дело другое, особое. На январь 1996 года стоимость похищенных в ходе разбойного нападения автомобилей составила: ПАЗ-672 — 38,1 млн, ГАЗ-53 — 27 млн, КАМАЗ — 128,6 млн рублей.

Но продолжим. По версии Атириева, в Кизляре он не бесчинствовал. Будучи якобы непосвященным в детали нападения на город, он не знал вообще об идее Радуева захватить заложников. А когда увидел их в больнице, даже поругался с Салманом. Комментировать это не станем: свежо предание, да верится с трудом. Ворон ворону глаз не выклюет.

Проанализируем действия Атириева и его группы в Кизляре. Бывший милиционер и он же заместитель Масхадова утверждал, что в знак протеста против действий Радуева по захвату в заложники гражданских лиц он ушел со своей группой в пустое здание роддома. Но зачем только? Известны показания медперсонала, рожениц и больных, находившихся тогда в родильном отделении. Они рассказывали, как бесцеремонно и грубо, под крики и автоматные очереди сбрасывали беременных женщин с коек и родильных столов. Как перепуганные до смерти матери без разбору, лишь бы спасти, хватали своих и чужих младенцев. Как женщин, раздетых, босиком, гнали в главный корпус больницы... Этого Атириев, конечно, не видел?! Этого даже не могло быть! Но это было, было, было...

Теперь о другой логике мышления. Если Атириев действительно был противником террористического акта, захвата и удержания заложников, кто и что мешало ему освободить их? Ведь Радуева не было рядом. В роддоме хозяйничал он, сам руководил действиями боевиков. Кто мешал ему освободить водителей и пассажиров захваченных его группой автомобилей? О стремлении Атириева показать себя чуть ли не противником Радуева и, как следствие, уйти от ответственности за бандитское нападение, терроризм и удержание заложников говорят многие исследованные в суде факты и доказательства. И они — не в пользу Атириева.

Для освобождения оказавшихся в руках террористов более двух тысяч горожан руководители Республики Дагестан предложили в заложники себя. Однако достигнутое соглашение боевиками было нарушено. Вместе с членами Правительства, депутатами, министрами республики боевики, при известных суду обстоятельствах, в момент отъезда из Кизляра прихватили еще почти 160 заложников. Их посадили в автобусы у окон.

Что помешало Атириеву отказаться от дополнительных заложников в той ситуации? Почему, если он был против Радуева, не потребовал выполнения всех условий соглашения? Нет, он не был против. Он был с ним в одной банде.

Приведу выдержку из показаний только одного свидетеля, который передал боевикам гарантийное письмо Председателя Госсовета Дагестана Магомедова Магомедали Магомедовича и условия выезда из Кизляра. Это показания заместителя министра внутренних дел республики Омарова:

«...была достигнута договоренность, что боевиков будут сопровождать представители Правительства Дагестана, но при условии, что всех заложников освободят. Однако при посадке в автобусы каждый боевик стал выходить с заложником. Когда мы указали на нарушение условий, именно Атириев стал возмущаться, что они не должны покидать Кизляр, пока не выведут войска из Чечни».

Вывод один: Атириев захватывал и удерживал заложников, чтобы диктовать свои условия законным властям. Его утверждения о непричастности к захвату — несостоятельны и полностью опровергаются.

Опровергаются заявления Атириева, помимо приведенных доказательств, и показаниями участников террористической операции. Все допрошенные участники банды, которые освобождены от ответственности по амнистии, подтвердили, что Атириев находился среди них. Подтверждали этот факт и многочисленные видеозаписи, сделанные боевиками как в Кизляре, так и в Первомайском.

О том, как в действительности относился Атириев к заложникам, можно судить всего по одной его короткой фразе: «Чтобы заложники в живых были? Об этом даже мечтать не надо. Всем головы оторвем». Комментарии излишни.

В судебном заседании Атириев утверждал, что при налете на Кизляр провел все время со своими людьми в роддоме и, естественно, не стрелял. Однако потерпевший Додух показал, что из роддома велась интенсивная стрельба, в том числе из пулемета. Эти показания объективно подтверждаются оглашенным протоколом осмотра места происшествия. В палатах роддома обнаружены стрелянные гильзы, гранаты, тротилловые шашки.

Атириеву не удалось уйти от ответа и за участие в банде, и за совершенный террористический акт, и за захват и удержание заложников, и за применение оружия, и за угрозу оружием...

Особый момент — захват заложников из числа сотрудников УВД Новосибирской области, обвинения в хищении у них огнестрельного оружия и боеприпасов путем разбойного нападения. Атириев, как и Радуев, пытался убедить суд, что к захвату милиционеров никакого отношения не имел. Но вот показания начальника райотдела внутренних дел Новосибирского УВД Лихачева многое разъясняют.

Лихачев был тогда командиром отряда. 10 января 1996 года около 10 часов колонна боевиков с захваченными заложниками проследовала через их блокпост. Ему была дана команда беспрепятственно пропустить колонну, огонь не открывать ни при каких обстоятельствах. Оставив на посту 12–13 человек, он приказал подчиненным отойти на дальние позиции. Заняли оборону около блокпоста, стали ждать развития событий. Вдруг появились боевики. Его заместитель Миненко доложил, что оставленные на блокпосту бойцы захвачены и разоружены. Один из боевиков по имени Турпал сказал, что во избежание кровопролития надо сложить оружие. В противном случае захваченные заложники будут расстреляны.

Опасаясь гибели заложников (автобусы с ними находились в 5–6 метрах) и учитывая значительное численное превосходство бандитов, пришлось сложить оружие.

Потом Турпал сказал, что милиционеров выведут из расположения блокпоста в село Первомайское, где они будут находиться под охраной. При этом он предложил передать руководству, что если боевикам не дадут возможности проехать на территорию Чечни, то начиная с 19 часов они будут расстреливать по два милиционера через каждые 15 минут.

Обстоятельства захвата были озвучены в показаниях Семенова, Горбачева, Карпова, Колупаева. Это акты явного терроризма.

Другой сосед Радуева по скамье подсудимых в Кизляре — Алхазуров. Ему предъявлено обвинение в участии в устойчивой вооруженной банде и совершенных ею нападениях, а также незаконном приобретении, ношении, хранении и передаче оружия и боеприпасов. Вину свою в судебном заседании он признал частично: он, видите ли, тоже не бандит, он защитник своего народа.

Согласно его показаниям, 10 января 1996 года на митинге в станице Шелковская он узнал о событиях в городе Кизляре. Пошел в селение Первомайское для оказания — обратите внимание! — медицинской помощи боевикам Салмана Радуева. Он хотел воевать, защищать свободу и независимость чеченского народа. Но, удивительное дело, почему все происходило на территории Дагестана! Что, плохо с географией, или не знал, где границы?! Или путал пулеметную ленту с медицинским бинтом?!

...Когда он пришел, автобусы с боевиками Радуева и заложниками находились у селения Первомайское. В одном из автобусов боевики дали ему оружие — автомат АК-74 и два снаряженных магазина. В селение Первомайское он пришел добровольно, также добровольно

получил оружие и боеприпасы. (Не медицинскую сумку с медикаментами, а автоматный подсумок с патронами.)

Исполняя приказ, он с 10 по 18 января охранял милиционеров сводного отряда УВД Новосибирской области. Оружие находилось при нем. На боевых позициях он не был и по российским военнослужащим не стрелял. Вместе с милиционерами-заложниками он участвовал в прорыве позиций российских войск и не знает, как остался жив.

Находясь в банде Радуева, он никого из числа заложников и военнослужащих не убивал. Во время прорыва нес на себе раненого и поэтому не стрелял. После прорыва оружие — автомат АК-74 и патроны вернул Долгуеву и больше участия в банде Радуева и других бандах не принимал.

Но вернемся к фактам. Кроме собственного признания, участие Алхазурова в банде засвидетельствовали и подтвердили другие собранные доказательства: видеозаписи и исследованные в суде протоколы их просмотра. На видеозаписи, сделанной в Первомайском, он находился среди боевиков банды Радуева и был вооружен автоматом Калашникова.

Не алиби для подсудимого его «скромная» роль в банде и утверждение о том, что он на боевых позициях не был и по военнослужащим не стрелял. В банде у каждого своя функция. Не всем же быть Радуевыми или Аткириевыми. Кому-то было поручено и заложников охранять. Но и это — тяжелое уголовное преступление.

Четвертому подсудимому — Гайсумову — предъявлено обвинение в участии в устойчивой вооруженной банде и совершенных ею нападениях, терроризме и незаконных действиях с оружием.

В ходе судебного заседания он показал, что в ноябре 1995 года узнал о наборе в вооруженные силы Чеченской Республики и добровольно решил в них вступить. В горном селе Аллерой записался в «Наурский батальон». В начале января 1996 года ему выдали оружие и, ничего не объясняя, вместе с другими доставили в село Новогрозненское. Оттуда — в Шелковскую.

8 января, как только стемнело, они выехали. Куда ехали, он не знал. Спустя какое-то время добрались до населенного пункта, где была слышна стрельба и взрывы. Они находились уже в Кизляре...

Там по приказу Радуева он вместе с другими боевиками поднимал больных и медперсонал из палат и других помещений на третий этаж. В числе боевиков охранял заложников. Затем спустился на первый этаж больницы, чтобы на случай штурма принять бой. Но сначала он узнал, что в больнице Исрапилов застрелил милиционера. Сам он видел, как один из боевиков произвел выстрел из гранатомета по БТРу, подъехавшему к зданию больницы. Иллюзий на мирный исход не было и не могло быть.

Следующим утром вместе с заложниками покинул Кизляр. В автобусе, в котором он ехал, находились две женщины-заложницы. В Первомайском он вместе с ними прятался в подвале дома. Во время прорыва был ранен и участия в бою не принимал. Ни в Кизляре, ни в Первомайском оружие не применял и никого не убивал. Такова краткая суть показаний Гайсумова. А что было на самом деле?

В суде он тщательно подбирал слова. Рассказывал, что почти как сестра милосердия выводил больных и медперсонал из палат, как «заботливо» охранял привезенных заложников.

Однако мы уже знали из показаний свидетелей и потерпевших, как сгоняли с больничных коек тяжелобольных, как кричали на рожениц, как били людей, как набивали ими коридоры и помещения больницы, как прятались за ними, превратив их в «живой щит», как устанавливали мины-ловушки...

Напомним и другое: в каком «батальоне» банды «служил» Гайсумов? По его собственному признанию — в Наурском. А этому бандитскому подразделению была, как известно, поставлена задача захватить территорию воинской части, уничтожить охрану, взять в плен как можно больше военнослужащих. Так что очень неискренен был Гайсумов, юлил и лукавил, говоря о своем скромном месте и неактивных действиях в банде. Кроме участия в бандформировании, он должен был ответить и за террористический акт, который банда осуществила в Кизляре. Гайсумов, как установлено, был одним из исполнителей этого преступления. Во время бандитского налета на Кизляр, захвата и удержания заложников Гайсумов был вооружен автоматом, имел при себе гранаты. Как видим, не с миртовой ветвью они шли на Кизляр...

В результате бандитского налета жителям Кизляра причинен значительный имущественный ущерб. До сих пор сказываются, как привыкли выражаться юристы, иные тяжкие последствия.

Я приведу лишь малую толику свидетельств. Потерпевший Алиев- житель города Кизляра: «Рано утром 9 января к нам ворвались вооруженные чеченцы-боевики и, угрожая оружием, приказали всем выходить из дома, а сами стали искать деньги, вещи и ценности. Боевики забрали все, что нашли ценного в доме».

Потерпевшая Бейрумова: «Мою квартиру обстреляли чеченские боевики и начался пожар. Огонь уничтожил все имущество».

Потерпевшая Бутаева — жительница села Кордоновка Кизлярского района. Утром 9 января она, муж и сестра поехали на своей машине в Кизляр на рынок. На перекрестке улиц Махачкалинской и Победы их обстреляли чеченские боевики. Муж был убит, а она ранена в живот, руку и ноги. После того как машина остановилась, к ней подошел вооруженный боевик в маске и приказал выходить. Она видела, как на их машину наехал КАМАЗ, управляемый боевиками...

О масштабах разрушений и имущественных потерях, помимо показаний очевидцев, можно судить по десятку томов уголовного дела. В них содержатся протоколы осмотра помещений, автомобилей, коммуникаций и другого имущества, разрушенных при нападении террористов. В деле собраны исследованные судом документы, подтверждающие стоимость нанесенного ущерба.

В ходе нападения банды Радуева на Кизляр многим гражданам были причинены различные телесные повреждения, которые относятся к тяжким последствиям терроризма. Например, Долбня Ирина. Ее боевики захватили в заложники и привели в больницу. От сильного волнения у нее произошел выкидыш на седьмом месяце беременности. Кто за это в ответе?

Дергачева- заведующая родильным домом Кизлярской больницы. Увидев, как в здание роддома ворвались вооруженные боевики, она испугалась, выпрыгнула в окно на улицу. При падении сломала ногу. Боевики стали стрелять в ее сторону из автоматов, захватили в заложники...

Нужны ли еще свидетельства преступлений? Их сотни, тысячи. Совокупность представленных доказательств дает основание утверждать об обоснованности предъявленного подсудимым обвинения. Но прежде чем перейти к юридической квалификации содеянного каждым подсудимым, необходимо отметить еще одно важное обстоятельство. Бандитской вылазкой Радуев якобы хотел привлечь внимание мировой общественности к тому, что происходит в Чеченской Республике. Допустимо ли такое? Это — лицемерное утверждение. Но и способ, который избрал Радуев и его подручные для привлечения внимания «мировой общественности», заслуживает того, чтобы на нем остановиться подробнее. И это — не заявления в средствах

массовой информации, не обращения к международным организациям или к парламентам государств, это не голодовка, наконец, самого Радуева.

Это был бандитский налет, убийства, уничтожение имущества, надругательство над братским народом. (Хотя, повторю, какие братья могут быть у бандитов?!)

Что отличает этот налет или, как его называет Радуев, акцию по привлечению внимания «мировой общественности» от террористической акции в сентябре 2001 года Усамы бен Ладена? Ничего!.. Терроризм остается терроризмом. Гибель, ранения, увечья людей — вот тяжкие последствия, которые служат квалифицирующими признаками совершенных подсудимыми преступлений. Они сродни извергам бен Ладена.

Теперь о самом процессе в Махачкале, о моей обвинительной речи. Я не буду рассказывать о тех чувствах, которые буквально обуревали меня. Это эмоции. Единственным же моим деловым компасом, жестким неукоснительным советником был и остается только свод законов Российской Федерации. Действия Радуева, сопряженные со сбором в декабре 1995 года вооруженных боевиков для нападения на Дагестан, последующим руководством ими в Кизляре и Первомайском, захватом и похищением сотрудников милиции Новосибирского и Пензенского УВД, а также руководством так называемой «армией Дудаева», в которую были вовлечены Дадашева и Таймасханова, я квалифицировал по ч. 1 ст. 209 УК Российской Федерации. Это — создание устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан, организации, а равно и руководство такой группой (бандой).

Почему предлагал квалификацию по статье нового Уголовного кодекса России, а не по статье 77-й УК РСФСР? (Ведь в 1995–1996 годах, когда Радуев создал свою банду, действовала именно эта статья.)

Во-первых, потому, что главарем банды он продолжал оставаться и в 1997 году, и вплоть до самого задержания. То есть после вступления в силу нового Уголовного кодекса. А статья 209-я содержит квалифицирующий признак — «руководство бандой».

Во-вторых, понятие «организация банды» как квалифицирующий признак в старом Уголовном законе и понятие «руководство бандой» — в новом, близки по своему смысловому, фактическому и, следовательно, правовому содержанию.

Действия Аггириева, Алхазурова, Гайсумова, входивших в состав банды и участвовавших в совершенных ею преступлениях, квалифицировались по ч. 2 ст. 209 Уголовного кодекса Российской Федерации. То есть участие в устойчивой вооруженной группе (банде) и совершаемых ею нападениях.

Сомнений в вооруженности банды, полагаю, ни у кого не было. Нет сомнений и в ее устойчивости. Об этом свидетельствовали продолжительность ее существования, конкретное распределение ролей и функций участников, планирование ее деятельности, долгосрочность и определенность целей. Использование бандитами военной терминологии, как я уже говорил, хотя и выглядело опереточно, но вместе с тем еще раз подтверждало устойчивость банды и ее насильственную направленность. Думаю, что вся эта аргументация важна не только для юристов и всех российских граждан, но и для широких кругов международной общественности, которая особенно после событий 11 сентября 2001 года по-иному стала смотреть на процессы, происходящие в Чечне.

Действия Радуева с оружием, поскольку они продолжались в составе бандитского формирования и в 1997 году (то есть и после вступления в силу нового УК), я квалифицировал по ч. 3 ст. 222 Уголовного кодекса Российской Федерации. Как незаконное приобретение, ношение, хранение, перевозка, передача оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, совершенные неоднократно организованной группой. А что говорит по этому вопросу сам Радуев? Что заявлял он на предварительном следствии? Поднимем документ.

Протокол допроса обвиняемого Радуева С. Б.

Город Москва 14 июля 2000 года

Допрос начат в 11 часов 15 минут.

Допрос окончен в 13 часов 30 минут.

Вопрос: Желаете ли вы давать показания на сегодняшнем допросе без участия адвоката?

Ответ: Я согласен давать показания на данном допросе без услуг адвоката.

Вопрос: Где конкретно дислоцировались на территории Чеченской Республики подчиненные вам боевые подразделения, какова их численность, кто ими командовал?

Ответ: В период первой российско-чеченской войны мне подчинялось непосредственно подразделение Северо-Восточного фронта вооруженных сил Чеченской Республики. Главкомандующим вооруженных сил до апреля 1996 года являлся Джохар Дудаев, затем с 1996 года по январь 1997 года — Яндарбиев, с января 1997 года по настоящее время Масхадов. Вооруженные силы Чеченской Республики насчитывают пять направлений: Северо-Западное направление (командующий Ваха Арсанов), Юго-Западное направление (командующий Гелаев Руслан), Центральное направление (командующий Шамиль Басаев), Юго-Восточное направление (командующий Х. Исрапилов, который погиб зимой 2000 года в боях за Грозный), Северо-Восточное направление, командование которым непосредственно осуществлял я.

В Северо-Восточное направление входила территория города Аргун, Ленинского района города Грозного, Гудермесский район (полностью), часть Ножайюртовского района и Шелковской район (полностью). Северо-Восточное направление было создано в октябре 1995 года, до этого был единый Восточный фронт. Все указанные фронты были созданы в целях отражения агрессии со стороны российских оккупационных войск. В состав моего направления входило две бригады, четыре полка и отдельных батальона, несколько отрядов ополчения. Общая численность подразделения вместе с ополчением составляла до 10 тыс. человек. Было несколько баз, расположенных в лесных массивах Ножайюртовского района, в районе сел Гансол-Чу, Шуани и районе моего родового села Гордали, более подробно я не могу показать, где они находились, так как не помню места. В указанных районах непосредственно располагались учебно-тренировочные полигоны, склады вооружения, тыловые службы. Там проживали бойцы, обслуживавшие базы подразделений, комендантская служба, служба охраны. Личный состав постоянно находился на боевом задании, на период подготовки диверсионных операций проходили обучение, отдыхали. Жили в палатках, блиндажах. Командовал этим направлением непосредственно я, начальником штаба был полковник Джафаров Ваха. Главным штабом ВС Чечни командовал Масхадов. Эти базы были в период первой российско-чеченской войны. На данный момент от полигонов и баз ничего не осталось.

В период с августа 1996 года по 2000 год у меня был единый центральный штаб в городе Грозном, по адресу: площадь Революции дом 18/67. Это был многоэтажный дом, штаб размещался на первом этаже. На данное время от дома ничего не осталось, кроме руин, он полностью разрушен в результате штурма Грозного зимой 2000 года. Там же размещались боевые подразделения. Количество людей не регулировалось, так как все жили в своих квартирах, постоянно перемещались. Начальником штаба и моим первым заместителем был Ваха Джафаров. (Он погиб во время инцидента на телевидении в городе Грозном, в июне 1998 года. Ныне его семья проживает в селении Ведено.)

Это был непосредственно штаб Северо-Восточного направления «вооруженных сил Чеченской Республики». На том же этаже размещалось общество ветеранов Первомайского сражения. Некоторые условно называли организацию «армия генерала Дудаева», на самом деле у нас была такая организация, которая официально была зарегистрирована в министерстве юстиции Чеченской Республики как национально-освободительное движение «армии генерала Дудаева». Но все это было условно, на бумаге, определенных боевых подразделений, входящих в состав «армии генерала Дудаева», не было, так как эта организация была военно-политической, основной задачей была организация политической борьбы за независимость Чечни. В «армию генерала Дудаева» мог вступить любой патриот республики как индивидуальный член движения, иных структур в армии, в том числе боевых подразделений, не было. В состав «армии генерала Дудаева» и Северо-Восточного направления входили одни и те же люди, кроме того, в «армию генерала Дудаева» как в военно-политическую организацию входили как военные, так и гражданские лица. Несколько боевых подразделений, входящих в состав Северо-Восточного направления, располагались в селении Новые Гордали Гудермесского района, в здании незавершенного торгового комплекса в центре села. В указанном месте располагался комендантский батальон (300–400 человек), они следили за дисциплиной в подразделениях Северо-Восточного направления, охраняли объекты, военную технику. На вооружении у них состояло стрелковое оружие, пулеметы, гранатометы. Командиры менялись каждые три месяца, поэтому я не помню конкретно имен и фамилий. Финансировались они за счет средств штаба.

Еще одно подразделение располагалось в Ножайуртовском районе у селения Гансол-Чу, в лесном массиве. Там непосредственно дислоцировался горно-стрелковый полк численностью 700–800 человек. Основная задача была всегда находиться в боевой готовности, на случай отражения агрессии извне. Стрельбы проводили там же в лесных массивах, выезжали в ложбины, брали с собой мишени и стреляли, в определенное время принимали у бойцов зачеты по стрельбам. Финансировалось Северо-Восточное направление за счет централизованных средств правительства, из источников международных исламских фондов. Бойцам выплачивалась заработная плата по схеме, которую устанавливал штаб. Основные деньги выделялись на проведение митингов, транспорт, политические цели, на организацию жилищных условий, на обеспечение продовольствием, вносились пожертвования. Во второй российско-чеченской войне бойцы Северо-Восточного фронта принимали участие в боях за Грозный. Я участия не принимал, так как был на лечении, затем находился на послеоперационной реабилитации в горах Чечни. Бойцы Северо-Восточного направления, в том числе и я, участия во вторжении в августе 1999 года в Республику Дагестан не принимали.

На данное время мои родители проживают в г. Гудермесе, по адресу: ул. Пархоменко, дом 42.

Протокол допроса мной прочитан. С моих слов записано верно. Поправок и дополнений не имею.

(Радуев С. Б.)

Допросил и протокол составил:

Старший следователь 3-го отдела Следственного Управления

ФСБ России капитан юстиции А. М. Юсуфов

Но вернемся к моей обвинительной речи.

Действия Радуева и Атириева, связанные с нападением в январе 1996 года на Кизляр и Первомайское, сопровождавшиеся взрывами, поджогами, убийствами и ранениями людей, причинением значительного имущественного ущерба и наступлением иных общественно-опасных и тяжких последствий, в том числе и создающих опасность гибели людей, квалифицировались как терроризм по ч. 3 ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Так же были определены и действия Гайсумова, участвовавшего в актах терроризма.

Подобная квалификация вытекала из целей нападения. А цель нападения, в частности, состояла в том, чтобы воздействовать на решения властей, нарушить общественную безопасность и порядок. При этом нельзя не учитывать и то, что нападение было совершено с применением огнестрельного оружия, организованной группой и повлекло гибель людей, иные тяжкие последствия.

Я предлагал квалифицировать терроризм по статье нового УК России. Действовавшая в 1996 году ст. 213-3 прежнего Кодекса РСФСР была более суровой. Она предусматривала возможность применения смертной казни.

Умышленные убийства, совершенные бандой Радуева при нападении на Кизляр и Первомайское, применительно к самому Радуеву я квалифицировал по ч. 4 ст. 17 и п.п. «в», «г», «д», «з», «н» ст. 102 УК РСФСР. То есть как организацию умышленных убийств двух и более лиц, совершенных с особой жестокостью, в связи с выполнением потерпевшими служебного долга, способом, опасным для жизни многих людей, по предварительному сговору.

Под организационным началом Радуева членами его банды были совершены при тех же отягчающих обстоятельствах покушения на убийство. Эти действия для Радуева были квалифицированы по ч. 4 ст. 17, ч. 2 ст. 15 и п.п. «в», «г», «д», «з», «н» ст. 102 Уголовного кодекса РСФСР. Как известно, покушение на убийство может быть вменено лишь при доказанности прямого умысла на убийство. Считаю, что сомнений в наличии у Радуева такого умысла не было. О нем свидетельствовали характер оружия, с которым банда двинулась на Кизляр и которое применяла против людей.

Мины, как известно, не устанавливаются для игр и шуток. Стрельба по человеку из гранатометов и пулеметов — не доброе приветствие и преследует совершенно определенные, всем известные цели. О наличии умысла на убийство людей свидетельствовали и детали радуевского плана нападения на город.

Под его же, Радуева, началом банда учинила и посягательства на жизнь работников милиции в связи с их служебной деятельностью по охране общественного порядка. Тем самым Радуев совершил преступление, состав которого предусмотрен ч. 4 ст. 17 и ст. 191-2 УК РСФСР.

Действия Радуева, руководимой им банды, а также действия Аггириева и его группы, сопряженные с захватом заложников квалифицированы мной по ч. 2 ст. 126-1 УК РСФСР. Это — захват и удержание лиц в качестве заложников, соединенные с угрозой убийства, причинением телесных повреждений, в целях понуждения государства совершить определенные действия как условие освобождения заложников, повлекшие тяжкие последствия. Виновным в совершении этого преступления я предложил признать и Алхазурова, принявшего участие в составе банды в удержании заложников.

Похищение радуевцами работников милиции Пензенского УВД квалифицируется по ч. 3 ст. 125-1 Уголовного кодекса РСФСР — похищение человека, совершенное организованной группой.

Радуев руководил бандой, которая захватила оружие сотрудников милиции УВД Новосибирской и Пензенской областей. А это должно быть квалифицировано не дважды одной и той же статьей, как это сделало следствие, а одним составом — ч. 3 ст. 218-1 УК РСФСР. Хищение огнестрельного оружия и боевых припасов, совершенное путем разбойного нападения и организованной группой. Так же я квалифицировал и действия Аггириева, группа которого приняла участие в захвате оружия новосибирских милиционеров. А овладение автомашинами на дороге к Кизляру? Я квалифицировал это по ч. 3 ст. 146 УК РСФСР. Хищение чужого имущества, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевших, и с угрозой применения такого насилия, совершенное с применением оружия в составе организованной группы лицом, ранее совершившим бандитизм, с целью завладения имуществом в крупных размерах.

Публичные угрозы Радуева взорвать вокзал в Воронеже, уничтожить российские города, учинить иные террористические акции, в связи с тем, что они воспринимались как, безусловно, реальные, я предложил квалифицировать по п. «б» ч. 2 ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации. То есть как терроризм, совершенный неоднократно.

Пятигорские события применительно к Радуеву образовали состав преступления, предусмотренный ч. 3 ст. 33 и ч. 3 ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации: организация терроризма, сопряженного с производством взрыва, повлекшего смерть людей, иные тяжкие последствия, значительный имущественный ущерб, совершенного организованной группой в целях неоднократного устрашения населения.

Действия Радуева, сопряженные с убийством людей членами его банды на Пятигорском вокзале, я предложил квалифицировать по ч. 3 ст. 33 и п. п. «а», «е», «ж», «з», «н» ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации. Организация убийства двух и более лиц общеопасным способом, организованной группой, сопряженного с бандитизмом, неоднократно.

Незаконные действия с оружием Атириева, Алхазурова и Гайсумова мной квалифицированы по ч. 1 ст. 222 Уголовного кодекса Российской Федерации. Я мотивировал это тем, что действовавшая в 1996 году ст. 218 УК РСФСР не содержала таких квалифицирующих признаков, как «неоднократность» и «организованная группа». Не могли быть квалифицированы их действия по этой статье еще и потому, что санкция ее тогда была более суровой.

Теперь по поводу наказания подсудимых. Следует учесть не только тяжесть совершенных ими преступлений, количество жертв, цели и мотивы преступной деятельности, но и характеристику самих подсудимых.

Радуев весь процесс страстно желал быть в фокусе общественного внимания. Два раза он даже обижался на средства массовой информации. Да, тщеславие у него непомерное. Точно подметила одна газета: «Ему, как Бонапарту, нужен был свой Тулон». Вот он его и получил, покрыв себя позором и бесчестьем, презрением всех людей, которым дороги идеалы чести, добра и справедливости.

Радуев неоднократно признавался, что он глубоко верующий человек. Однако вера его лжива, лицемерна и фальшива, а его следование наставлениям Корана вызывало по меньшей мере только удивление. Все им извращено и выглядело явно недостойным праведника.

«Совершай молитву, — сказано в Коране, — делай добро и не делай зла...» (сура 15, глава 31). Но у Радуева все наоборот.

«И не убивайте человека, как запретил это Аллах» (сура 35, глава 17).

А сколько жизней на черной совести Радуева?

Я привел лишь несколько строк из Корана, чтобы напомнить людям, а также самим подсудимым и прежде всего Радуеву, что вера, религия призваны гасить огонь взаимоистребления и слепой ненависти к другому человеку. И если ваххабиты, боевики и экстремисты всех мастей сейчас призывают к истреблению других народов, то это как раз противоречит наставлениям пророка Мухаммеда: жить в мире с другими людьми.

Не отличался человеколюбием не только Радуев. Атириев, Алхазуров, Гайсумов — тоже. Нет, они не раскаялись. Не выразили, хотя бы малейшего, сожаления по поводу содеянного. Это свидетельствовало об их исключительной общественной опасности, об их жестокости.

Подсудимые виновны по всем законам — Божеским и человеческим. За то горе и страдания, которые они причинили людям, все они заслуживают самого сурового наказания. Мы не можем не учитывать роль каждого из них в совершенных преступлениях. Но у закона свой счет — годами.

При том следовало иметь в виду, что за деяния, совершенные до вступления в силу нового УК, лишение свободы не могло быть назначено свыше 15 лет. Таковы требования закона, которыми мы, в отличие от сидящих на скамье подсудимых, не могли пренебречь.

Я предложил определить Радуеву по ранее названным статьям с соответствующими пунктами и частями наказание в виде лишения свободы.

А именно: по ст. ст. 102, 191-2, 126-1, 125-1, ст. 218-1 УК РСФСР, ч. 1 ст. 209, ч. 2 ст. 205, ч. 3 ст. 205, УК России — 15 лет по каждой, то есть максимальное. Он этого вполне заслужил.

По ч. 4 ст. 17 и ч. 2 ст. 15, ст. 102 УК РСФСР, поскольку речь шла об организации покушения на убийство и наказание в виде лишения свободы не может быть назначено свыше трех четвертей установленной санкции, просил определить 11 лет.

По ч. 3 ст. 222 Уголовного кодекса Российской Федерации — 8 лет; по ч. 3 ст. 33 и ч. 3 ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации — 20 лет.

Я знал и об этом уже говорил ранее, что народы Дагестана, России в целом, давно уже приговорили Радуева к смертной казни. По человечески... это более чем понятно. Но в соответствии с Постановлением Конституционного суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года возможность применения смертной казни в настоящее время приостановлена. Поэтому и я, как государственный обвинитель, не был вправе требовать ее назначение.

Исключительной мере — смертной казни — есть достаточно достойная альтернатива: пожизненное лишение свободы. Именно это наказание я и предложил назначить по ч. 3 ст. 33 п.п. «а, е, ж, з, н» ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Пожизненное лишение свободы Салману Радуеву было мной предложено назначить по совокупности преступлений, с отбыванием в исправительной колонии особого режима.

Подсудимому Атириеву, по мотивам, изложенным выше, я предложил по ч. 1 ст. 222 Уголовного кодекса Российской Федерации назначить 4 года лишения свободы; по ст. ст. 146, 218-1, 126-1 УК РСФСР, ст. ст. 209, 205 Уголовного кодекса Российской Федерации — 15 лет по каждой.

По совокупности преступлений окончательно определить ему 15 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима.

Алхазурову по ч. 1 ст. 222 Уголовного кодекса Российской Федерации, по ч. 2 ст. 126-1 УК РСФСР, ч. 2 ст. 209 УК Российской Федерации назначить максимальную меру наказания, предусмотренную санкциями названных статей.

Гайсумову по ч. 1 ст. 222 УК Российской Федерации, ч. 2 ст. 209 и по ч. 3 ст. 205 УК Российской Федерации — также назначить максимальную меру наказания.

Заявленные иски я просил удовлетворить в полном объеме.

Я полагал, что такое наказание подсудимым и приговор суда станет не только справедливым возмездием, но и послужит суровым предостережением всем одержимым идеями террора, всем боевикам и их покровителям в стране и за ее пределами.

Информация к рассуждениям

История, факты, события (по сообщениям Интерфакса)

...Полевой командир Салман Радуев, бывший вице-премьер и министр Ичкерии Турпалали Атириев, а также два боевика Асламбек Алхазуров и Хусейн Гайсумов были доставлены в двух инкассаторских броневиках в сопровождении машин ГИБДД и БТР с сидящими на броне вооруженными омонотцами из СИЗО-1 Махачкалы в здание Верховного суда в 7 часов утра 15 ноября 2001 года. В оцеплении вокруг здания стояли несколько сот милиционеров. По всей округе — вой сирен. Начинаясь первый такого рода процесс над террористами. Аккредитованы около 100

журналистов из 40 изданий и телекомпаний. Такой журналистской «массовости» в Махачкале еще никогда не отмечалось.

В бандитском рейде на Кизляр и село Первомайское Республики Дагестан приняли участие около 300 чеченских боевиков, захвативших в заложники свыше 3000 мирных жителей. В результате бандитских действий с 9 по 18 января 1996 года погибли 78 военнослужащих, сотрудников МВД и мирных жителей Дагестана, несколько сот человек получили ранения различной степени тяжести. Сумма причиненного ущерба превысила 269 млрд неденоминированных рублей.

Прокурор Чечни Всеволод Чернов подтвердил 15 декабря 2001 года, что в пригороде Грозного обнаружено новое большое захоронение человеческих останков. По предварительным данным, это были в основном гражданские лица. Их всех убили из огнестрельного оружия.

С. Радуев перенес две сложные хирургические операции. Одну в марте 1996 года — лечение проводилось, по словам Радуева, в Германии и Азербайджане, другую — в январе 1999 года. Незадолго до ареста, состоявшегося в марте 2000 года, он получил еще одно ранение на юге Чечни (февраль 2000 г.).

16 ноября 2001 года в Новолакском районе Дагестана задержана группа боевиков. У них обнаружены радиостанция и взрывчатка. Задержанные доставлены в Махачкалу. На допросе в ФСБ они заявили, что «хотели освободить Радуева или напасть на Генпрокурора России».

Взрыв в Каспийске 16 ноября 1996 года был первым в череде кровавых актов, прокатившихся затем по России. 9 мая 2002 года в Каспийске во время парада Победы был совершен еще один страшный теракт.

Фразы

«Я доверяю российскому суду. Что он решит в отношении Радуева, то и должно быть исполнено. Если тюрьма, значит — тюрьма. Если смерть — значит смерть. Но вынесения приговора с осуждением к смертной казни у нас больше нет».

Ф. Искандер, писатель

«Если хотите знать мое личное мнение, я — за максимальную открытость суда... Судебный процесс над чеченским террористом Салманом Радуевым — это демонстрация силы закона над терроризмом».

В. Устинов

«У меня есть определенные профессиональные принципы. По крайней мере, до суда предпочитаю дела не комментировать».

М. Краснов, политолог

«Я считаю: должно быть детальное судебное разбирательство, процесс должен быть, на мой взгляд, открытым... Это действительно серьезный процесс. Народ должен знать, как это было, какие были истоки террора, чтобы так больше не повторялось».

Б. Немцов, депутат Госдумы

«Процесс в Махачкале не имел аналогов в новейшей истории Российского государства. Более 3 тысяч потерпевших проходили по делу».

И. Яралиев, прокурор Дагестана

Глава третья

Встать, суд идет!

Вердикт возмездия

Говорит Закон — молчат автоматы. В деле защиты Закона и наказания криминала — злодеяний Радуева и бандформирований финал один — приговор. Впрочем, язык обвинительного заключения и приговора, их суть — лучшая тому иллюстрация.

Я, как юрист, прокурор и тем более Генеральный прокурор, не буду комментировать приговор суда по делу С. Радуева, но предлагаю читателю максимально глубоко познакомиться с этим документом. Обращаю внимание на определенные важные моменты, которые выделяю шрифтом или другими графическими способами, облегчающими понимание вопроса и чтение юридического текста.

Суд исследовал обвинительную речь прокурора, все возможные документы, включая свидетельства о смерти, служебные записки об обстоятельствах гибели, акты и копии об обстоятельствах и характере полученных ранений военными и гражданскими лицами, выписки из историй болезни, листки нетрудоспособности, все другие доказательства, характеристики и заявления подсудимых и их защиты, и сделал на их основании свои выводы.

Вот какой был вынесен приговор в Махачкале. Соблюдая те же принципы демократичности и корректности, перенося их в публицистическое произведение, постараюсь изложить текст приговора с некоторыми сокращениями, но оставляя неизменной всю защитную мотивацию и аргументацию обвиняемых — четверки подсудимых и главное — их лидера Салмана Радуева, которого кто-то из журналистов точно назвал «меченосцем армии генерала Дудаева».

ПРИГОВОР

Именем Российской Федерации

25 декабря 2001 года гор. Махачкала

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Республики Дагестан в составе: председательствующего — судьи Унжолова Б. М. народных заседателей — Алибутаева А. И. и Магомедова Г. М. с участием государственного обвинителя, Генерального прокурора РФ — Устинова В. В. и защиты в лице адвокатов — Арсанукаева С. Я., Каландаровой С. Ю., Орцханова А. И., Гаджиевой Э. М. и защитников — Яхъяева Л.-А. Ш. и Мутушева Ш. Я. при секретаре — Кудиновой Э. А.

Рассмотрев в открытом судебном заседании в помещении Верховного суда РД уголовное дело по обвинению:

Радуева Салмана Бетыровича, родившегося 13 февраля 1967 года в г. Гудермесе, Чеченской Республики, чеченца по национальности, семейного, имеющего высшее образование, без определенного рода занятий, проживающего по адресу: Чеченская Республика, г. Гудермес, ул. Пархоменко, 42, ранее не судимого,

в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 17 ч. 4 и 102 п. п. «в, г, д, н, з», 17 ч. 4, 15 ч. 2 и 102 п. п. «в, г, д, н, з», 17 ч. 4 и 191-2, 126-1 ч. 2, 218-1 ч. 3, 125-1 ч. 3, 218-1 ч. 3 УК РСФСР и 209 ч. 1, 208 ч. 1, 222 ч. 3, 205 ч. 3, 205 ч. 2 п. «б», 33 ч. 3 и 205 ч. 3, 33 ч. 3 и 105 ч. 2 п. п. «а, е, з, ж, н» УК РФ,

АТГИРИЕВА ТУРПАЛАЛИ АЛАУДИНОВИЧА, родившегося 08 мая 1969 года в с. Аллерой, Шалинского района Чеченской Республики, чеченца по национальности, семейного, имеющего незаконченное высшее образование, без определенного рода занятий, проживающего по адресу: Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Победы, 61 «а», ранее не судимого,

в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 146 ч. 3, 218-1 ч. 3, 126-1 ч. 2 УК РСФСР и 209 ч. 2, 208 ч. 2, 205 ч. 3, 222 ч. 3 УК РФ,

АЛХАЗУРОВА АСЛАМБЕКА СУЛТАНОВИЧА, родившегося 20 июля 1968 года, в совхозе им. Ленина, Наурского района Чеченской Республики, чеченца по национальности, имеющего среднее специальное образование. Без определенного рода занятий, проживающего по адресу: Чеченская Республика, Веденский район, с. Тевзана, ранее не судимого,

в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 126-1 ч. 2 УК РСФСР и 209 ч. 2, 222 ч. 3 УК РФ.

ГАЙСУМОВА ХУСЕЙНА САЙДАХМАДОВИЧА, родившегося 25 мая 1976 года в станице Калиновская, Наурского района Чеченской Республики, чеченца по национальности, имеющего среднее специальное образование, без определенного рода занятий, проживающего в ст. Калиновская, Наурского района Чеченской Республики, ранее не судимого,

в совершении преступления, предусмотренного ст. ст. 205 ч. 3, 208 ч. 2, 209 ч. 2 и 222 ч. 1 УК РФ.

УСТАНОВИЛА:

Подсудимый Радуев С. Б. создал вооруженную банду с целью нападения на предприятия, организации, учреждения, граждан, в целях воздействия на принятие решений органами власти и в целях нарушения общественной безопасности неоднократно совершал акты терроризма, т. е. действия, создающие опасность гибели людей и причинения значительного имущественного ущерба, при этом организовал захват и удержание большого количества заложников, в целях понуждения государственных органов совершать действия, как условие освобождения заложников, повлекшие тяжкие последствия, являясь организатором банды и актов терроризма, организовал умышленные убийства многих мирных граждан способом, опасным для жизни многих людей, с особой жестокостью и военнослужащих федеральных войск, в связи с выполнением ими своего служебного долга, и по предварительному сговору группой лиц.

Радуев организовал посягательство на жизнь работников милиции в связи с их служебной деятельностью по охране общественного порядка.

Являясь руководителем банды, Радуев организовал похищение людей и при этом организовал похищение огнестрельного оружия, неоднократно приобретал, носил и хранил огнестрельное оружие, боеприпасы и взрывчатые вещества, находясь в банде.

Подсудимый Атириев Т. А. участвовал в вооруженной банде, совершал разбойные нападения с целью хищения чужого имущества, соединенное с насилием, опасным для жизни потерпевших, с применением огнестрельного оружия и в составе организованной группы — банды, в целях понуждения органов власти принять решения, совершил акт терроризма, то есть действия, создающие опасность гибели людей, причинения значительного ущерба, являясь членом банды, совершил захват и удержание заложников, в целях понуждения органов власти совершить действия, как условие освобождения, и повлекшие тяжкие последствия, совершил хищение огнестрельного оружия путем разбойного нападения, будучи членом организованной группы (банды), а также незаконно приобрел, хранил, носил и перевозил огнестрельное оружие и боеприпасы, будучи участником банды.

Подсудимый Алхазуров А.С., являясь участником банды, удерживал заложников в целях понуждения органов власти совершить действия, как условие освобождения заложников, незаконно приобрел, хранил и носил огнестрельное оружие и боеприпасы.

Подсудимый Гайсумов Х.С. участвовал в банде, в целях воздействия на принятие решений органами власти совершил действия, создающие опасность гибели людей и причинения значительного ущерба, то есть участвовал в совершении акта терроризма, незаконно приобрел, хранил и носил огнестрельное оружие и боеприпасы.

Преступления совершены в январе 1996 года, в декабре 1996 года и в январе-апреле 1997 года на территории Чеченской Республики, Республики Дагестан и в г. Пятигорске Ставропольского края.

Видение суда: Еще раз об истории вопроса в тексте приговора

В декабре 1994 года силами федеральных войск и правоохранительных органов РФ начата операция по разоружению незаконных вооруженных формирований, дислоцированных в Чеченской Республике и установлению конституционного порядка в этой республике — субъекте РФ.

Для организации сопротивления федеральным войскам, нападения на граждан и организации президентом Чеченской Республики Ичкерия (ЧРИ) Д. Дудаевым по территориальному признаку были организованы незаконные вооруженные формирования, так называемые направления «вооруженных сил ЧРИ» и один фронт. Руководителем Северо-Восточного направления, дислоцировавшегося в населенном пункте Новогрозненский, был назначен С. Б. Радуев.

В декабре 1995 года Радуевым и другими лицами, дело в отношении которых выделено особо, с целью понуждения государственных органов власти Российской Федерации к прекращению операции по восстановлению конституционного порядка на территории Чеченской Республики принято решение о нападении на один из городов Российской Федерации — на г. Кизляр. Для этого была создана банда, приобретено оружие из разных источников.

В конце декабря 1995 года в поселке Новогрозненский Радуев собрал участников банды, которым объявил о принятом решении. В начале января 1996 года участники возглавляемой Радуевым банды переместились в станицу Шелковская, где Радуев С. Б. предложил Агтириеву Т. А., являвшемуся руководителем Шелковской зоны ответственности, присоединиться к банде со своим отрядом.

8 января 1996 года банда Радуева численностью до 300 человек передислоцировалась к административной границе с Республикой Дагестан около г. Кизляра. Здесь Радуев объявил участникам банды о предстоящем нападении на г. Кизляр.

Банда была разделена на группы, одной из которых поручался захват больничного комплекса г. Кизляра Республики Дагестан; другой — захват заложников и перемещение их в больничный комплекс; третьей — уничтожение аэродрома и авиационной техники; еще двум — уничтожение войсковой части внутренних войск, дислоцированной в г. Кизляре.

9 января 1996 года, примерно в 5 часов утра, Радуев и участники руководимой им банды под его руководством и при непосредственном участии проникли на территорию г. Кизляра Республики Дагестан, напали на военные и гражданские объекты, жилые строения, граждан, организации, уничтожили государственное, муниципальное и личное имущество граждан, совершили убийства лиц из числа гражданского населения, военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел, а также захват заложников.

Участники банды заняли здания больничного комплекса, где также захватили в качестве заложников медицинский персонал и находившихся на излечении граждан. (В протоколе впервые

дается полный список всех захваченных заложников, убитых, раненых, потерпевших, бойцов сводного отряда милиции УВД Новосибирской области, которые несли службу на блокпосту.)

В период с 10 по 18 января 1996 года участники банды под руководством Радуева удерживали заложников в с. Первомайском, оказывали вооруженное сопротивление и нападали на позиции федеральных сил — военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, проводивших операцию по освобождению заложников.

В процессе нападения на г. Кизляр участниками банды убиты и ранены военнослужащие, сотрудники милиции и лица из числа гражданского населения, повреждены квартиры и частные домовладения граждан, уничтожен и поврежден автотранспорт, сожжены два вертолета войсковой части № 3692, нанесен ущерб военному городку внутренних войск МВД РФ.

Жителям города причинен ущерб на сумму 4 млрд 747 млн 870 тыс. неденоминированных рублей. Имущественный ущерб государственным и муниципальным учреждениям и предприятиям причинен на сумму 124 млрд 582 млн 700 тыс. неденоминированных рублей.

В с. Первомайском при оказании сопротивления федеральным войскам Радуевым и участниками банды ранены и убиты военнослужащие, сотрудники милиции и лица из числа гражданского населения, разрушено и повреждено 331 частное домовладение, уничтожено и повреждено имущество граждан на общую сумму 82 млрд 750 млн неденоминированных рублей. Административным зданиям села и другой собственности причинен ущерб на сумму 56 млрд 718 млн 800 тыс. неденоминированных рублей.

Радуев С. Б. и часть возглавляемой им банды скрылась на территории Чеченской Республики.

Совершение бандой Радуева С. Б. акта терроризма в г. Кизляре и в с. Первомайское повлекли тяжкие последствия, выразившиеся в захвате большого числа заложников (более двух тысяч), в том числе более 600 несовершеннолетних.

В первой части приговора суд показал свою демократичность, открытость и справедливость, предоставил и зафиксировал всю историю чеченского вопроса, в частности в изложении С. Радуева, его действия в период с 1991 года по момент ареста в марте 2000 года, позволил ему высказаться и все последовательно изложил в документе, чтобы не только юристы, но и заинтересованные лица могли увидеть и понять логику его мышления и как он лично представлял конкретные события в Кизляре и Первомайском, в Чечне и на Северном Кавказе в целом.

Объясняя причины и истоки организации вооруженной группы (банды), С. Радуев, не признавая себя виновным по этому эпизоду, показал следующее, и мы объективно и последовательно воссоздаем (с минимальными редакционными сокращениями) текст его заявления.

В 1991 году в Чечено-Ингушской Республике в ходе известных политических потрясений в СССР разразился политический кризис. Руководство ЧИР во главе с бывшим Председателем Верховного совета Завгаевым поддержало путч в Москве (ГКЧП), а большинство активного населения республики под руководством «Общенационального конгресса чеченского народа» (председатель Исполкома ОКЧН — Джохар Дудаев) выступило в поддержку демократических сил России во главе с Борисом Ельциным. В то время Джохар Дудаев координировал действия ОКЧН по противостоянию силам ГКЧП в ЧИР с ближайшим окружением Ельцина (Хасбулатов, Бурбулис и др.) После провала ГКЧП в Москве Верховный совет ЧИР во главе с Завгаевым, чтобы как-то оправдать свою причастность к ГКЧП и остаться у власти, пошел на принятие ряда политических решений. А именно на специально созванной сессии Верховного совета ЧИР была принята декларация о государственном суверенитете республики, а также утверждены законы: об учреждении поста президента и о выборах президента республики. На момент провозглашения независимости Чеченской Республики в Чечне еще не были созданы вооруженные силы, которые сейчас называют в одних случаях устойчивыми вооруженными группами (бандами), а в других случаях — незаконными вооруженными формированиями. «Вооруженные силы Чеченской Республики» были созданы в 1992 году не коллегиальным решением ряда руководителей республики, а указом (единоличным) президента ЧР Джохара Дудаева в соответствии с Конституцией ЧР, принятой парламентом ЧР (который, в свою очередь, был избран на основе демократических процедур всенародными выборами). «Вооруженные силы ЧР» были созданы не с целью нападения на граждан и организации и якобы не преследовали цель добиться отделения

Чеченской Республики от Российской Федерации, а имели своей единственной целью защиту народа и республики в случае агрессии извне.

(Суд, соблюдая принцип демократии, не прерывал заведомо провокационную речь Радуева.)

«Вооруженные силы Чеченской Республики» президентом Дудаевым были созданы на базе оружия, вооружения, боевой и другой техники, оставленных Чечне после вывода с территории республики частей тогда еще Советской Армии (или Вооруженных сил СНГ) по взаимной договоренности между руководством ЧР и руководством Российской Федерации. Раздел вооружения и боевой техники между Россией и Чеченской Республикой в 1992 году был осуществлен строго в соответствии с двусторонним соглашением и актами приема-передачи (то есть комиссионно).

Он — Радуев — был одним из членов комиссии по разделу вооружения с чеченской стороны. Вооруженные силы ЧР формально-юридически и фактически были созданы при непосредственном участии официальной российской власти во главе с Ельциным. Радуев полагал, что если бы в свое время российская сторона добровольно не оставила Чеченской Республике где-то более 50 % оружия, вооружения и боевой техники, выведенных с территории Чечни в 1992 году войск, Чеченская Республика не смогла бы создать свои вооруженные силы. Он утверждал, что лично не имел никакого отношения (ни прямого, ни косвенного) к созданию вооруженных сил ЧР.

В период с 1991 по 1994 год он не создавал вооруженных сил или других воинских формирований (что являлось исключительной прерогативой президента ЧРИ Дудаева), а также не руководил вооруженными силами или какими-то частями. Первая государственная должность, которую он занял в период правления Дудаева, была должность префекта Гудермесского района ЧР. Это была гражданская, административная должность. Его единственная военная должность с начала правления Дудаева — пост командующего Северо-Восточного направления «вооруженных сил ЧРИ» — он занял ее в конце октября 1995 года. Территориальные направления «вооруженных сил ЧРИ» были созданы указом президента ЧРИ Дудаева примерно 27 октября 1995 года взамен ранее действовавших фронтов. В отличие от территориальных направлений, фронты были чисто военными структурами по линиям ведения боевых действий. Вновь созданные пять направлений (Северо-Западное, Юго-Западное, Южное, Юго-Восточное и Северо-Восточное) представляли собой в соответствии с указом президента ЧРИ административно-военные структуры, созданные в целях эффективного управления республикой на период военных действий, а не для нападения на граждан и организации. Территориальные направления, в частности Северо-Восточное направление, которым он командовал, формально-юридически не являлось боевой единицей или воинским формированием (частью, соединением и объединением), а было своего рода структурой управления для боевых подразделений на соответствующей определенной территории.

Радуев, как командующий направлением, не обладал полномочиями создавать, ликвидировать (реорганизовывать) подразделения (батальоны, полки, бригады), а также назначать или снимать с должностей командиров этих подразделений. Приказы о создании подразделений и назначении командиров этих подразделений издавал исключительно главнокомандующий «вооруженными силами Чеченской Республики» — генерал Дудаев. Возглавляемое Радуевым Северо-Восточное направление в соответствии с положением не имело самостоятельного военного баланса, то есть складов с оружием и боеприпасами и т. д., не приобретало огнестрельное оружие различной модификации и боеприпасы к нему, в том числе гранатометы, пулеметы, минометы, автоматическое стрелковое оружие и др., также не обеспечивало всем вышеуказанным подразделения, территориально входящие в его состав.

В соответствии с приказом главнокомандующего ВС ЧРИ Дудаева в состав Северо-Восточного направления входили все подразделения (уже укомплектованные через главный штаб ВС ЧРИ командным составом, оружием, боеприпасами, средствами связи, обмундированием и налаженными тыловыми службами), находящиеся на данный момент на территории направления. В случае перехода по различным причинам с территории другого направления подразделения (подразделений) на территорию Северо-Восточного направления это подразделение также попадало под оперативное подчинение командования направлением. Поэтому Северо-Восточное направление, как и остальные направления, по мнению Радуева, нельзя формально-юридически определить как воинское формирование или как банду. Северо-Восточное направление, которым он командовал, — это структура административно-территориального военного управления.

В отличие от командующего Северо-Восточным направлением непосредственный командир подразделения (батальон, полк, бригада) в составе направления являлся единоличным командиром для отдельного подразделения, обеспечивал через главный штаб ВС ЧРИ свое подразделение оружием, боеприпасами, средствами связи, питанием, нес персональную ответственность за сохранность оружия и боеприпасов; планировал и руководил непосредственно боевыми действиями подразделения...

Замечу, что так же, как и на следствии, Радуев юлил, выкручивался. Перед нами один из протоколов допроса от 29 июня 2000 года, в котором Радуев пытается представить себя лишь исполнителем чужой воли, таким добрым «свадебным генералом», а не носителем зла, смерти, жестокости.

Протокол допроса обвиняемого Радуева С. Б.

Город Москва 29 июня 2000 года

Вопрос: Желаете ли вы в ходе сегодняшнего допроса давать показания без участия защитника?

Ответ: Да, в ходе сегодняшнего допроса я желаю давать показания без участия защитника.

(Радуев С. Б.)

По существу заданных вопросов обвиняемый Радуев С. Б. показал следующее:

В декабре 1991 года, как я показывал на предыдущих допросах, я был назначен Д. Дудаевым префектом Гудермесского района и являлся им до 1994 года. После начала боевых действий в 1994 году я был назначен Д. Дудаевым представителем главнокомандующего «вооруженных сил Чечни» в восточной зоне обороны. В апреле 1995 года был назначен руководителем военной администрации президента ЧРИ. В октябре 1996 года я был назначен командующим Северо-Восточным фронтом, которым являлся до последнего времени. Кроме того, я возглавлял ряд общественно-политических организаций Ичкерии. Весь этот период я занимался активной политической деятельностью и был хорошо известен не только чеченскому народу, но и всей мировой общественности. Очень многие из коренных жителей Чечни — чеченцев с большим уважением относились ко мне. Об этом свидетельствует и то, что практически все они приглашали меня на свадьбы и другие торжества в качестве почетного гостя. Я старался никому не отказывать, чтобы никого не обидеть. На свадьбах я бывал почти каждое воскресенье. Так как каждый из приглашавших хотел, чтобы я побывал именно у него, среди них была установлена своего рода очередь на мое присутствие. (Так сказать, свадебный генерал. — Авт.) Также я был на многих похоронах, чем хотел показать, что я соблюдаю традиции своего народа, и это создавало мне положительный имидж среди чеченского народа. Мне, как политику, нужно было успеть побывать везде чисто из общественно-политических соображений. Во время таких мероприятий я старался как можно больше общаться с людьми, разъяснять им свою позицию, суть нашей вооруженной борьбы и политическую обстановку в Чечне. Особенно я старался побывать там, где были гости из Москвы, так как я считал, что, поддерживая с ними контакты, мог таким образом до широких масс истинное положение дел в Чечне и стоящие передо мной и моими войсками цели и задачи. Таких контактов было достаточно много, и я затрудняюсь назвать фамилии лиц, с которыми я общался. Многие из них оставляли мне свои визитные карточки, которых у меня было два больших класса.

Могу с уверенностью сказать, что во время таких встреч на свадьбах никаких деловых вопросов, таких как, например, о поставках или приобретении вооружения, о финансовой

поддержке, я не решал. Этими вопросами занимался мой начальник штаба Джафаров и подчиненный ему аппарат. Причем решал он их в другое время, а не на свадьбах. Также через Джафарова шли все приглашения мне, после его доклада я принимал решение, стоит ли мне ехать по этим приглашениям или нет. Положительное решение я принимал только в том случае, когда был уверен в собственной безопасности. Подготовку, организацию и безопасность таких выездов обеспечивал Джафаров и его люди.

На каждой из свадеб я был непродолжительное время. Приезжал я обычно после начала торжества и, побыв некоторое время там, поздравив молодоженов, уезжал.

В 1998–1999 годы примерно четыре или пять раз я был на свадьбах в Наурском районе Чечни. Как я припоминаю, я был на свадьбе у одного из родственников Арсанова Вахи. Этого родственника я не знаю. Кажется, это был какой-то бизнесмен из Москвы, точно утверждать не могу.

Также я был на свадьбе у одного из братьев, фамилию которых я не помню. Знаю, что их два или три брата и они были какими-то чемпионами по борьбе, кажется, чемпионами Европы, точно не знаю.

Был я в качестве почетного гостя и у родственников председателя старейшин нашего тейпа Касумова Насрутдин-хаджи. Эта свадьба была также в Наурском районе.

Присутствовал я и на свадьбе у родственника одного из начальников какой-то ПМК. Фамилию его я не могу вспомнить.

Примерно в прошлом году, точную дату не помню, я был на одной из свадеб в поселке Николаевское. Как я сейчас припоминаю, на эту свадьбу меня пригласили Касумов, о котором я сказал выше, и депутат парламента нашей республики, проживавший в этом поселке, фамилию которого тоже не помню. Свадьба была очень богатая, на ней было много гостей, в том числе и из Москвы. Меня, как почетного гостя, представили присутствовавшим на свадьбе и посадили возле хозяев, отдельно от всех гостей. Поэтому я общался в основном с хозяевами и находящимися с ними другими почетными гостями, с кем конкретно — я сейчас уже не помню. Находился на этой свадьбе я недолго, немногим более часа, после чего уехал. Как я сейчас припоминаю, на эту свадьбу я заехал после проведения примирения в одном из населенных пунктов Наурского района. Примирение было между Чеберлоевским тейпом, в частности родом Арсановых, и еще каким-то другим тейпом, за который просил Касумов, точно какой — я не помню.

Братьев Бекаевых я не знаю, и эта фамилия мне не знакома. Поэтому я не могу утверждать, что был у кого-нибудь из них на свадьбе. Так как я этих людей не знаю, то не могу знать, чем конкретно они занимаются и каков их круг связей. Не исключаю, что если бы мне были предъявлены их фотографии, я бы смог их опознать.

Протокол допроса мной прочитан. С моих слов записано правильно. Дополнений и поправок не имею.

Допросил и протокол составил:

Старший следователь по особо важным делам

Следственного управления ФСБ России полковник юстиции В. А. Иванец

Комментарий. Обратите внимание: Радуев, как часто повторяющийся рефрен, ссылается на свидетелей, имен которых он не помнит, не знает или которых уже нет в живых. Как бы концы в воду. Мертвые и неизвестные лица умеют надежно молчать...

Но пока это был «антураж», так сказать, «пристрелка», представление общих позиций. Теперь конкретно о Кизляре. Вот так операция была представлена суду С. Радуевым.

Решение о проведении войсковой операции на территории г. Кизляр в декабре 1995 года с целью понуждения государственных органов власти Российской Федерации к прекращению операции по восстановлению конституционного порядка на территории Чеченской Республики было принято единолично главнокомандующим «вооруженными силами ЧРИ» Дудаевым с целью привлечения широкого международного общественного внимания к ситуации в Чечне. В конце декабря он (Радуев) был вызван в резиденцию Дудаева в селе Гехи Чу, Урус-Мартановского района ЧРИ. Там Дудаев объявил о своем решении провести на территории г. Кизляр специальную войсковую операцию, сразу же разъяснил ему всю сложность и уникальность этой операции, а также предупредил, что если операцию не провести точно по его замыслу, то она принесет отрицательный эффект для национально-освободительного движения чеченского народа. Во время первой встречи с Дудаевым присутствовал военный прокурор ЧРИ Джаниев.

Дудаев заявил, что по его плану операцией должны руководить одновременно два командующих: один отвечает за политическое руководство, другой — за боевое. А также объяснил, почему он в качестве руководителей операции выбрал его и Х. Исрапилова — командующего Юго-Восточным направлением. Дудаев сам распределил их функции, сказал, что с учетом политического опыта он (Радуев) должен отвечать за политическую часть операции, а Исрапилов с учетом его боевого опыта (Исрапилов считался самым опытным боевым командующим в Чечне) должен организовать боевое руководство операцией. Дудаев сказал, что после согласования с ними он назначит своим приказом еще и коменданта г. Кизляра на период проведения операции, который будет отвечать за ситуацию в самом городе Кизляре.

Дудаев заострил внимание на том, что, несмотря на боевой характер, в конечном счете операция должна дать политический (пропагандистский) эффект, то есть придать мощный импульс поддержке международной общественностью борьбы чеченского народа против российской агрессии. Замысел операции не ставил перед собой цели принудить органы государственной власти Российской Федерации к каким-то действиям (прекращению войны или переговорам). Это было главным отличием «Кизлярской операции» от «операции» в г. Буденновске, проведенной в июне 1995 года.

Через два-три дня для продолжения работы над операцией Радуев вновь был вызван к Дудаеву, но уже вместе с Исрапиловым. К тому времени у него и Исрапилова был уже на руках письменный приказ Дудаева и утвержденный им же замысел операции. Механизм подготовки операции был уже запущен (прежде всего, разведывательная и организационная работа). На эти цели были подобраны два опытных командира: Долгуев Хасан и Нунаев Лом-Али (последний также был назначен приказом Дудаева комендантом г. Кизляра). В ходе подготовки операции они (Долгуев и Нунаев) несколько раз были в самом городе, готовили маршруты движения и изучали ситуацию в г. Кизляре.

Примерный текст приказа Дудаева и замысел операции был следующим:

«За нашу Веру, Свободу и Независимость!

Приказ Главнокомандующего Вооруженными силами ЧРИ о проведении специальной войсковой операции на территории г. Кизляр

В соответствии с Директивой ГКО (Государственного Комитета Обороны) ЧРИ «О проведении специальных войсковых операций на территории России в критических для национальной безопасности ЧРИ ситуациях, приказываю:

1. Силами боевых подразделений Северо-Восточного и Юго-Восточного направлений ВС ЧРИ провести специальную войсковую операцию на территории г. Кизляр.

2. Утвердить замысел специальной войсковой операции на территории г. Кизляр (прилагается).

3. Командование специальной войсковой операцией на территории г. Кизляр поручить командующему Северо-Восточным направлением ВС ЧРИ полковнику С. Радуеву (политическое руководство) и командующему Юго-Восточным направлением ВС ЧРИ полковнику Х. Исрапилову (боевое руководство).

4. Начальнику ГШ (главного штаба) ВС ЧРИ дивизионному генералу А. Масхадову обеспечить боевые подразделения ВС ЧРИ, участвующие в операции, дополнительным оружием, боеприпасами и средствами связи. 5. Координацию и общее руководство специальной войсковой операцией на территории г. Кизляр оставляю за собой.

Аллаху Акбар!»

Далее в приказе указывались цели и задачи проводимой операции, а именно: 1. Боевым подразделениям Северо-Восточного и Юго-Восточного направлений ВС ЧРИ необходимо к 9 января 1996 года провести на территории г. Кизляр специальную войсковую операцию. 2. В отличие от операции в г. Буденновске (Ставропольский край) проведение вышеуказанной операции на территории Дагестана будет сопряжено с очень сложными обстоятельствами: а) Дагестан — самая дружественная республика по отношению к Чечне; б) в отличие от руководства республики, народы Дагестана в основном выступают против вторжения российских войск на территорию Чеченской Республики Ичкерия, более того, многие дагестанцы не только приняли к себе чеченских беженцев, но и с оружием в руках сражаются на стороне чеченцев против российских войск. 3. Однако в плане выбора города для проведения операции г. Кизляр, в свою очередь, имеет преимущество перед, скажем, г. Буденновском и другими возможными городами того же Дагестана наличием в нем подразделений российских войск, непосредственно принимающих участие в боевых действиях в Чечне, в частности — вертолетная база г. Кизляра, с которой бомбят чеченские города и села. 4. Хотя основной задачей любой войсковой операции является военный успех, в данном случае главным результатом операции должен стать политический эффект. Исключительно поэтому устанавливается двойное командование операцией с учетом политического опыта командующего СВН ВС ЧРИ полковника С. Радуева и боевого опыта командующего ЮВН ВС ЧРИ полковника Х. Исрапилова. 5. Одновременно с привлечением в поддержку справедливой борьбы чеченского народа против российской агрессии широкой международной общественности, в ходе специальной войсковой операции на территории г. Кизляр необходимо попытаться добиться максимального понимания, а то и поддержки действий чеченских подразделений со стороны общественности Дагестана. Для чего: а) операцию на территории г. Кизляр необходимо провести очень осторожно, не вызывая массового недовольства местного населения; б) также необходимо исключить в ходе операции применение оружия против мирных жителей и местной милиции, использования граждан в качестве заложников. Не выдвигать каких-либо требований как условие освобождения временно лишенных свободы граждан, вместо этого вести интенсивные переговоры по обеспечению безопасного возвращения их по своим домам. 6. Таким образом, в ходе специальной войсковой операции провести следующие мероприятия: а) скрытно, без боевого столкновения с охраной, проникнуть на территорию вертолетной базы и уничтожить находящиеся там вертолеты с боеприпасами; б) одновременно незаметно выдвинуться в район расположения воинской части и хорошо организованной осадой заблокировать эту часть, при этом не ставя задачи захвата и уничтожения части; в) взять под контроль максимально большую территорию города, рассредоточив в разных его частях боевые подразделения, и создать по периметру города систему обороны на случай штурма города российскими войсками; г) здание РОВД г. Кизляр не штурмовать, а напротив, с помощью переговоров и других мер попытаться договориться с РОВД о неприменении друг против друга оружия; д) после вышеперечисленных мероприятий или по обстоятельствам одновременно с ними, собрать в 2–3 местах города максимальное количество граждан и объявить им о проводимой операции. Используя средства связи, сообщить о проводимой операции, ее целях и задачах ведущим информационным агентствам мира. 7. Затем, освободив граждан (демонстрируя тем самым, что операция не направлена против мирного населения г. Кизляр), по обстоятельствам принимая меры безопасности, боевым подразделениям Северо-Восточного и Юго-Восточного направлений ВС ЧРИ вернуться на свои базы постоянной дислокации в Чечню.

С замыслом операции под роспись ознакомлены: полковник Радуев, полковник Х. Исрапилов, майор Л.-А. Нунаев, майор Х. Долгуев. В ходе подготовки и проведения операции он (Радуев) руководствовался именно этими документами. Из более чем 250 участников операции под роспись с текстами приказов были ознакомлены только четыре человека, все остальные, в том числе и

командиры подразделений, участвующих в операции, знали о предстоящей операции по легенде прикрытия. Мы видим, что операция была разработана до деталей. Человеческие жертвы были неизбежны. И террористы это не только понимали, но сознательно планировали.

Радуев и Исрапилов еще в Чечне договорились, что будут коллегиально руководить операцией, с правом одного командующего по обстоятельствам отдавать приказы и распоряжения по всему комплексу стоящих перед операцией задач, но в конечном счете перед главнокомандующим ВС ЧРИ Дудаевым они оба должны были нести ответственность каждый за свое направление руководства: Радуев — за политическое, а Исрапилов — за боевое.

В период подготовки операции, во время встречи с Дудаевым у Радуева и Исрапилова состоялся разговор с военным прокурором ЧРИ Магомедом Джаниевым (разговор происходил в доме Джаниева в селе Гехи Чу) о ситуации на случай провала операции или же если российская сторона будет обвинять чеченских боевиков через средства массовой информации.

Военный прокурор Джаниев проинструктировал о юридических последствиях операции и сказал, что в результате выполнения операции они будут вынуждены совершить по крайней мере два преступления по российским законам. Это нарушение неприкосновенности жилища граждан (во время вторжения боевиков в дома и незаконного выселения граждан) и незаконное лишение свободы (ограничение личной свободы граждан путем водворения их в какое-либо помещение). В крайнем случае, сказал Джаниев, они могут совершить еще одно преступление — умышленное уничтожение военного имущества (вертолетов с боеприпасами), однако уничтожение вертолетов как умышленное уничтожение военного имущества считается преступлением для военнослужащих Российской Армии, а также это можно будет «списать» на военные действия между Россией и Чечней, хотя Россия не признает наличие войны и военных действий.

Радуев, по его словам, никакого отношения к созданию вооруженной группы (банды) не имел, а руководимый им отряд являлся подразделением «вооруженных сил Чеченской Республики», а не бандой. Поэтому он считает себя невиновным по этому эпизоду обвинения. Но это он считал. Суд же пришел к другому выводу, признав вину Радуева С. Б. в создании банды с целью нападения на предприятия, учреждения, организации и на мирных граждан.

Подсудимый Атириев Т. А. суду показал, что он являлся ответственным по Шелковскому району Чеченской Республики. В начале января 1996 года он узнал, что на территории Шелковского района появилась группа под командованием Радуева С. Б., и в один день он был приглашен в дом, где находились Радуев С. и Исрапилов Х. На его вопрос, почему они приехали в Шелковской район, где не идут боевые действия, Радуев и Исрапилов ответили, что не собираются воевать в Шелковском районе, и Радуев приказал ему со своим отрядом присоединиться к нему и сообщил, что идут для нападения на один из российских городов. Поскольку в то время Радуев С. Б. являлся командующим Северо-Восточного направления вооруженных сил Ичкерии, куда входила и его зона ответственности, как командующий он обязан был подчиниться. В группу Радуева входили люди из разных отрядов.

Обстоятельства организации и создания Радуевым С. Б. банды для нападения на предприятия, организации, учреждения, а также на мирных граждан г. Кизляра Республики Дагестан установлены и другими исследованными судом объективными доказательствами.

Допрошенный в судебном заседании свидетель Радуев С. Б. (Сулейман) — родной брат подсудимого Радуева, — являвшийся непосредственным участником банды (впоследствии амнистирован), суду показал следующее: Радуев Салман является его младшим братом. О том, как и кем подготавливалась операция нападения на Кизляр, знали только его брат Радуев Салман и еще несколько человек, которых он не знает. Это была секретная операция. Они узнали о том,

что пришли в Кизляр, только тогда, когда подошли к городу. О начале операции он узнал за несколько дней до ее начала, после Нового года. Об этом ему сообщил брат. На него возлагалась обязанность по уничтожению авиабазы и авиазавода. Где находится этот завод, он не знал. Получил указание выдвигаться группой. У него в подчинении были люди, более 30 человек вместе с женщинами, поварами и медсестрами.

Группа выдвинулась из с. Новогрозненское на грузовых машинах, ехали иногда по лесам, иногда по дорогам в крытой машине (будке). Все машины были грузовые, например «Урал» — вахта с будкой, на номера не смотрели. Оружие и боеприпасы были при себе, а запасное снаряжение везли на «ЗИЛ-131».

На этих машинах доехали до Терека, переплыли на лодках, а на другом берегу пересели в другие машины. Группа села в маленький автобус. Ночью всех привезли в какое-то село, разместили в дома, из которых не выходили в течение двух суток. Питались хлебом и мясом. Возраст участников вылазки был от 18 до 35 лет. Вооружены все были в основном автоматами и гранатометами, пользоваться оружием умели все, практиковались в боях. Одеты были в форму, камуфляж. В селе они сели на машины и поехали, куда не знали, пока не доехали до города.

Предполагали, что едут для уничтожения военных объектов. Основная задача была уничтожить вертолетную базу, авиазавод и войсковую часть. За ними приехал автобус, и они поехали колонной. Ехали по дорогам, полям. В группе было 250 человек. Из женщин самой молодой было 20 лет, старшей — за 30. Где высадились из автобуса, не знает. Услышал, что это Кизляр, когда уже зашли в город. Команды получал от брата Салмана по рации, которая была у него и у других командиров групп. Рация — американская. Его позывные были «Ангел», у брата — «Абдулла». О том, что они в Кизляре, брат сообщил ему по рации. Их цель атаки — военные объекты. То, что Дагестан позволяет со своей территории бомбить их родителей и детей, не плюс ему. Но, конечно, перед дагестанским народом виноваты...

Перед его группой стояла задача уничтожить авиазавод. Его местонахождение показал брат на карте, в Новогрозненском. Вверху карты было написано — «Карта Прохладного». Если бы даже он знал, что это за город, то значения не имело, это был военный приказ.

С ними был еще командующий с другого направления — Хункерпаша. Его убили. Он ему показал завод — КЭМЗ. Группа захвата зашла через забор, вывели оттуда двух сторожей — русского и чеченца. Они сказали, что это другой завод, тогда они ушли оттуда. В районе вертолетной базы раздавалась стрельба. По рации был дан приказ взять заложников. Для самозащиты и выхода из города всех перегнать в больницу. Такое указание Радуев-старший получил от младшего брата, и он выполнил приказ.

Подобные показания в ходе предварительного следствия дали и другие участники банды. Показания исследованы судом в порядке ст. 286 УПК РСФСР. Свидетели подробно и последовательно показали, что вооруженная группа была организована Радуевым С. Б. именно для совершения нападения на вертолетную базу, на воинскую часть, завод КЭМЗ, расположенные в г. Кизляре, и на людей, находящихся на этих объектах, а также на мирных горожан, больницу, роддом...

Подсудимый Гайсумов Х. С. показал, что являлся бойцом Наурского батальона под командованием Чараева М., по приказу которого он принял участие в нападении на г. Кизляр. Руководили налетом Радуев С. Б. и Исрапилов Х.

Вывод суда: созданная Радуевым С. Б. вооруженная группа с целью совершения нападений на предприятия, организации, учреждения и граждан, являлась бандой. Вина подсудимого Радуева С. Б. в создании банды установлена исследованными в судебном заседании доказательствами.

Организация и совершение Радуевым С. Б. акта терроризма в г. Кизляре и в с. Первомайское Хасавюртовского района РД 9-19 января 1996 года.

Подсудимый Радуев С. Б. виновным себя в организации и совершении акта терроризма не признал. Как он защищался, что и как показал на следствии и суде? Суд последовательно (для проверки и подтверждения фактов) накладывал одно показание на другое, словно создавал большое многэтажное гармоничное сооружение.

Нападение на г. Кизляр, показал в суде С. Радуев, было задумано президентом Дудаевым как войсковая операция по уничтожению вертолетной базы, воинской части и авиазавода, находящихся в г. Кизляре. Но только ли это?

Примерно 22 или 23 декабря 1995 года Джохар Дудаев вызвал Радуева в свою резиденцию, которая располагалась в населенном пункте Гехи Чу, и сообщил о прибытии 8-10 января 1996 года на военный аэродром города Кизляра 8 вертолетов федеральных сил с боеприпасами, среди которых, по его данным, должны находиться ракеты НУРС. В связи с этим Дудаев приказал Радуеву подготовить и провести операцию по захвату этой базы вместе с вертолетами, четыре из которых необходимо уничтожить, а остальные переделать в Чечню.

Нападение на аэродром он, по указанию Дудаева, должен был провести совместно с подразделениями Х. Исрапилова, который в то время был командующим Юго-Восточным направлением «вооруженных сил Ичкерии».

На следующий день Радуев встретился с Исрапиловым и рассказал о сути поставленной перед ними задачи. После этого они направились в ставку Дудаева, где в деталях обсудили план проведения «операции». Рассматривалось три уже известных варианта нападения на г. Кизляр. Особых расхождений не было.

Ставилась главная задача: уничтожение воинских частей, расположенных в черте города, а также авиационного завода. Но и другие городские объекты могли пострадать в ходе проведения операции, и Радуев это хорошо осознавал.

По указанию Джохара Дудаева руководство осуществлялось Радуевым и Исрапиловым.

Перед отбытием из Новогрозненского 5 января 1996 года Радуев с Исрапиловым еще раз уточнили между собой вопросы руководства операцией. Никто из командиров приданных в их распоряжение подразделений не имел права вступать в переговоры с представителями властей России и Дагестана. Кроме того, именно Радуев должен был представлять интересы отряда во время переговоров, а также давать пресс-конференции российским и зарубежным средствам массовой информации. Для координации указанных действий Радуеву был выдан телефонный аппарат космической связи, по которому он периодически должен был связываться с Дудаевым.

Исрапилов отвечал за оборону города после его захвата, а также ведение боевых действий с федеральными силами. Нунаев как комендант был ответственен за поддержание порядка в городе, то есть введение комендантского часа, создание органов военного управления и т. д.

Вечером 5 января 1996 года отряд на автобусах и автомашинах выехал из Новогрозненского и высадился у реки Терек в районе села Азамат-Юрт. Через реку бойцы отряда на двух лодках всю

ночь переправлялись на противоположный берег и затем на другом автотранспорте добрались до станции Шелковская.

Часть отряда сосредоточилась в лесном массиве недалеко от станиц Шелковская и Гребенская. Другая часть была расселена в жилых домах указанных населенных пунктов. Его — Радуева с Исрапиловым поместили в один из жилых домов станицы Шелковская, где они находились до вечера 8 января 1996 года. В период с 6 по 8 января Долгуев и Нунаев неоднократно выезжали в Кизляр для проведения разведывательной работы. После каждого своего возвращения они докладывали Радуеву об обстановке в городе.

Примерно в 21–22 часа 8 января отряд на автобусах и автомашинах выехал в направлении станицы Бороздиновская. Ехали, в основном, по трассе. Примерно в 3 часа 30 минут спешили в поле недалеко от административной границы между Дагестаном и Чечней. Здесь Радуев провел построение всего отряда и сообщил, что планируется захватить город Кизляр. После этого собрал командиров подразделений и еще раз уточнил стоящие перед ними задачи. Примерно в 4 часа утра весь отряд, кроме подразделения Атгириева, пешком направился в Кизляр. Атгириев с подчиненными ему бойцами, согласно полученному от Радуева указанию, поехал в Кизляр на грузовике. Боеприпасы он подвез к комендатуре, то есть к зданию больницы.

Теперь подведем некоторые итоги, уточним время, проверим, все ли сообщалось точно в предыдущих показаниях Радуева и других подсудимых.

Радуев прибыл примерно в 8 часов утра 9 января. В больнице уже находились около 2000 заложников, захваченных согласно плану операции. Около получаса Радуев разбирался со сложившейся ситуацией, принимал доклады от полевых командиров, а затем по спутниковому телефону связался с крупнейшими информационными агентствами мира, передал информацию о захвате Кизляра.

Текст сообщений был заранее согласован с Д. Дудаевым. В них говорилось, что чеченские вооруженные силы по приказу главнокомандующего Джохара Дудаева с целью прекращения агрессии России против чеченского народа взяли под контроль российский город Кизляр, полностью уничтожили аэродром, дислоцированные в городе войсковые части, нанесли большой урон живой силе и технике федеральных сил. (Несколько преувеличено, и ни слова о своих потерях, но так было выгодно Дудаеву и Радуеву.)

После этого Дудаев сообщил Радуеву, что некоторые иностранные средства массовой информации с пометкой «молния» уже передали сообщение в эфир.

Если бы по каким-либо причинам не удалось сообщить о захвате города средствами массовой информации, то Радуев, так он считал, должен был находиться в Кизляре до тех пор, пока об этом не стало бы известно во всем мире.

Получив указание Дудаева о возвращении на территорию Чечни, он, Исрапилов и Нунаев провели небольшое совещание. После этого Радуев практически целый день вел переговоры с различными политическими силами Дагестана, проводил пресс-конференции для средств массовой информации. Один или два раза по просьбе российских военных давал команду на временное прекращение боевых действий для эвакуации убитых и раненых.

Со стороны властей Дагестана в переговорах участвовали представители правительства и парламента этой республики. Сами переговоры шли очень тяжело. От Радуева требовали освободить всех заложников и со всеми боевиками покинуть Кизляр. Он соглашался, но требовал гарантий безопасности при прохождении по территории Дагестана, например, чтобы их сопровождало в качестве заложника первое лицо этой республики. (В этом еще одно проявление наглости террористов.)

В конце концов, пришли к соглашению, по которому власти Дагестана предоставляли отряду Радуева гарантии безопасности, подписанные Председателем Госсовета РД Магомедовым, автотранспорт, а также десять человек из числа видных руководителей республики для сопровождения до конечного пункта на территории Чечни. Радуев, в свою очередь, обязался разминировать здание больницы, отпустить всех заложников и покинуть город. Был согласован

маршрут выдвижения отряда Радуева с территории Дагестана — через селение Первомайское на Новогрозненское.

Примерно в 5 часов 30 минут 10 января к зданию больницы прибыла колонна автотранспорта, которую сопровождали 10 представителей властей Дагестана во главе с первым заместителем министра внутренних дел республики Беевым. Они предоставили ему (Радуеву) письменный документ, подписанный Председателем Госсовета РД Магомедовым. Так Радуев получил то, что хотел: гарантии беспрепятственного проезда не только по территории Дагестана, но и до поселка Новогрозненский включительно.

После этого началась погрузка боевиков вместе с убитыми и ранеными, а также вооружением на предоставленный автотранспорт. Радуев вместе с Исрапиловым последними покинули здание больницы и сели в один из автобусов. В нем уже находились бойцы радуевского отряда, представители властей Дагестана, а также заложники из больницы. 10 января 1996 года, примерно в 7 часов утра, колонна с боевиками и заложниками тронулась от здания больницы и направилась на территорию Чечни.

В пути следования один из добровольных заложников из числа представителей властей Дагестана задал С. Радуеву вопрос, почему он не выполнил условия соглашения и взял заложников из больницы? На это Радуев ответил, что не давал таких указаний. Хотя как мы помним из материалов предварительного следствия, это он подтверждал дважды.

Движением колонны по рации, как уже сообщалось, руководил первый заместитель министра внутренних дел Республики Дагестан Беев, который в автобусе сидел рядом с Радуевым.

Примерно в 11 часов колонна миновала блокпост федеральных сил, расположенный около села Первомайского, и направилась на территорию Чечни. Не достигнув границы с Чечней, вертолеты, сопровождавшие колонну, открыли огонь по милицейской автомашине, вырвавшейся вперед. Колонна свернула в село Первомайское.

После того как колонна остановилась, подразделение Атириева разоружило омонцев, находившихся на блокпосту, а оружие было складировано. Кто захватил в заложники бойцов Новосибирского ОМОНа? Радуев говорил, что не знал...

Начиная с 14 января 1996 года отряд боевиков отражал атаки федеральных войск в с. Первомайское, а в ночь с 17 на 18 января 1996 года вырвался из окружения с большими потерями и вместе с заложниками ушел на территорию Чечни. Радуев заявил, что в подготовке и совершении акта терроризма он не виновен. Он лишь по приказу высшего руководства Чеченской Республики провел войсковую операцию, поскольку шла война между Россией и Чечней, а он хотел прекратить войну и обратить на это внимание мировой общественности.

Вывод суда: Вина подсудимого Радуева С. Б. в организации совершения акта терроризма в г. Кизляре и в с. Первомайское 9-18 января 1996 года, то есть в совершении в целях нарушения общественной безопасности и воздействия на принятие решения органами власти взрывов и иных действий, создающих опасность гибели людей, причинение значительного имущественного ущерба, установлена исследованными в суде доказательствами.

Еще раз прибегнем к нашему методу повествования. Приведем текст протокола допроса Радуева от 24 мая 2000 года.

Протокол допроса обвиняемого Радуева С. Б.

Город Москва 24 мая 2000 года

Допрос начат в 10 часов 30 минут.

Допрос окончен в 12 часов 40 минут.

Вопрос: Уточните, сколько единиц автотранспорта было предоставлено дагестанской стороной отряду боевиков для передвижения вместе с заложниками из Кизляра в Новогрозненское?

Ответ: В настоящее время я затрудняюсь вспомнить точное количество автотранспорта, на котором мы вместе с захваченными в больнице заложниками выехали из Кизляра. Если мне не изменяет память, дагестанской стороной нам было предоставлено примерно 10 автобусов и два автомобиля марки «КАМАЗ». На один из КАМАЗов мы погрузили боеприпасы, а на второй — тела убитых боевиков. В ходе переговоров мы требовали предоставления нам рефрижератора для перевозки трупов, но дагестанская сторона вместо него подогнала КАМАЗ. В ходе сегодняшнего допроса я даю более правильные показания по этому вопросу, поэтому прошу следствие мне верить и внести в предыдущие необходимые уточнения. (Именно поэтому мы и перепроверяем разные версии в показаниях Радуева, где каждое слово может изменить и смысл, и доказательную логику следствия и выводы суда. — Авт.)

Вопрос: В ходе прошлого допроса вы показали, что после высадки с вертолетов российского десанта в непосредственной близости от колонны боевиков с заложниками, вы дали команду занять оборону как на самом блокпосту, так и в ближайших домах села Первомайского. Покажите, как дальше развивались события?

Ответ: Вечером 10 января 1996 года, когда возможность проведения федеральными войсками специальной операции по освобождению заложников стала очевидной, я в одном из домов села Первомайское, в каком точно сейчас сказать затрудняюсь, собрал совещание полевых командиров нашего отряда для обсуждения создавшейся ситуации и определения плана дальнейших наших действий. Среди присутствовавших были Исрапилов Хункер, Абалаев Айдомир, Атириев Турпал, Чараев Муса, Нунаев Лом-Али, Долгуев Хасан, Радуев Сулейман и брат Исрапилова. В результате обсуждения было принято решение: с одной стороны, готовиться к отражению возможных атак федеральных сил, а с другой — продолжать вести с ними переговоры по предоставлению нам «коридора» для дальнейшего следования вместе с заложниками в поселок Новогрозненское.

Для отражения возможного штурма все село было условно поделено на четыре сектора обороны. За кизлярское направление ответственным было назначено подразделение брата Исрапилова, со стороны Чечни — Атириева (северо-восток) и Абалаева (юго-восток), со стороны населенных пунктов Советское и Теречное — Чараева и Сулеймана Радуева. Остальных боевиков предполагалось держать в центре села, в резерве. Общее руководство боевыми действиями осуществлялось мной и Исрапиловым. Долгуев и Нунаев, как лица, хорошо ориентирующиеся в Первомайском и его окрестностях, должны были помогать нам координировать действия подразделений в боевых условиях. При этом Долгуев постоянно находился при мне, а Нунаев — при Исрапилове.

В ходе этого совещания у меня с Исрапиловым и другими полевыми командирами возникли разногласия по поводу тактики ведения оборонительных боев. Исрапилов предлагал расположить наши подразделения по периметру села, а я — создать несколько эшелонов обороны на наиболее вероятных направлениях наступления федеральных сил, причем авангард разместить на некотором удалении от границ жилого сектора. Свою точку зрения я обосновывал тем, что, приняв бой вне села, передовые подразделения тем самым исключают внезапность нападения противника и позволят основным силам своевременно подготовиться к отражению атак российских войск. В конце концов, когда я в авангард послал подразделение своего брата, Исрапилов и другие командиры согласились с моим предложением.

Всем командирам подразделений мной была поставлена задача: занять на указанных рубежах оборону, создать укрепительные сооружения и при наступлении российских войск по своему усмотрению открывать огонь на поражение, при этом постоянно по рациям докладывать о создавшейся ситуации мне и Исрапилову.

После совещания все упомянутые выше подразделения нашего отряда заняли исходные рубежи, стали готовиться к обороне. При этом боевики начали рыть окопы, строить блиндажи, ходы сообщения между ними и жилыми домами. В ходе строительных работ по моему указанию использовались мужчины-заложники, в том числе бойцы Новосибирского ОМОНа. Лопаты, ломы и другой шанцевый инструмент был взят в жилых домах села, жители которого, как я уже показывал ранее, покинули их к вечеру 10 января, когда мы вошли в Первомайское.

С 10 по 14 января 1996 года включительно мы вместе с удерживаемыми нами заложниками находились в Первомайском и никаких боевых действий с федеральными силами не вели. В это время мы занимались созданием укрепительных сооружений, вели многочисленные переговоры с представителями Дагестана и федеральных сил. Помимо меня в переговорном процессе принимали участие Исрапилов Хункер, Аггириев Турпал, а также Нунаев и Долгуев. Я встречался с переговорщиками противоположной стороны в своем штабе, который располагался в одном из домов на юго-восточной окраине села. В целях безопасности после каждой такой встречи я менял местоположение своего штаба. Остальные вели переговоры на окраине села, а также на блокпосту, оснащенном средствами связи Новосибирского ОМОНа.

В настоящее время я затрудняюсь вспомнить, с кем конкретно и в какие дни вел переговоры. Помню только, что ко мне неоднократно приводили отпущенного мной ранее Беева и бывшего начальника Хасавюртовского РОВД, фамилию и имя которого сейчас не помню. С ним я познакомился еще в бытность префектом Гудермеса. Они меня уверяли, что штурм села не будет, и напрасно мы ископали все село, так как решается вопрос о дозаправке нашего транспорта для дальнейшего движения на территорию Чечни. Я высказывал претензии по поводу возникшей ситуации, показывая им документ, в котором Председатель Госсовета Дагестана гарантировал нам беспрепятственный проезд до поселка Новогрозненское. Я требовал выполнения изложенных в нем положений.

Представители дагестанской стороны ставили мне в упрек, что я также с самого начала грубо нарушил достигнутую ранее договоренность, так как взял с собой заложников, которые ранее удерживались нами в кизлярской больнице. Кроме того, по их словам, сам факт захвата в заложники бойцов Новосибирского ОМОНа вместе с оружием и боеприпасами также не способствовал успешному ведению переговоров с федеральными силами. На это я отвечал, что заложники из больницы были взяты в целях обеспечения большей нашей безопасности при маршрутировании в Чечню и выражал готовность всех их отпустить в целости и сохранности, как только мы прибудем в Новогрозненское. В подтверждение этих слов мной было отдано распоряжение отпустить женщин и детей. Однако они отказались нас покинуть без своих родственников из числа заложников.

Что касается захваченных нами новосибирских омонцев, то я готов был немедленно освободить их вместе с вооружением в случае предоставления возможности нашему отряду вместе с другими заложниками дальнейшего беспрепятственного движения на территорию Чечни. Для этого я просил предоставить мне полный список числящегося за ними оружия с указанием номеров, а также количественные показатели боеприпасов, так как к тому времени, как я уже показывал выше, все оно, по моему указанию, было распределено между боевиками.

В ходе переговоров у меня сложилось впечатление, что у дагестанской стороны и у федеральных сил возникли серьезные противоречия насчет дальнейшей нашей судьбы. Во всяком случае, представители военных требовали от нас отпустить всех заложников и сдаться, а дагестанцы готовы были предпринять все меры для обеспечения нашего дальнейшего продвижения в Чечню.

Это обстоятельство сыграло нам на руку, так как за эти четыре дня неопределенности мы сумели из Первомайского создать хорошо оборудованный опорный пункт с подготовленной системой огня и управления. Когда 14 января я инспектировал свои подразделения, то удивился, сколько окопов, блиндажей, ходов сообщения и других оборонительных сооружений нами было за

это время создано. По моему глубокому убеждению, если бы федеральные войска начали штурмовать нас 10 или 11 января, то нам было бы очень тяжело отбить их атаки.

В указанный период времени, то есть с 10 по 14 января, я неоднократно по радию и космической связи связывался с Дудаевым, Масхадовым и Басаевым. Они давали мне рекомендации по дальнейшим действиям и обещали помочь вырваться из кольца, пробив его с внешней стороны. В частности, Басаев советовал мне более жестко вести переговоры с представителями федерального Центра, при этом не жалеть заложников, то есть расстреливать их определенное количество через каждый час. (И это было в духе Ш. Басаева. Видимо, Радуев здесь не врал, набивая себе цену. — Авт.)

Что касается политической ситуации вокруг нашего противостояния с федеральными силами, то она нами контролировалась через средства массовой информации. Дело в том, что в жилых домах местных жителей остались телевизоры, и мы имели возможность следить за новостями, которые передавали российские телеканалы. Сразу хочу отметить, что многое из того, что в то время сообщалось по телевидению, совершенно не соответствовало действительности. Так, например, в новостях говорилось, что нами были расстреляны какие-то дагестанские старейшины и вообще все заложники. Это полностью не соответствовало действительности. Я ответственно заявляю, что ни одного невооруженного заложника мы не убили. Слово «невооруженный» я применил в том смысле, что примерно 12 или 13 января, точно дату назвать затрудняюсь, имел место инцидент, когда один из заложников, завладев автоматом спящего боевика, открыл по нам огонь и при этом убил одного или двух наших бойцов. В ходе перестрелки он был уничтожен. Я лично при этом не присутствовал, поэтому более подробно по этому поводу ничего показать не могу.

Мне, конечно, понятно, что, распространяя указанную выше информацию, федеральное командование стремилось создать почву для поддержки планов силового решения создавшейся ситуации. Не знаю, удалось ли при этом достичь желаемого эффекта среди российской общественности, но у заложников это вызвало резко отрицательную реакцию. Некоторые из них были серьезно обижены на руководство страны за то, что их преждевременно «списали», и это обстоятельство значительно улучшило наши с ними взаимоотношения.

Вопрос: Кто, когда и при каких обстоятельствах предъявил вам ультиматум освободить заложников и сдаться?

Ответ: Я не помню, чтобы мне лично кто бы то ни было предъявлял ультиматум освободить заложников и сдаться. Во всяком случае, никакого официального документа по этому поводу от федеральной стороны я не получал. О том, что нам российским командованием предъявлен ультиматум, я узнал из средств массовой информации, а также от журналистов, которые каким-то образом просачивались через кольцо федеральных сил и брали у меня интервью. Честно говоря, я до последнего момента надеялся, что штурм Первомайского не будет, и нам предоставят возможность беспрепятственно выйти на территорию Чечни.

В ходе сегодняшнего допроса с моих слов составлена примерная схема села Первомайского и его окрестностей, на которой я указал рубежи обороны отдельных подразделений нашего отряда. Ее прошу приобщить к настоящему протоколу.

Протокол допроса мной прочитан лично. С моих слов записано правильно. Дополнений и поправок не имею.

(Радуев С. Б.) Защитник: (Нечепуренко П. Я.)

Допросили и протокол составили:

Следователь по особо важным делам

Следственного управления ФСБ России подполковник юстиции Л. В. Баранов

Старший следователь по особо важным делам

Комментарий. Во всем, если следовать логике Радуева, виноваты федералы. Если бы не они, то его боевики не напали бы на Кизляр и Первомайское!

Подсудимый Атириев Т. А. показал, что о подготовке нападения на г. Кизляр он ничего не знал, ему об этом сообщили Радуев и Исрапилов, которые сказали, что он тоже со своим отрядом должен принять в этом участие. Тогда он спросил у Радуева: имеется ли приказ на проведение операции? Радуев сказал, что это приказ Дудаева.

В стадии предварительного следствия Атириев Т. А. показал, что на вопрос «Мы едем воевать?» Радуев ответил: «Только воевать» и показал ему карту г. Кизляра, где сверху была надпись: «Утверждаю. Главнокомандующий ВС ЧРИ Д. Дудаев». Судебная коллегия нашла показания, данные Атириевым Т. А., достоверными, поскольку они соответствовали фактическим обстоятельствам дела и доказательствам, исследованным судом.

Допрошенный судом потерпевший Магомедгаджиев сам разговаривал с руководителем боевиков, который представился Салманом Радуевым. На его вопрос, что они хотят, Радуев ответил, что они хотели сначала уничтожить аэродром, на котором стоят вертолеты и которые бомбят Чечню, а потом уйти, но их окружили, поэтому они захватили больницу и заложников.

А что делать дальше? Радуев ответил: они хотят, чтобы с территории Дагестана вывели все войска и что на территории Дагестана стоят установки «Град», которые обстреливают их дома, и он будет требовать их вывода. Радуев также сообщил, что Азербайджан поставляет им оружие, их таможня пропускает, а дагестанская таможня задерживает оружие. Со слов Радуева, в городе находились 500 боевиков, которые «контролируют ситуацию». Радуев пообещал, что не будет принимать никаких действий против заложников, если войска не будут стрелять по больнице. В противном случае, они за каждого убитого боевика будут убивать по 15 заложников. Магомедгаджиев сказал Радуеву, что хочет пойти в мечеть и пригласить старейшин для разговора с ним, и его отпустили.

Он пошел в мечеть и в пути видел у больницы двух убитых мужчин — гражданских лиц. Когда старейшины пришли к Радуеву, он повторил им то же самое, что требует вывода войск с территории Дагестана, отпустить заложников он отказался. Если его требования не будут выполнены, он будет удерживать заложников. После этого старейшины и он (Магомедгаджиев) вышли из больницы, разговаривали с командованием войск и просили не стрелять. После этого он снова вернулся в больницу, сам видел также, как горели вертолеты в аэропорту. Их сожгли боевики...

Допрошенный судом Гусаев М. М. — министр по делам национальностей и внешним связям Дагестана показал, что 9 января 1996 года ему позвонили из приемной Председателя Правительства РД и сообщили о нападении на город Кизляр вооруженных чеченских боевиков. По прибытии в Кизляр в здании ГОВД был сформирован штаб. Боевики, которыми командовал Радуев Салман, засели в здании центральной районной больницы, где удерживали большое количество заложников. Он, Гусаев, созвонился с Радуевым и сообщил ему, что руководство республики готово отправить в больницу парламентариев для ведения переговоров. Радуев очень сильно нервничал, разговаривал на повышенных тонах.

Потом направили делегацию в больницу для ведения переговоров с Радуевым Салманом. Условие было одно: «немедленно покинуть город и освободить заложников», а взамен им (банде) обеспечивалась безопасность продвижения (маршрутирования) по территории Дагестана.

Переговоры шли тяжело, и Радуев в конце концов согласился принять условия федералов и дагестанцев. Встал вопрос о гарантиях. Радуеву предложили, что боевиков поедут сопровождать 10 членов Правительства республики до конечного пункта — с. Новогрозненское в Чечне. Радуев думал недолго и снова дал согласие. На следующее утро 10 января 1996 года подготовили автотранспорт, и утром колонна двинулась к больнице. Погрузка заняла примерно полтора часа. У боевиков было очень много вооружения.

Условия договора боевиками соблюдены не были. В момент посадки в автобусы утром 10 января 1996 года они дополнительно взяли из больницы, как они заявили, 160 заложников. Их рассадили по всем автобусам у окон, как «живой щит».

Когда заложников сажали в автобусы, подсудимый Атириев Т. А. вел себя очень агрессивно, говорил, что не следует уходить из больницы, надо воевать до конца. О каком «конце» шла речь, он не уточнил.

Объективные показания дали: Беев Валерий Евгеньевич — первый заместитель министра внутренних дел Республики Дагестан, Гамидов Гамид Мустафаевич, министр финансов Республики Дагестан. Показания последнего судом исследованы в порядке ст. 286 УПК РСФСР в связи со смертью Гамидова Г. М.

Свидетельства преступлений

Многие преступления и заявления боевиков были зафиксированы на теле- и аудиопленках. Вот одна запись:

«Мы смертники генерала Дудаева. Мы предлагаем единственное условие — беспрепятственный выход туда, куда мы хотим. Если нет — будем драться. Пусть штурмуют и еще раз покажут бессилие Российской Армии и ее спецназа. Мы диктуем условия российским войскам. Настроение у меня отличное. Примем бой, будем воевать. Что в Чечне воевать, что здесь. Мы в состоянии войны. Пока Россия не признает Чеченскую Республику, Президента Дудаева, будем до бесконечности воевать. Они думают, что нас уничтожат, всех. Я командующий крупного направления. Со мной рядом еще один командующий. У нас остались еще подразделения, которым мы уже отдали приказы. После нашего уничтожения они будут наносить беспощадные удары по многим объектам на территории РФ. Они еще пожалеют за штурм Первомайского...

С. Радуев».

Другая съемка в селе Первомайском.

Аудиозапись. Радуев:

«Боеприпасы, оружие у нас есть. У нас много трофейного оружия. Мы разоружили целое подразделение и взяли автоматы, гранатометы, новейшие снаряды, целый склад боеприпасов. Все у нас есть. Мы будем добиваться свободы и независимости своего государства. Мы не хотим жить в составе России. Если Россия нас оставит в составе, нам будет легче воевать, совершать диверсии. Война нам навязана без правил. Мы будем отвечать тем же...»

Достоверность этих слов и сведений, зафиксированных на видеокассетах, не оспаривали и не отрицали подсудимые Радуев С. Б., Атириев Т. А., Алхазуров А. С. и Гайсумов Х. С. А факты вооруженных налетов?

Нападение на военный городок в/ч 3766 9-10 января 1996 года дополнительно подтверждалось схемой и приемным актом от 23. 01. 1996 года об осмотре и получении боеприпасов, изъятых у боевиков в ходе операции...

Согласно списка, приобщенного к делу, разрушены и пострадали 331 хозяйство в селении Первомайское Хасавюртовского района.

Вывод суда. Согласно сообщению администрации Хасавюртовского района Республики Дагестан, в результате боевых действий в селе Первомайское причинен ущерб на общую сумму 82 млрд 750 млн неденоминированных рублей.

Как следует из сообщения администрации города Кизляра, в ходе террористического акта 9-10 января 1996 года муниципальным учреждениям и гражданам города причинен ущерб на общую сумму 129 млрд 330 млн 570 тыс. неденоминированных рублей.

Таким образом, совокупность исследованных доказательств привела суд к убеждению о совершении с 9 по 18 января 1996 года подсудимым Радуевым С. Б. в г. Кизляре и в с. Первомайское Хасавюртовского района в целях нарушения общественной безопасности и воздействия на принятие решений органами власти, взрывов, поджогов и иных действий, создающих опасность гибели людей и причинение значительного имущественного ущерба и иных тяжких последствий, то есть акта терроризма.

Организация Радуевым С. Б. умышленных убийств при отягчающих обстоятельствах военнослужащих и мирных граждан в г. Кизляре и в с. Первомайское Хасавюртовского района.

Подсудимый Радуев С. Б. организацию умышленных убийств в суде не признал и показал следующее: ставя конкретные задачи полевым командирам по захвату города Кизляра, предполагал, что в результате проведения операции могут погибнуть военнослужащие, сотрудники милиции, мирные жители Кизляра, а также будет уничтожено имущество. Сама постановка задачи не исключала физическое уничтожение и пленение военных, но стрелять по мирным гражданам он никому приказывал не давал.

В ходе постановки конкретных задач по захвату города Кизляра полевым командирам, подразделения которых входили в состав банды, было приказано, используя стрелковое оружие и гранатометы, напасть на вертолетную базу, физически ликвидировать охрану.

В случае неудачного нападения участники банды должны были блокировать вертолетную базу и, ведя огонь из стрелкового оружия, не допустить выдвижения военнослужащих Вооруженных сил Российской Федерации в центр города.

«Наурский батальон» под командованием Чараева получил указание захватить войсковую часть. Для этого необходимо было уничтожить ее охрану, подавить сопротивление и постараться захватить в плен как можно больше военнослужащих.

«Сводному отряду Северо-Восточного направления вооруженных сил Ичкерии» под командованием Сулеймана Радуева была поставлена задача захватить авиационный завод, затем собирать из близлежащих домов заложников и направиться вместе с ними к больнице. По прибытии к зданию больницы это подразделение должно было выдвинуться к железнодорожному вокзалу и взять его под контроль.

Кроме того, часть бойцов «сводного отряда Северо-Восточного фронта», по замыслу Радуева, должна была вместе с подразделением Абалаева принимать участие в нападении на вертолетную базу. Если в ходе операции погибли мирные люди, то в этом виноваты люди, совершившие эти убийства, и у которых, по его мнению, проявился «эксцесс исполнителя». А себя Радуев считал невиновным.

Вывод суда: Вина подсудимого Радуева С.Б. в организации убийств военнослужащих, совершенных в связи с выполнением ими своего служебного долга, и мирных граждан, с особой тяжестью, способом, опасным для жизни многих людей, двух и более лиц и по предварительномуговору группой лиц, установлена исследованными доказательствами.

А как погибали мирные жители? Вот только некоторые примеры.

Магомедова З. М. — жительница города Кизляра показала, что утром, примерно в 7 часов, 9 января 1996 года возле дома был застрелен боевиками ее брат Магомедов Ибрагим. Никакой причины для его убийства не было. Он был мирным человеком.

Максудов Ш. О. — житель города Кизляра. Утром 9 января 1996 года его сына Максудова Ширвани, который лежал в больнице с воспалением легких, вооруженные чеченские боевики захватили в заложники. 10 января, когда боевики ушли из больницы, при выходе из больницы он подорвался на mine, установленной боевиками. В результате этого ему оторвало ноги, он умер от потери крови.

В судебном заседании исследованы протоколы осмотров трупов погибших лиц в результате нападения банды Радуева С. Б. и совершения этой бандой террористического акта:

Копия свидетельства о смерти номер 1 ХГ 427089. Из нее следует, что Бычков Виктор Николаевич 18 января 1996 года в возрасте 19 лет погиб в районе боевых действий у с. Первомайское от огнестрельного слепого осколочного ранения головы с повреждением головного мозга.

Копия свидетельства о смерти номер 1-ИО 263299: 18 января 1996 года в результате получения у с. Первомайское взрывной травмы с разрушением черепа, грудной и брюшной полости наступила смерть Стыцины Александра Михайловича.

Копия приказа командующего 58 армией номер 014 от 15 февраля 1996 года. Заместитель начальника штаба по разведке 58 армии полковник Стыцина А. М. погиб 18 января 1996 года от взрывной травмы с разрушением черепа, грудной и брюшной полости при выполнении правительственного задания, гибель связана с исполнением обязанностей по военной службе.

Копия свидетельства о смерти 1-АН номер 357182: 18 января 1996 года в селении Первомайское в результате взрывной травмы (разрушения живота, обрыва нижних конечностей, термического ожога тела, боевой травмы) погиб Косачев Сергей Иванович.

Копия свидетельства о смерти 1-ГН номер 314383: 18 января 1996 года в с. Первомайское в результате боевой травмы (термического ожога пламенем нижней половины туловища, конечностей с обугливанием мягких тканей) погиб Козлов Константин Витальевич.

Копия свидетельства о смерти 1-ГН номер 316777: 18 января 1996 года в результате огнестрельного пулевого проникающего слепого ранения головы с повреждением головного мозга в селении Первомайское погиб Коленкин Александр Викторович.

Копия свидетельства о смерти 1-МД номер 311815: 18 января 1996 года в районе боевых действий у с. Первомайское в результате огнестрельного сквозного пулевого ранения головы с повреждением головного мозга погиб Винокуров Александр Алексеевич. Аналогичных свидетельств — десятки.

Вывод суда: Анализ приведенных выше доказательств в их совокупности приводит суд к выводу о том, что подсудимый Радуев С. Б., создавая банду для нападения на организации, учреждения, предприятия и граждан, а также совершая акт терроризма в г. Кизляре и в с. Первомайское Хасавюртовского района РД, осознавал общественную опасность своих действий и предвидел возможность наступления любых общественно-опасных последствий, в том числе и умышленные убийства людей членами банды, однако относился к этому безразлично, поэтому судебная коллегия находит — вина Радуева С. Б. в организации умышленных убийств многих мирных граждан и военнослужащих с особой жестокостью, общепасным способом, по

предварительному сговору группой лиц и в связи с выполнением потерпевшими — военнослужащими своего служебного долга, установленной.

А вот как оправдывал и героизировал свою деятельность во время предварительного следствия сам Радуев.

ПРОТОКОЛ допроса обвиняемого Радуева С. Б.

Город Москва 25 июля 2000 года

Допрос начат в 10 часов 30 минут.

Допрос окончен в 12 часов 20 минут.

На поставленные следователем вопросы обвиняемый Радуев показал следующее:

Как я уже показывал в ходе предыдущих допросов, с 10 по 14 января 1996 года включительно отряд боевиков под моим командованием вместе с заложниками находился в селе Первомайском и никаких боевых действий с федеральными войсками не вел.

15 января, в 9 часов 30 минут, федеральные силы в течение получаса произвели по селу сильную артподготовку и примерно в 10 часов их штурмовые группы выдвинулись для атаки. Если мне не изменяет память, основной удар наносился со стороны села Советского и юго-западного направления, где с нашей стороны оборону держали подразделения моего брата Сулеймана Радуева и Чараева Мусы. По моей команде, которую я передал по рации, им было переброшено подкрепление из числа боевиков Абалаева и брата Исрапилова, что позволило отбить этот первый штурм федеральных сил.

Примерно в 14 часов, после бомбежки села из минометов и с вертолетов, федеральные войска начали с того же направления второй штурм села. К исходу светового дня им удалось войти в село и закрепиться на его южной окраине. Однако с наступлением темноты они покинули Первомайское, и мы вновь заняли свои прежние позиции.

В ходе боев в первый день штурма федеральным силам удалось убить нескольких боевиков, а двух взять в плен. Нам удалось уничтожить примерно 20 военнослужащих федеральных сил, в том числе, как нам стало известно из средств массовой информации, командира московского СОБРа подполковника Кристининова.

На следующий день, 16 января 1996 года, боевые действия были возобновлены. Примерно в 8 часов федеральные войска с помощью вертолетов нанесли бомбовый удар по нашим позициям. После этого, примерно в 10 часов, начался штурм российских войск в южном направлении села. Атаки с небольшими перерывами продолжались примерно до 16 часов. Несмотря на то, что федеральным силам удалось вытеснить наши подразделения с южной части села, полностью уничтожить боевиков и освободить заложников они не сумели. С наступлением темноты российские военнослужащие вновь покинули пределы села, а наши подразделения, в свою очередь, заняли свои прежние позиции.

Во время указанных боев я находился в своем временном штабе, расположенном в подвале одного из домов, адреса которого не знаю, и по радиации координировал действия боевиков. Периодически по телефону космической связи и радиации я связывался с Басаевым, Масхадовым и представителем Дудаева, которых информировал о сложившейся ситуации.

Вечером 16 января, точное время сейчас вспомнить затрудняюсь, я пригласил к себе в штаб Исрапилова. В ходе беседы мы обсудили создавшееся положение и наши дальнейшие действия. Исрапилов предложил держать оборону до последнего. Кроме того, он настаивал выставить заложников между нашей линией обороны и позициями федеральных сил, чтобы максимально затруднить штурм со стороны последних. Свою точку зрения он мотивировал тем, что заложники, с одной стороны, отвлекали наши силы, выделенные для их охраны, а с другой — в один прекрасный момент могли завладеть оружием и ударить нам в спину. Нельзя забывать, что среди удерживаемых нами заложников были новосибирские омовцы, которые хорошо владели стрелковым и иным вооружением.

Я высказал мнение вырваться из кольца вместе с заложниками, так как в случае удачи это получило бы максимальный положительный политический резонанс, хотя и было очень рискованно. Принимая во внимание серьезность ситуации и то, что мы никак не могли прийти к единому плану действий, было принято решение собрать совет полевых командиров.

Примерно через час в моем штабе помимо нас с Исрапиловым собрались Атириев, Чараев, Абалаев, Долгуев, Нунаев, мой брат Сулейман и брат Исрапилова. Мы изложили собравшимся наши точки зрения по дальнейшим действиям. Сразу скажу, что разговор был непростым, так как мнения полевых командиров разделились практически поровну. И только после того, как мою точку зрения поддержал брат Исрапилова, было принято решение прорываться из кольца федеральных сил вместе с заложниками.

На этом совещании был разработан план выхода из окружения, который заключался в следующем: основные силы направить на прорыв в сторону реки Терек, на территорию Шелковского района, имитируя небольшой по численности группой прорыв в сторону села Советское. При этом наши действия необходимо было скоординировать с действиями отрядов Масхадова и Басаева, расположенных вне кольца федеральных войск.

Организация прорыва в сторону реки Терек на совещании была поручена Долгуеву. Он должен был разработать направление движения основных сил, произвести разведку местоположения федеральных войск по маршруту с выставлением дозоров, расширить траншеи ходов сообщения в направлении прорыва, чтобы по ним можно было пронести раненых на носилках. Кроме того, во время следования на прорыв именно Долгуев был назначен проводником, так как он хорошо знал эту местность. О готовности основных сил к прорыву Долгуев должен был докладывать лично мне.

На Нунаева была возложена обязанность подготовки отвлекающего удара по селу Советское. Курировал этот вопрос со стороны руководства нашего отряда Исрапилов.

О решении прорываться из кольца федеральных сил мы с Исрапиловым по рациям, используя кодовые переговорные таблицы, сообщили Басаеву, а также Масхадову и получили от них одобрение наших планов. С ними были также скоординированы наши общие действия, которые заключались в том, что одновременно с отвлекающим ударом на Советское отряды Масхадова также нападут на это село в тыл федеральным войскам, а Басаев должен был обеспечить вышедших из окружения на территорию Шелковского района боевиков транспортными средствами, их дальнейшее рассредоточение по населенным пунктам этого района. Прорыв был назначен на вечер 17 января, точное время сейчас вспомнить затрудняюсь.

Как я уже показывал выше, все переговоры с Масхадовым и Басаевым велись с использованием переговорных таблиц, поэтому даже в случае перехвата их со стороны российских войск это не позволило бы им своевременно узнать об истинных наших намерениях.

Весь световой день 17 января 1996 года федеральные силы вели по селу массированный огонь, используя артиллерию, минометы, а также авиацию. Однако никаких действий, направленных на штурм наших позиций, предпринято не было.

В ночь с 17 на 18 января, точное время сейчас вспомнить затрудняюсь, небольшая группа боевиков, которую подготовил Нунаев, предприняла атаку на позиции российских войск, расположенных в северной части села Советское. В это же время боевики Масхадова численностью примерно 150 человек предприняли наступление на это село с противоположной стороны. Таким образом, у российского командования сложилось впечатление, что именно в этом направлении наш отряд будет вырываться из кольца, поэтому сюда было направлено подкрепление, снятое с других мест. После выполнения указанной группой задачи по отвлекающему маневру, она без потерь вернулась в расположение основных сил, которые сразу же, согласно ранее подготовленному плану, выдвинулись в направлении канала имени Дзержинского, проходящего между западной частью Первомайского и рекой Терек.

Мой замысел при выводе основных сил состоял в следующем: весь вырывающийся из кольца отряд условно был поделен на три части: впереди шли боевые подразделения, за ними — заложники, которые несли раненых, а замыкали колонну также боевые подразделения, обеспечивавшие наш отход. В случае боевого соприкосновения головной части с российскими войсками они должны были вступить в бой и вести его до тех пор, пока остальные не пройдут дальше в направлении реки Терек.

В настоящее время я затрудняюсь вспомнить, какую задачу при выходе из кольца выполняло то или иное подразделение. Знаю только, что на первоначальном этапе возглавляло колонну подразделение Агириева, которое первое вступило в бой с федеральными силами. Следуя моему плану, к рассвету 18 января 1996 года основные силы боевиков, четырежды вступая в перестрелки с российскими войсками, вышли к реке Терек и по проходящей через нее газопроводной трубе, а также вброд начали переправляться на чеченский берег. В ходе переправы многие боевики промокли обувь, которую для удобства дальнейшего движения сняли и дальше шли по снегу босиком. Таким образом, заявление по этому поводу в средствах массовой информации директора ФСБ Барсукова о том, что мы босиком выходили из окружения, в какой-то мере соответствовало действительности.

На чеченском берегу реки Терек нас уже ожидал обеспеченный Басаевым авто- и гужевой транспорт, который развозил вышедших из окружения боевиков и заложников в населенные пункты Шелковского района. Руководил этим процессом Долгуев.

Во время переправы наше местоположение засекли российские вертолеты и самолеты, которые нанесли сильный бомбовый удар. Именно в это время мы понесли самые большие за все время потери: убитыми около 60 человек, а 10 боевиков, в том числе и мой брат Сулейман Радуев, попали в плен.

Всех боевиков вместе с заложниками, вышедшими из кольца федеральных сил, разместили в различных населенных пунктах Шелковского района. Меня лично поместили сначала в одном из домов станицы Шелковская, а затем несколько раз перевозили в другие населенные пункты, названия которых в настоящее время я вспомнить затрудняюсь.

Примерно 21 января 1996 года меня привезли в Новогрозненское, там уже находились боевики, участвовавшие в нападении на Кизляр. Хочу отметить, что вопросами нашей безопасности после выхода из окружения занимался Масхадов. В Новогрозненском я, ни от кого не скрываясь, пробыл четыре дня. В это время у меня были многочисленные встречи с журналистами, а также простыми жителями. Российские войска хотя и дислоцировались в непосредственной близости от этого населенного пункта, никаких силовых акций в отношении меня не предпринимали. Переговорами с дагестанской и федеральной сторонами по поводу освобождения захваченных нами в результате нападения на Кизляр заложников занимался Масхадов.

После этого наш сводный отряд прекратил свое существование, так как цель, с которой он создавался, а именно: нападение на город Кизляр, была успешно реализована. Входящие в его состав подразделения разошлись по своим фронтам.

В ходе сегодняшнего допроса с моих слов составлена примерная схема села Первомайского и его окрестностей, на которой я указал рубежи обороны отдельных наших подразделений, а также направление выхода нашего отряда из кольца федеральных сил в ночь с 17 на 18 января 1996 года. Ее прошу приобщить к настоящему протоколу допроса.

Протокол допроса мной прочитан лично. С моих слов записано правильно. Дополнений и изменений не имею.

(Радуев С. Б.) Защитник: (Нечепуренко П. Я.)

Допросил и протокол составил:

Следователь по особо важным делам

Следственного управления ФСБ России подполковник юстиции Л. В. Баранов

Комментарий. Стенограмма этого допроса очень важна, ибо показывает роль Масхадова, Басаева в событиях вокруг села Первомайское. Это — нить для понимания дальнейшего развития ситуации в Чечне. Важно и другое: обозначена точная дата (21 января 1996 г.) расформирования сводного отряда (банды), совершившего нападение на город Кизляр и село Первомайское.

В причинении телесных повреждений различной тяжести мирным гражданам и военнослужащим Российской Армии в период с 09 по 18 января 1996 года в г. Кизляре и в с. Первомайское Хасавюртовского района подсудимый Радуев С. Б. виновным себя не признал. Он показал, что никогда и никому не давал приказы на применение оружия в отношении мирных граждан. В то же время Радуев С. Б. признал, что, ставя задачи полевым командирам по захвату города Кизляра, понимал, что в результате проведения операции пострадают военнослужащие Вооруженных сил Российской Федерации, сотрудники милиции, мирные жители Кизляра, а также будет уничтожено или повреждено государственное, общественное имущество, а также личное имущество граждан.

Вина Радуева С. Б. в организации причинения телесных повреждений мирным гражданам и военнослужащим установлена исследованными в суде доказательствами.

Как себя вели рядовые боевики? Вот лишь отдельные свидетельства потерпевших, которые теперь зафиксированы судом и которые говорят о жестокости террористов:

Курбаналиев Долгат Долгатович — житель Кизлярского района, показал, что 9 января 1996 года, примерно в 4 часа утра, в Кизлярскую больницу, где он находился на излечении, ворвались чеченские вооруженные боевики. Из автоматического оружия они стали стрелять в больнице и убили в коридоре двух молодых ребят в возрасте 15–16 лет, а его ранили в область голени. В заложниках находился до утра 10 января 1996 года. Его уложили около окна, боевики грозились, что если федеральные войска начнут штурм больницы, его выбросят в окно...

Махмудов Гасан Магомедович — житель города Кизляра, уточнил, что 9 января 1996 года, примерно в 5 часов 20 минут, в Кизлярской больнице, в которой он работал врачом, был захвачен в заложники чеченскими вооруженными боевиками, один из которых нанес ему удар в область затылка. Находясь в больнице, он участвовал в операциях больных, поступавших в больницу с огнестрельными ранениями.

Магомедов Руслан Юсупович — житель Кизлярского района, рассказал, что 9 января 1996 года, находясь на лечении в связи с переломом ноги в Кизлярской больнице, был захвачен в заложники чеченскими вооруженными боевиками. Боевики заставили заложников переносить больных с первого этажа на второй этаж больницы. При переноске его уронили с койки, и он получил вторичный перелом ноги. В заложниках находился до утра 10 января 1996 года.

Подлипный Юрий Александрович — житель города Кизляра, сообщил суду, что 9 января 1996 года утром в Кизляре он убегал от чеченских боевиков, которые из автоматов вели по нему огонь. В результате этого он получил огнестрельное ранение правой ноги.

Чаринова Э. Г. свидетельствовала, что ее муж, Чаринов Абдулла Магомедович, работавший водителем в СМУ-9, 9 января 1996 года выехал с грузом и с экспедитором из города Дербент в город Кизляр. Около 20 часов того же дня на объездной дороге возле Кизляра милиционеры ему и напарнику сообщили о том, что чеченские боевики захватили в городе больницу, поэтому проезд запрещен. Однако ее муж и экспедитор пешком пошли в город, где и были убиты боевиками в районе «Черемушек», недалеко от больницы. Муж не являлся военнослужащим, был простым водителем.

Показания Косенко А. В. — жителя города Кизляра: утром 9 января 1996 года его мать, Косенко Валентина Александровна, ушла на работу. Через некоторое время она вернулась. На улице находились боевики, которые забирали в заложники мирное население. При этом мать кричала: «Спасайтесь!» Она успела войти во двор и дойти до входной двери в дом. В этот момент раздалась автоматная очередь, и она упала. Получила огнестрельное ранение в живот, от которого скончалась...

И таких показаний десятки, сотни.

Медицинское заключение в отношении Адисултанова Рашида Алиевича: касательное огнестрельное пулевое ранение мягких тканей тыльной поверхности правой стопы, которое по степени тяжести относится к легким телесным повреждениям, повлекшим за собой кратковременное расстройство здоровья. Это повреждение причинено выстрелом из огнестрельного оружия.

Медицинское заключение в отношении Алиева Хасана Магомедовича: закрытый оскольчатый перелом правой лучевой кости. Это повреждение является следствием удара каким-то тупым твердым предметом со значительной силой, возможно и при падении со второго этажа. По степени тяжести относится к категории менее тяжелых, но повлекших длительное расстройство здоровья.

Медицинское заключение в отношении Бутаевой Рафият Мавлутдиновны: слепое огнестрельное проникающее ранение брюшной полости, сквозное огнестрельное ранение правого предплечья с переломом локтевой кости, которые как опасные для жизни относятся к категории тяжелых телесных повреждений.

И таких медицинских заключений-экспертиз на столе следователей и суда тоже многие сотни. Они не требуют дополнительных комментариев.

На крутых поворотах событий в Кизляре и Первомайском

Потерпевший Цимпаев Вениамин Омариевич, оперуполномоченный Кизлярского РОВД: 9 января 1996 года в 5 часов 30 минут позвонил капитан милиции Алиев Джабраил и сказал, что объявлена тревога, необходимо идти в РОВД. Возле дома № 50 по улице Победы они с Алиевым были окружены чеченскими боевиками и взяты в заложники. Их вместе с другими заложниками боевики повели в центральную городскую больницу. Возле больницы один из боевиков ударил прикладом автомата по лицу и разбил бровь. Ему и Алиеву пришлось отдать служебные удостоверения.

В больнице они находились на четвертом этаже, в группе, в которой были сотрудники РОВД, в том числе Денисенко, Алиев, Ермаченко и др. Среди них были трое раненных в ноги. Их постоянно оскорбляли, угрожали расстрелом, а также сняли со всех, у кого была, форменную одежду, часы, обувь. Перед рассветом 10 января 1996 года его в числе других сотрудников Кизлярского РОВД вывели из больницы и посадили в автобус «Икарус». Колонна автобусов с боевиками и

заложниками направилась в сторону города Хасавюрт и беспрепятственно доехала до селения Первомайское. Колонну постоянно сопровождали два-три вертолета.

Когда колонна, миновав блокпост на границе с Чечней, подъехала к мосту через реку, первая машина была обстреляна с вертолета, в связи с чем колонна повернула в село Первомайское. Вечером того же дня всех разместили в селе в доме возле мечети. В одной группе уже были и гражданские, всего около 50 человек. Ночью один из гражданских лиц — Аюбов выхватил автомат у заснувшего боевика-араба, охранявшего их, и расстрелял его. А еще одного боевика-чеченца достал выстрелом на улице. Боевики стали стрелять в дом и бросать гранаты. В это время его застрелил другой боевик — араб.

В этой перестрелке он был и сам ранен в плечо и правое ухо. 11 января, пока шли переговоры, находились в автобусе, а вечером всех снова разместили по домам. До 15 января, когда начался штурм села, боевики использовали заложников для рытья окопов.

В ночь с 17 на 18 января 1996 года около двух часов ночи боевики приказали ему идти с ними на прорыв из села Первомайского. Он с врачом-реаниматором Рамазаном должен был нести раненого боевика. Бандиты с заложниками по два-три человека вначале вышли на окраину села. Миновав блокпост, стали переходить какую-то неглубокую реку, но в это время их заметили наблюдатели федеральных войск. Начался сильный обстрел. Под огнем прошли поле, какой-то вал и вышли к лесу. После чего по газовой трубе пересекли реку Терек. За рекой их уже ждали другие боевики в белых маскировочных халатах. Его на автобусе вместе с другими заложниками перевезли в селение Шелковское, где он провалялся два дня в подвале какого-то дома. Затем отвезли в составе группы других заложников к реке Терек, через которую переправлялись на лодках. После этого около трех суток находился в подвале школы в Новогрозненском и двое суток в селении Бамут-2, где-то в горах. 24 января 1996 года его вернули в Новогрозненское, из которого он был передан представителям Республики Дагестан. Заложников обменивали на боевиков.

Завершился так называемый «переговорный процесс», наступал «Кизлярский эпилог».

Другое свидетельство.

Потерпевший Матисов Дмитрий Адольфович. Он показал, что как заместитель начальника 8 отдела РУОП МВД РФ Юга России принимал участие в ликвидации террористов Радиева и освобождении заложников в селе Первомайское. Подразделением СОБРа, в котором он находился, командовал майор милиции Бойко И. Б. Штурм села Первомайское начался 15 января 1996 года с артиллерийской огневой подготовки. Когда его подразделение пошло в атаку, боевики открыли шквальный огонь из минометов, гранатометов и стрелкового оружия. В результате сразу же появились раненые и убитые.

Подразделение не дошло до окраины села Первомайское около 70 метров и залегло. Минут через 30 от разрыва мины он был ранен, контужен, но продолжал вести перестрелку с боевиками. За это время его подразделение потеряло еще несколько человек ранеными. Боевиками также было подбито два БМП-1, которые были переданы их подразделению от Волгоградского СОБРа. С наступлением темноты его бойцы выбили террористов с территории кладбища. Несколько раз в течение ночи боевики делали вылазки. 16 января 1996 года в атаку на боевиков пошел дагестанский СОБР. Он попал под шквальный огонь и потерял 6 человек убитыми и 7 человек ранеными.

17 января 1996 года Матисов со своим подразделением отошел от села Первомайское, так как командованием было принято решение применить против боевиков систему залпового огня «Град». После этого ему была оказана медицинская помощь и он был отправлен в военный госпиталь.

(Все эти документы, протоколы осмотров трупов, раненых и т. д. исследованы судом.)

Вывод суда. Анализ исследованных доказательств в их совокупности приводит суд к убеждению о виновности Радиева С.Б. в том, что он, организовав вооруженную банду и акт терроризма в г. Кизляре и в с. Первомайское Хасавюртовского района 9-18 января 1996 года, организовал посягательство на жизнь работников милиции в связи с их служебной деятельностью

по охране общественного порядка. Погибли 24 работника милиции, а 109 получили телесные повреждения различной степени тяжести.

В захвате и удержании лиц в качестве заложников, повлекших тяжкие последствия в г. Кизляре и в с. Первомайское Хасавюртовского района 9-18 января 1996 года, подсудимый Радуев С.Б. виновным себя не признал. Он показал суду следующее. В случае удачного стечения обстоятельств при нападении на город Кизляр предполагалось собрать всех его жителей в трех местах: вокруг здания администрации, Дома культуры и здания больницы. При этом им планировалось сообщить, что власть в городе переходит в руки «военной администрации вооруженных сил Ичкерии» и объявить комендантский час. После этого планировалось расположить свои подразделения по периметру города, занять оборону и подготовиться к возможному нападению со стороны федеральных войск России.

В случае неудачного нападения на воинские части ставилось целью захватить заложников и под их прикрытием выйти на территорию Ичкерии по сценарию, как это осуществил ранее отряд Шамиля Басаева. Если бы события развивались по этому варианту, то после захвата заложников на него (Радуева) была бы возложена обязанность вести переговоры с военным руководством и властями Дагестана, а также выступать перед российскими и зарубежными журналистами.

Далее в показания Радуева и его сообщников стали вкрадываться некоторые расхождения, проливающие иной свет на развитие и ход событий.

При постановке конкретных задач по захвату города Кизляра полевым командирам подразделения, которые входили в состав сводного отряда, подразделению Сулеймана Радуева, как уже отмечалось ранее, была поставлена задача захватить завод, расположенный недалеко от вертолетной базы, с помощью взрывчатки уничтожить находящееся там оборудование, затем собрать из близлежащих домов заложников и направиться вместе с ними к больнице. По прибытии к зданию больницы это подразделение должно было выдвинуться к железнодорожному вокзалу и удерживать его под контролем.

Нунаев Лом-Али должен был провести группы Абалаева и Чараева к военным объектам, захватить здание больницы и создать там военную комендатуру, собирать людей в жилых секторах и направлять их к больничному комплексу.

После захвата больницы и создания в ее здании военной комендатуры Нунаев должен был взять часть боевиков и заложников и направиться к Дому культуры и зданию администрации города. Туда планировалось также собирать людей из близлежащих домов.

Выехав из города Кизляра в 7 часов утра 10 января 1996 года, примерно в 11 часов колонна боевиков с заложниками миновала блокпост федеральных сил, расположенный около села Первомайское, и направилась на территорию Чечни. Оставалось только пересечь мост через реку Терек, находящийся прямо на административной границе между Дагестаном и Чечней. Однако в это время по радиации было получено сообщение, что мост взорван. Колонна по распоряжению Беева — первого заместителя министра внутренних дел Республики Дагестан остановилась, и он дал команду сопровождавшей милицейской автомашине проверить эту информацию. Указанная автомашина двинулась, но, не проехав и 10–15 метров, была обстреляна ракетами с вертолета. Стало ясно, что ситуация выходит из-под контроля. Колонна повернула обратно в село Первомайское. После того как вся колонна въехала в село, замыкавшее ее подразделение Атириева вошло на блокпост и разоружило находящихся там бойцов Новосибирского ОМОНа. Согласно его докладу, разоружение произошло без эксцессов.

Первоначально все изъятое оружие милиционеров было складировано в одном из находящихся на блокпосту вагончиках, Радуев еще надеялся на предоставление федеральной стороной боевикам «коридора» для выхода на территорию Чечни. В качестве одного из условий в ходе переговоров он планировал использовать возвращение изъятого у омоновцев оружия. Однако к концу дня ему стало ясно, что российские военные намерены силой освободить

захваченных в Кизляре заложников, а сами переговоры используют с целью выиграть время. Радуев и Агириев делали свои выводы...

Допрошенный судом свидетель Беев В. Е. (напомню: это бывший первый заместитель министра внутренних дел Республики Дагестан) утверждал, что о захвате заложников боевиками Радуева в городе Кизляре он узнал в 5 часов 45 минут 9 января 1996 года из доклада дежурного МВД РД и срочно выехал в г. Кизляр. Когда приехал, то требования боевиков состояли в беспрепятственном проезде их из Кизляра до селения Новогрозненское Чеченской Республики. В противном случае, они угрожали расправой над заложниками. Времени было в обрез.

После длительных переговоров боевики согласились отпустить всех заложников из больницы в обмен на добровольных заложников из числа руководства Республики Дагестан. Условия этого договора боевиками соблюдены не были, и в момент посадки в автобусы утром 10 января 1996 года ими дополнительно взято из больницы, как они заявили, 160 заложников, которых рассадили по всем автобусам у окон.

Допрошенный судом свидетель Гусаев М. М. — министр по делам национальностей и внешним связям Республики Дагестан показал, что 9 января 1996 года ему позвонили из приемной Председателя Правительства РД и сообщили о нападении на г. Кизляр вооруженных чеченских боевиков.

По прибытию в г. Кизляр в здании ГОВД был сформирован штаб. В первой половине дня боевики, которыми руководил Радуев Салман, засели в здании центральной районной больницы, где удерживали большое количество заложников. Он созвонился с Радуевым и сообщил ему, что руководство республики готово отправить в больницу парламентариев для ведения переговоров. Радуев очень сильно нервничал, разговаривал на повышенных тонах, производил выстрелы рядом с телефонной трубкой и кричал: «Вы что, не слышите!»

Потом направили делегацию к Радуеву в больницу для ведения переговоров. Условие было одно: «немедленно покинуть город и освободить заложников». Взамен им обеспечивалась безопасность прохождения по территории Дагестана. Переговоры шли тяжело, и Радуев в конце концов согласился. Когда он принял условия, встал вопрос о гарантиях, и ему предложили, что боевиков поедут сопровождать десять руководителей республики до конечного пункта в Чечне. Радуев думал недолго и дал согласие, потом подготовили автотранспорт, и утром колонна двинулась к больнице, где погрузка заняла примерно полтора часа. У боевиков было очень много вооружения.

Условия этого договора боевики не соблюли. Утром 10 января 1996 года ими дополнительно взято из больницы, как они заявили, 160 заложников. Их рассадили по всем автобусам у окон для большей безопасности бандитов. Итак, версии свидетелей и картины событий во многом идентичны, в главных линиях не расходятся.

Свидетель Омаров М. О. — заместитель министра внутренних дел Республики Дагестан: с отрядом ОМОНа прибыл в г. Кизляр утром 9 января 1996 года. С Радуевым была достигнута договоренность, что боевиков до Чечни будут сопровождать члены правительства Дагестана, а взамен боевики должны были освободить всех заложников. Однако Радуев нарушил эту договоренность, захватил с собой более ста заложников. Заложники были посажены к окнам автобусов, использовались как «живой щит», а под ноги им в автобусы были уложены взрывные устройства — фугасы. Если что — на воздух, господа товарищи!

Выводы суда. Установлено, что бандой под руководством Радуева С. Б. были захвачены в качестве заложников и помещены в Кизлярскую городскую больницу 2117 заложников, из которых более 600 детей. Вооруженные огнестрельным оружием участники банды врывались в жилища жителей г. Кизляра, взламывали двери, угрожая расстрелом, сгоняли людей, в том числе несовершеннолетних и малолетних детей к месту их удерживания — в городскую больницу. При попытке бегства участники банды открывали огонь на поражение по мирным гражданам. Так были убиты несколько граждан г. Кизляра, многочисленным жертвам нападения, пытавшимся скрыться, причинены огнестрельные ранения.

Вместе с заложниками из г. Кизляра 10 января 1996 года банда под командованием Радуева С. Б. переместилась в с. Первомайское, где путем разбойного нападения завладела оружием бойцов

сводного отряда милиции УВД Новосибирской области, захватила в заложники 37 работников милиции, несших службу на блок-посту около села Первомайское. (Об этом уже сообщал Лихачев Е. Б. — начальник Здвинского РОВД Новосибирской области.)

Другое свидетельство того, как руководивший боевиками Салман Радуев потребовал развернуть колонну в сторону села Первомайское и она остановилась в 100 метрах от блокпоста. (Это важно для понимания хода событий по первомайскому эпизоду.)

«...Боевики бегом добрались до территории блокпоста, открыли КАМАЗы и начали выгружать оружие и боеприпасы. В течение 10 минут бандиты рассредоточились в окопах блокпоста. В этот момент к Н. В. Гончарову — руководителю группы оперативного управления штаба МВД РФ подошел С. Радуев с группой бандитов и в ультимативной форме потребовал от него сходить к десанту и сказать: если не отойдут, то заложники будут расстреляны.

После возвращения на блокпост к Гончарову приблизился С. Радуев и заявил, что все федералы останутся с ними, пока не будет разрешено движение. Затем к Гончарову подошел подполковник милиции Умаханов У. и сказал, что блокпост разоружен бандитами».

Эти показания Гончарова Н. В. полностью подтвердил и свидетель Умаханов У. Г. Надеюсь уйти от возмездия, стремясь скорее добраться до территории Чечни, Радуев и «сотоварищи» шли на многие нарушения достигнутых договоренностей, прибегали к разным уловкам. Например, затягивая и усложняя переговоры, С. Радуев как-то потребовал от федералов списка пленных и описи оружия, захваченного боевиками. И эти списки ему были предоставлены.

Как следует из приобщенных к делу документов, в результате нападения на блокпост «Первомайский» 10 января 1996 года у сотрудников ОМОНа УВД Новосибирской области похищены: у Нащекина В. И. автомат АКС № 5349371, у Дьяконова А. В. — автомат АКС № 5352260, у Горбачева С. П. — снайперская винтовка СВД № 40951, у Чмир Э. П. — автомат АКС № 5370736, у Гридина О. А. — автомат АКС № 5363245, у Сапегина М. А. — пулемет РПК № 2516, у Чичева П. М. — автомат АКС № 5378893, у Швецова А. Д. — автомат АКС № 5379353, у Ермакова В. В. — автомат АКС № 5378941, у Смердова А. В. — снайперская винтовка СВД № 25834, у Шатрова А. В. — пулемет РПК № 0225, у Семенова Э. А. — автомат АКС № 5354360, у Никулина И. В. — пулемет РПК № 8558, у Карпова К. А. — автомат АКС № 5372987, у Ежова О. В. — автомат АКС № 5346590, у Залитко С. В. — снайперская винтовка СВД № 25448, у Колупаева И. В. — автомат АКС № 5350028, у Коблукова О. В. — автомат АКС № 5378977, у Быкова В. П. — автомат АКС № 5346995, у Иващенко И. Г. — автомат АКС № 5343806 с подствольным гранатометом ГП-25, у Шишкина А. А. — автомат АКС № 5576198, у Бахтурова И. В. — автомат АКС № 5356141, у Юрина С. В. — автомат АКС № 5289793, у Хомякова С. Г. — автомат АКС № 5345649, у Тимофеева А. С. — автомат АКС № 5351972, у Гудзь А. А. — автомат АКС № 5346294, у Дашкова А. А. — автомат АКС № 5575679, у Кожевникова С. Л. — автомат АКС № 5347039, у Селиванова В. В. — автомат АКС № 5356082, у Амелько А. Н. — автомат АКС № 5339056, у Лихачева Е. Б. — пистолет ПМ № 4604, у Животова В. А. — пистолет ПМ № 4600, у Еремича В. А. — автомат АКС № 5318009 и пистолет ПМ № 4122, у Севрюкова П. П. — автомат АКС № 5328978, у Понтеева С. В. — автомат АКС № 5353659, у Миненко О. И. — автомат АКС № 5351852 и пистолет ПМ № 0492, а также пулемет КПВТ калибра 14,5 мм — 1 шт., пулемет ПКТ калибра 7,62 мм — 1 шт., гранатомет ГРП-7В калибра 40 мм — 4 шт., патроны калибра 5,45 мм — 12 960 шт., патроны калибра 7,62 мм — 60 шт., патроны БЗТ калибра 14,5 мм — 168 шт. и гранаты РГД-5 — 36 шт. Это оружие и боеприпасы не возвращены.

Вывод суда. Бандой под руководством подсудимого Радуева С. Б. и по его приказу у сотрудников ОМОНа УВД Новосибирской области под угрозой применения огнестрельного оружия, то есть путем разбойного нападения похищено огнестрельное оружие и боеприпасы, и вина Радуева С. Б. по этому эпизоду обвинения доказана бесспорно.

В составе организованной группы (банды) Радуев С. Б. похитил сотрудников сводного отряда милиции УВД Пензенской области, захватил оружие путем разбойного нападения 14 декабря 1996 года, но виновным себя по этому эпизоду вновь не признал. Он показал следующее: в начале

декабря 1996 года получил приглашение от организаторов съезда чеченцев-аккинцев, проживающих в Республике Дагестан, для присутствия в качестве почетного гостя на съезде, который должен был пройти 14 декабря 1996 года в городе Хасавюрт.

Так, допрошенный судом потерпевший Зотов — бывший командир сводного отряда милиции УВД Пензенской области показал, что с 20 ноября 1996 года сводный отряд, командиром которого он являлся, был прикомандирован в штаб оперативной зоны номер пять для несения службы на КПП-1 «Герзельский мост». Отряд милиции был вооружен тринадцатью автоматами АК-74, семью автоматами АК-74М, 1 РПК и 3 ГП-25.

14 декабря 1996 года, примерно в 13 часов 30 минут, по рации ему сообщили, что в сторону поста со стороны Чечни следует колонна из 13 автомашин. Он дал команду «Тревога», и все подчиненные ему бойцы заняли позиции согласно боевого распорядка. Колонна остановилась в десяти метрах от поста. Выяснилось, что это была группировка «армии генерала Дудаева», которая под руководством Салмана Радуева двигалась в Хасавюрт на съезд чеченцев-аккинцев. (Так ему сообщил комиссар службы безопасности «армии Джохара Дудаева», представившийся или Русланом или Сулейманом.)

Боевиков было около 150 человек, а сотрудников сводного отряда вместе с командиром — 21. Вокруг поста собралось большое количество мирных жителей. Милиционеры, опасаясь за жизнь мирных жителей, приняли решение сдать оружие. После этого все подчиненные Зотова вместе с похищенным у них оружием и военным имуществом были увезены на территорию Чечни.

Освобождены они были 18 декабря 1996 года. Во время их освобождения в ставке Радуева Зотов обратился к Б. А. Березовскому с просьбой, чтобы тот потребовал возврата их оружия и боеприпасов. На это Зотову ответили: «Будьте рады освобождению, а об оружии чтобы и не заикаться!»

Такие же показания в суде дали потерпевшие Селемнев В. В., Додух Ю. А., Сунозов С. Н. — сотрудники сводного отряда УВД Пензенской области.

Факт хищения оружия, закрепленного за сотрудниками УВД Пензенской области, подтверждался документами, приобщенными к делу и исследованными в судебном заседании: книгой выдачи и приема вооружения № 3 ОБ ППСМ Пензенской области; книгой выдачи и приема вооружения и боеприпасов № 221; списком закрепления табельного оружия и боеприпасов за личным составом сводного отряда УВД Пензенской области, похищенных чеченскими боевиками в ходе событий по захвату заложников на КПП-1 «Герзельский мост» и не возвращенного после освобождения личного состава 18 декабря 1996 года.

В судебном заседании была продемонстрирована видеосъемка выступления Радуева С. Б. после похищения сотрудников УВД Пензенской области. Съемка была произведена в комнате дома. Рядом с Радуевым — автомат. Главарь банды говорил: «Без единого выстрела служба безопасности и спецслужбы «армии генерала Дудаева» с честью выполнили поставленную боевую задачу. На сегодняшний день мы полностью разоружили и у нас находятся в руках 21 сотрудник Пензенского ОМОНа и определенное количество оружия в качестве трофея. Я официально заявляю через средства массовой информации, что командование русских оккупационных войск немедленно должно извиниться передо мной как командующим «армией генерала Дудаева» и организаторами съезда за то, что они сорвали мой визит на съезд. Военнопленных отдадим после проведения определенной работы. Я лично со своей армией не уйду в мир до тех пор, пока не будет признана официальная независимость нашего государства».

Достоверность этой видеозаписи не отрицал и сам Радуев С. Б.

Вывод суда. Анализ исследованных доказательств привел суд к убеждению о виновности подсудимого Радуева С.Б. в похищении людей — сотрудников сводного отряда милиции УВД Пензенской области, с применением оружия, в составе организованной группы, а также в хищении

огнестрельного оружия и боеприпасов, закрепленных за похищенными работниками милиции УВД Пензенской области, путем разбойного нападения.

Об угрозах совершения акта терроризма, высказанных Радуевым С. Б. По этому эпизоду обвинения на суде Радуев С. Б. виновным себя не признал и показал, что он неоднократно в средствах массовой информации делал заявления о своей причастности к тем или иным взрывам в российских городах, а также угрожал совершить иные акты терроризма. Но как он заявил, сделал он это с целью привлечения внимания мировой общественности к ситуации в Чечне, то есть на неопределенность взаимоотношений между Россией и Чечней после Хасавюртовских соглашений. Кроме того, он хотел обратить внимание в политических целях на свою личность. Высказывая такие угрозы, он, мол, не хотел их реально исполнять.

Однако вина Радуева С. Б. по этому эпизоду обвинения полностью установлена исследованными в суде доказательствами.

Организация Радуевым С. Б. акта терроризма — взрыва на железнодорожной станции города Пятигорска.

Радуев С. Б. свою вину и по этому эпизоду обвинения также отрицал. Суду он показал следующее: в первых числах сентября 1996 года им с целью ведения национально-освободительной борьбы чеченского народа на основе Северо-Восточного направления ВС ЧРИ было создано не входящее в структуру вооруженных сил Ичкерии вооруженное формирование — «армия генерала Дудаева». Однако к организации взрыва на железнодорожном вокзале г. Пятигорска он отношения не имеет. В указанное время, то есть в апреле 1997 года, на него было совершено покушение, он был тяжело ранен, проходил лечение в г. Баку и поэтому совершить это преступление не мог, поскольку не находился на территории Чечни.

Тем не менее вина Радуева С. Б. по этому эпизоду обвинения установлена. В частности, она подтверждается показаниями ранее осужденных за совершение теракта на станции Пятигорск Ставропольским краевым судом Таймасхановой Ф. Д. и Дадашевой А. М.

Таймасханова Ф. Д. сообщила, что в феврале 1997 года она познакомилась с начальником штаба «армии генерала Дудаева» Вахой Джафаровым и его заместителем по имени Саид. В тот же день они познакомили ее с Салманом Радуевым, который заявил, что в ближайшее время планировал провести боевые операции в российских городах.

После этого она несколько раз заходила к Радуеву в штаб «армии генерала Дудаева», расположенный по адресу: город Грозный, площадь Революции, 18/67.

В начале марта 1997 года при встрече в штабе «армии...» Радуев выдал ей документ, который представлял собой фирменный бланк на одном листе. В верхней части документа — изображение Джохара Дудаева, в средней — написанный Радуевым текст. Он начинался словами: «совершенно секретно». Далее в тексте речь шла о том, что Таймасханова выполняет задание Радуева. В нижней части документа — два оттиска печатей, один из которых с изображением волка — герба Чеченской Республики. Документ был подписан самим Радуевым С.Б. (Так или иначе, эта информация была уже известна. Но для проверки и подтверждения ее полной достоверности и нужен был еще один скрупулезный допрос в суде. И он состоялся. В ходе таких допросов словно по зернышку, собираются мельчайшие, но очень ценные, важные факты.)

В конце марта — начале апреля 1997 года, сообщила Таймасханова, она вновь посетила штаб «армии генерала Дудаева». Зашла в кабинет к Салману Радуеву. В это время он разговаривал с несколькими незнакомыми ей мужчинами. Она слышала, как Радуев объяснял им, что ему привезли новую партию взрывных устройств или взрывные устройства новой модели, и увидела лежавшие на столе два предмета кубической формы размерами примерно 10x14x6 см черного цвета.

В ее присутствии Радуев объяснял, как ими пользоваться. Два названных предмета взрывного устройства должны были как-то взаимодействовать: если положить один предмет с одной стороны какой-то поверхности, то второй предмет «прилеплялся» с другой стороны, как бы примагничивался. (Это уже технические особенности.)

5 или 6 марта 1997 года, как показала Таймасханова, Ваха Джафаров познакомил ее с Асет Дадашевой, представив ее своей подругой. В один из дней апреля 1997 года, уже после покушения на Салмана Радуева, Таймасханова с Дадашевой пришли в штаб «армии...». Они присутствовали на совещании, пояснила Таймасханова, которое проводил Ваха Джафаров в своем кабинете. Он ругал подчиненных, говорил, что Радуев всем дал указания на проведение приуроченных к годовщине смерти Джохара Дудаева боевых операций в российских городах. В частности, развертывание серии взрывов в Пятигорске, Минеральных Водах, Новосибирске, Самаре, захват воинской части в Моздоке. Но никто ничего не сделал, а отвечать перед Радуевым приходится ему одному.

Через несколько дней после этого в штабе «армии...» Ваха Джафаров предложил ей за материальное вознаграждение в виде погашения ее долгов в сумме 60 млн неденоминированных рублей произвести взрыв на железнодорожном вокзале города Пятигорска или в аэропорту города Минеральные Воды. Джафаров говорил, что Радуев приказал осуществить взрыв именно на железнодорожном вокзале или в аэропорту и что цель этого взрыва — напугать людей, создать панику, а человеческие жертвы и разрушения Радуева не интересуют.

Таймасханова согласилась (она остро нуждалась в деньгах), выбрала город Пятигорск, который хорошо знала.

23 апреля 1997 года в кабинете Салмана Радуева, который отсутствовал из-за покушения на него, Джафаров сообщил, что вместе с Таймасхановой взрыв в Пятигорске будет осуществлять Дадашева. После этого он ознакомил ее и Дадашеву со взрывным устройством, показал, как привести его в боевую готовность и как пользоваться.

Затем он передал им взрывное устройство и 700 тыс. рублей на расходы, связанные с поездкой. Взрывное устройство состояло из металлической банки из-под краски, наполненной тротилом. Так как оно было объемным и довольно тяжелым, Таймасханова попросила у Джафарова взрывное устройство, которое ей показывал Салман Радуев ранее. Оно было более легким, меньшим по размерам, и его удобнее было спрятать при перевозке и хранении. На это Джафаров ответил, что таких взрывных устройств у него больше нет.

Он проинструктировал, как после взрыва они должны были бы вести себя: ни в коем случае не убегать с вокзала, а спокойно уйти. Также он заверил, что в случае задержания российскими правоохранительными органами их обменяют на пленных российских солдат.

25 апреля 1997 года, после неудавшейся попытки совершения взрыва на железнодорожном вокзале в Пятигорске, Таймасханова и Дадашева вернулись в Грозный и доложили обо всем Джафарову. Он очень разозлился, проверил техническое состояние взрывного устройства, которое они привезли обратно. 27 апреля 1997 года Джафаров выдал им другое взрывное устройство, аналогичное предыдущему, вновь проинструктировал, как приводить его в боевую готовность и производить взрыв.

Так, выполняя задание Радуева, 28 апреля 1997 года диверсантки совершили взрыв на втором этаже зала ожидания железнодорожного вокзала города Пятигорска.

Дадашева А. М. полностью подтвердила показания Таймасхановой Ф. Д. В частности, она показала суду, что задание на совершение взрыва на железнодорожном вокзале города Пятигорска она получила от Вахи Джафарова, который в свою очередь получил такой приказ непосредственно от Радуева С. Б.

В судебном заседании в порядке ст. 286 УПК РСФСР исследованы показания и материальной Таймасхановой Ф. Д. — Таймасхановой С. М.

В частности, Таймасханова С. М. — жительница города Аргуна свидетельствовала, что в мае 1997 года встречалась с Салманом Радуевым в штабе «армии генерала Дудаева», говорила с ним по поводу судьбы дочери — Таймасхановой Фатимы, арестованной за совершение взрыва в городе Пятигорске. В ходе разговора Радуев заявил ей, что приказ на совершение указанного взрыва был дан лично им и он лично постарается помочь.

Суд нашел показания осужденных Таймасхановой Ф. Д. и Дадашевой А. М., а также свидетеля Таймасхановой С. М. достоверными, поскольку они соответствовали фактическим обстоятельствам дела и доказательствам, исследованным судом.

Допрошенный судом свидетель Беловецкий Д. В. — обозреватель «Литературной газеты» показал, что в последних числах апреля 1997 года он выехал в Чеченскую Республику в командировку для сбора информации и подготовки статьи о послевоенной жизни этой республики. Статья предназначалась для журнала «Огонек», в редакции которого он в то время работал, и была опубликована в № 18 за май 1997 года под названием «Салман Радуев с первомайским приветом». В эту чеченскую командировку он в ряду прочих запланировал встречу с Салманом Радуевым.

Во второй половине дня 26 апреля 1997 года он встретился с ним на квартире Радуева в Грозном. Встреча длилась несколько часов и закончилась во втором или третьем часу ночи. Радуев заверил, что перед Беловецким был именно он, Радуев, так как после покушения на него многие сомневались в его существовании. Он был в черной мусульманской одежде. С его слов, он только недавно приехал из Саудовской Аравии. (Правда, с «географией» и временем своих перемещений он обращался весьма вольно.)

Одной из тем разговора были террористические акты в российских городах. Радуев клялся на Коране, что все взрывы, прогремевшие за последний месяц в российских городах, организовал и разработал он. Что осуществили их по его приказу люди, специально подготовленные для террористической деятельности. В ходе разговора Радуев передал Беловецкому заявление командования «армии генерала Дудаева» для средств массовой информации. В заявлении речь шла о том, что в знак возмездия к годовщине покушения на первого президента Чечни Джохара Дудаева руководимая им «армия генерала Дудаева» начинает наносить удары по всей территории России, особенно по железнодорожным вокзалам и военным объектам — до полного признания политической независимости чеченского государства Ичкерия.

Кроме того, Радуев в ходе разговора сообщил, что купил сто взрывных устройств с дистанционным управлением и поэтому должны прозвучать сто взрывов в городах России. Он достал из стола две серые пластмассовые коробочки и два пульта управления. На одном из пультов Радуев нажал какую-то кнопку, и прозвучал пронзительный звуковой сигнал. Пульт управления представлял собой пластмассовую коробочку черного цвета, не больше спичечного коробка с антенной. Беловецкий не исключил, что именно такой пульт дистанционного управления был использован Таймасхановой и Дадашевой при производстве взрыва в Пятигорске.

По моему ходатайству к делу Радуева было приобщено Заявление командования «армии генерала Дудаева» для средств массовой информации с дарственной записью Радуева Беловецкому от 26 апреля 1997 года, с подписью Радуева С. Б.

Подлинность этого документа Радуев С. Б. не оспаривал.

Вывод суда:

Анализ исследованных доказательств в их совокупности привел суд к убеждению о виновности Радуева С. Б. как руководителя вооруженной организованной группы (банды) в организации в целях нарушения общественной безопасности и устрашения населения акта терроризма.

При этом подсудимый Радуев С.Б., организовав совершение террористического акта на железнодорожном вокзале г. Пятигорска, осознавал общественную опасность своих действий, предвидел возможность наступления общественно-опасных последствий, в том числе и гибель людей, но относился к ним безразлично.

А угроза применить химическое оружие возмездия?

Это уже новый виток угроз, угроз применять оружие, которое запрещено конвенциями, мировым сообществом.

Себя же Салман Радуев считал способным «парламентером». Вот какое «заявление» он оставил следователю.

Следователю по особо важным делам

Следственного управления ФСБ России

подполковнику Баранову Л. В.

от Радуева Салмана Бетыровича

Заявление

В связи с хорошим знанием менталитета чеченского народа, обстановки, сложившейся на территории Чечни, а также учитывая мой авторитет среди населения республики, прошу Вас сообщить руководству ФСБ России о моей готовности оказать содействие в мирном урегулировании «чеченской проблемы».

Моя помощь может заключаться в следующем:

1) В связи с тем, что я лично знаю всех чеченских полевых командиров, подразделения которых в настоящее время подчинены Басаеву и Хаттабу, могу оказать содействие администрации Кадырова установить с ними контакт и склонить к отказу от ведения боевых действий против российских войск.

Моя уверенность в этом основана на том, что большинство из них в прошлом — мои подчиненные и я до сих пор пользуюсь авторитетом среди них.

2) Обладая информацией об источниках и способах финансирования боевых подразделений реакционного религиозного течения «ваххабизм», могу оказать помощь администрации Кадырова и спецслужбам России в их выявлении и прикрытии. Лишившись этих источников, иностранные наемники будут вынуждены покинуть территорию Чечни.

3) Используя свой общественно-политический авторитет, могу помочь администрации созвать съезд чеченского народа с целью консолидации всех здоровых сил чеченского общества вокруг процесса мирного урегулирования.

Считаю, что эти первоначальные меры мирного урегулирования необходимо провести незамедлительно. А положительные результаты можно получить через 1,5–2 месяца с начала реализации.

С. Радуев 7 декабря 2000 г.

Комментарий. Кто мог поверить в «авторитет» Радуева? В авторитет террориста? Возможно, многие из числа тех, кого он обманывал. В авторитет деятеля, способного руководить

переговорным процессом? Никто. И вообще, вести переговоры с главой террористов, угрожавшим безопасности России, аморально. Но Радуев искал разные контакты, хватался за соломинку.

Протокол дополнительного допроса обвиняемого

Город Москва 23 февраля 2001 года

Следователь следственной группы Главного управления Генеральной прокуратуры России на Северном Кавказе подполковник юстиции Дирчин А. С., с участием защитника — адвоката юридической консультации «Вердикт» гор. Москвы Нечепуренко Павла Яковлевича, в своем служебном кабинете, с соблюдением требований ст. ст. 17, 46, 150–152 УПК РСФСР произвел допрос обвиняемого Радуева Салмана Бетыровича.

Допрос начат в 9 часов 50 минут.

Допрос окончен в 10 часов 30 минут.

Вопрос: В ходе очередного обыска в камере СИ «Лефортово» у вас были изъяты две фотографии, визитная карточка на имя Вакуловского О. Ю. Откуда они появились?

Ответ: Эти две фотографии сделаны журналистом ТВЦ еще в 1996 году в селе Первомайское Республики Дагестан. Затем, в августе 2000 года съемочная группа ТВЦ во главе с Вакуловским в следственном корпусе снимала программу про меня. Тогда и фотографии вместе с визиткой были переданы мне с разрешения следователя.

Вопрос: На одной из этих фотографий вы с автоматическим оружием в руках стоите перед какими-то людьми, сидящими на полу. На другой фотографии вы вместе с детьми, и один мальчик держит автоматическое оружие. Что можете пояснить по этому поводу?

Ответ: Фотокарточка, где я стою с автоматом, сделана в селе Первомайское в январе 1996 года, когда мы приехали из Кизляра. На фотографии передо мной сидят новосибирские омоновцы, которые сами нам сдались в плен. Они вместе с нами прорывались из села Первомайское из окружения, и позже мы их отпустили в село Новогрозненское, и они вернулись обратно. (Зачем надо было «прорываться» от своих, а затем возвращаться обратно? Алогизм.) Другая фотография сделана тогда же по просьбе самих детей, чьи они дети — даже не знаю.

Вопрос: Автоматическое оружие, которое вы держите, принадлежит вам?

Ответ: Когда я пошел к пленным новосибирским омоновцам, то в целях личной безопасности взял у кого-то автомат. Из него я не стрелял. Мне, как командующему Северо-Восточного направления, тогда — в январе 1996 года — я был полковником, по статусу оружие не было положено. Личного оружия у меня не было, а автомат я взял именно в целях личной безопасности, так как пленных омоновцев было около 35 человек и всякое могло произойти с их стороны.

Протокол допроса мной прочитан. С моих слов записано верно. Дополнений и изменений не имею.

(С. Радуев) Защитник (Т. Я. Нечепуренко)

Допросил и протокол составил:

Следователь следственной группы

Главного управления Генеральной прокуратуры РФ на Северном Кавказе подполковник юстиции А. С. Дирчин

Комментарий. Но суд не принимал ни ложных обвинений, ни попыток фиктивных оправданий. Так же объективно и последовательно, как к делу Радуева, суд отнесся и к делам других подсудимых — Атгириева, Алхазурова, Гайсумова. Все они признаны виновными. Вот некоторые конкретные детали, проливающие дополнительный свет и подтверждающие роль полевых командиров, в частности Атгириева, в событиях у села Первомайское.

Воссоздадим картину событий.

...Примерно в 11 часов 10 января 1996 года колонна с боевиками, заложниками и руководителями Дагестана проехала блокпост федеральных сил, расположенный около села Первомайское, и направилась на территорию Чечни. Однако впоследствии колонна была остановлена и в дальнейшем передислоцировалась в село.

После того как все машины въехали в село, замыкавшее подразделение Атгириева Турпала вошло на блокпост и разоружило находящихся там бойцов Новосибирского ОМОНа.

Для отражения возможного штурма все село Первомайское было условно поделено на 4 сектора обороны. За кизлярское направление отвечало подразделение брата Исрапилова, со стороны Чечни — Атгириева (Северо-Восток) и Абалаева (Юго-Восток), со стороны населенных пунктов Советское и Теречное — Чараева и Сулеймана Радуева.

Всем командирам подразделений Радуев поставил задачу: занять на указанных рубежах оборону, создать укрепительные сооружения и при наступлении российских войск по своему усмотрению открывать огонь на поражение, при этом постоянно по рациям докладывать о создавшейся ситуации ему и Исрапилову.

На первоначальном этапе прорыва боевиков из Первомайского возглавляло колонну подразделение Атгириева. Оно первое вступило в бой с федеральными силами. К рассвету 18 января 1996 года основные силы боевиков, четырежды вступая в перестрелки с федеральными войсками, вышли к реке Терек и по проходящей через нее газопроводной трубе, а также вброд переправились на чеченский берег.

Эти факты и интересовавшие всех обстоятельства ухода из села Первомайское подтвердил и подсудимый Алхазуров А. С.

Допрошенный в суде, он, в частности, показал, что 10 января 1996 года находился на митинге в станице Шелковской. От лиц, принимавших участие в нем, он узнал, что Салман Радуев со своим отрядом выехал из города Кизляра и направился с заложниками в сторону села Первомайское. В составе небольшой группы жителей Шелковской он отправился в селение Первомайское, расположенное в 10 километрах от места его нахождения, для оказания помощи раненым.

Среди боевиков Радуева он встретил своих знакомых, в том числе и Атгириева, которые предложили ему вступить в банду, выдали автомат АК-74 и два магазина с боеприпасами, ранее принадлежавшие одному из раненых боевиков. 11 января 1996 года Исрапилов поставил перед ним задачу охранять захваченных в качестве заложников новосибирских милиционеров.

В ночь с 17 на 18 января 1996 года он вместе с другими боевиками вырвался из кольца федеральных сил. Первой группой, которая шла на прорыв, была группа боевиков, которой командовал Аткириев Турпалали.

За ней двигалась группа Исрапилова. Затем — раненые и заложники, среди которых был и он, Алхазуров А. С. Последней шла группа Чараева Мусы. После прорыва он отдал свой автомат и боеприпасы Долгуеву, так как в дальнейшем отказался от участия в банде Радуева.

Из показаний свидетелей, исследованных в суде в порядке ст. 286 УПК РСФСР и признанных судом достоверными, участников банды и освобожденных от уголовной ответственности по акту амнистии подтверждалось, что Аткириев был участником устойчивой вооруженной группы (банды), совершил разбойное нападение, захват заложников, а также обвинялся в незаконном приобретении, ношении, хранении, перевозке и передаче оружия, боеприпасов.

Судом установлено, что группой боевиков, захвативших и удерживавших родильный корпус Кизлярской городской больницы, командовал подсудимый Аткириев Т. А. Там также удерживались многочисленные заложники.

Результатом захвата Аткириевым и членами банды Радуева заложников явились тяжкие последствия — убиты 24 и ранены более 100 заложников, в том числе сотрудники ОМОН УВД Новосибирской области, которые впоследствии Аткириева опознали. Судом он был признан виновным в совершении тяжких преступлений.

В отличие от Радуева и Аткириева, подсудимый Алхазуров А. С. признал себя частично виновным в участии в устойчивой вооруженной группе (банде) и в совершаемых ею нападениях, в удержании заложников, а также в незаконном приобретении, ношении, хранении и передаче оружия и боеприпасов.

Но помимо признательных показаний подсудимого Алхазурова А. С., его вина в совершении ряда явных преступлений установлена исследованными судом доказательствами.

Факт участия Алхазурова в банде под руководством Радуева подтверждался просмотрами приобщенных к делу видеокассет. В частности, на одной видеокассете (Видеобанк членов банды Радуева С. Б.) обнаружены следующие видеозаписи:

Съемка в селе Первомайское. В траншее у блокпоста группа вооруженных боевиков из банды Радуева. Среди них — Алхазуров А. С. Он вооружен автоматом Калашникова.

Другая съемка в селе Первомайское. В комнате — Алхазуров А. С. и Исрапилов Х. Алхазуров говорит: «В любую точку России мы придем и сделаем диверсионную деятельность в любое время». Такие боевики с оружием легко не расстаются, и угроза «прийти в любую точку России» пока нашла выражение на земле Дагестана. Но она в его мыслях и словах как «припев в бандитской песне». Вот доказательство.

На видеокассете из «Видеобанка членов банды Радуева С. Б.» следующая видеозапись: Алхазуров среди боевиков в помещении одного из домов селения Первомайское. Он говорил: «Будем заниматься диверсионной деятельностью в любой точке России — Камчатка, Москва, Дальний Восток».

Комментарии, как говорится, излишни. Все ясно. У суда больше вопросов нет... Если на первой видеокассете Алхазуров говорил в «общих чертах», то уже на второй он проявлял знания «географии» России, уточнял, где надо совершать диверсионные акты!.. Взрывы, поджоги, закладку мин.

Подсудимый Гайсумов Х. С. виновным себя не признал ни в участии в вооруженной банде, ни в совершении террористического акта в городе Кизляре и в селе Первомайское Хасавюртовского

района 9-18 января 1996 года, ни в незаконном приобретении, ношении и хранении огнестрельного оружия и боеприпасов.

Он показал, что в ноябре 1995 года по телевидению Чеченской Республики передали об объявленной мобилизации в чеченскую армию. Желающих приглашали приехать в село Аллерой. Тогда ему было всего 19 лет. Поверив пропаганде, он вместе с двумя односельчанами добрался до села Аллерой, где их принял командир батальона по имени Муса.

7-8 января 1996 года Муса выдал всем оружие и по семь рожков с патронами. Вечером их погрузили в машину и привезли в село Новогрозненское, а потом в ст. Шелковская. Затем командир Муса построил их и объявил, что едем в Кизляр. Некоторое расстояние они прошли пешком, а затем сели в какой-то автобус и прибыли в Кизлярскую больницу. К их приходу больница была уже занята. В вестибюле больницы стоял Радуев с незнакомыми ему вооруженными боевиками. Они находились на первом этаже больницы, на случай ее штурма. На верхних этажах больницы разместились многие заложники.

На следующее утро, по приказу командира, он сел в автобус, где также находились заложники. По пути следования, около села Первомайское по колонне начали стрелять с вертолетов, и поэтому маршрут изменили и заехали в село Первомайское.

Во время штурма села федеральными силами он спрятался в подвале и не стрелял. В ночь на 18 января 1996 года вместе со всеми ушел из села. Во время прорыва был ранен в обе ноги, и его вынесли. Больше ни в каких событиях участия не принимал...

Однако вина Гайсумова Х. С. установлена исследованными в суде доказательствами. Так, в стадии предварительного следствия подсудимый Алхазуров А. С. опознал Гайсумова Х. С. как участника банды Радуева. Он входил в состав «Наурского батальона» под командованием Чараева Мусы. В Кизляре этому батальону была поставлена задача: нападение на воинскую часть. Этот же батальон принимал участие и в «первомайских событиях» 10–18 января 1996 года, когда не стрелять было невозможно.

Доказать вину Гайсумова Х.С. было несложно. Об этом говорили многие свидетельства. Допрошенный в суде потерпевший Зейналов Н. Н. — сотрудник отдела вневедомственной охраны Кизлярского ГОВД показал, что будучи захваченным боевиками под командованием Радуева 9 января 1996 года в заложники в Кизлярской городской больнице, увидел и Гайсумова Х. С. с оружием в руках.

Вывод суда: Анализ изложенных и исследованных судом доказательств в их совокупности приводит суд к убеждению о виновности подсудимого Гайсумова Х. С. в участии в вооруженной банде, участии в совершенном бандой Радуева С. Б. террористическом акте в городе Кизляре и в селе Первомайское Хасавюртовского района Республики Дагестан 9-18 января 1996 года и в незаконном приобретении, ношении и хранении огнестрельного оружия и боевых припасов.

Таким образом, вина подсудимых Радуева С. Б., Атириева Т. А., Алхазурова А. С. и Гайсумова Х. С. в судебном заседании установлена и, надо сказать, дело террористов не встретило ожидавшейся поддержки со стороны Запада, где начался и пошел процесс переосмысления всего, что происходило и происходит в Чечне. Но не подумайте, что все было так просто... и одним махом перевернули карты. Все доказывалось по капле, которая, как известно, камень точит... Но эта капля была истиной, и в этом ее сила.

...Доводы же подсудимых Радуева С. Б., Атириева Т. А., Алхазурова А. С. и Гайсумова Х. С. об их якобы невиновности противоречили материалам дела и были опровергнуты доказательствами,

исследованными в судебных заседаниях. Это стало понятно не только в России, но и за ее границами. Сменился и тон в СМИ. Даже в западной печати почти отсутствовали огульные обвинения в адрес российского правосудия и столь же надуманные сентенции в защиту подсудимых.

Вот какой приговор вынесла Судебная коллегия.

Радуева Салмана Бетыровича по ст. 208 ч. 1 УК РФ, Атириева Турпалали Алаудиновича, Алхазурова Асламбека Султановича и Гайсумова Хусейна Сайдахмадовича по ст. 208 ч. 2 УК РФ — оправдать за недоказанностью их участия в совершении этих преступлений.

Радуева Салмана Бетыровича признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 17 ч. 4 и 102 п. п. «в, г, д, з, н»; 17 ч. 4 и 108 ч. 1; 17 ч. 4 и 109 ч. 1; 17 ч. 4 и 191-2; 126-1 ч. 2; 218-1 ч. 3; 125-1 ч. 3 УК РСФСР и 209 ч. 1; 205 ч. 3; 205 ч. 2 п. «б»; 33 ч. 3 и 205 ч. 3; 33 ч. 3 и 105 ч. 2 п. п. «а, е, ж, з, н» и 222 ч. 3 УК РФ.

Атириева Турпалали Алаудиновича признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 146 ч. 3; 126-1 ч. 2; 218-1 ч. 3 УК РСФСР и 209 ч. 2; 205 ч. 3 и 222 ч. 1 УК РФ.

Алхазурова Асламбека Султановича признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 126-1 ч. 1 УК РСФСР и 209 ч. 2 и 222 ч. 1 УК РФ.

Гайсумова Хусейна Сайдахмадовича признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 213-3 ч. 2 УК РСФСР и 209 ч. 2; 222 ч. 1 УК РФ.

Назначить наказание:

Радуеву С. Б. — по ст. 209 ч. 1 УК РФ — 14 (четырнадцать) лет лишения свободы, с конфискацией имущества;

— по ст. 205 ч. 3 УК РФ — 15 (пятнадцать) лет лишения свободы, с конфискацией имущества;

— по ст. 17 ч. 4 и 102 п. п. «в, г, д, з, н» УК РСФСР — 15 (пятнадцать) лет лишения свободы;

— по ст. 17 ч. 4 и 108 ч. 1 УК РСФСР — 8 (восемь) лет лишения свободы;

— по ст. 17 ч. 4 и 109 ч. 1 УК РСФСР — 3 (три) года лишения свободы;

— по ст. 17 ч. 4 и 191-2 УК РСФСР — 15 (пятнадцать) лет лишения свободы;

— по ст. 126-1 ч. 2 УК РСФСР — 15 (пятнадцать) лет лишения свободы;

— по ст. 125-1 ч. 3 УК РСФСР — 15 (пятнадцать) лет лишения свободы;

— по ст. 218-1 ч. 3 УК РСФСР — 13 (тринадцать) лет лишения свободы;

— по ст. 222 ч. 3 УК РФ — 5 (пять) лет лишения свободы.

На основании ст. 40 УК РСФСР путем поглощения менее строгого наказания более строгим Радуеву С. Б. назначить окончательно 15 (пятнадцать) лет лишения свободы, с конфискацией имущества.

— По ст. 205 ч. 2 п. «б» УК РФ Радуеву С. Б. назначить 15 (пятнадцать) лет лишения свободы;

— по ст. 33 ч. 3 и 205 ч. 3 УК РФ — 20 (двадцать) лет лишения свободы;

— по ст. 33 ч. 3 и 105 ч. 2 п. п. «а, е, ж, з, н» УК РФ назначить пожизненное лишение свободы.

На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений Радуеву С.Б. назначить пожизненное лишение свободы в исправительной колонии особого режима.

В соответствии со ст. 40 УК РСФСР по совокупности всех совершенных преступлений путем поглощения менее строгого наказания более строгим окончательно Радуеву С.Б. назначить пожизненное лишение свободы в исправительной колонии особого режима, с конфискацией имущества.

Атгириеву Т. А.

— По ст. 146 ч. 3 УК РСФСР назначить 14 (четырнадцать) лет лишения свободы, с конфискацией имущества;

— по ст. 218-1 ч. 3 УК РСФСР — 14 (четырнадцать) лет лишения свободы;

— по ст. 126-1 ч. 2 УК РСФСР — 15 (пятнадцать) лет лишения свободы;

— по ст. 209 ч. 2 УК РФ — 13 (тринадцать) лет лишения свободы;

— по ст. 205 ч. 3 УК РФ — 15 (пятнадцать) лет лишения свободы;

— по ст. 222 ч. 1 УК РФ — 5 (пять) лет лишения свободы.

На основании ст. 40 УК РСФСР по совокупности преступлений путем поглощения менее строгого наказания более строгим окончательно Атгириеву Т.А. назначить 15 (пятнадцать) лет лишения свободы в исправительной колонии общего режима, с конфискацией его личного имущества.

Алхазурову А. С.

— По ст. 209 ч. 2 УК РФ назначить 3 (три) года лишения свободы;

— по ст. 126-1 ч. 1 УК РСФСР — 5 (пять) лет лишения свободы;

— по ст. 222 ч. 1 УК РФ — 4 (четыре) года лишения свободы.

На основании ст. 40 УК РСФСР по совокупности преступлений путем поглощения менее строгого наказания более строгим окончательно Алхазурову А.С. назначить 5 (пять) лет лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Гайсумову Х. С.

— По ст. 209 ч. 2 УК РФ назначить 8 (восемь) лет лишения свободы;

— по ст. 213-3 ч. 2 УК РСФСР — 5 (пять) лет лишения свободы;

— по ст. 222 ч. 1 УК РФ — 4 (четыре) года лишения свободы.

На основании ст. 40 УК РСФСР по совокупности преступлений путем поглощения менее строгого наказания более строгим окончательно Гайсумову Х.С. назначить 8 (восемь) лет лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Меру пресечения — содержание под стражей — в отношении осужденных оставить без изменения.

Срок отбывания наказания осужденным исчислять Атириеву Т. А. — с 30 октября 2000 года; Алхазурову А. С. — с 05 декабря 2000 года; Гайсумову Х. С. — с 26 апреля 2001 года.

В возмещение причиненного ущерба взыскать с осужденных Радуева С. Б., Атириева Т. А. и Гайсумова Х. С. 268 799 370 (двести шестьдесят восемь миллионов семьсот девяносто девять тысяч триста семьдесят рублей) в доход государства.

Вещественные доказательства — 23 видеокассеты хранить с делом. Переносную радиостанцию спутниковой связи, хранящуюся в в/ч 45807 «В», дислоцируемой в г. Москве К-160, обратить в доход государства.

Приговор может быть обжалован либо опротестован в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации Атириевым Т. А., Алхазуровым А. С. и Гайсумовым Х. С. в тот же срок со дня вручения им копии приговора.

Приговор изготовлен и отпечатан в совещательной комнате.

Председательствующий Унжолов Б. М.

Народные заседатели Алибутаев А. И.,

Магомедов Г. М.

Верховный суд подводит черту

Подробное и точное изложение дела и приговора суда имеет особое значение с точек зрения юридической, исторической, моральной и общественной, необходимых для понимания всех процессов, происходивших в Чечне. Поэтому приговор мной излагался не только последовательно и неукоснительно, но и в тесной увязке с материалами следствия, заявлениями и жалобами потерпевших, подследственных и подсудимых.

А ведь жалобы по делу были и от осужденных уже после махачкалинского процесса... Поэтому я начну с определения и анализа доказательств, который провела Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации и жалобам осужденных. Мне представляется, что аргументы Судебной коллегии как нельзя лучше отвечают на поставленные вопросы и убеждают каждого в справедливости вынесенного приговора.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ в составе: председательствующего — Пелевина Н. П., судей — Рудакова С. В. и Магомедова М. М. рассмотрела в судебном заседании от 11 апреля 2002 года дело по кассационным жалобам осужденных Атириева Т. А., Радуева С. Б., адвокатов Арсанукаева С. Я., Гаджиевой Э. М., Каландаровой С. Ю. и Орцханова А. И. на приговор Верховного суда Республики Дагестан от 25 декабря 2001 года, которым

АЛХАЗУРОВ Асламбек Султанович, родившийся 20 июля 1968 года, ранее не судимый, — осужден по ст. 209 ч. 2 УК РФ к 3 годам лишения свободы, по ст. 126-1 УК РСФСР к 5 годам лишения свободы, по ст. 222 ч. 1 УК РФ к 4 годам лишения свободы, и на основании ст. 40 УК РСФСР по совокупности преступлений назначено 5 лет лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

(Срок отбытия наказания исчисляется с 5 декабря 2000 года.)

АТГИРИЕВ Турпалали Алаудинович, родившийся 8 мая 1969 года, ранее не судимый, — осужден по ст. 146 ч. 3 УК РСФСР к 14 годам лишения свободы с конфискацией имущества, по ст. 218-1 ч. 3 УК РСФСР к 14 годам лишения свободы, по ст. 126-1 ч. 2 УК РСФСР к 15 годам лишения свободы, по ст. 209 ч. 2 УК РФ к 13 годам лишения свободы, по ст. 205 ч. 3 УК РФ к 15 годам лишения свободы, по ст. 222 ч. 1 УК РФ к 5 годам лишения свободы и на основании ст. 40 УК РСФСР по совокупности преступлений назначено 15 лет лишения свободы в исправительной колонии общего режима с конфискацией имущества.

(Срок отбытия наказания исчисляется с 30 октября 2000 года.)

ГАЙСУМОВ Хусейн Сайдахмадович, родившийся 25 мая 1976 года, ранее не судимый, — осужден по ст. 209 ч. 2 УК РФ к 8 годам лишения свободы, по ст. 213-3 ч. 3 УК РСФСР к 5 годам лишения свободы, по ст. 222 ч. 1 УК РФ к 4 годам лишения свободы и на основании ст. 40 УК РСФСР по совокупности преступлений назначено 8 лет лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

(Срок отбытия наказания исчисляется с 26 апреля 2001 года.)

РАДУЕВ Салман Бетырович, родившийся 13 февраля 1967 года, ранее не судимый, — осужден по ст. 209 ч. 1 УК РФ к 14 годам лишения свободы с конфискацией имущества, по ст. 205 ч. 3 УК РФ к 15 годам лишения свободы с конфискацией имущества, по ст. ст. 17 ч. 4, 102 п. п. «в, г, д, з, н» УК РСФСР к 15 годам лишения свободы, по ст. ст. 17 ч. 4, 108 ч. 1 УК РСФСР к 8 годам лишения свободы, по ст. ст. 17 ч. 4, 109 ч. 1 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы, по ст. ст. 17 ч. 4, 191-2 УК РСФСР к 15 годам лишения свободы, по ст. 126-1 ч. 1 УК РСФСР к 15 годам лишения свободы, по ст. 125-1 ч. 3 УК РСФСР к 15 годам лишения свободы, по ст. 218-1 ч. 3 УК РСФСР к 13 годам лишения свободы, по ст. 222 ч. 3 УК РФ к 5 годам лишения свободы и на основании ст. 40 УК РСФСР по совокупности преступлений к 15 годам лишения свободы с конфискацией имущества; по ст. 205 ч. 2 п. «б» УК РФ назначено 15 лет лишения свободы, по ст. ст. 33 ч. 3, 205 ч. 3 УК РФ к 20 годам лишения свободы, по ст. ст. 33 ч. 3, 105 ч. 2 п. п. «а, е, ж, з, н» УК РФ к пожизненному лишению свободы и на основании ст. 69 ч. 3 УК РФ по совокупности этих преступлений назначено пожизненное лишение свободы.

В соответствии со ст. 40 УК РСФСР по совокупности всех совершенных преступлений Радуеву назначено пожизненное лишение свободы в исправительной колонии особого режима с конфискацией имущества.

(Радуев под стражей находится с 12 марта 2000 года.)

Радуев по ст. 208 ч. 1 УК РФ, а Атириев, Алхазуров и Гайсумов по ст. 208 ч. 2 УК РФ оправданы за недоказанность их участия в совершении преступлений.

Постановлено взыскать с Атириева, Гайсумова и Радуева в доход государства в счет возмещения ущерба 268 799 370 рублей.

Заслушав доклад судьи Магомедова М. М., объяснения осужденных Алхазурова, Атириева, Гайсумова, Радуева, адвокатов Арсанукаева С. Я., Каландаровой С. Ю., защитника Мутушева Ш. Я., поддержавших доводы кассационных жалоб, заключение прокурора Анкудинова О. Т., просившего приговор в части осуждения Атириева, Гайсумова и Алхазурова по ст. 222 ч. 1 УК РФ отменить и дело производством прекратить за истечением срока давности, исключить указание о назначении Радуеву по ст. 205 ч. 3 УК РФ конфискации имущества, внести изменения в части гражданского иска.

Судебная коллегия установила:

Радуев осужден за: создание вооруженной банды с целью нападения на предприятия, учреждения, организации и граждан; терроризм, то есть совершение взрывов и поджогов, создающих опасность гибели людей, причинение значительного имущественного ущерба, повлекших гибель людей, в целях нарушения общественной безопасности и воздействия на принятие решения органами власти; организацию убийства многочисленных граждан способом, опасным для жизни многих людей, с особой жестокостью, и военнослужащих Российской Армии в связи с выполнением ими своего служебного долга, совершенных по предварительному сговору группой лиц; организацию причинения тяжких и менее тяжких телесных повреждений многочисленным потерпевшим; организацию посягательства на жизнь работников милиции в связи с выполнением ими своей служебной деятельности; захват многочисленных заложников, в целях понуждения государства совершить угодные ему действия, как условие освобождения заложников, повлекшие тяжкие последствия; хищение огнестрельного оружия и боеприпасов путем разбойного нападения; похищение людей в составе организованной группы; угрозу совершения взрывов и действий, создающих опасность гибели людей, в целях устрашения населения и воздействия на принятие решений органами власти, то есть терроризма, совершенного неоднократно; организацию терроризма, то есть взрыва, совершенного организованной группой, создающего опасность гибели людей, причинение значительного имущественного ущерба в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения и оказание воздействия на принятие решений органами власти; организацию убийства двух и более лиц общеопасным способом, неоднократно, организованной группой и сопряженного с бандитизмом; незаконное приобретение, хранение, перевозку, передачу и ношение огнестрельного оружия и боеприпасов, совершенное неоднократно и организованной группой.

Атириев осужден за: участие в банде и совершаемых им нападений; терроризм, то есть совершение взрывов и иных действий, создающих опасность гибели людей, причинение значительного имущественного ущерба; в целях нарушения общественной безопасности,

устрашения населения и оказание воздействия на принятие решений органами власти, организованной группой, повлекшие гибель людей и иные тяжкие последствия; разбойное нападение с целью хищения чужого имущества в крупных размерах, совершенное организованной группой с применением огнестрельного оружия; захват и удержание заложников, соединенное с угрозой убийством, в целях понуждения государства совершить угодные ему действия, как условие освобождения заложников, повлекшие тяжкие последствия; хищение огнестрельного оружия и боеприпасов, совершенное организованной группой путем разбойного нападения; незаконное приобретение, хранение, ношение, перевозку и передачу огнестрельного оружия и боеприпасов в организованной группе.

Алхазуров осужден за: участие в вооруженной банде; удержание заложников, соединенное с угрозой убийством, в целях понуждения государства совершить действия, как условие освобождения заложников; незаконное приобретение, ношение, хранение и передачу огнестрельного оружия с боеприпасами.

Гайсумов осужден за: участие в вооруженной банде и совершаемых им нападений; терроризм, то есть действия, создающие опасность гибели людей, причинение значительного материального ущерба, в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения и оказания воздействия на принятие решений органами власти, совершенных организованной группой; незаконное приобретение, ношение, хранение и передачу огнестрельного оружия с боеприпасами.

Преступления совершены Радуевым, Аггириевым, Алхазуровым и Гайсумовым в январе 1996 года, а Радуевым также и в декабре 1996 года, январе — апреле 1997 года при обстоятельствах, указанных в приговоре.

В кассационных жалобах:

Адвокат осужденного Алхазурова просил приговор в части его осуждения по ст. 209 ч. 2 УК РФ отменить, ссылаясь на то, что не установлена вина Алхазурова в совершении этого преступления. Указывается на то, что Алхазуров не был знаком с другими осужденными, не принимал участие в нападении, не знал о намерении других осужденных. В село Первомайское приехал для оказания медицинской помощи находившимся там лицам.

Адвокат Орцханов А. И. в защиту осужденного Гайсумова с учетом смягчающих обстоятельств просил применить к Гайсумову ст. 64 УК РФ и снизить ему наказание.

Осужденный Радуев и в его защиту адвокат Арсанукаев по эпизоду, связанному со взрывом в Пятигорске, приводили аналогичные доводы и просили приговор в указанной части отменить, а дело направить на новое расследование. В обоснование своих просьб они ссылались на то, что дело в этой части расследовано и в судебном заседании рассмотрено с нарушением требований ст. 20 УПК РСФСР о всестороннем, полном и объективном исследовании всех доказательств по делу. При этом они, подробно анализируя показания свидетелей и потерпевших по делу, ссылались на то, что показания свидетелей Таймасхановой и Дадашевой противоречивые. Что они в начале следствия не говорили, что Джафаров, по чьему указанию они якобы произвели взрыв, заявлял, что он действует по поручению Радуева. Лишь после задержания Радуева в их показаниях появились выражения о том, что Джафаров им говорил, что он действует по поручению Радуева. Считали, что такие показания Таймасханова и Дадашева дали под влиянием и указанию органов следствия. Поскольку Джафарова нет в живых, невозможно проверить показания этих

свидетелей, а все сомнения должны быть истолкованы в пользу Радуева. Полагают, что Джафаров работал на ФСБ России и мог сам организовать взрыв, без ведома Радуева, так же, как организовал покушение на Радуева.

Далее Радуев и адвокат Арсанукаев отметили, что показания свидетеля Беловецкого являются предположительными, в связи с чем суд не вправе был ссылаться на них. Потерпевшие Рыбасова, Федорова и Ющенко подтверждали лишь, что они пострадали от взрыва, но не подтверждали вину Радуева в организации этого взрыва. Показания свидетелей Маркелова и Сердюкова изложены лишь частично, то есть те, которые были выгодны для обвинения. Указывалось на то, что показания свидетеля Таймасхановой С., матери свидетеля Таймасхановой Ф., в судебном заседании исследованы с нарушением требований ст. 286 УПК РСФСР и в приговоре приведены искаженно. Не опровергнуты доводы Радуева о невиновности в совершении этого преступления, что он в указанный период находился за пределами Чечни и не мог организовать этот взрыв. Отмечались противоречия между приговорами Ставропольского краевого суда от 8 февраля 1999 года, которым осуждены Таймасханова Ф. и Дадашева за террористический акт, совершенный ими в Пятигорске и приговором Верховного суда Республики Дагестан от 25 декабря 2001 года, которым Радуев осужден за организацию этого террористического акта.

Адвокат Арсанукаев отмечал, что из-за ненадлежащего расследования дела по взрыву в г. Пятигорске не установлено, кем произведен этот взрыв. Полагает, что Верховный суд Республики Дагестан необоснованно возвратил 20 томов дела в отношении Таймасхановой и Дадашевой в Ставропольский краевой суд до написания им кассационной жалобы по делу.

Осужденный Радуев полагал, что по эпизодам похищения людей и захвата заложников его действия должны были быть квалифицированы не по ст. ст. 125-1 ч. 3 и 126-1 ч. 2 УК РСФСР, а по ст. ст. 126 ч. 3 и 206 ч. 3 УК РФ, и так как он добровольно освободил их, он должен быть оправдан по этим статьям.

Что касается других эпизодов, связанных с нападением на город Кизляр, действиями, происходившими в селе Первомайское, захватом пензенских милиционеров, адвокат Арсанукаев полагал, что в действиях Радуева нет состава преступлений, так как шла война между суверенными государствами, какими являлись Чечня и Россия. В Чечне руководством страны были созданы вооруженные силы. Поэтому по ст. 208 ч. 1 УК РФ Радуев должен быть оправдан за отсутствием состава преступления, а не за недоказанностью его вины. Поскольку эпизоды действий Радуева в городе Кизляре и в селе Первомайское были связаны с военными действиями Чечни и России, а эпизод с пензенскими милиционерами также произошел между воюющими сторонами в условиях перемирия, считал, что в действиях Радуева нет состава преступления.

Далее адвокат Арсанукаев ссылался на нарушение права на защиту, так как его лишили возможности заявить ходатайство о назначении политологической экспертизы, он не ознакомился с материалами дела до начала судебного процесса. Обвинительное заключение ему вручили без списка свидетелей и справки движения по делу. Его замечания на протокол судебного заседания председательствующим по делу отклонены единолично, без вызова его и Радуева в судебное заседание. Адвокат указывал на то, что в судебном заседании допрошены лишь небольшая часть потерпевших и свидетелей. Показания же не явившихся в суд лиц, данные на предварительном следствии, оглашены в судебном заседании с нарушением требований ст. ст. 286–287 УПК РСФСР. Адвокат полагал, что дело не должны были рассматривать в Верховном суде Республики Дагестан, так как все судьи этого суда, в том числе председательствующий по делу Унжолов Б. М., были заинтересованы в исходе дела.

Адвокат Арсанукаев считал, что убитые и раненые при артиллерийском обстреле и авиационном ударе со стороны российских войск в селе Первомайское необоснованно вменены в вину осужденным.

Он же полагал, что ущерб, взысканный с осужденных, чрезмерно завышен и не мотивирован.

Кроме того, адвокат Арсанукаев считает, что приговор по делу вынесен не в совещательной комнате и не судьей Унжоловым, а кем-то другим. Он просил по остальным эпизодам приговор отменить и дело производством прекратить за отсутствием в действиях Радуева состава преступления.

Адвокат Каландарова в защиту интересов осужденного Аггириева поставила вопрос об отмене приговора и прекращении делопроизводства за отсутствием в действиях Аггириева состава преступления.

В обоснование своей просьбы она, подробно анализируя обстоятельства дела, показания осужденных, потерпевших и свидетелей, указывала на то, что в период, когда произошли события в городе Кизляре и селе Первомайское, шла война между Чечней и Россией. Аггириев, находившийся в подчинении Дудаева и Радуева, обязан был выполнить их приказы по ведению боевых действий, и поэтому его действия нельзя рассматривать как преступные.

Кроме этого, адвокат ссылалась на то, что новосибирские милиционеры сами сдали свое оружие, которое, как и сами милиционеры, оказалось в руках боевиков без ведома на то со стороны Аггириева.

Отмечалось, что показания потерпевших Антоненко, Тамаралиева, Дурсунова, Мамедова об обстоятельствах изъятия у них автомашин искажены в приговоре.

Адвокат указывала на то, что в селе Первомайское люди погибли и дома были уничтожены не от действий Аггириева и его подчиненных, а в результате обстрела и бомбежек со стороны федеральных сил. Она утверждала, что по делу не допрошены многие лица, а приговор основан лишь на показаниях свидетелей и потерпевших, не допрошенных в судебном заседании. Адвокат Каландарова полагала, что по делу необходимо было назначить политологическую экспертизу.

Осужденный Аггириев в жалобе выразил несогласие с приговором, но не мотивировал его.

В дополнении к жалобе осужденный Радуев отметил, что дело в отношении него должна была рассмотреть коллегия из трех профессиональных судей. Но это уже, что называется, махать кулаками после драки. Кто ему оказывал препятствие поставить такой вопрос еще при начале процесса? Никто... Что же изменилось?

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационных жалоб, Судебная коллегия нашла приговор в части осуждения Аггириева, Алхазурова и Гайсумова по ст. 222 ч. 1 УК РФ подлежащим отмене с прекращением производства по делу на основании ст. 78 УК РФ за истечением срока давности, исключить применение к Радуеву по ст. 205 ч. 3 УК РФ конфискацию имущества, внести изменения в приговор в части гражданского иска, а в остальном приговор оставить без изменения.

1. Вина Радуева в создании вооруженной банды, Аггириева, Алхазурова и Гайсумова в участии в банде, их всех в преступлениях, совершенных при нападении на город Кизляр и в селе Первомайское, установлена доказательствами, имеющимися в деле.

Так, осужденный Радуев хотя и отрицает совершение им преступлений, но фактически подтвердил совершение им ряда преступлений.

Факт взрыва на железнодорожном вокзале города Пятигорска подтверждается протоколами осмотра места происшествия.

Из заключений судебно-медицинских экспертиз усматривается, что смерть потерпевших Айбазовой и Федорова наступила от повреждений, причиненных в результате взрыва взрывного устройства. Согласно заключению судебно-медицинских экспертиз, потерпевшим Колпаковой, Ющенко, Завьяловой, Вальковой, Никитиной, Луценко, Настаевой, Черкасову, Дымпалову, Артемьевой, Тарасову, Гургашивли, Орлову, Мамайко, Шарипову, Филипповой, Шевченко, Смилянскому, Лепину, Бобылеву, Котову, Старцевой, Никитовой, Лушевой, Рыбальченко, Ежовой, Егорченко причинены различной тяжести телесные повреждения, которые возникли в результате произведенного взрыва.

Доводы жалоб о том, что дело расследовано и в судебном заседании рассмотрено с нарушением требований ст. 20 УПК РСФСР о всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела, что при расследовании и судебном рассмотрении допущены нарушения, что доказательства по делу получены с существенным нарушением уголовно-процессуального закона, являются несостоятельными и противоречат материалам дела.

Данное дело возбуждено, и расследование по нему, в том числе протоколы осмотра места происшествия по взрыву в Пятигорске, произведены с соблюдением требований уголовно-процессуального закона. Тот факт, что пульт дистанционного управления взрывного устройства был обнаружен лишь 3 мая 1997 года, не может свидетельствовать о получении этого доказательства с нарушением закона, так как протокол осмотра места происшествия и изъятия пульта произведены с соблюдением требований закона.

Из показаний свидетеля Беловецкого, обозревателя «Литературной газеты», видно, что 26 апреля 1997 года в Грозном, в квартире Радуева он встретился с последним. Радуев говорил (повторяю), что все взрывы, прогремевшие за последний месяц в российских городах, организовал и разработал он. Осуществили их по его приказу специально подготовленные для террористической деятельности люди. В ходе разговора Радуев передал ему заявление командования «армии генерала Дудаева» для средств массовой информации. В заявлении речь шла о том, что в знак возмездия к годовщине покушения на Дудаева руководимой им «армией генерала Дудаева» начинается нанесение ударов по всей территории России, особенно по железнодорожным вокзалам и военным объектам. Кроме того, Радуев сообщил, что купил 100 взрывных устройств и дистанционным управлением.

На 194 листе дела т. 145 имеется заявление, переданное Радуевым Беловецкому и датированное 26. 04. 1997 г. Осужденный Радуев не отрицал, что передал Беловецкому указанное заявление. (Помните? Мы приобщили его к делу.)

Судом принимались предусмотренные законом меры для вызова в судебное заседание потерпевших и свидетелей, о чем имеются соответствующие данные в деле. Показания потерпевших и свидетелей, чьи показания имели значение для правильного разрешения дела, которые в судебное заседание не явились по уважительным причинам, в судебном заседании оглашены и исследованы с соблюдением требований ст. ст. 286 и 287 УПК РСФСР.

Необоснованными являются и доводы жалоб об искажении в приговоре показаний некоторых потерпевших и свидетелей.

Действительно, показания некоторых потерпевших и свидетелей, о которых указывается в жалобах, в приговоре были приведены не дословно, но содержание и смысл показаний, приведенных в приговоре, соответствует тем показаниям, которые были даны на предварительном следствии и в судебном заседании.

Показания свидетеля Беловецкого подтверждали факт его встречи 26 апреля 1997 года с Радуевым и состоявшийся между ними разговор и поэтому не могут быть расценены как предположительные.

Что касается доводов жалоб о том, что Радуев в апреле 1997 года находился на лечении в городе Баку и поэтому не мог организовать взрыв в городе Пятигорске, что Джафарова нет в живых и поэтому доводы Радуева о том, что он не поручал Джафарову, Таймасхановой и Дадашевой производство взрыва в Пятигорске, что Таймасханова и Дадашева оговорили Радуева под воздействием органов следствия, то они также являются несостоятельными, так как опровергаются материалами дела.

Факт нахождения Радуева 26 апреля 1997 года, то есть за два дня до взрыва, в Грозном подтвердил свидетель Беловецкий, и это обстоятельство в своей жалобе не отрицает и Радуев. Поэтому нахождение Радуева в связи с его ранением некоторое время за пределами Чечни не свидетельствовало о том, что он не мог организовать проведение этого взрыва. Более того, из содержания показаний свидетелей Таймасхановой С., Маркелова, Сердюкова и воспроизведенной в судебном заседании видеозаписи интервью с Радуевым усматривалось, что Радуев утверждал, что именно он организовал взрыв в г. Пятигорске.

Доводы жалоб о том, что шла война между суверенными государствами Чечней и Россией, что осужденные воевали на стороне Чечни, являющейся одной из воюющих стран, что они выполняли приказы вышестоящих начальников и поэтому их действия нельзя рассматривать как преступные, являются необоснованными.

Согласно Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 года, Российская Федерация есть федеративное государство, в состав которого наряду и с другими субъектами входит Чеченская Республика, и суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию. Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории.

Чеченская Республика входит в состав Российской Федерации, поэтому доводы жалоб о том, что шла война между самостоятельными суверенными государствами, являются несостоятельными.

В соответствии со ст. 42 УК РФ лицо, совершившее умышленное преступление во исполнение заведомо незаконных приказов или распоряжений, несет уголовную ответственность на общих основаниях. Неисполнение заведомо незаконного приказа или распоряжения исключает уголовную ответственность.

Поскольку осужденными совершены умышленные преступления, доводы жалоб о том, что эти действия ими совершены во исполнение приказов вышестоящих начальников, не могут служить основанием для их освобождения от уголовной ответственности.

Радуев и Аткириев не признаны виновными в убийстве и причинении телесных повреждений лицам, которые, возможно, погибли и были ранены при выполнении федеральными силами задач по освобождению заложников в селе Первомайском и ликвидации лиц, их захвативших.

Они признаны виновными в совершении акта терроризма, повлекшего тяжкие последствия, которые выразились в гибели и ранении людей и причинении значительного материального ущерба, так как Радуев и Аткириев, совершая действия по терроризму, понимали, что в результате их преступных акций могут погибнуть и получить ранения люди, а также будет причинен материальный ущерб.

Поэтому доводы жалоб о том, что Радуев и Аткириев не имеют никакого отношения к последствиям, приведшим к гибели и ранению этих лиц, являются несостоятельными.

Утверждения жалоб о вынесении приговора не в совещательной комнате и не судьей не вытекают из материалов дела.

Доводы жалоб о том, что судьи Верховного суда Республики Дагестан, в том числе и председательствующий по делу судья Унжолов Б. М., были заинтересованы в исходе дела и поэтому не имели права рассматривать данное дело, также являются необоснованными.

Всем участникам процесса были разъяснены их процессуальные права, в том числе и заявлять отвод суду, но никем из участников процесса отвод заявлен не был.

Каких-либо данных, свидетельствующих о том, что судья Унжолов Б. М. в какой-либо мере был заинтересован в исходе дела, не имеется.

В протоколе судебного заседания указаны все лица, принимавшие участие в рассмотрении дела.

Что касается доводов жалобы адвоката Арсанукаева о том, что было нарушено право на защиту, так как перед началом судебного заседания он не был ознакомлен с материалами дела, ему вручили лишь часть обвинительного заключения без списка свидетелей и справки движения по делу, то они также являются несостоятельными.

Как усматривалось из материалов дела, адвокатом Арсанукаевым С. Я. ходатайство об ознакомлении его с материалами уголовного дела заявлено не было. Согласно ст. 237 УПК

РСФСР, подсудимому вручается копия обвинительного заключения. Закон не обязывает вручение адвокату копии обвинительного заключения, тем более приложения к нему, к которому относятся список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, и справка о движении дела.

Необходимости назначения по делу политологической экспертизы не имелось, тем более в судебном заседании никто из участников процесса такое ходатайство не заявлял.

Согласно ст. 286 УПК РСФСР, замечания на протокол судебного заседания рассматриваются председательствующим, который в необходимых случаях вправе вызвать лиц, подавших замечания.

Поэтому доводы жалоб о том, что председательствующий по делу судья Унжолов Б. М. единолично, без вызова лиц, подавших замечания на протокол судебного заседания, рассмотрев эти замечания, нарушил их право на защиту, также противоречат требованиям закона.

Дело из Ставропольского краевого суда в отношении Таймасхановой и Дадашевой было истребовано для обозрения, после чего возвращено в суд, откуда оно было истребовано. Возвращение этого дела также не повлекло нарушения чьих-либо прав, в том числе и права на защиту.

В соответствии с требованиями ст. 328 УПК РСФСР, в течение срока, установленного для обжалования приговора, дело не может быть истребовано из суда.

Жалобы и протесты на приговор могли быть поданы в течение семи суток со дня провозглашения приговора, а осужденным, содержащимся под стражей, — в тот же срок со дня вручения ему копии приговора.

Всем осужденным копия приговора вручена 26 декабря 2001 года.

Хотя фамилия Радуева пропущена по технической ошибке, в приговоре при разъяснении прав осужденных на обжалование приговора им поданы жалобы, которые приняты судом.

Дело в Верховный суд Российской Федерации для кассационного рассмотрения направлено 1 февраля 2002 года, то есть спустя один месяц по истечении срока на обжалование приговора.

Таким образом, оценив собранные доказательства в их совокупности, суд обоснованно пришел к выводу, что Радуев создал вооруженную группу для нападения на граждан и организации, разрабатывал планы нападения и совершения террористических актов, а впоследствии совершил их и организовал совершение террористических актов и нападений. Аггириев, Алхазуров и Гайсумов, зная о существовании такой группы (банды) и ее планах, вступили в нее, а Аггириев и принял участие в совершаемых ею нападениях.

Доказательствами, изложенными в приговоре, подтверждается вина Радуева, Аггириева, Алхазурова, Гайсумова.

Действия Радуева по ст. ст. 209 ч. 1, 205 ч. 3, 205 ч. 2 п. «б», 33 ч. 3, 205 ч. 3, 33 ч. 3, 105 ч. 2 п. п. «а», «е», «ж», «з», «н», 222 ч. 3 УК РФ, ст. ст. 17 ч. 4, 102 п. п. «в», «г», «д», «з», «н», 17 ч. 4, 108 ч. 1, 126-1 ч. 2, 17 ч. 4, 109 ч. 1, 17 ч. 4, 191-2, 125-1 ч. 3 и 218-1 ч. 3 УК РСФСР; Аггириева по ст. ст. 209 ч. 2 и 205 ч. 3 УК РФ, ст. ст. 146 ч. 3 и 126-1 ч. 2 УК РСФСР; Алхазурова по ст. 209 ч. 2 УК РФ и ст. 126-1 ч. 1 УК РСФСР и Гайсумова по ст. 209 ч. 2 УК РФ и ст. 213-3 ч. 2 УК РСФСР квалифицированы правильно.

Санкции ст. ст. 126 ч. 3 и 206 ч. 3 УК РФ более строгие, чем санкции ст. ст. 125-1 ч. 3 и 126-1 ч. 2 УК РСФСР. Поэтому, поскольку Радуевым эти преступления совершены до 1 января 1997 года, суд не мог квалифицировать их действия по более тяжкому закону и обоснованно квалифицировал его действия по ст. ст. 125-1 ч. 3 и 126-1 ч. 2 УК РСФСР.

В результате преступных действий Радуева часть заложников погибли или получили ранения, остальные им были освобождены лишь по достижении своих целей, поэтому его доводы о том, что

он подлежит освобождению от уголовной ответственности как лицо, добровольно освободившее заложников, являются несостоятельными.

Вместе с тем, приговор в части осуждения Аткириева, Алхазурова и Гайсумова по ст. 222 ч. 1 УК РФ подлежит отмене с прекращением производства по делу.

Каких-либо данных, свидетельствующих о том, что в отношении Аткириева, Алхазурова и Гайсумова был объявлен розыск, в деле нет.

Указанное преступление ими совершено в январе 1996 года и по нему не могло быть назначено более строгое наказание, чем лишение свободы сроком на пять лет.

Согласно же ст. 48 УК РСФСР, лица, совершившие такие преступления, по истечении пяти лет со дня их совершения не могли быть привлечены к уголовной ответственности за истечением срока давности.

Со дня совершения Аткириевым, Алхазуровым и Гайсумовым приведенных преступлений до вынесения приговора в отношении них прошло более пяти лет. Суд не вправе был признавать их виновными в совершении этих преступлений, в связи с чем приговор в этой части подлежит отмене с прекращением производства по делу.

Кроме того, из приговора подлежит исключению указание о назначении Радуеву по ст. 205 ч. 3 УК РФ конфискации имущества, так как санкция этой статьи не предусматривает такой вид наказания.

В отношении осужденного Аткириева суд в приговоре допустил некоторые противоречия. Так, суд пришел к выводу, что Аткириев принял участие в банде и совершаемых ею нападениях, признал его виновным по ст. 209 ч. 2 УК РФ и по этой статье назначил ему наказание.

В то же время на стр. 204 приговора суд ошибочно указал, что действия Аткириева следует квалифицировать по ст. 209 ч. 1 УК РФ.

Поэтому Судебная коллегия считает необходимым внести в приговор соответствующие изменения, исключив из приговора на стр. 204 указание о квалификации действий Аткириева по ч. 1 ст. 209 УК РФ, признав в его действиях состав преступления, предусмотренный ст. 209 ч. 2 УК РФ, санкция которого более мягкая, чем санкция ст. 209 ч. 1 УК РФ.

На стр. 207 приговора суд обоснованно мотивировал исключение из обвинения Аткириева по ст. 222 УК РФ квалифицирующего признака совершения этого преступления организованной группой, поскольку в январе 1996 года, когда было совершено это преступление, санкция соответствующей статьи не предусматривала такого квалифицирующего признака.

Вместе с тем, на стр. 204 приговора суд указал, что это преступление Аткириевым совершено в составе организованной группы.

Судебная коллегия считает необходимым исключить из приговора на стр. 204 указание о совершении Аткириевым преступления, предусмотренного ст. 222 ч. 1 УК РФ в организованной группе.

Хотя санкция ст. 222 ч. 1 УК РФ в 1997 году предусматривала наказание в виде лишения свободы до трех лет, суд Аткириеву по этой статье назначил пять лет лишения свободы, а Алхазурову и Гайсумову по нему назначил наказание в виде четырех лет лишения свободы.

По остальным статьям наказание осужденным Алхазурову, Аткириеву, Гайсумову и Радуеву назначено в соответствии с тяжестью совершенных ими деяний, роли каждого в совершении преступлений, а также данных о их личности и смягчающих обстоятельствах, в том числе и тех, о которых указано в жалобах.

Что касается гражданского иска о сумме ущерба, взысканного с осужденных Радуева, Аткириева и Гайсумова, то он подлежит изменению.

В приговоре указано, что согласно справке, в селе Первомайском причинен ущерб на сумму 82 млрд 750 млн, а в городе Кизляре — на сумму 129 млрд 330 млн 570 тыс. неденоминированных рублей.

Из справок (т. 118, л. д. 119–120) видно, что в результате действий Радуева по захвату пензенских милиционеров и похищения их оружия и военного имущества причинен ущерб на сумму 222 404 руб. 39 коп.

Этот ущерб причинен действиями Радуева, осужденные Атириев и Гайсумов к нему никакого отношения не имеют. Поэтому этот ущерб подлежит взысканию полностью с Радуева.

Сумма ущерба, причиненного совместными действиями Радуева, Атириева и Гайсумова в городе Кизляре и селе Первомайском, составляет $82\,750\,000\,000 + 129\,330\,570\,000 = 212\,080\,570\,000$ неденоминированных рублей.

В связи с этим приговор в части гражданского иска подлежит изменению, и с осужденных Радуева, Атириева и Гайсумова подлежит взысканию в солидарном порядке в доход государства 212 080 570 руб. и 222 404 руб. 39 коп. с Радуева.

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 332 и 339 УПК РСФСР,

Судебная коллегия определила: приговор Верховного суда Республики Дагестан от 25 декабря 2001 года в отношении Алхазурова Асламбека Султановича, Атириева Турпалали Алаудиновича и Гайсумова Хусейна Сайдахмадовича в части их осуждения по ст. 222 ч. 1 УК РФ отменить и дело производством прекратить за истечением срока давности.

Исключить из приговора указание о назначении Радуеву по ст. 205 ч. 3 УК РФ конфискации имущества, исключить из описательной части приговора на стр. 204 указаний о совершении Атириевым преступления, предусмотренного ст. 222 ч. 1 УК РФ организованной группой, а также необходимости квалификации его действий по ст. 209 ч. 1 УК РФ, признав, что его действия следует квалифицировать по ст. 209 ч. 2 УК РФ.

Приговор в части гражданского иска изменить, взыскав с осужденных Радуева, Атириева и Гайсумова солидарно в счет возмещения причиненного ущерба в доход государства 212 080 570 руб. и с Радуева 222 404 руб. 39 коп.

В остальном приговор о них оставить без изменения, а жалобы — без удовлетворения.

По совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 146 ч. 3, 218-1 ч. 3, 126-1 ч. 2 УК РСФСР, ст. ст. 209 ч. 2 и 205 ч. 3 УК РФ, на основании ст. 40 УК РСФСР, руководствуясь принципом поглощения менее строгого наказания более строгим, Атириеву назначить 15 лет лишения свободы с конфискацией имущества.

По совокупности преступлений, предусмотренных ст. 209 ч. 2 УК РФ и 126-1 ч. 1 УК РСФСР, на основании ст. 40 УК РСФСР, руководствуясь принципом поглощения менее строгого наказания более строгим, Алхазурову назначить пять лет лишения свободы.

По совокупности преступлений, предусмотренных ст. 209 ч. 2 УК РФ и ст. 213-3 ч. 2 УК РСФСР, на основании ст. 40 УК РСФСР, руководствуясь принципом поглощения менее строгого наказания более строгим, Гайсумову назначить восемь лет лишения свободы.

По совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 209 ч. 1, 205 ч. 3 и 222 ч. 3 УК РФ, ст. ст. 17 ч. 4, 102 п. п. «в», «г», «д», «з», «н»; 17 ч. 4, 108 ч. 1; 17 ч. 4, 109 ч. 1, 17 ч. 4, 191-2; 126-1 ч. 2; 125-1 ч. 3; 218-1 ч. 3 УК РСФСР, на основании ст. 40 УК РСФСР, руководствуясь принципом поглощения менее строгого наказания более строгим Радуеву назначить 15 лет лишения свободы.

В соответствии со ст. ст. 40 УК РСФСР и ст. 69 ч. 3 УК РФ по совокупности приведенных преступлений, а также преступлений, предусмотренных ст. ст. 205 ч. 2 п. «б», 33 ч. 3, 205 ч. 3, 33 ч. 3, 105 ч. 2 п. п. «а», «е», «ж», «з», «н» УК РФ, Радуеву окончательно назначить пожизненное лишение свободы с конфискацией имущества.

Председательствующий Пелевин Н. П.

Судьи Рудаков С. В. и Магомедов М. М

Верно: судья Верховного суда

Российской Федерации М. М. Магомедов

Дело отправлено 1 апреля 2002 года в 145 томах + 1 том жалоб, 24 кассеты.

16.04.2002 г.

Итак, судебный процесс над террористом Салманом Радуевым и его поделчиками завершен. Правосудие показало свою и справедливость, и силу, и благородство, и последовательность, и умение действовать своевременно, надежно, демократично, опираясь на букву Закона, служение праву и Конституции — Основному закону России.

Приходится ли о чем-либо сожалеть?

Трудностей было немало. Замышлялись и провокации, но все — позади. А сожалею, пожалуй, лишь об одном: что Радуевы еще ходят по Земле, не найдя своего места на скамье подсудимых.

Опасные параллели

Я с большой осторожностью, повторяю и еще раз подчеркиваю, отношусь к различным аналогиям, будь то историческим, геополитическим или правоохранительного порядка, тем более не склонен превозносить «чужой опыт» во внутренних или международных делах, но некоторые параллели все-таки напрашиваются как бы сами собой. В данном случае я имею в виду борьбу с терроризмом в Чечне и в Афганистане. В этих двух взрывоопасных регионах бандформирования создавались и орудовали, пользуясь большими финансовыми подпитками, поставками вооружений, боеприпасов, продовольствия, одежды, включая военную и камуфляжную форму, имели свои заграничные центры, лагеря, явки.

Но при этом нельзя забывать, что Афганистан — исторически независимое суверенное государство, а Чечня — неотъемлемая часть, субъект Федерации России со всеми исходящими из этого юридическими обстоятельствами. Незаконные бандформирования повсюду преступны. Покупка, контрабанда, приобретение и применение разных видов оружия (и не только конвенционного), убийства и похищения людей, насилие, грабежи и другие криминальные действия подлежат суровому судебному преследованию и наказанию в соответствии с нормами уголовных кодексов, действующими в каждой отдельной стране международного сообщества.

Положение во взрывоопасных регионах мира за последние годы четко показало, что для эффективных действий против организованных террористических банд порой оказываются недостаточными действия отдельных государств, их правоохранительных и специальных служб, пограничных и вооруженных сил, требуется совершенно новый уровень взаимоотношений между ведущими державами. На повестку дня настоятельно встал вопрос о необходимости создания полноценного, постоянно работающего международного координационного или другого международного органа по борьбе с терроризмом, включая и борьбу с ядерным терроризмом или угрозами прибегнуть к такой форме международного бандитизма. Для определения всех

юридических норм нужна и особая международная конвенция, которая бы своим существованием исключала бы провокационную критику в угоду определенным политическим интересам в одних случаях, и единодушную или большинства государств поддержку и одобрение — в других. Справедливость и законность действий международных или национальных сил должны определяться единым правом, буквой и духом международного закона. Таким образом, должен быть выработан на практике единый подход к борьбе и к самому подходу к понятию «терроризм».

И шаги на пути к этому уже сделаны. Президент России настолько активно поддержал усилия США по борьбе с терроризмом, что даже американский Госсекретарь Колин Пауэлл назвал этот беспрецедентный факт «сейсмическим изменением» в отношениях между двумя странами. Международное сообщество, на этот раз не мешкая, не препятствуя и не «сомневаясь», как это бывало в случаях с Чечней и т. д., признало, что Джорджу Бушу абсолютно необходима поддержка Кремля, ибо без нее противостоять терроризму и распространению оружия массового поражения будет исключительно трудно. Должное внимание выработке мер борьбы с международным терроризмом и терроризмом вообще было уделено на канадской встрече «восьмерки» в июне 2002 года.

Тесное сотрудничество в борьбе с международным терроризмом — улица с открытым движением. И двойные стандарты (что можно одним — непозволительно другим), так называемые принципы, продиктованные международной конъюнктурой, как показала действительность, здесь неприемлемы, более того, опасны, вредны и несовместимы с общим стремлением к улучшению и нормализации всего международного климата, режима безопасности и правопорядка на Земле.

Запад, в том числе США, признали наконец (с большими и долгими «пробуксовками») право России на силовые акции по отношению к международным террористам в Чечне. Но, страшно сказать, что для этого потребовалось свершиться трагедии 11 сентября, принесшей гибель тысячам американцев и иностранцев при поражении террористами башен-близнецов международного торгового центра на Манхэттене, катастрофе, ставшей, как ни парадоксально, своеобразным катализатором, повлекшим космически быстрое сближение точек зрения двух бывших военно-политических оппонентов, пусть уже не врагов, «стоявших по разные стороны политических баррикад», но еще и не очень близких по крови стратегических партнеров. И мир стал вдруг резко меняться. Если не на 180°, то уже близко к этому. И вот первые результаты: западное сообщество в значительной степени перекрыло, используя каналы влияния, финансовую и военную поддержку боевиков Чечни даже со стороны исламских неправительственных организаций ряда стран. По данным российских спецслужб, незаконные вооруженные формирования в Чечне (так же как в Афганистане) стали испытывать серьезные финансовые затруднения вплоть до того, что принялись менять одежду и личные вещи на продукты питания, табак и разные курительные травы. А что же бывшие покровители террористов? Известны случаи, когда они теперь отказываются оплачивать счета чеченских полевых командиров даже за телефонные переговоры.

Авиатараны террористов в США, закрыв одну эпоху, открыли новую страницу в борьбе с терроризмом, когда кровавые поделщики Салмана Радуева, так же как он, будут держать ответ за все содеянное.

На американской базе в Гуантанамо среди доставленных туда, в Западное полушарие, 600 захваченных в Афганистане террористов-«талибов», определены несколько бывших боевиков — участников событий в Чечне. Эти преступники успели повоевать на фронтах в Афганистане и Чечне, вернее, в Чечне и в Афганистане. Под какие статьи уголовного кодекса подпадают их деяния? На это даст ответ следствие.

Пока лишь важно понять: только совместными усилиями государств и народов можно победить международный терроризм, бросивший вызов всем народам и правительствам планеты.

Успех судебного процесса в Махачкале не следует ни преувеличивать, ни приуменьшать. В любом случае, надо признать, что он прошел в значительной степени на волне того негодования человечества, которую вызвали события 11 сентября в США и последующая антитеррористическая операция Вашингтона и его партнеров в Афганистане.

Но это — эпизоды борьбы. Пока единый консолидированный антитеррористический фронт еще не создан. Но судебный процесс в Махачкале над Радиевым и его группой являет собой одну из первых, но очень важных глав в новой большой Белой книге об обуздании национального и международного терроризма. Это и есть «Белая книга о черном». Вернее, против всего черного, мрачного, антизаконного на Земле.

В Чечню возвращается порядок

Несмотря на многие трудности, непрекращающиеся теракты, совершаемые боевиками, процесс стабилизации, урегулирования чеченской проблемы, пусть не столь быстрыми темпами, как мы бы того желали, движется вперед. Это отмечают и зарубежные наблюдатели. Так, Генеральный секретарь Совета Европы Вальтер Швиммер отметил в Москве 24 мая 2002 года, что, по его мнению, наблюдается улучшение ситуации с правами человека в Чечне, но «явно недостаточен успех» в таких сферах, как возвращение беженцев, восстановление экономики республики, налаживание хозяйства и транспорта.

Мы это видим и следим за целевым и точным использованием выделяемых Чечне бюджетных средств, за работой органов местной власти и представителей армии, спецслужб, суда и прокуратуры. Что греха таить, еще немало у нас недочетов и ошибок. И мы об этом знаем. Боремся. Пытаемся устранить эти ошибки. Я об этом говорил и не устаю повторять. Напомню хотя бы о двух моих выступлениях — одно во время взятия Грозного, другое — на совещании руководителей федеральных правоохранительных ведомств в Пятигорске. И я не случайно вспоминаю о событиях прошлого времени, тех горячих лет, восстанавливаю в памяти произнесенный тогда текст:

«Здесь, на древней чеченской земле, я хочу говорить не о войне, а о мире.

Я обращаюсь ко всем, кто держит в руках оружие: хорошо, если вам прикажут сложить его, прекратить кровопролитие, перейти к мирной жизни. Если нет такого приказа, — принимайте решение сами.

На Кавказе говорят: если мусульманин приближен к Аллаху, никто не сможет сделать его рабом. В том числе и рабом своих начальников, рабом преступных авторитетов, рабом бандитской морали.

«Если Аллах хочет наказать человека, он отнимает у него разум». Я обращаюсь к вашему разуму.

Ваш прекрасный край лежит в развалинах, женщины, старики, дети голодают, погибают от ран и болезней. Прекратите бессмысленное сопротивление федеральным войскам, сложите оружие и направьте ваши сильные мужские руки во благо своей земле, своему народу. Ваши руки созданы, чтобы возделывать землю, добывать нефть, строить дома, пасти скот.

Не для войны, а для мира создает Всевышний человека. Задумайтесь об этом.

Я обращаюсь к людям истинно верующим. То, что происходит на Северном Кавказе, на чеченской земле, — это не религиозная война.

Россия — огромная страна, и на ее пространствах живут люди многих национальностей и вероисповеданий. У нас общие проблемы — у православных, мусульман, иудеев, буддистов, католиков и протестантов.

Надо набраться терпения и мудрости, чтобы сообща преодолеть трудности. Именно сообща.

Сегодня государство, власть дает вам уникальный шанс — от вас зависит, закончится ли кровопролитие, беззаконие, разгул преступности на вашей земле.

Государственная Дума приняла историческое решение об объявлении амнистии в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния в ходе проведения террористических операций на Северном Кавказе.

Это решение принято Российским парламентом в интересах мира и согласия, исходя из принципов гуманизма и в соответствии с Конституцией России.

Хочу особо подчеркнуть, что я полностью поддерживал эту исключительную гуманную акцию государства, направленную на скорейшее восстановление конституционной законности на территории Чеченской Республики.

В соответствии с Постановлением Госдумы я распорядился не возбуждать уголовные дела в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния, но прекративших вооруженное сопротивление и добровольно сдавших оружие.

Мной также даны указания прекратить уголовные дела, находящиеся в производстве, а также не рассмотренные судами, и освободить от отбывания наказания перечисленных выше лиц.

Это мирная инициатива. Это призыв к миру. Это прощение людей оступившихся, вынужденных по тем или иным причинам взять в руки оружие, людей, подчинявшихся незаконным приказам.

Но сразу хочу подчеркнуть: амнистия не должна касаться лиц, совершивших кровавые злодеяния против мирных жителей. И это правильно. Можно понять и простить солдата, нельзя понять и простить изувера, убивавшего незащищенных, невинных, безоружных. Ни Уголовный кодекс Российской Федерации, ни постулаты Шариата не позволяют прощать убийц, насильников, террористов.

Тем, кто сложит оружие и чьи руки не замараны кровью, не грозит ни уголовное преследование, ни наказание. Более того, как руководитель органов прокуратуры России официально заявляю, что они смогут вернуться в свой дом, в свою семью, направить свой труд, энергию, таланты на благо семьи и своего народа. Гарантирую, что все они становятся полноправными гражданами нашего государства.

Как руководитель органов прокуратуры России, я еще раз заверяю вас, что при реализации Постановления об амнистии я не буду жалеть сил и времени. Государство дает всем вам шанс — не упустите его».

Но, говоря о мире, решении национальных проблем в России, о прекращении всех форм террористической и другой криминальной деятельности в Чечне, считаю необходимым напомнить еще раз о нормах и правилах поведения наших военнослужащих в Чечне, где по разным причинам еще совершаются уголовные преступления.

Участники совещаний руководителей федеральных правоохранительных ведомств слушали мои выступления, и, в частности, в Пятигорске 3 августа 2001 года. Тогда я посвятил свое специальное выступление вопросам обеспечения законности при проведении антитеррористических операций. Это очень важный аспект борьбы с терроризмом. Поэтому на нем, на практической стороне вопроса, останавливаюсь специально, ибо это актуально для всех и всегда.

Тогда не было необходимости в подробной характеристике оперативной обстановки в Чечне. Она была хорошо известна всем участникам совещания.

Я ограничился лишь кратким замечанием о том, что правоохранным органам, силам Объединенной группировки войск приходится действовать в условиях нарастающего вала криминального насилия. Только в Чеченской Республике за первое полугодие 2001 года была зарегистрирована без малого годовая «норма» преступлений. Рост тяжких и особо тяжких преступлений отмечался почти во всех субъектах Южного федерального округа.

Но нам тогда необходимо было разобраться в обстановке не только потому, что жители Чеченской Республики засыпали Президента России, депутатов Федерального Собрания, органы прокуратуры жалобами на систематические нарушения прав и свобод граждан чеченской национальности, а для того, чтобы процессу укрепления законности здесь придать динамичный, и что очень важно — необратимый характер.

Конечно, ответы на многие вопросы кроются еще и в том, какими методами военнослужащие и сотрудники силовых структур ведут борьбу с бандитами. А методы эти в экстремальной обстановке, к сожалению, далеко не всегда укладываются в законные рамки. И ничего нового мы здесь не придумали, когда проводятся подобные операции, это происходит во всем мире. Но с этим нужно бороться. Специально хочу подчеркнуть. Дело не в том, где и как наши действия оцениваются российскими и международными правозащитными организациями.

Возьмите пример лорда Джадда. Он для России в оценке некоторых событий стал эдаким прокурором Совета Европы. Но речь сейчас не о нем.

Важно иное. Зло способно рождать только зло. Насилие и другие злоупотребления, которыми сопровождается контртеррористическая операция, не сформирует доверия населения республики ни к цели операции, ни к тем, кто ее проводит, ни в целом к федеральному Центру. Правое дело нельзя творить незаконными методами.

Наиболее часто с такими методами мы сталкиваемся при проведении специальных мероприятий, так называемых «зачисток». Официально они именуются проверкой соблюдения гражданами правил регистрации по месту жительства и пребывания.

После таких проверок в прокуратуру пачками приходят жалобы и заявления о незаконном задержании жителей, побоях и других нарушениях их прав и свобод.

Я не говорю о том, что при задержаниях граждан в ходе «зачисток» родственники их не уведомляются. Часто никто никому не разъясняет, куда направлены задержанные, каковы основания задержания. Не делается многое другое, что положено по закону.

Помню, как одна из таких «зачисток» была проведена сотрудниками и военнослужащими Объединенной группировки войск в с. Ассиновской и Серноводске. В связи с допущенными в ходе ее злоупотреблениями прокуратура была вынуждена возбудить ряд уголовных дел.

Имелись вообще вопиющие факты. В селе Курчалой Курчалоевского района группа военнослужащих в/ч 983111 под руководством капитана Остроумова, угрожая оружием, задержали двух помощников прокурора Аргунского района. У них отобрали служебные удостоверения, оружие и почти час подвергали унижительной процедуре разбирательства.

Естественно, что зарвавшемуся капитану предъявлено обвинение в превышении служебных полномочий.

А ведь еще весной 2001 года прокуратурой был определен порядок действий Объединенной группировки войск, правоохранных органов и прокуратуры при проведении специальных мероприятий. Точное соблюдение его позволило бы избежать многих ошибок и нарушений, снять напряженность в отношениях с населением.

К сожалению, некоторые военнослужащие подразделения Объединенной группировки войск оказались глухи к законным требованиям и рекомендациям командиров.

Для прекращения безобразий, наведения правового порядка примерно год назад, 25 июля 2001 года я издал приказ. В нем Управлению Генеральной прокуратуры в Южном федеральном округе,

прокуратуре Чеченской Республики, территориальным и военным прокурорам предложено обеспечить надзор за законностью действий сотрудников и военнослужащих подразделений милиции и внутренних войск МВД, Минобороны, Минюста и ФСБ при проведении проверок регистрации граждан. И результаты начинают сказываться.

Прокурорам предписано при проведении спецопераций находиться в местной администрации населенных пунктов, осуществлять надзор за законностью действий непосредственно на месте. В крайнем случае, проверять обоснованность задержания граждан, изъятия у них документов и имущества не позднее следующего дня.

Прокурорам вменено в обязанность следить за тем, чтобы перед началом проверки о ней были проинформированы и приглашены на место ее проведения представители военной комендатуры, временного или постоянного отдела внутренних дел, руководство местной администрации, а при необходимости — религиозный лидер или старейшины.

Кроме законности и обоснованности задержания, в поле зрения прокуроров должны быть и такие вопросы, как обязательный список задержанных с полными анкетными данными. С указанием даты, времени и оснований задержания. С отметкой о том, кем задержан и куда водворен задержанный.

В случаях, когда задержанные передаются в отделы внутренних дел (или другим силовым структурам) для проверки на причастность к бандформированиям, от прокуроров требуется проверять наличие указания, кто из задержанных, когда и кому конкретно был передан, а также наличие подписи должностного лица, получившего задержанного.

Контроль и спрос за выполнение приказа должен быть жестким. Но особо хочу подчеркнуть, что жесткими будут и оценки каждого факта нарушений со стороны сотрудников и военнослужащих подразделений Объединенной группировки войск. Вплоть до уголовной ответственности.

В целях обеспечения правопорядка в частях и подразделениях группировки на территории Чечни созданы и действует пять военных прокуратур. В аппарате военной прокуратуры Северо-Кавказского военного округа сформирован отдел по расследованию преступлений против местного населения.

С 1 августа 2001 года начал действовать прокурорско-следственный участок прокуратуры округа во главе с заместителем военного прокурора округа с местом дислокации в Ханкале. Дополнительным источником информации о положении дел и средством воздействия на ситуацию стала совместная рабочая группа Генеральной прокуратуры и аппарата Специального представителя Президента России в Чеченской Республике.

Иными словами, механизм обеспечения законности создан. Главное — добиться его эффективной работы. Но одной прокуратуре такая задача не по силам. Нужна поддержка и взаимодействие всех правоохранительных органов. Необходимо участие местной администрации и представителей духовенства. Очень важно, чтобы здесь заработала экономика. Это одно.

Другое состоит в том, что пора менять стратегию «специальных» мероприятий. От бряцания оружием нужно перейти к оперативной, если можно так сказать, адресной работе с участниками бандформирований и их пособниками. Но использовать все связи и контакты.

Совместное разрешение затронутых проблем позволит стабилизировать обстановку в Северокавказском и других регионах. И чем раньше, тем лучше. Лучше для всех.

Фразы и информация к размышлениям

«В Чечне — особый случай. Здесь не подкупают — здесь просто убивают. В 2000 году в Чечне убиты пять работников прокуратуры».

Парламентская газета

«Чеченская Республика — неотъемлемая часть России. И федеральные законы должны действовать на ее территории неукоснительно. Только в этом случае в регионе могут наступить спокойствие и порядок. Своим твердым следованием букве и духу закона мы защищаем мирную жизнь людей, их гражданские права и свободы».

Устинов В. // Комсомольская правда. 2001. 21 марта

«Криминальная ситуация в регионе остается самой неблагополучной в России. По данным управления по расследованию преступлений в сфере федеральной безопасности на Северном Кавказе, в 2000 году на территории Чечни было совершено 162 теракта. За неполных три месяца 2001 года — более 20. Всего в 2000 году в Чечне было выявлено и зарегистрировано 3916 преступлений различной направленности, среди которых преобладали тяжкие и особо тяжкие. В то же время раскрываемость преступлений здесь ниже, чем в других регионах (в среднем — около 60 проц., а по умышленным убийствам — всего 14)».

Время МН. 2001. 20 марта

«В Чечне параллельно с восстановлением народнохозяйственных объектов ведутся работы по воссозданию пенитенциарной системы. Как сообщили во временной администрации Грозного, в настоящее время ведутся работы по строительству там следственного изолятора на 500 мест. Принято решение о восстановлении Наурской исправительно-трудовой колонии строгого режима. До начала боевых действий в Чечне в этой ИТК содержались особо опасные преступники».

Интерфакс, Назрань

«Европа может быть нами довольна. Мы оказались гуманнее, чем Турция в отношении Оджалана».

Беляев С. // Вечерняя Москва. 2001. 26 декабря

Глава четвертая

Под особым контролем

Нельзя объять необъятное. Истина, известная всем. И на нее часто ссылаются, когда человек не способен по разным причинам (а они находятся всегда) ответить на самые различные вопросы и тем более принять участие в разрешении сложных проблем. Я скептически отношусь к этой «прописной истине», и всегда стремлюсь «объять именно необъятное», а как прокурор, пытаюсь вникнуть и взять под личный контроль все основные дела, которые принято называть «громкими», да и не только их. Это дисциплинирует и меня, и моих подчиненных, и конкретных исполнителей, в том числе и следователей, расследующих трудные, самые запутанные преступления. Полную подборку таких дел привести в данной книге не представляется возможным, но некоторые выделю особо и познакомлю с ними читателя, ибо многие из них в памяти остались на всю оставшуюся жизнь. Вот только малая толика тех дел, которые, как говорят профессионалы, «прошли через

меня», некоторые из них я и по сей день держу под особым контролем как Генеральный прокурор страны.

Дьяволы террора, или дело «Тракториста»

Уголовное дело № 90065. На этом ярком примере я остановлюсь более подробно, ибо о тех зверствах, которые чинили в Чечне дьяволы террора, должны знать люди. Дело было возбуждено 7 февраля 1997 года Кавказской межрегиональной прокуратурой по материалам проверки сообщения об убийстве четверых российских военнослужащих чеченскими боевиками в апреле 1996 года, зафиксированного видеосъемкой.

Через три года, 24 января 2000 года, задержан один из обвиняемых, Тимирбулатов С. Х., запечатленный на видеопленке. 24.01.2000 года дело приняло к производству Главное управление Генеральной прокуратуры РФ на Северном Кавказе. Расследование проводил старший прокурор-криминалист Главка Криворотов К. Е. В проведении наиболее важных следственных действий по делу принимал участие начальник Главка Бирюков Ю. С. Сейчас он Первый заместитель Генерального прокурора РФ. Я вначале как заместитель Генпрокурора, а потом уже и как Генеральный прокурор РФ, надзирал за расследованием этого дела, принимал участие в проведении ряда следственных действий, в частности, в апреле и мае 2000 года в проведении следственного эксперимента и эксгумации трупов непосредственно на территории села Комсомольское Урус-Мартановского района ЧР, на месте совершения преступления. Общее руководство и контроль за расследованием уголовного дела осуществлял тогда первый заместитель начальника Главка, начальник следственного управления Хазиков Н. Ц. Сейчас он прокурор Калмыкии.

Уголовное дело в отношении Тимирбулатова (по кличке «Тракторист») получило широкий общественный резонанс. Оно стало одним из первых уголовных дел, материалы которого свидетельствовали о жестокости и варварстве чеченских боевиков. Кадры, на которых была запечатлена показательная казнь российских солдат, были продемонстрированы на всех телевизионных каналах России и большинстве ведущих зарубежных телевизионных компаний.

В ходе следствия было установлено, что Тимирбулатов, 1960 г. р., проживавший в селе Борзой Шатойского района ЧР, принимал участие в боевых действиях против федеральных Вооруженных сил с 1994 по 1996 год.

В апреле 1996 года на участке автодороги Атаги — Гойское банда под руководством А. Закаева захватила четырех военнослужащих в/ч 62892 и жестоко убила их. Тимирбулатов вместе с другими членами банды участвовал в этом убийстве.

Генная экспертиза, позволившая идентифицировать эксгумированные останки погибших, была проведена в 124-й криминалистической лаборатории города Ростова-на-Дону.

Кроме того, было установлено участие Тимирбулатова в похищении гражданина Турции Сабанджиоглу Назима Азиза и Габараева Е. С. с целью их выкупа.

В 1999 году Тимирбулатов, будучи начальником Шатойского районного отдела шариатской госбезопасности ЧРИ, создал устойчивую преступную группу (банду) численностью более 20 человек. Банда совершила ряд тяжких и особо тяжких преступлений. За эти и другие совершенные преступления Тимирбулатов был предан суду.

Государственное обвинение поддерживал заместитель начальника СУ Главка Кравченко В. П. Приговором Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики Тимирбулатов осужден к пожизненному лишению свободы с конфискацией имущества, с отбыванием наказания в исправительной колонии особого режима.

Теперь более подробно о самом деле и совершенных Тимирбулатовым преступлениях.

Уголовное дело по обвинению Тимирбулатова, которое рассматривалось в Верховном суде Кабардино-Балкарской Республики, вызвало большой общественный резонанс и привлекло повышенное внимание средств массовой информации в связи с тем, что впервые к уголовной ответственности за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых с особой жестокостью, привлечен один из организаторов и активный участник вооруженного бандитского формирования, действовавшего на территории Чеченской Республики.

Преступные деяния Тимирбулатова стали возможны потому, что начиная с 1991 года на территории Чеченской Республики, в результате ликвидации федеральных органов власти и управления, воцарились беззаконие и произвол. Руководителями так называемой Республики Ичкерия в целях нападения на граждан и организации были созданы многочисленные устойчивые вооруженные группы (банды).

Преступники находили безопасное убежище на территории самопровозглашенной Ичкерии, совершали акты терроризма, вооруженные нападения, захватывали заложников в сопредельных субъектах Российской Федерации. Несмотря на договоры о правовой помощи, дудаево-масхадовский режим не выдал России и не осудил за этот период ни одного преступника.

Бандиты были настолько уверены в своей безнаказанности, что страшные сцены убийств и издевательств над российскими военнослужащими снимали на видеокамеры, сами позировали перед ними. Одна из таких видеокассет и стала неопровержимой уликой преступной деятельности осужденного Тимирбулатова.

Его преступная деятельность началась еще в 1994 году в Грозном, где он добровольно вступил в банду Белоева под названием «Шатойский полк», стал членом устойчивой вооруженной группы (банды). Для участия в нападениях на граждан и организации он получил от Белоева автомат АКМ и не менее 200 патронов калибра 7,62 мм к нему, которые хранил и носил без соответствующего разрешения. В период с 1994 по 1996 год Тимирбулатов активно противодействовал федеральным силам, выполняющим задачи по наведению конституционного порядка на территории Чеченской Республики.

Приведу хронику преступной деятельности Тимирбулатова:

11 апреля 1996 года на участке автодороги Атаги — Гойское в результате нападения вооруженной устойчивой группы (банды) под руководством А. Закаева на военнослужащих Вооруженных сил Российской Федерации были захвачены выполняющие свой служебный долг военнослужащие в/ч 62892 Федотков Эдуард Вадимович, Шаронов Павел Викторович, Митряев Сергей Иванович и Щербатых Алексей Александрович.

12 апреля 1996 года Тимирбулатов по предварительной договоренности с членами устойчивой вооруженной группы (банды) Бахарчиевым, Магомадовым, Хамзатом, Дукуахом и Асхабом и другими неустановленными лицами на автомашине УАЗ-469 вывезли всех четверых военнослужащих в район высоты Сураты, расположенной в 5 км южнее села Комсомольское. Там Бахарчиев нанес кинжалом Шаронову П. В. резаную рану шеи, в результате чего Шаронов скончался.

Затем Тимирбулатов из пистолета марки ПМ выстрелом в голову прикончил Митряева С. И. Другие участники банды совершили убийство военнослужащих Федоткова Э. В. и Щербатых А. А.

В начале 1997 года на территории Чеченской Республики Тимирбулатов вместе с жителем Грозного по имени Муса с целью нападения на граждан, похищения людей, вымогательства у родственников похищенных денежных сумм за освобождение создал устойчивую вооруженную группу (банду). На вооружении у членов указанной группы (банды) находились различные виды огнестрельного оружия, а также боеприпасы к ним. Лично у Тимирбулатова был пистолет с боекомплектом, а также автомат Калашникова с 30 патронами.

Члены вооруженной банды распределили между собой роли. Часть банды занималась непосредственно нападениями на граждан и их похищением, другая часть под руководством

Тимирбулатова перемещала похищенных, осуществляла их насильственное удержание. Одно из мест насильственного удержания располагалось в селе Борзой Шатойского района Чеченской Республики. В распоряжении боевиков находились автомашины марок ВАЗ-2106 и УАЗ-469, а также средства спутниковой и радиосвязи.

21 января 1997 года, примерно в 21 час 30 минут, во дворе дома № 14 по ул. Головки в городе Нальчике в соответствии с ранее распределенными ролями четырьмя членами банды, вооруженными огнестрельным оружием, с целью последующего получения денежной суммы за освобождение было совершено разбойное нападение и похищение гражданина Турции Сабанджиоглу Назима Азиза. При нападении и перемещении на территорию Чеченской Республики членами банды под угрозой применения огнестрельного оружия, методами насилия, опасного для жизни и здоровья, у Сабанджиоглу были похищены 2 млн неденоминированных рублей, 400 долларов США, барсетка стоимостью 50 долларов США, очки стоимостью 800 долларов США. При этом к Сабанджиоглу применялось физическое насилие, в результате чего ему были причинены телесные повреждения различной степени тяжести. Деньги и имущество потерпевшего были распределены между членами банды, в том числе и Тимирбулатовым. После похищения Сабанджиоглу был перемещен в город Грозный, а затем в село Борзой Шатойского района, туда, где проживал Тимирбулатов. Там он насильственно удерживался до 18 марта 1997 года.

Совместно с Мусой Тимирбулатов после совершенного разбойного нападения и похищения гражданина Турции Сабанджиоглу Н. А. из корыстных побуждений выдвинул требование уплаты за его освобождение денежной суммы в размере 2 млн долларов США. Тимирбулатов в марте 1997 года неоднократно предлагал Сабанджиоглу подписать письмо с изложением требований для передачи родственникам похищенного и уплаты требуемой суммы. Добившись от Сабанджиоглу написания такого письма, Тимирбулатов через неустановленных следствием лиц передал это письмо родственникам Сабанджиоглу, проживавшим в Нальчике. В результате 18 марта 1997 года, после уплаты похитителям 250 тыс. долларов США, Сабанджиоглу был освобожден. Указанная денежная сумма была распределена между членами вооруженной устойчивой группы (банды) под руководством Тимирбулатова и Мусы и была использована членами банды по их усмотрению.

25 января 1997 года в Грозном в районе площади Минутка с корыстной целью получения денежной суммы за освобождение было совершено разбойное нападение и похищение Габараева Емзари Севаевича. При нападении у Габараева члены банды под угрозой применения огнестрельного оружия и с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, похитили 10 тыс. долларов США, а также 10 млн неденоминированных рублей, автомашину марки «Джип» стоимостью 28 600 долларов США и бензопилу «Бош» стоимостью 300 долларов США. Всего у Габараева было похищено имущества на сумму 228 540 200 неденоминированных рублей. Деньги и имущество были распределены между членами банды. Габараев после похищения насильственно удерживался бандой в одном из домов Грозного. В марте 1997 года Габараев на автомашине УАЗ-469 под непосредственным руководством Тимирбулатова был перемещен из Грозного в село Борзой Шатойского района Чеченской Республики. Там он содержался в одном из домов членами вооруженной устойчивой группы (банды), руководимой Тимирбулатовым. 23 апреля 1997 года при очередном перемещении в Грозный Габараеву удалось бежать.

Летом 1999 года Тимирбулатов, будучи назначенным на должность начальника так называемого Шатойского районного отдела шариатской госбезопасности (ЧРИ), создал из числа жителей Чеченской Республики преступную организацию, которая под его руководством активно противодействовала Вооруженным силам Российской Федерации, выполнявшим задачи по пресечению деятельности на территории республики преступных организаций и групп, и совершила ряд тяжких и особо тяжких преступлений.

31 января 2000 года Тимирбулатов переместил подчиненных ему членов преступной организации в окрестности села Харсеной Шатойского района Чеченской Республики, где происходило боевое столкновение участников различных преступных групп с отрядом специального назначения Вооруженных сил Российской Федерации. В это же время спасательной командой осуществлялась попытка эвакуации бойцов отряда специального назначения вертолетами с места боя. Из-за начавшегося сильного обстрела эвакуация была прервана, и вертолеты покинули место боя. Здесь остались военнослужащие подполковник Жуков А. П., капитан Могутнов А. Н. и сержант контрактной службы Бегленко Д. М., выполнявшие задачи по эвакуации и не сумевшие подняться на борт вертолета. Участники преступной организации под руководством Тимирбулатова начали преследование военнослужащих, производя при этом

выстрелы из имеющегося у них автоматического и иного огнестрельного оружия, а также использовали гранаты. В результате подполковник Жуков А. П. получил огнестрельное пулевое сквозное проникающее ранение мягких тканей груди, что причинило здоровью Жукова А. П. вред средней тяжести. Могутнов А. Н. получил огнестрельное пулевое слепое ранение правого плеча, что повлекло причинение здоровью Могутнова А. Н. тяжкого вреда.

В тот же день после захвата военнослужащие были доставлены в село Борзой Шатойского района Чеченской Республики, где насильственно удерживались Тимирбулатовым. Впоследствии подполковник Жуков А. П. был перемещен в село Вашиндарой с целью его последующего обмена на участников вооруженного противодействия Вооруженным силам РФ, а затем в село Комсомольское Урус-Мартановского района. Там он и был освобожден в результате проведения специальной войсковой операции.

28 февраля 2000 года капитан Могутнов А. Н. и сержант Бегленко Д. М. членами преступной организации под руководством Тимирбулатова были вывезены в село Вашиндарой, откуда, воспользовавшись ослаблением бдительности охранявших их лиц, сумели скрыться и добрались к месту дислокации Вооруженных сил Российской Федерации.

После избиения Жукова А. П., Могутнова А. Н. и Бегленко Д. М. члены преступной организации под руководством Тимирбулатова завладели принадлежащим личным и вверенным в силу служебной необходимости Жукову А. П., Могутнову А. Н. и Бегленко Д. М. имуществом.

Все вышеперечисленные деяния Тимирбулатова квалифицировались как преступные.

...Из оглашенных в судебном заседании показаний потерпевших Шароновой А. П., Козловой Л. К., Митряевой Т. И. и Щербатых Н. В. усматривается, что их сыновья принимали участие в наведении конституционного порядка на территории Чеченской Республики. В 1996 году от сыновей перестали приходиться письма, руководство военкоматов по месту их призыва сообщило о том, что они пропали без вести...

Аналогичные показания дала допрошенная на предварительном следствии по обстоятельствам дела Шаронова Т. В. Она пояснила, что казнь военнослужащих, в которой участвовал Тимирбулатов, она увидела по телевизору. В одном из военнослужащих она узнала своего мужа — Шаронова Павла Викторовича, который пропал без вести в апреле 1996 года на территории Чеченской Республики. Мужа она с уверенностью узнает при предъявлении ей снимков с видеозаписи.

Козлова Л. К. в апреле 2000 года по телевизору также увидела передачу, в которой показывали сюжеты о казни чеченскими боевиками российских военнослужащих. Среди военнослужащих она узнала своего сына — Федоткова Эдуарда Вадимовича. После телепередачи другой ее сын где-то нашел видеокассету с записью казни и показал ей стоп-кадр. Поэтому она с уверенностью может утверждать, что в сюжете третьим слева направо запечатлен ее сын.

Потерпевшей Митряевой Т. И. о судьбе сына ничего не было известно с 13 апреля 1996 года, а Щербатых Н. В. пришло сообщение, что сын пропал без вести 13 апреля 1996 года при боевом столкновении.

Из оглашенных в судебном заседании показаний свидетеля Рыбаковой Ю. Н. следует, что 2 октября 1996 года в Комитет солдатских матерей обратилась Щербатых Н. В. с просьбой о помощи в поисках сына — Щербатых А. А., пропавшего без вести в 1996 году в районе н. п. Гойское Чеченской Республики. Для поисков Щербатых А. А. она выехала в Воронеж к бывшему сослуживцу и односельчанину Щербатых А. А. — Горшкову, который пояснил, что Щербатых А. А. был взят в плен, а закрепленный за Щербатых А. А. автомобиль марки «Урал» видели в разбитом состоянии в Шатое. После показа по телевидению сюжета об участии Тимирбулатова в казни военнослужащих к Рыбаковой позвонила Щербатых Н. В. и сообщила, что в одном из

военнослужащих она узнала своего сына. Еще через некоторое время к ней позвонила Козлова Л. К. и тоже сообщила, что также узнала среди военнослужащих своего сына — Федоткова Эдуарда.

Представленной военной прокуратурой СКВО справкой подтверждается факт пропажи без вести в апреле 1996 года военнослужащих в/ч 62892 Шаронова П. В., Митряева С. И., Федоткова Э. В. и Щербатых А. А.

Предварительным расследованием было бесспорно установлено, что убийство четверых военнослужащих Российской Армии Шаронова П. В., Федоткова Э. В., Митряева С. И. и Щербатых А. А. было совершено 12 апреля 1996 года на территории Чеченской Республики при обстоятельствах, указанных самим подсудимым и подтвержденных собранными по его делу доказательствами в ходе следствия. Выводы следствия нашли свое полное подтверждение в судебном заседании.

Из протокола осмотра видеокассеты, на которой зафиксирован допрос и последующее убийство российских военнослужащих, видно, что один из участников допроса и последующего убийства военнослужащих именуется другими боевиками как Салаудин. Именно он лично производил выстрел в голову одному военнослужащему из пистолета, а также присутствовал при казни остальных военнослужащих.

Заключением судебной медико-криминалистической фотопортретной экспертизы № 60 м/к от 21.04.2000 года установлено, что человек на представленной видеокассете с записью убийства четверых российских военнослужащих является Тимирбулатовым Салаудином Хасмагамадовичем, 01.01.1960 года рождения.

В судебном заседании подсудимый Тимирбулатов подтвердил свои показания, данные в ходе предварительного следствия, о том, что с его участием были убиты четверо военнослужащих Российской Армии. В ходе проверки его показаний с выходом на место происшествия Тимирбулатов указал на дорогу, ведущую через южную окраину села Комсомольское Урус-Мартановского района в южном направлении в горную местность, и пояснил, что именно по ней военнослужащие были вывезены для последующего убийства.

В ходе дополнительного осмотра места происшествия с участием обвиняемого Тимирбулатова, в пяти километрах южнее села Комсомольское Урус-Мартановского района, в горной местности, обнаружено захоронение, из которого извлечены останки трех человек, а рядом на открытой поверхности найдены останки четвертого человека.

Я помню, как мы доставили Тимирбулатова для проведения этих следственных действий. Первый раз нам это сделать не удалось. Шел апрель 2000 года. Значительная часть Аргунского ущелья контролировалась незаконными вооруженными формированиями. Мы высадились на вертолете у входа в ущелье чуть выше села Комсомольское. Однако приблизиться к месту, которое указывал Тимирбулатов, для проведения следственных действий не смогли. Все вокруг нас и впереди было заминировано. Потоптавшись на месте, мы вернулись к вертолетам. Минеры были категоричны — понадобится минимум месяц, для того чтобы очистить дорогу в ущелье от мин. Справились быстрее и скоро мы опять высадились там же на вертолетах и на нескольких БМП вместе с Тимирбулатовым выехали к месту преступления. Он показал захоронения. При нем мы провели эксгумацию. Все это было запротоколировано и зафиксировано на фото- и видеопленку.

Вернемся к сухим, но весьма доказательным материалам дела. Согласно заключению комиссионной медико-криминалистической фотопортретной экспертизы № 1-Ф от 14.06.2000 года, военнослужащий, условно обозначенный как № 2, установлен как Митряев Сергей Иванович, который присутствует в эпизодах допроса, зачитывания приговора и убийства российских военнослужащих чеченскими боевиками. На видеопленке имеются кадры выстрела Тимирбулатовым из пистолета в голову Митряеву в упор.

Это обстоятельство подтверждается заключением комиссионной судебно-медицинской идентификационной остеологической экспертизы № 1373-00 от 20.06.2000 года, в соответствии с которым представленные на исследование останки принадлежат Митряеву Сергею Ивановичу, 1963 года рождения.

По заключению судебно-баллистической экспертизы № 394 от 05.05.2000 года предмет, находившийся в правой руке Тимирбулатова в момент совершения им убийства военнослужащего Митряева С. И., являлся 9 мм пистолетом конструкции Макарова (ПМ), относящимся к боевому нарезному огнестрельному оружию.

Таким образом, в судебном заседании с достоверностью было установлено, что убийство военнослужащего Митряева совершено подсудимым Тимирбулатовым при указанных выше обстоятельствах. Факт убийства остальных военнослужащих в присутствии Тимирбулатова подтверждается собранными доказательствами на предварительном следствии и в суде: его собственными показаниями о том, что в 1994 году в добровольном порядке вступил в Шатойский полк под руководством Белоева для противодействия федеральным войскам, от Белоева получил оружие и боеприпасы, оказывал помощь участникам незаконных вооруженных формирований в перевозке грузов и людей на личном транспорте.

12 апреля 1996 года он принял участие в расстреле четверых военнослужащих Российской Армии, захваченных боевиками в плен, по предварительному сговору с Бахарчиевым, Магомадовым, Хамзатом, Дукуахом и Асхабом. Первого военнослужащего — Шаронова — убил Бахарчиев, второго — Митряева — убил лично Тимирбулатов, поставив того на колени и выстрелив ему в голову. Третьего военнослужащего — Федоткова — из автомата убил Хамзат. Четвертого — Щербатова — убил Дукуах. Он перерезал ему горло кинжалом. После убийства они скинули трупы в окоп и присыпали их землей.

Таким образом, на предварительном следствии и в суде установлено, что убийства четверых военнослужащих были совершены с особой жестокостью, так как все убийства, с целью усугубления их страданий, совершались в присутствии оставшихся в живых военнослужащих. Но это еще не все.

Бандиты расправлялись со своими жертвами, но им было не менее важно добиться получения выкупа — финансовых средств, имущества. Вот, например, каковы были факты, установленные судом:

Потерпевший Сабанджиоглу Н.А. в суде полностью подтвердил показания, данные им на предварительном следствии, и сообщил, что 21 января 1997 года, примерно в 21 час 30 мин., на ул. Головки города Нальчика он был похищен неизвестными лицами. Они нанесли ему множество ударов по различным частям тела и забрали деньги в сумме 2 млн неденоминированных рублей и 400 долларов США, барсетку стоимостью 50 долларов США и очки стоимостью 800 долларов США. Похитителями он был доставлен в Грозный, где его содержали в одном из домов, требуя за освобождение выкуп в размере 2 млн долларов США.

По требованию Тимирбулатова Сабанджиоглу написал родственникам о сумме выкупа в 200 тыс. долларов США. Эту записку Тимирбулатов передал родственникам в Нальчике. Затем Сабанджиоглу переместили в Грозный, куда приехал его родственник — Нахушев и сообщил, что деньги привезут через три дня. Договорились об окончательной сумме в 250 тыс. долларов США.

18 марта 1997 года Сабанджиоглу посадили в автомашину УАЗ, вывезли из Грозного и передали родственникам в обмен на 250 тыс. долларов США. Тимирбулатов сопровождал его. Был вооружен автоматом Калашникова.

В судебном заседании Сабанджиоглу также твердо опознал в Тимирбулатове того человека, который организовал его охрану и оговаривал с ним условия выкупа. Со слов охранников было известно, что в Шатойском районе командовал Тимирбулатов, он очень дерзкий, и его указания следует выполнять беспрекословно. В обращениях к Тимирбулатову его называли «полковником». В общем, чувствовалось, что он здесь был старшим.

На очной ставке с Тимирбулатовым Сабанджиоглу полностью подтвердил свои показания и уличил подсудимого в совершении всех этих преступлений. По мнению Сабанджиоглу, лица,

похитившие его и незаконно удерживавшие на территории Чеченской Республики, а также требовавшие денежный выкуп, представляли собой единую преступную группу — банду, предварительно распределившую между ее участниками роли.

Помимо показаний Сабанджиоглу Н. А., вина Тимирбулатова в похищении указанного лица, совершении разбойного нападения на него и вымогательстве денег за его освобождение подтверждалась другими материалами дела, а именно: заявлением Ажахова К. М. об исчезновении Сабанджиоглу Н. А.; протоколом осмотра места онкологической больницы города Нальчика; заявлением директора фирмы «Вилис-д» о передаче 250 тыс. долларов США за освобождение Сабанджиоглу Н. А.; протоколом осмотра долларов США, подлежащих передаче за освобождение Сабанджиоглу Н. А.; протоколом осмотра перечня наименований купюр долларов США, переданных за освобождение Сабанджиоглу Н. А.; заявлением Сабанджиоглу Н. А. об опознании им в телевизионной передаче Тимирбулатова С.Х.; заключением судебно-медицинской экспертизы № 1189-А от 08.08.2000 года, в соответствии с которым у Сабанджиоглу Н. А. имеются рубцы на лице, правой верхней конечности. Они получены в результате заживления ран. Их давность на момент освидетельствования свыше 1,5 лет; заключением дополнительной судебно-медицинской экспертизы № 584 от 23.08.2000 года, в соответствии с которым рубцы, обнаруженные у Сабанджиоглу при проведении первоначальной судебно-медицинской экспертизы, являются следствием заживления ран, имевших место не менее чем за 1–2 года до момента проведения первичной экспертизы, и, возможно, образовавшихся от воздействия — неоднократных ударов каким-либо тупогранным предметом. Эти рубцы обладали признаками повреждений, причинявших легкий вред здоровью. Согласно результату описания рентгенографии правого плечевого сустава от 19.03.1997 года и данных о последующем оперативном лечении, у Сабанджиоглу имел место передне-нижний вывих верхней головки правой плечевой кости. Данное повреждение чаще всего образуется при избыточном вращении плеча вокруг своей оси и в положении переднего и заднего отведения, что может быть при выкручивании руки. Вывих плечевой кости повлек за собой длительное расстройство здоровья сроком свыше 21 дня. Причинен здоровью вред средней тяжести. И наконец, протоколом очной ставки между Сабанджиоглу Н. А. и Тимирбулатовым Сабанджиоглу Н. А. подтвердил показания, данные им на предварительном следствии.

Свидетель Селифанова Н. В. показала, что в 1997 году она проживала совместно с Сабанджиоглу Назимом. 21 января 1997 года он вечером домой не пришел. Утром из офиса Назима позвонили и сообщили, что тот не вышел на работу. Так как Назим продолжительное время отсутствовал и никак не давал о себе знать, она написала заявление в милицию об исчезновении Сабанджиоглу.

Свидетель Сабанчиев У. М. показал, что после похищения Сабанджиоглу его брат Наим сообщил ему, что из Чечни звонили неизвестные и назначили ему встречу на Ачхой-Мартановском повороте. Примерно в марте 1997 года Сабанчиев выехал туда на автомашине с незнакомым парнем, которого ему представили сотрудники фирмы «Вилис». Приехав в назначенное место, они увидели там не менее шести человек. Все были одеты в камуфляжную форму, вооружены различными видами огнестрельного оружия. У них были также две автомашины УАЗ. Один из вооруженных людей вызываяще спросил его, привез ли он деньги в сумме 2 млн долларов США. На это Сабанчиев ответил, что хочет сначала убедиться, что Назим живой и находится именно у этих людей. После недолгих переговоров неизвестные согласились устроить встречу с Назимом. С завязанными глазами его привезли в какое-то помещение. Через маленькое окошко ему показали Сабанджиоглу, который был привязан к батарее. Он выглядел похудевшим, был небрит. Ему разрешили несколько минут поговорить с Назимом, и тот его попросил сообщить родственникам о необходимости передачи денег за освобождение. После этого Сабанчиева с завязанными глазами привезли на Ачхой-Мартановский поворот, откуда он вернулся в Нальчик. Он еще четыре раза ездил на переговоры с похитителями, однако Назима ему больше не показывали. Чеченцы вели разговор только о деньгах и никак не хотели отступать от требуемой суммы.

Допрошенный в судебном заседании свидетель Нахушев Р.Б. подтвердил свои показания, данные на предварительном следствии, об обстоятельствах похищения Сабанджиоглу и его выкупа за 250 тыс. долларов США. Со слов Сабанджиоглу, Нахушеву стало известно, что в числе похитителей и лиц, охранявших его, был Тимирбулатов, которого Сабанджиоглу узнал в сюжете казни российских военнослужащих, показанном по телевидению. 18 марта 1997 года Тимирбулатов, будучи вооружен автоматом, сопровождал Сабанджиоглу из Грозного до границы Республики Ингушетия для обмена. После получения боевиками денег Назим был освобожден.

Потерпевший Габараев Е.С. показал, что вечером 25 января 1997 года он в районе площади Минутка в Грозном был похищен неизвестными вооруженными лицами. При этом похитители нанесли ему несколько ударов по различным частям тела и забрали 10 тыс. долларов США и 10 млн рублей, автомашину марки «Джип» стоимостью 28 600 долларов США и бензопилу марки «Бош» стоимостью 300 долларов США. Затем его привезли в один из домов. Похитители требовали за его освобождение сначала 5 млн долларов США, а затем снизили требования до 3 млн. Примерно через месяц ему сообщили, что его будут обменивать в Ингушетии. Его вывели из дома и на милицейской автомашине УАЗ доставили в село Борзой. В багажном отсеке этой же автомашины вместе с ним находился еще один похищенный, который стонал. В Борзое он увидел, что с ним доставили пожилого человека, как он впоследствии узнал — Сабанджиоглу Назима, турка по национальности. Их привели к одноэтажному дому и поместили в пристройке. Он и Назим видели друг друга, но разговаривать им не давали.

Показания потерпевшего Габараева Е. С. о том, что он был похищен и находился вместе с Сабанджиоглу на территории Чеченской Республики, подтвердились. 23 апреля 1997 года ему удалось бежать, открыв наручники.

Подтверждением совершенного преступления служил и протокол осмотра места происшествия — дома в с. Борзой, где Габараев Е. С. в 1997 году насильственно удерживался вместе с Сабанджиоглу.

Из показаний потерпевшего Сабанджиоглу суду стало известно, что после побега Габараев приезжал к нему домой в Нальчик и рассказывал об обстоятельствах своего похищения и побега.

Приведенные доказательства свидетельствовали о том, что организация похищения, разбойное нападение, незаконное удержание и вымогательство в отношении Сабанджиоглу и Габараева было совершено при непосредственном участии Тимирбулатова.

* * *

Еще одним эпизодом обвинения, предъявленного Тимирбулатову, было создание вооруженной преступной организации, посягательства на жизнь военнослужащих, захват их в качестве заложников, угроза их убийства, совершение разбойного нападения в отношении их и хищение личного и вверенного им имущества и боеприпасов, а также наркотических веществ и документов.

В судебном заседании подсудимый Тимирбулатов пытался выступить в качестве «спасителя». Он утверждал, что после захвата боевиками из отряда Гелаева военнослужащих Жукова, Могутнова и Бегленко он постоянно помогал им, приносил еду, оказывал медицинскую помощь, а к их захвату никакого отношения не имел. Однако его вина в совершении инкриминируемых ему по этому эпизоду деяний доказана собранными по делу доказательствами на предварительном следствии и в суде.

Допрошенный в судебном заседании потерпевший Жуков А. П., принимавший участие в контртеррористической операции в Чеченской Республике, полностью подтвердил свои показания, данные на предварительном следствии, и показал, что ему приходилось участвовать в спасательных мероприятиях. 30–31 января 2000 года он с группой вылетел в район поселка Харсеной для эвакуации бойцов Бердского отряда специального назначения, попавших в окружение. Им удалось за два дня спасти нескольких военнослужащих. Из-за начавшегося сильного обстрела он передал летчикам по радиосвязи, чтобы вертолеты немедленно улетали. На месте обстрела остались трое военнослужащих: он, капитан Могутнов А. Н. и сержант контрактной службы Бегленко Д. М. По ним со всех сторон вели огонь, стреляли из подствольных гранатометов, кричали «Сдавайтесь!». Он был ранен в правую руку. Ему под ноги кинули гранату РГД-5, которая по случайности не взорвалась. Примерно через 10 минут он увидел возле лица дуло автомата. Тогда же он в первый раз встретился с Салаудином Тимирбулатовым. В звании полковника, тот был одет в камуфляжную форму иностранного производства. Вооружен автоматом, пистолетом и кинжалом.

Впоследствии Жуков увидел по телевизору сюжет казни российских военнослужащих. В ней участвовал Тимирбулатов, и Жуков узнал в нем того полковника, который командовал группой боевиков при их окружении. Он же кричал: «Сдавайтесь!»

Один из подчиненных Тимирбулатова нанес Жукову удар прикладом автомата по правой щеке, на которой остался шрам. Затем его повалили на землю, начали избивать. Боевики, угрожая оружием, отобрали у него штормовой костюм и ботинки горного образца, а также радиостанцию Р-853 с двумя блоками питания, выданные ему по долгу службы в СКВО. Из личных вещей члены группы Тимирбулатова забрали у него часы «Электроника» и кожаные меховые перчатки.

После этого к Жукову подошел Тимирбулатов и спросил, где его оружие. Когда он сообщил Тимирбулатову, что является спасателем и не имеет оружия, тот приставил к его горлу нож и сказал, что если найдет у него хоть один патрон, то отрежет голову. Подчиненные Тимирбулатова нашли в кармане Жукова удостоверение личности и узнали, что он — подполковник из штаба СКВО. После этого Тимирбулатов приказал прекратить избиение. Всех троих захваченных повели в село Харсеной, оттуда — в Борзой, где поместили в дом. За этим домом наблюдал русский по имени Миша, которого, как он понял, использовали как бесплатную рабочую силу. Ему несколько раз удалось переговорить с Михаилом, и он узнал, что тот родом из Орловской области.

В дом, где их содержали, командир боевиков Тимирбулатов приходил каждый день. Он был вооружен пистолетом. В ходе ежедневных допросов военнослужащих он требовал назвать позывной для вызова вертолета, грозил расстрелом в случае отказа. Захваченных постоянно охраняли несколько человек. Впоследствии с группой боевиков Жукова переместили в село Комсомольское. Там он был освобожден военнослужащими федеральных сил.

На очной ставке между Жуковым и Тимирбулатовым потерпевший полностью подтвердил свои показания.

Потерпевший Могутнов А. Н., допрошенный в судебном заседании, полностью подтвердил показания Жукова А. П. об обстоятельствах захвата и пояснил, что они были захвачены в районе села Харсеной группой боевиков в количестве примерно 20 человек. Он получил несколько ударов прикладом автомата, в основном по лицу. Тимирбулатов отобрал у него документы — удостоверение офицера, в котором находились 400 рублей.

Впоследствии он увидел Тимирбулатова в телевизионном репортаже с сюжетом казни военнослужащих. Именно он был командиром того отряда, давал указания и был одет в камуфляжную форму иностранного производства, был вооружен автоматом, пистолетом и кинжалом.

Помимо удостоверения личности офицера боевики банды Тимирбулатова отобрали у него часы «Электроника», перчатки кожаные и разгрузочный жилет. Кроме того, под угрозой применения оружия у него было похищено имущество, выданное ему по долгу службы в войсковой части: 300 патронов калибра 5,45 мм, семь магазинов к автомату, шесть гранат к подствольному гранатомету, армейская фляга, две дымовые шашки, два сигнальных патрона, шлемофон, индивидуальный медицинский пакет, две ампулы промедола. Могутнов слышал, как Тимирбулатов угрожал отрезать Жукову голову. Именно Тимирбулатов предлагал им сдаться, когда они попали в окружение.

Затем их перевезли в район села Шатой на милицейской автомашине УАЗ. В ней также находился Тимирбулатов. От кого-то из боевиков он слышал, что Тимирбулатов занимал высокий пост в милиции.

28 февраля 2000 года Могутнова и сержанта Бегленко привезли в Вашендарой, где их должны были обменять. Вечером того же дня они были переданы представителям федеральных сил.

На очной ставке между Могутновым и Тимирбулатовым потерпевший полностью подтвердил свои показания и уличил боевика в совершении им преступлений.

Из оглашенных в судебном заседании показаний потерпевшего Бегленко Д. М. следовало, что он полностью подтвердил показания Жукова А. П. и Могутнова А. Н. на предварительном следствии и пояснил, что руководителем группы боевиков, захвативших его, Жукова А. П. и Могутнова А. Н., был Тимирбулатов. Непосредственно в момент пленения одним из боевиков ему был нанесен удар прикладом автомата по голове, после чего четверо других начали наносить ему удары ногами и руками по голове и различным частям тела. Одновременно боевики жестоко избили Жукова.

В момент пленения члены группы Тимирбулатова забрали у него автомат АС-ВАЛ, бинокль, принадлежащие ему обручальное кольцо и разгрузочный жилет.

Из оглашенных в судебном заседании показаний свидетеля Проценко В. Ю. усматривалось, что с декабря 1996 года он находился в специальной командировке в Чеченской Республике в составе 2-го батальона в/ч 6455. В соответствии с боевым распоряжением 27 января 1997 года их группа, в состав которой входил и сержант Бегленко, вертолетом была доставлена на одну из высот, расположенную примерно в 20 км от села Харсеной. После убийства вертолета командир группы выслал дозор в составе Бегленко и Виноградова, которые обнаружили членов незаконных вооруженных формирований (банд). По группе был открыт огонь, после чего солдаты вынуждены были отойти в лес. Несколько дней они пытались установить связь с федеральными силами. Когда прибыл вертолет, то первым эвакуировали раненого. На следующий день для эвакуации прибыли еще два вертолета. Под непрекращающимся огнем на борт были подняты оставшиеся военнослужащие. Однако по причине повреждений одного из вертолетов пропала возможность забрать с земли Бегленко, а также спасателей — Жукова и Могутнова. Остальные члены группы удачно эвакуировались.

Помимо показаний потерпевших Жукова А. П., Могутнова А. Н. и Бегленко Д. М. вина Тимирбулатова подтверждалась другими материалами дела.

Допрошенный в судебном заседании свидетель Исайченков М. И. подтвердил свои показания, что с октября 1996 по апрель 1998 года он проживал в селе Борзой у Асаева Ахида по кличке Дуга. У Асаева был друг — Тимирбулатов Салаудин, который часто навещал Дугу. Во время наведения конституционного порядка на территории Чеченской Республики в 1994–1996 годах Тимирбулатов входил в формирование Белоева. Со слов местных жителей он знал, что Тимирбулатов причастен к похищению людей. В январе 2000 года в селе Борзой он видел, как Тимирбулатов привез, а затем переправил в Харсеной троих спасателей: Могутнова, Жукова и Бегленко. Могутнов и Жуков были ранены и избиты. Тимирбулатов в камуфляжной форме в звании полковника, вооружен автоматом и пистолетом. Со слов военнослужащих ему стало известно, что в плен спасателей взял Тимирбулатов. Он же принимал непосредственное участие в допросах этих военнослужащих, а также других лиц.

В ходе предварительного следствия и в судебном заседании было установлено, что Тимирбулатов действительно создал вооруженную преступную организацию и руководил ею, совершил разбойное нападение, посягательство на жизнь военнослужащих Жукова, Могутнова и Бегленко, захват их в качестве заложников и хищение личного и вверенного им имущества и боеприпасов, а также наркотических веществ и документов.

В соответствии с заключением амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы № 802 от 11.05.2000 года, Тимирбулатов хроническим психическим расстройством не страдал и не страдает, и он мог и может осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Во время совершения им правонарушений, как видно из материалов уголовного дела и при настоящем обследовании, он также не обнаруживал и признаков какого-либо временного психического расстройства. В отношении инкриминируемых ему деяний Тимирбулатова следовало считать вменяемым. В стационарном обследовании и принудительных мерах медицинского характера он не нуждался.

Таким образом, вина Тимирбулатова в совершении инкриминируемых ему деяний нашла свое полное подтверждение в ходе предварительного и судебного следствия.

Его действия суд квалифицировал: по совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 102 п.п. «в, г, з, н» и 218 ч. 1 УК РСФСР; 33 ч. 3, 317; 33 ч. 3, 106 ч. 3; 33 ч. 3, 126 ч. 3 п. «а»; 209 ч. 1; 33 ч. 3, 162 ч. 3 п.п. «а, б»; 33 ч. 3, 163 ч. 3 п.п. «а, б»; 33 ч. 3, 226 ч. 4 п.п. «а, б»; 33 ч. 3, 229 ч. 3 п.п. «а, в»; 222 ч. 3; 208 ч. 1; 208 ч. 2; 222 ч. 4; 119; 33 ч. 3, 325 ч. 2 УК РФ.

Учитывая, что преступление, по которому вынесено основное обвинение, было совершено Тимирбулатовым в 1996 году и регулировалось нормами УК РСФСР, прокурор просил суд, чтобы при назначении окончательной меры наказания руководствоваться законом, предусматривающим порядок поглощения наказания менее строгого более строгим, то есть ст. 40 УК РСФСР, и вынести окончательную меру наказания — смертную казнь с конфискацией имущества.

Суд приговорил Тимирбулатова к пожизненному лишению свободы с конфискацией имущества, без штрафа, с отбыванием наказания в исправительной колонии особого режима.

Решение вынес 15 февраля 2001 года судья Верховного суда КБР М. И. Ольмезов и народные заседатели А. А. Кайгермазов и А. В. Рыжиков.

Дагестанская эпопея

Среди подборки приводимых в этой книге дел не могу не выделить и другие кровавые события, в данном случае происшедшие на земле дагестанского народа, особенно натерпевшегося от своих горячих соседей. Тем более, что за годы моей жизни и работы там я понял этот народ.

Подробнее об одном преступлении, получившем резонанс в России и за рубежом.

В ходе расследования этого уголовного дела я многократно бывал в Дагестане, принимал непосредственное участие в следственных действиях. Уголовное дело № 86859 о массовых беспорядках в Махачкале в мае 1998 года, которые чуть не подтолкнули Дагестан в объятия насилия и террора, теперь принадлежит истории. Возбуждено оно было 21 мая 1998 года в городе Махачкале.

Вот суть дела, или как оно было нами изложено в обвинительном заключении от 26 февраля 1999 года:

20.05.1998 года, около 23 час. в городе Махачкале, недалеко от дома депутата Государственной Думы Хачилаева Н.М. на ул. Титова наряд сотрудников патрульно-постовой службы органов внутренних дел Республики Дагестан в ходе проведения мероприятий по поддержанию общественного порядка подвергся нападению группы не установленных вооруженных лиц в составе 15–20 человек.

В результате завязавшейся перестрелки был убит работник милиции Саламов М.Ш., телесные повреждения различной степени тяжести получили Муртузалиев М. А. и Ибрагимов И. З.

Примерно в 23 часа 30 мин. к месту перестрелки прибыл наряд милиции в количестве пяти человек, который также был обстрелян.

При этом были тяжело ранены работники милиции Алиев Р. Л., Гаджимусаев М. Н., Абдулатипов М. К.; Алиев и Гаджимусаев скончались в больнице через несколько часов.

Поскольку лица, совершившие посягательство на жизнь работников милиции, в том числе установленный следствием и находящийся в розыске Микатов Ш. Х., покинув место происшествия, укрылись в доме Хачилаева Н. М., прилегающая к дому территория была оцеплена силами органов внутренних дел МВД РД. Около часа ночи 21.05.1998 года вышедший из дома Магомедов Р. Ю. и с ним не установленная группа лиц в составе до 10 человек по указанию братьев Хачилаеваых — Хачилаева Н. М. и Хачилаева М. М. захватили в качестве заложников и разоружили находившихся в оцеплении сотрудников милиции Кировского РОВД Махачкалы

Гамидова Г. Ш., Азимова А. А., Махмудова А. М. и Ибрагимова Х. Н., угрожали им применением оружия, избили их, причинили Гамидову Г. Ш. ушиб поясницы — легкие телесные повреждения, не повлекшие расстройство здоровья, и похитили табельное оружие: 4 автомата АКС-74 калибра 5,45 мм за № 8530601, 8526450, 8532377 и 8531321 стоимостью 37 000 руб. и боеприпасы к ним, 2 пистолета ПМ за № ТТ-4642, ЛТ-2400 стоимостью 2832 руб и боеприпасы к ним. Всех четверых завели в гараж дома, где братья Хачилаевы — Хачилаев Н. М. и Хачилаев М. М. — предложили двоим из четырех работников милиции выйти из дома и передать руководству МВД республики требование снять оцепление. После отказа выполнить просьбу Хачилаевых милиционеры были заперты в гараже, где и содержались до утра 21.05.1998 года. Утром Хачилаев М. М. и его брат Хачилаев Н. М. отпустили работников милиции, вернули им 2 табельных пистолета ПМ, похищенные у работников милиции, 4 автомата АКС-74 калибра 5,45мм возвращены не были.

В результате работники милиции Гамидов Г. Ш., Азимов А. А., Махмудов А. М., Ибрагимов Х. Н. в течение 9 часов были лишены свободы, у них было похищено табельное оружие: 2 пистолета ПМ и 4 автомата АКС-74.

Около 10 часов утра толпа численностью до 700 человек прорвала милицейское оцепление вокруг дома Хачилаева Н. М. и под предводительством Хачилаева М. М., вооруженного пистолетом, и Хачилаева Н. М., также вооруженного пистолетом, направилась на площадь им. В. И. Ленина к зданию Государственного Совета и Правительства Республики Дагестан. (В их числе находилась группа в количестве до 100 человек, вооруженная автоматическим стрелковым оружием, гранатометами.) На площади к Хачилаевым и возглавляемой ими толпе присоединились другие участники массовых беспорядков, численностью до 2000 человек. Количество вооруженных людей увеличивалось. Хачилаев М. М. и его брат Хачилаев Н. М. в течение часа призывали собравшихся на площади ворваться в здание Госсовета. Около 11 часов утра участники массовых беспорядков открыли огонь из автоматического стрелкового оружия, прорвали милицейское оцепление, проникли в здание Госсовета Республики Дагестан.

В здании вооруженные люди и другие участники беспорядков разгромили кабинеты, склады и другие помещения — всего уничтожили в здании Государственного Совета и Правительства Республики Дагестан оборудование, оргтехнику, инвентарь — имущество на сумму 1 911 431 руб. 93 коп. деноминированных рублей.

Кроме того, следствием установлено, что Хачилаев М. М. незаконно приобрел огнестрельное оружие и боеприпасы к нему: автоматы АКС-74У № 821763 и 117388, АКС-74 № 2462328, пистолет ПМ за № ЛГ 5576, который хранил и носил при себе, 3 гранаты Ф-1 с 3 запалами УРГЗМ-2 № 583, патроны калибра 5,45мм в количестве 221 шт. Боевые припасы и оружие использовал для своей охраны, передав их Мирзаеву И. Ш. и Магомедову Р. Ю., лицам, осуществляющим его охрану. При задержании Хачилаева М.М. и его охранников 09.09.1998 года около 12 час. 30 мин. в г. Махачкале на ул. Даниялова оружие и боеприпасы были изъяты.

10.09.1998 года в доме по ул. Котрова, 28 г. Махачкалы при обыске было обнаружено и другое огнестрельное стрелковое оружие, гранатометы, боеприпасы, взрывные устройства.

Боевое оружие по указанию Хачилаева М.М. было перенесено Ярахмедовым М.М. и Мусалаевым К.М. из дома по ул. Котрова, 32 в ночь с 09.09.1998 на 10.09.1998 года. Изъятые оружие, боеприпасы принадлежали Хачилаеву М.М., который приобрел все это при неустановленных обстоятельствах, а пулемет РПК за № ДЖ 0527 калибра 7,62 мм похитил из здания Госсовета 21.05.1998 года во время массовых беспорядков в г. Махачкале.

Теперь позволю себе привести показания некоторых потерпевших, обвиняемых и просто свидетелей.

Участвовавший в переговорах с Хачилаевыми в ночь на 21 мая 1998 года прокурор Махачкалы Салаутдинов С. А. показал, что 20 мая 1998 года, выехав на место происшествия, он увидел обстрелянную автомашину. Там было много работников милиции, которые находились в оцеплении дома Хачилаева Н. Во дворе дома было много вооруженных лиц. Он вошел внутрь

дома Хачилаевых, где встретился с Хачилаевым Надыром и предложил ему выдать лиц, стрелявших в работников милиции. В это время подошел Хачилаев Магомед и сообщил, что у них в заложниках находятся четыре работника милиции. Салаутдинов предложил им вернуть работников милиции и оружие, на что те согласились, но потребовали гарантии их безопасности, требовали убрать оцепление работников милиции. Не придя к единому мнению, он вышел из дома Хачилаевых и направился в МВД РД. Там находились министр внутренних дел и прокурор Республики Дагестан. Он доложил им обстановку и передал требования Хачилаевых. Министр внутренних дел Хачилаевых и предложил всем им сдать оружие и выйти из дома, что никаких гарантий им не дает и вести переговоры не собирается. После этого он и первый заместитель МВД РД Беев В. опять пошли на переговоры в дом Хачилаева Н., где опять состоялся трудный разговор о выдаче преступников и заложников.

Переговоры вновь ни к чему не привели. Хачилаев Н. сказал, что лиц, обстрелявших работников милиции, в доме нет, а вооруженные люди — это его друзья, пришедшие ему на помощь. Так переговоры продолжались до раннего утра.

Министр сельского хозяйства — свидетель Магомедов А. Х. показал, что в ночь на 21 мая 1998 года ему позвонил министр внутренних дел Абдуразаков, попросил приехать и разобраться с инцидентом, происшедшим на улице Титова. Приехав на место происшествия, он увидел, что дом Хачилаевых оцеплен работниками милиции. С ним до 6 час. 30 мин. утра в доме Надыра Хачилаева были прокурор Махачкалы Салаутдинов С. А., Алиев А. А., Газиев Г. М. В 6 час. 30 мин. утра была достигнута договоренность о выдаче одного преступника, оружия, изъятого у работников КАСКАДА, а также освобождения сотрудников милиции, находящихся в качестве заложников в доме Хачилаевых. После этого Магомедов уехал в Буйнакск.

Свидетель Алиев А. А. — заместитель председателя Народного Собрания РД. Он показал, что 20 мая 1998 года в полночь ему домой позвонил министр внутренних дел Абдуразаков и, объяснив обстановку в городе, попросил приехать в МВД, где уже находились Газиев Г. и прокурор города Махачкалы Салаутдинов С. А. Все они втроем поехали домой к Хачилаевым. Там во дворе находилось много молодых, вооруженных разными видами оружия людей.

В доме они встретились с Хачилаевыми Магомедом и Надыром, которые потребовали от Абдуразакова снять милицейское оцепление. Они приехали в МВД и передали Абдуразакову требования Хачилаевых. На это Абдуразаков ответил отказом и потребовал, чтобы они выдали преступников, стрелявших в работников милиции, а также оружие, хранившееся в доме. После этого они вновь поехали в дом Хачилаевых, где передали требования министра внутренних дел. Хачилаевы дали согласие выдать одного из подозреваемых, стрелявших в работников милиции, они сами точно не знали, кто именно стрелял. Затем они вновь вернулись к министру внутренних дел и передали требования Хачилаевых, на что тот не согласился.

21 мая 1998 года, находясь у себя в кабинете, он услышал стрельбу. Алиев собрал депутатов и пошел к Абдуразакову, чтобы принять правильное решение. В это время все слышали шум на площади...

Из показания потерпевших — Гамидова, Азимова, Ибрагимова и Махмудова, а также лиц, участвовавших в переговорах, следовало, что по прибытии к дому Хачилаева Н.М. четыре сотрудника милиции разоружены, захвачены заложниками и заперты в гараже.

Действиями лиц, применивших к ним насилие и незаконно лишивших свободы, в том числе Магомедова Р. Ю., руководили братья Хачилаевы — Магомед и Надыр. По их указанию принимались решения о заключении в гараж и освобождении работников милиции. При этом возвращены два пистолета ПМ, а четыре автомата возвращены не были.

Вина обвиняемого Хачилаева М.М. по эпизоду организации массовых беспорядков в части совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 212 УК РФ, а также хищении огнестрельного оружия — преступления, предусмотренного ч. 4 п.п. «а», «б» ст. 226 УК РФ несомненно подтверждалась материалами дела и особой сложности в оценке доказательств не представляла. Однако дело было непростым с точки зрения сбора доказательств и их закрепления.

Приведу еще некоторые показания, которые по крупинкам собирались нами тогда в ходе следствия. Они как нельзя лучше воспроизводят те драматические события.

Свидетель Магарамов И. Д. рассказал, что работал заместителем начальника УВД города Махачкалы. 21 мая 1998 года в 23 часа 30 мин. ему домой позвонил начальник смены и сообщил, что в районе улицы Титова произошла перестрелка, в процессе которой убит работник милиции, имеются раненые. Приехав на место происшествия, он распорядился оцепить дом и доложил обстановку министру. После полуночи поступила информация, что из дома Хачилаевых вышел прокурор города Махачкалы Салаутдинов и сказал, что с Хачилаевыми достигнута договоренность о выдаче стрелявшего сторонника Хачилаевых и возврате отнятого у работников милиции оружия. Для этого необходимо снять оцепление их дома.

Утром по рации он получил информацию, что со стороны оптового рынка по улице Дахадаева движутся около 150–200 человек. Проезжая по площади, увидел толпу вооруженных людей, идущую по парку. Он подъехал к зданию Госсовета, где уже находился начальник УВД Махачкалы Гаджимагомедов Г.

Часть людей ворвалась в здание. Гаджимагомедов в фойе здания просил Хачилаева убрать людей из здания. Гаджимагомедов и Хачилаев Надыр поднялись наверх здания, туда же проникла часть толпы, в том числе и люди, вооруженные автоматами, пулеметами, гранатометами и пистолетами. В это же время начался разбой, выбивались стекла и двери.

Сотрудник милиции Халилов А. Ш. свидетельствовал, что 20.05.1998 года около 24–00 он был поднят по тревоге. Сообщили о том, что расстреляны две патрульные машины с милиционерами. Он вместе с другими работниками после получения оружия был направлен на угол улиц Седого-Мичурина. До утра никаких перестрелок не было. После рассвета около 9-00 часов толпа разорвала оцепление и двинулась мимо дома Хачилаева Н. К ней присоединились вооруженные люди из дома Хачилаева. Среди толпы он увидел братьев Хачилаевых с оружием в руках.

Свидетель Гаджиев С. С. — главный врач Лакской больницы показал, что 21 мая 1998 года он находился у себя дома. Около 2 часов ему позвонил Шамиль, работавший в охране Хачилаева, и сказал, что Надыр просит его приехать к нему домой для оказания медицинской помощи. У дома Хачилаева Надыра его обыскали работники милиции, а затем пропустили. Он оказал медицинскую

помощь нескольким раненым. Утром все пошло на площадь. С ними пошел и он. По дороге на площадь Хачилаев Надыр говорил, чтобы люди воздерживались от лишней стрельбы. Они прибыли к зданию Госсовета, простояли некоторое время, а затем толпа хлынула в здание, стала все ломать. Затем приехал Председатель Госсовета РД Магомедов М.-А. М. Он вместе с Хачилаевыми прошел к себе в кабинет. После окончания переговоров он попрощался и ушел домой.

Допрошенный Ярбилов Я. К. рассказал, что был командиром отдельной роты по охране высших органов государственной власти РД. Их охраняемый объект — здание Госсовета и Правительства РД. В здании у них имеется оружейная комната, из которой они по необходимости получают оружие.

В 1 час 30 мин. 21 мая 1998 года он был поднят по тревоге. К 4 часам утра собрались 48 человек роты, которые были распределены по охраняемым объектам. Примерно в 10 час. 10 мин. они получили информацию, что с улицы Титова в сторону площади движется колонна вооруженных лиц. Тогда же они получили команду огонь не открывать. Толпа появилась на площади. В передних рядах шли женщины и подростки. Когда толпа оказалась от них на расстоянии двух метров, женщины и подростки стали разбегаться, они оказались лицом к лицу с вооруженными лицами. Их было около 300 человек. В руках — автоматы, пулеметы и гранатометы. Они стали бить стекла, выламывать двери. Толпа хлынула в фойе здания. Он остался прижатым к оружейной комнате, в которой уже находились вооруженные люди.

Выйдя из помещения, он заметил среди толпы Хачилаева Магомеда и Хачилаева Надыра, которые поднимались на второй этаж. Через некоторое время стали раздаваться автоматные очереди. Он получил команду выводить личный состав во двор здания, а затем, примерно через три часа, — оцепить здание. К этому времени переговоры руководства республикой Хачилаевыми закончились. Здание полностью было разгромлено. Хачилаев Надыр и Хачилаев Магомед находились в центре вооруженной толпы, и по обстановке было видно, что они руководили происходившими событиями. Братья Хачилаевы Магомед и Надыр постоянно призывали людей идти вперед, то есть в здание, при этом постоянно кричали: «Аллах Акбар!» Особенно дерзко вел себя Хачилаев Надыр. Он был вооружен автоматом.

Особый интерес представляет приобщенная к делу видеокассета. Из ее просмотра видно, как Хачилаев М.М. — лидер лакского движения — через мегафон призывал собравшихся ворваться в здание Государственного Совета.

В здании Госсовета, в кабинете его Председателя, Хачилаев М. М. и Хачилаев Н. М. предъявляли требования об уходе Председателя и Правительства в отставку.

Допрошенный Председатель Государственного Совета Республики Дагестан Магомедов М.-А. М. показал, что 21 мая 1998 года он находился в командировке в Москве, когда ему сообщили, что в республике, в Махачкале, беспорядки. Он сразу же вылетел в Махачкалу. В аэропорту Махачкалы его встретил Председатель Правительства РД Шихсаидов Х. И. и другие официальные лица, которые сообщили, что здание Госсовета и Правительства РД захвачено вооруженными людьми. Они сказали, что в Махачкалу ехать нежелательно и предложили устроить резиденцию прямо в аэропорту. Он не согласился и решил ехать в Госсовет и там во всем разобраться.

Примерно в 14 часов он прибыл к зданию Госсовета. На площади было много людей, в том числе и вооруженных. Внутри здания также были вооруженные люди, часть из которых — в масках. В здании Госсовета — беспорядок, кабинеты разбиты, мебель поломана. В своем кабинете он обнаружил, что его сейф взломан. Он и члены Правительства стали вести переговоры с представителями толпы, в частности с депутатом Госдумы Хачилаевым Надыром и его братом Хачилаевым Магомедом. Они ему сказали, что их явно преследуют, окружили их дом. Поэтому они пришли на площадь, в здание Госсовета. Магомедов пообещал братьям Хачилаевым разобраться со всеми их вопросами. После переговоров с братьями Хачилаевыми и другими лицами вооруженные люди покинули здание Госсовета и площадь.

Допрошенный свидетель — Председатель Правительства Республики Дагестан Шихсаидов Х. И. отмечал, что 21 мая 1998 года утром он пришел на работу, где ему доложили, что ночью были убиты работники милиции, а бандиты укрылись в доме депутата Госдумы Хачилаева Надыра. Он связался с министром внутренних дел и сказал ему, чтобы все проблемы по возможности были

решены мирным путем. Бандиты, стрелявшие в работников милиции, должны быть выданы немедленно и без всяких предварительных условий. Сам он тоже хотел принять участие в переговорах с Хачилаевыми, но через некоторое время получил информацию, что вооруженная толпа направляется в сторону площади им. В. И. Ленина. Тут же он получил информацию, что в Махачкалу прибывает Председатель Госсовета Республики Дагестан Магомедов М-А. М. Встретив в аэропорту Магомедова М-А. М., он ему объяснил ситуацию, и они сразу поехали в МВД РД, а оттуда в здание Госсовета и Правительства. Войдя в здание, они увидели много вооруженных людей в масках. Все было поломано и разбито. Они пошли в кабинет Председателя Госсовета. По пути встретили Хачилаева Надыра, который при разговоре вначале был агрессивен, а потом успокоился. Вместе с ним пошли в кабинет Магомедова М-А. М., где состоялся разговор о выходе из сложившейся ситуации. В результате все вооруженные люди покинули здание. В связи с массовыми беспорядками работа Правительства и Госсовета, их администраций была парализована в течение восьми часов. Хачилаева Надыра или каких-либо других вооруженных лиц он на границу с Чечней не посылал.

Факты массовых беспорядков, сопровождавшихся погромами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия и взрывных устройств на площади им. В. И. Ленина 21.05.1998 года подтверждался осмотром места происшествия — здания Государственного Совета и Правительства РД. Было установлено, что оконные стекла в здании разбиты, входные двери сорваны с петель, кабинеты взломаны, сейфы вскрыты, оргтехника и мебель повреждена или уничтожена, обнаружены ящики от боеприпасов, пули, гильзы.

Вина Хачилаева, Магомедова и Мирзаева по эпизодам незаконного приобретения, хранения, ношения огнестрельного оружия, боевых припасов, взрывных устройств, обнаруженных в момент их задержания, а также Хачилаева по эпизоду их обнаружения при обыске на ул. Котрова, 28 в ходе следствия была полностью установлена.

Согласно протоколу от 09.09.1998 года, у Магомедова Р. Ю. при задержании был изъят пистолет Макарова ПМ № ЛГ 5576 1966 года и магазин, снаряженный восемью патронами.

По заключению криминалистической экспертизы от 29.09.1998 года изъятые 3368 патронов калибра 7,62 мм являются боеприпасами — винтовочными патронами образца 1908 года, 10 267 патронов калибра 5,45 мм — боеприпасы к автомату конструкции Калашникова АК-74, 9170 патронов калибра 7,62мм — боеприпасы образца 1943 года к автомату АКМ, 750 патронов калибра 6,5 мм являются боеприпасами, 48 патронов калибра 14,5 мм — боеприпасы к крупнокалиберному пулемету КПВТ, 180 патронов 16-го калибра — боеприпасы для охотничьего огнестрельного оружия, 134 патрона 12-го калибра — боеприпасы к охотничьему оружию, 1 патрон калибра 12,7 мм — к пулемету ДШК.

Изъятые одиннадцать автоматов являются огнестрельным оружием конструкции Калашникова модели АКМ калибра 7,62 мм, один автомат — конструкции Калашникова модели АКС-74 калибра 5,45 мм, три ручных пулемета конструкции Калашникова модели РПК-74, снайперская винтовка конструкции Драгунова СВД калибра 7,62 мм.

Корпусы гранат Ф-1 в количестве 15 шт., корпусы гранат РГД-5 в количестве 26 шт. и взрыватели к ним типа УЗРГМ и УЗРГМ-2 — штатные боевые гранаты модели Ф-1 и РГД-5, изготовленные заводским способом, относятся к категории боевых припасов.

Предмет цилиндрической формы — штатная боевая граната типа ВМГ-К к подствольному гранатомету ПГ является боевым припасом осколочного действия.

9 сентября 1998 года Хачилаев М. М. был задержан, когда следовал с Магомедовым и Мирзаевым. При задержании Хачилаева М. М. и следовавших с ним в автомашине Магомедова Р. Ю. и Мирзаева И. Ш. обнаружены и изъятые три автомата с боеприпасами, три гранаты, а у Магомедова Р. Ю. изъят один пистолет ПМ.

Надыр Хачилаев был лишен депутатской неприкосновенности только после моего выступления на заседании Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Вскоре следствие было завершено. Обвинительное заключение было составлено в Махачкале 25 февраля 1999 года.

Участники массовых беспорядков Жалилов А. К., Ибрагимов Х. М., Абдулаева П. М., Колов Р. М., Рамазанов М. Г., Омаров О. Х., Магомедов Р. Ю., Гучучалиев М. Г., Сиражутдинов С. Ш. и организаторы Хачилаев Магомед Мугадович осуждены по ст. ст. 127 ч. 3, 226 ч. 4 п.п. а, б, ч. 1 ст. 212, 222 ч. 3, 222 ч. 3, 226 ч. 4 п.п. а, б УК РФ, а Хачилаев Надиршах Мугадович по ст. ст. 127 ч. 3, 226 ч. 4 п.п. а, б, ч. 1 ст. 212, 222 ч. 1 УК РФ.

В Дагестане расследовались нами и другие дела. Все помнят тревожное лето 1999 года, когда в августе произошли вооруженные мятежи в Цумадинском и Ботлихском районах Дагестана.

2 августа 1999 года шесть сотрудников ОМОН МВД Дагестана при проческе местности вблизи административной границы с Чеченской Республикой возле села Гигатли подверглись нападению со стороны вооруженных боевиков. В результате перестрелки были убитые и раненые.

В ночь на 3 августа 1999 года возле села Кочали вооруженные боевики напали на блокпост «Дача», охраняемый работниками Цумадинского РОВД и ОМОН МВД РД, в результате чего были убиты три сотрудника правоохранительных органов. Столько же захвачено в заложники. Со стороны боевиков также были убитые.

5 часов 7 августа 1999 года. Со стороны Чечни в Ботлихский район ворвались вооруженные группы боевиков численностью до 1000 человек во главе с Шамилем Басаевым и Хаттабом. Они заняли населенные пункты Ансалта, Рахата, Шондрода, Тандо, Зиберхали. Разоружили восемь сотрудников Ансолтинского поселкового отделения милиции. Само отделение захвачено, на зданиях сельских администраций вывешены черные и зеленые флаги.

На вопросы жителей Ш. Басаев отвечал, что «пришел по просьбе братьев из Цумадинского района отвлечь на себя федеральные войска, и не уйдет из Дагестана, пока не установит законы шариата».

По средствам массовой информации стали распространяться воззвания так называемой «Исламской Шуры Дагестана», созданной Ш. Басаевым в захваченных селениях Ботлихского района. В них содержались призывы к насильственному свержению законной власти в республике, изгнанию федеральных войск и созданию шариатского правления. Ситуация обострялась.

8 августа 1999 года. Начались широкомасштабные действия федеральных войск по ликвидации вторгшихся формирований. Бандиты яростно огрызались. В результате нападения боевиков убиты 8 сотрудников ОВД, ВВ — 5, МО — 74, ранены 295 человек. Прокуратура Республики Дагестан возбудила четыре уголовных дела по статьям 279, 208, 210 УК РФ. (Впоследствии соединены в одно производство.)

Первоначально дело расследовалось правоохранительными органами республики, 13 августа по моему указанию дело принял к производству старший следователь по ОВД Главка Умариев М. М. Совместно с прокуратурой, МВД, УФСБ Дагестана органами военной прокуратуры была создана следственно-оперативная группа в составе более 150 человек. Утвержден план расследования.

По каждому направлению был определен руководитель, сформированы группы, две из которых были откомандированы для проведения следственных и оперативных действий в Цумадинский и Ботлихский районы. В прокуратуре РД создан штаб по координации работы всех направлений и обобщению полученных следственных и оперативных материалов.

По делу признаны потерпевшими и допрошены несколько тысяч человек, осмотрены разрушенные селения и отдельные дома, определен предварительный материальный ущерб. Ознаны убитые и подсчитаны раненые военнослужащие, милиционеры и гражданские лица, проведены судебно-медицинские экспертизы. Выявлено девять захоронений боевиков (трупы эксгумированы).

Всего по этим событиям в отношении участников нападения в суды направлено 54 уголовных дела в отношении 63 лиц. Виновные осуждены по ст. ст. 279, 317, 210, 208, 222, 206 УК РФ.

Нельзя, безусловно, не вспомнить и о новолакских событиях, произошедших 5 сентября 1999 года. Около 2 часов ночи с территории Чеченской Республики через административную границу на территорию Новолакского района Республики Дагестан проникла группа вооруженных мятежников до 2000 человек. Они захватили села Тухчар, Чапаево, Гамиях, Шушия, а также райцентр селение Новолак.

По указанным обстоятельствам прокуратура Республики Дагестан 5 сентября 1999 года возбудила уголовное дело № 96887 по ст. 279 УК РФ — вооруженный мятеж. Дело расследовалось также следователями по особо важным делам Главка Генеральной прокуратуры РФ.

Всего по новолакским событиям в отношении участников нападения в суды направлено 33 уголовных дела в отношении 36 лиц. Виновные осуждены по ст. ст. 279, 210, 208, 222 УК РФ к длительным срокам лишения свободы. В настоящее время следствие проводится в отношении трех лиц. Они арестованы. Объявлен розыск еще 13 обвиняемых, среди них М. Удугов.

И совсем немного о других делах

Одно из событий, потрясших Россию, произошло 14 июня 1995 года. Банда под руководством Ш. Басаева напала на жителей и организации города Буденновска.

11-12 июня 1995 года Басаев Ш. и возглавляемая им банда выдвинулись в ущелье у села Дарго, где к ним присоединились другие участники незаконных вооруженных формирований.

В ночь на 14 июня 1995 года бандиты в количестве более 160 человек выехали в Ставропольский край. Прибыв к зданию Буденновского РОВД на двух КАМАЗах и ВАЗ-2106, участники банды открыли огонь из автоматического оружия и гранатометов по зданию.

Бой в здании РОВД и на прилегающих улицах продолжался в течение 15 минут. Уходя из ОВД, боевики захватили в заложники работников паспортно-визовой службы, буфета, посетителей райотдела. Затем боевики группами рассредоточились по улицам города и двинулись по направлению к площади, расположенной перед зданием городской администрации, на пересечении улиц Пушкинская и Октябрьская.

Там боевики ворвались в здание городской администрации, захватили в заложники ее работников и посетителей. Нападению также были подвергнуты Дом детского творчества, пожарная часть, здания инкассации, Сбербанка, Промстройбанка «Ставрополье», медицинского училища и другие расположенные недалеко от здания городской администрации организации, а также мирные граждане.

В результате оказались захваченными свыше 1500 заложников. Участники банды переместились в здание больничного комплекса и там удерживали заложников в условиях, опасных для жизни и здоровья, в течение 14–19 июня 1995 года. В первый день боевики отобрали среди заложников шесть мужчин и расстреляли их перед зданием главного корпуса больницы. 15

июня 1995 года, около 18 часов, в связи с неявкой в договоренное время представителей прессы на территорию больницы, по приказу Басаева были расстреляны еще пять человек.

14 июня 1995 года прокуратура Ставропольского края возбудила уголовное дело № 40035 по факту вооруженного нападения банды в количестве более 160 боевиков под руководством Ш. Басаева на организации и жителей города Буденновска (по ст. ст. 77, 79, 102, 126-1 и 213-3 УК РСФСР).

В городе сложилась крайне напряженная обстановка. С целью освобождения заложников, среди которых были женщины, дети и старики, 17 июня 1995 года, около 5 часов утра, силы спецподразделений ФСБ и МВД Российской Федерации предприняли попытку взять штурмом здание городской больницы.

Попытка эта не дала запланированных результатов. После штурма для освобождения заложников правительством России были проведены переговоры с Басаевым Ш. С. В результате была достигнута договоренность о предоставлении отряду Басаева транспорта для переезда в Веденский район Чеченской Республики.

19 июня 1995 года большая часть заложников была освобождена. Вместе с тем с собой террористы забрали 123 заложника из числа добровольцев, в том числе 20 журналистов, трех народных депутатов РФ, представителей администрации города Буденновска и Ставропольского края, которых 20 июня они освободили по прибытии в Чечню.

Итог вооруженного нападения банды, возглавляемой Ш. Басаевым, на город Буденновск: погибли 129 человек, в том числе 18 работников милиции и 17 военнослужащих; причинены огнестрельные ранения различной степени тяжести 415 гражданам; уничтожены 198 автомашин; подожжен Дом детского творчества; значительно пострадали здания городской больницы, отдела внутренних дел, городской администрации — всего 54 объекта, 107 домовладений частных лиц, захвачены в заложники более 1500 граждан. Общий ущерб составил 95 619 245 415 рублей.

Уголовные дела направлялись в суд по мере задержания участников нападения.

В связи с задержанием одной из участниц банды (Р. Дундаевой) следствие по приостановленному делу было возобновлено и 3 августа 2000 года принято к производству тогда уже заместителем начальника следственного управления Главка Умариевым М. М. В состав группы были включены следователь по ОВД Главка Курбанов М. А., оперативные работники прокуратур Ставропольского края, ФСБ и МВД.

Следствием установлено, что в 1995 году Басаев Ш. С. и другие лидеры незаконных вооруженных формирований, пытаясь сорвать процесс разоружения, с целью нападения на граждан и организации, приобрели огнестрельное оружие, взрывчатые вещества и взрывные устройства, создали устойчивую вооруженную группу (банду). Ее руководителем стал Басаев Ш.С.

Он и его подручные разработали план нападения на граждан и организации, определили ряд городов Российской Федерации и объекты нападений, распределили между собой роли и взяли на себя руководство. Конечной целью задуманного плана было добиться отделения Чеченской Республики от Российской Федерации. Для этого определены методы: захват большого количества заложников, совершение актов терроризма на территории одного из городов России, чтобы использовать это как средство шантажа и воздействия на органы власти Российской Федерации.

8 июня 2001 года в суд направлено уголовное дело по обвинению Дундаевой Р. Д., Якубова А. Н., Айдамирова В. К. по ст. ст. 126-1 ч. 2 УК РСФСР, 205 ч. 3, 209 ч. 2, 222 ч. 1 УК РФ и Даудова С. С. по ст. ст. 126-1 ч. 2, 191-2, 191-2, 102 п.п. «д, и, н» УК РСФСР, 205 ч. 3, 209 ч. 2, 162 ч. 3 п.п. «а, б», 162 ч. 3 п.п. «а, б, в», 222 ч. 1, 222 ч. 2, 327 ч. 1, 327 ч. 3 УК РФ, которое в дальнейшем судом соединено с уголовным делом по обвинению Асламкадирова, Бециева, Дукаева, Миталаева,

Тураева и Адамова. Приговором Ставропольского краевого суда от 23 марта 2002 года они признаны виновными и им назначены меры наказания в виде лишения свободы:

Асламкадирову Б.-А. Э. — 14 лет 6 месяцев; Бециеву Х. Э. — 15 лет; Дукаеву И. А. — 12 лет; Миталаеву Х. У. — 14 лет; Тураеву О. Г. — 14 лет 6 месяцев; Дундаевой Р. Д. — 11 лет; Якубову А. Н. — 15 лет; Айдамирову В. К. — 15 лет; Даудову С. С. — 16 лет; Адамову М. М. — 14 лет 6 месяцев.

Аналогично судом соединены уголовные дела по обвинению Дудашева И. В., Шахгериева Р. А., Ясакова Р. И., Газиева К. Р. и Гентиева М. Ш. Приговором от 3 июля 2002 года указанные лица осуждены к лишению свободы: Дудушев — к 15 годам, Шахгериев — к 14 годам 6 месяцам, Ясаков — к 14 годам 6 месяцам, Гентиев — к 9 годам 6 месяцам.

Розыск остальных террористов продолжается.

Кавказ был и остается сложным регионом. События в Чечне и Дагестане не дают возможности увидеть всю картину. На первом плане насилие, взрывы — вот что привлекает в первую очередь внимание. Это вполне справедливо, так как связано с жизнью людей. Но в повседневной жизни происходит и другое, о чем упоминается в сводках и быстро забывается. Потому что, слава Богу, все обошлось благополучно. В связи с этим вспоминается одно дело, не имеющее к терроризму прямого отношения, но тем не менее в свое время имевшее большой общественный резонанс. Поэтому хочу хотя бы бегло остановиться на нем особо, рассматривая возникшую там ситуацию прежде всего с точки зрения своевременного обуздания взрывоопасного момента.

Уголовное дело было возбуждено 16 мая 1999 года прокуратурой города Черкесска по факту закрытия 38 избирательных участков города в день выборов Главы республики, по признакам преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 141 УК РФ.

Следствием было установлено, что в ходе первого и второго туров выборов Главы Карачаево-Черкесской Республики был совершен ряд противоправных деяний, вызвавших рост межнациональной и межрелигиозной напряженности, поставивших республику на грань социального взрыва. Постоянные круглосуточные митинги на центральной площади Черкесска, столкновения между сторонниками различных кандидатов, прежде всего Деревы и Семенова, стали причиной того, что ситуация в республике руководством Главка была взята под особый контроль.

Я неоднократно выезжал в республику для решения самых острых проблем, связанных с совершением и угрозой совершения противоправных деяний. Несколько раз выступал в средствах массовой информации, на заседании Парламента и Правительства КЧР.

Помню, как в Черкесск с заместителем начальника Главка ГП РФ на СК Бирюковым Ю. С. мы прибыли утром 16 мая 1999 года, как только получили информацию о том, что из 52 избирательных участков города во втором туре голосования не начали работу 38. Наше присутствие на ряде избирательных участков во время второго тура голосования, общение с жителями Черкесска, выступление на республиканском телевидении 16 мая 1999 года помогли снять острейшую социальную напряженность, возобновить работу избирательных участков города. Это было очень важно с социально-политической точки зрения.

Далее о деталях дела: в ходе следствия было установлено, что председатель Черкесской избирательной комиссии Гавриленко А. А. в 4 часа утра 16.05.1999 года в нарушение закона КЧР «О выборах Главы Карачаево-Черкесской Республики», в целях воспрепятствования работе территориальной избирательной комиссии собрал членов избирательной комиссии и объявил им о сложении с себя полномочий председателя комиссии. В 5 часов утра Гавриленко собрал уже председателей участковых избирательных комиссий, объявил им о своем решении и рекомендовал председателям участковых избирательных комиссий также сложить свои полномочия и закрыть избирательные участки. В результате из 52 участковых избирательных

комиссий Черкесска 38 прекратили свою работу. Это лишило граждан возможности реализовать свои конституционные права.

Приговором Черкесского городского суда КЧР Гавриленко А. А. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 142 УК РФ и осужден.

Теперь, не прерывая хроники событий, хотелось бы опять вернуться в Чечню. Ибо там буквально через несколько месяцев после Карачаево-Черкесского противостояния произошли события, всколыхнувшие и взволновавшие, приковавшие к себе внимание общественности и правоохранительных органов. Дерзкое нападение 4 октября 1999 года было совершено на военнослужащих в/ч 34605.

Для расследования нами была оперативно создана следственно-оперативная группа. В ее состав вошли: прокурор отдела ГУ ГП РФ на СК Ткачев В. В., помощник прокурора Моздокского района Пелеванов С. Я., следователь прокуратуры Моздокского района Теркоев Р. В., следователи Моздокского РОВД Серебряков В. В., Кавазиди Г. Х., Мамонтов Н. В., старший о/у ОБ МВД РФ Тимошенко Д. П., Казаков А. В., Целинцев С. Г. и др. В ходе расследования состав группы неоднократно менялся. 21 октября 1999 года дело принял к производству прокурор отдела ГУ ГП РФ на СК Ткачев В. В. (сейчас он прокурор Волгоградской области).

Возбужденное по факту нападения участников незаконных вооруженных формирований на воинскую часть в р-не ст. Червленной 04.10.1999 года уголовное дело под кодовым названием «Война» фактически стало делом в отношении деятельности участников незаконных вооруженных формирований, действовавших на территории Чеченской Республики с 1996 по 1999 год.

72 члена незаконных воинских формирований предстали перед судом и осуждены по различным статьям Уголовного кодекса к длительным срокам лишения свободы. В отношении остальных применен акт амнистии. В ходе расследования уголовного дела «Война» заочно вынесено обвинение в совершении ряда преступлений А. Масхадову и Р. Гелаеву. Они объявлены в федеральный и международный розыск.

К сожалению, Басаев и Тимирбулатов были не единственными «дьяволами террора». Сколько еще их бродит по свету, сколько еще осталось в той же Чечне. Почти каждый день мне на стол ложатся сводки, свидетельствующие об этом. И хотя некоторые общественные и политические деятели говорят, что пик злодеяний пришелся на момент начала войны и ее кульминацию, а потом, мол, участники бандформирований присмирели. Увы, но это не так. Бесконечные нападения на мирных граждан и представителей власти, минный терроризм проявляются до сих пор. Ведь без постоянных угроз, насилия терроризм жить не может.

Последнее дело, на котором я хочу остановиться, будет дело о расстреле колонны Пермского ОМОНа, ибо это было недавно. Преступление совершено дерзко, а захваченные заложники публично изуверски умерщвлены.

В ночь с 28 на 29 марта 2000 года боевики под руководством Куттейбы общей численностью около 300 человек пришли в район с. Джаней-Ведено Веденского района Чеченской Республики. Утром, 29 марта, между боевиками и отрядом УВД Пермской области произошел бой. В нем приняли участие Атаев, Кузаалиев, Мирзаев, Магомедов, Умарбеков, Батиров и другие бандиты. В результате боя большая часть сотрудников ОМОНа была убита, 10 из них захвачены в заложники. Между селами Джаней-Ведено и Дарго все они были показательно казнены с особой жестокостью. Участие в казни принимали боевики чеченской национальности.

30 марта 2000 года в связи с вооруженным нападением в районе с. Джаней-Ведено Веденского района Чеченской Республики на совместную группу УВД Пермской области по поводу убийства свыше 40 сотрудников прокуратура Чеченской Республики возбудила уголовное дело по признакам преступлений, предусмотренных ст. 105 ч. 2 п.п. «а», «ж», 205 ч. 3, 208 ч. 2 УК РФ. Лица, совершившие преступление, сразу установлены не были.

Но скоро, уже 20 апреля 2000 года в Республике Дагестан были задержаны Китов Шамиль (житель КЧР) и Валиахметов Эдуард (житель Татарстана). В ходе проведения следственных и оперативно-розыскных мероприятий установлено, что Китов и Валиахметов были участниками незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики, проходили обучение в диверсионно-террористических лагерях, являлись непосредственными очевидцами и участниками нападения на сотрудников УВД Пермской области.

Главное управление на Северном Кавказе возбудило в отношении Китова и Валиахметова уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 208 УК РФ. Впоследствии оно было соединено с ранее возбужденным делом о нападении на группу сотрудников УВД Пермской области. Но что же еще установлено следствием?

В ходе допросов Китов и Валиахметов показали, что прошли обучение в диверсионно-террористических лагерях в городе Урус-Мартан и селе Сержен-юрт под руководством наемников — уроженцев арабских стран. Контактировали они не только с ними. В с. Ведено находились также боевики из числа жителей Республики Дагестан — Атаев Иманшамиль, Кузаалиев Хайрула, Мирзаев Ата, Батиров Гаджи, Умарбеков Наби (другое имя — Зубаир), Магомедов Махди и другие жители этой республики. Командовал боевиками араб по имени Куттейба.

16 июня 2000 года по показаниям тех же Китова и Валиахметова задержаны и арестованы по обвинению по ст. 208 ч. 2 УК РФ жители села Карамахи Республики Дагестан Кузаалиев Х. Ш., Атаев И. М., Мирзаев А. М., а 9 сентября 2000 года из Баку экстрадирован объявленный в розыск Батиров Г. Б.

Приговором Верховного суда Республики Дагестан от 25.06.2001 года Батиров, Кузаалиев, Магомедов, Мирзаев, Китов и Валиахметов осуждены к длительным срокам лишения свободы.

Остальные террористы объявлены и находятся в розыске. Но рано или поздно все они обязательно будут задержаны и непременно предстанут перед судом.

Народ России, да и многие люди за рубежом внимательно следят за положением на Северном Кавказе, откуда сводки зачастую напоминают боевые. Все еще слышны взрывы на дорогах, неспокойно в городах и селениях. Но это уже агония боевиков. Власть все крепче утверждается на местах. Здравомыслие начинает торжествовать.